

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бархатов Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Болдырев Николай Николаевич**, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Бузгалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор университета Париж-Дофин (Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

В. И. Бархатов, доктор экономических наук, профессор, главный редактор научного направления (Челябинск); **Д. С. Бенц**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **А. В. Горшков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **А. Ю. Даванков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Ю. Ш. Капкаев**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. В. Ким**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. Д. Колмакова**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Коркина**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. Н. Мильчакова**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Г. И. Немченко**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **М. А. Пестунов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Д. А. Плетнёв**, кандидат экономических наук, доцент, ответственный секретарь редакционной коллегии (Челябинск); **Г. Н. Пряхин**, доктор экономических наук, доцент, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **В. В. Седов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Д. А. Сорокин**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Е. А. Степанов**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск)

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Экономические науки»:
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576
Тел. (351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
www.csu.ru
(раздел Наука/Вестник ЧелГУ)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректра М. В. Трифионовой
Верстка М. В. Трифионовой

Подписано в печать 24.05.22.
Выход в свет 24.05.22.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 27,2.
Уч.-изд. л. 23,5.
Тираж 500 экз. Заказ 228.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Cand. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

V. I. Barkhatov, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia);
N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia);
Y. A. Bubnov, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia);
A. V. Buzgalin, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Lomonosov Moscow State University, Russia);
E. I. Golovanova, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia);
M. R. Zheltukhina, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia);
R. M. Katchalov, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia);
A. B. Nevelev, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia);
R. M. Nizhegorodtsev, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia);
S. A. Pitina, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia);
J. Richard, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University France).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

V. I. Barhatov, Dr. Sci. (Economics), Prof., Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk);
D. S. Bents, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk);
A. V. Gorshkov, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk);
A. Y. Davankov, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk);
Yu. Sh. Kapkajev, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk);
N. V. Kim, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk);
I. D. Kolmakova, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk);
T. A. Korkina, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk);
N. N. Milchakova, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen);
G. I. Nemchenko, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen);
M. A. Pestunov, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk);
D. A. Pletnev, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Executive Secretary of Editorial Board (Chelyabinsk);
G. N. Pryakhin, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk);
V. V. Sedov, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk);
D. A. Sorokin, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk);
Ye. A. Stepanov, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Economic Sciences"
editorial office's address:
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia
Tel.: +7(351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
www.csu.ru

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate ПИ № ФС77-66312

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *M.V. Trifonova*
Imposition by *M.V. Trifonova*

Approved for printing 24.05.22.
Date of publication 24.05.22.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 27,2.
Ac.-publ. sh. 23,5.
Circulation 500 copies.
Order 228. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

Бархатов В. И., Плетнёв Д. А. Плохие ученики 7

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Артемова О. В., Меленькина С. А., Савченко А. Н. Основные подходы и методический
инструментарий оценки качества жизни населения. 10

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Бархатов В. И. Инновационный потенциал регионов в условиях неопределённости
и возрастающих рисков 21

Лаптева И. П., Гришина Е. Н. Современное состояние и перспективы развития рынка жилья
на региональном уровне. 30

Ямилов Р. М. Административно-территориальная реформа: этнический контекст
государственного и муниципального управления
(на примере Удмуртской Республики) 39

Бенц Д. С. Долгосрочные тренды межрегиональной дифференциации. 56

Саламатов А. А., Даванков А. Ю., Малыгин Н. В. Социально-экономические последствия
пандемии COVID-19: качество жизни населения в Челябинской области
в сравнении с Уральским федеральным округом и Россией 72

Резвякова И. В., Лиленко А. Т. Проекция бюджетной политики Норвегии на Россию 81

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

Плетнёв Д. А., Степанов Е. А., Буй Н. Х., Козлова Е. В., Наумова К. А., Казадаев М. С.
Факторы формирования и реализации стратегий компаний в условиях 2022 года 90

Грахов В. П., Кислякова Ю. Г., Симакова У. Ф. Алгоритм оценки инвестиционного потенциала
проектной организации 102

Николаева Е. В. Экономические факторы стратегий крупнейших российских корпораций
в ведущих отраслях промышленности 113

Галкин Д. Г. Органическое и традиционное сельское хозяйство: сравнительная экономика 123

Тараданов А. А., Пахомова Я. Н., Трушина И. А., Лисичкина А. Г. Предикторы успешной
экономической социализации 131

Козлов В. Н., Романенкова Д. Ф. Состояние подготовки в российских вузах лиц с инвалидностью 142

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Лаврентьева И. В., Топузов Н. К., Владыкина Л. Б., Руденко Д. С. Формирование модели
родительской компетентности в процессе воспроизводства будущих трудовых
ресурсов 153

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

<i>Белова И. А.</i> Анализ факторов, влияющих на развитие онлайн-обучения в России	161
<i>Зотиков Н. З.</i> Изменения в специальные налоговые режимы, их влияние на развитие малого бизнеса	173
<i>Бенц Д. С.</i> О сохранности населения муниципальных образований Челябинской области	187
<i>Агаярова А. А.</i> Влияние пандемии на миграционные процессы в Азербайджане	196
<i>Плетнёв Д. А., Попова А. В., Мурашкин С. В.</i> Экономические драйверы декарбонизации	201
<i>Силова Е. С.</i> Современные тенденции российского корпоративного управления	210

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

<i>Киртянова А. А., Иванова Е. А., Ким Е. О., Ирхин Д. А.</i> Эффективность российских корпораций: взгляд со стороны различных субъектов	215
<i>Бычкова А. А.</i> Современный экономический кризис в транспортной отрасли на территории России.	228
<i>Ретракция статьи</i>	234

CONTENTS

EDITORIAL

<i>Barkhatov V. I., Pletnev D. A.</i> Bad students	7
--	---

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Artemova O. V., Melen'kina S. A., Savchenko A. N.</i> The main approaches and methodological tools for estimating the quality of life of the population	10
--	----

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

<i>Barkhatov V. I.</i> Innovative potential of regions in contexts of uncertainty and increasing risks	21
<i>Lapteva I. P., Grishina E. N.</i> Current state of the housing market and prospects for its development at the regional level	30
<i>Yamilov R. M.</i> Administrative and territorial reform: ethnic context of state and municipal administration (on the example of the Udmurt Republic)	39
<i>Benz D. S.</i> Long-term trends of interregional differentiation	56
<i>Salamatov A. A., Davankov A. Yu., Malygin N. V.</i> Socio-economic consequences of the COVID-19 Pandemic: the quality of Life of the Population in the Chelyabinsk Region in comparison with the Ural Federal District and Russia	72
<i>Rezvyakova I. V., Lilenko A. T.</i> Projection of Norway's budget policy on Russia	81

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

<i>Pletnev D. A., Stepanov E. A., Bui N. K., Kozlova E. V., Naumova K. A., Kazadayev M. S.</i> Drivers of the development and implementation of firm strategies in 2022	90
<i>Grakhov V. P., Kislyakova Yu. G., Simakova U. F.</i> Algorithm for assessment of investment potential project organization	102
<i>Nikolaeva E. V.</i> Economic factors of the largest russian corporations strategies in leading industries . .	113
<i>Galkin D. G.</i> Organic and conventional agriculture: a comparative economy	123
<i>Taradanov A. A., Pakhomova Y. N., Trushina I. A., Lisichkina A. G.</i> Predictors of successful economic socialization	131
<i>Kozlov V. N., Romanenkova D. F.</i> State of training in Russian universities for persons with disabilities	142

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

<i>Lavrentieva I. V., Topuzov N. K., Vladykina L. B., Rudenko D. S.</i> Formation of a model of parental competence in the process of reproduction of future labor resources	153
--	-----

REVIEWS AND DISCUSSIONS

<i>Belova I. A.</i> Analysis of factors influencing the development of online learning in Russia	161
<i>Zotikov N. Z.</i> Changes in special tax regimes, their impact on small business development	173
<i>Benz D. S.</i> On the preservation of the population in Chelyabinsk Region municipalities	187
<i>Aghayarova A. A.</i> Impact of the pandemic on migration processes in Azerbaijan	196
<i>Pletnev D. A., Popova A. V., Murashkin S. V.</i> Economic drivers of decarbonization	201
<i>Silova E. S.</i> Current trends in Russian corporate governance	210

A FRESH LOOK

<i>Kirryanova A. A., Ivanova E. A., Kim E. O., Irkhin D. A.</i> The effectiveness of Russian corporations: a view from various subjects	215
<i>Bychkova A. A.</i> The current economic crisis of the transport industry in Russia	228
<i>Retraction</i>	234

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

EDITORIAL

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 7–9. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(4(462):7-9. ISSN 1994-2796 (print).

Редакторская статья

УДК 378

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10401

ПЛОХИЕ УЧЕНИКИ

Виктор Иванович Бархатов¹, Дмитрий Александрович Плетнёв²✉

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ ecoba@csu.ru

² pletnev@csu.ru✉

Для цитирования: Бархатов В. И., Плетнёв Д. А. Плохие ученики // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 7–9. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10401.

Editorial article

BAD STUDENTS

Victor I. Barkhatov¹, Dmitriy A. Pletnev²✉

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ ecoba@csu.ru

² pletnev@csu.ru✉

For citation: Barkhatov VI, Pletnev DA. Bad students. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):7-9. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10401

Среди дискуссий на «горячие» темы 2022 года — и энергетический кризис, и геополитические изменения, и возможные варианты будущего. Широкий набор используемых научных подходов: и международные финансы, и кейнсианство, и политическая экономия, и мир-системный анализ, и даже меркантилизм. При этом один из теоретических подходов к пониманию происходящих процессов, удостоенный Нобелевской премии и преподаваемый, пожалуй, во всех ведущих университетах мира, пока незаслуженно забыт и отложен в сторону. Речь о теореме Коуза.

Напомним кратко её суть: (1) В случае нулевых транзакционных издержек независимо от того, как изначально распределяются права [собственности на ресурсы], переговоры между сторонами приведут к оптимальному по Парето распределению ресурсов; (2) в случае ненулевых транзакционных издержек разные определения распределения прав приведут к различному распределению

ресурсов. Главное следствие этой теоремы — для достижения равновесных, эффективных состояний экономики необходимо установление системы прав собственности, а любые неопределённости в этом отношении — причина «институциональных ловушек» и в целом отсутствия экономического роста и развития.

Казалось бы, при чем здесь 2022 год и теорема Коуза? Ответ прост: в системе международных отношений, базирующихся на принятых под эгидой ООН основополагающих документах, закрепляются права каждой страны (в том числе на безопасность). Так получилось, что в современном мире, кроме наличия прав как таковых, необходим и внутренний механизм «санкций» (не в вульгаризированном политическом значении, а в исходном — как плата за нарушение следования правилам). И та страна, которая способна реализовывать санкционный механизм, может реализовать своё международно признаваемое право. Специальная военная операция, начатая Россией 24.02.2022 года, — как раз ме-

ханизм таких санкций (в исходном, институциональном значении) за нарушение права России на безопасность. И итогом СВО могло стать два исхода: (1) санкции достаточны для признания за Россией права на безопасность и удовлетворение её требований; (2) санкции игнорируются по причине отказа России в праве на безопасность. Пока то, что мы наблюдаем, близко ко второму исходу. Но теперь давайте вернёмся к теореме Коуза. Предварительно оговорим, что в условиях военных действий переговоры об их завершении для стран-участников — это не источник трансакционных издержек, а средство их обнуления или даже превращения в «трансакционные выгоды», так как результатом будут сохранённые жизни, материальные и иные ресурсы. Значит, имеет место первый случай. То есть для достижения Парето-оптимального состояния в российско-украинских (или лучше шире сказать, в российско-западных) делах необходимо просто признание за странами тех прав, которые они могут обеспечить своими санкциями (читай — военной или экономической силой). И в этом случае военные действия были бы закончены, требования России удовлетворены, Украина, ЕС и другие страны получили бы выгоды от продолжения экономического сотрудничества на евразийском пространстве. Более того, в долгосрочной перспективе, если добиться перманентно низкого уровня трансакционных издержек в международных отношениях (читай — иметь высокую договороспособность), то в итоге распределение прав собственности придёт к своему равновесному состоянию. Если Украине суждена европейская интеграция, она всё равно состоится; если суждена евразийская, то будет она. Равно как и любой другой исход. Однако этого не происходит, Украину её партнёры убеждают в том, что и у неё есть не только право на территориальную целостность, но и механизм принуждения к исполнению этих прав (в виде политических заявлений и поставок военной техники и боеприпасов, а также нового и нового финансирования). Иными словами, нарушается второе условие теоремы Коуза — права собственности не распределены, у разных сторон существенно разное представление о том, какие права у кого фактически есть. И по этой причине конфликт продолжается и не находит своего разрешения.

Другой теоретически обоснованный институционалистами вопрос — вопрос об институциональном устройстве, также ярко иллюстрируют мировые события 2022 г. Чтобы институт

работал (по мнению неонституционалистов), необходимы: чётко сформулированное правило, понятная и однозначно трактуемая санкция за неисполнение и механизм исполнения этой санкции. Возьмём, к примеру, налоги: есть зафиксированное в законе правило уплаты налога, есть понятное наказание за неуплату, есть действенный механизм контроля. И поэтому налоги платятся, по большей части в полном объёме и в срок. А теперь посмотрим на западные «санкции» в отношении России. По сообщениям в СМИ, их введено уже более 10 000, что является своеобразным рекордом. При этом вызывают сомнения все три компонента, описанные выше: «правило» — часто поводом для введения новых санкций являются бездоказательные обвинения со стороны СМИ и политиков, то есть правила как такового нет — «был бы повод». «Санкция» — судя по экономическим результатам на апрель 2022 г., когда схлынули спекулятивные и панические настроения, — гораздо больший ущерб понесли сами западные страны, в то время как для России новая экономическая реальность несёт новые возможности для реиндустриализации и преодоления сырьевой догоняющей модели развития (если воспользоваться этими возможностями правильно). «Механизм исполнения» — уже появляются сценарии, при которых западные же компании и страны сами изобретают способы обойти свои же санкции (например, «смешивая» российскую нефть с нефтью других стран), а также покупая её через посредников. Не работает ни один из элементов, необходимых для нужной Западу институциональной структуры. При этом политики и эксперты на Западе убеждены в обратном: «нужно только подождать». А то, что по ряду санкционных позиций ожидание длится уже 8 лет, их не смущает. Видимо, они невнимательно изучали теорию вопроса, когда были студентами. Или забыли её напрочь.

Возникает вполне резонный вопрос: все те европейские и украинские чиновники, которые учились в «лучших» университетах и наверняка, в курсах по Public Administration проходили и теорему Коуза, и следствия из неё, неужели не понимают, что затягивание военного конфликта, насыщение оружием Украины и поддержка её в стремлении продолжать военные действия — это движение в противоположном направлении от Парето-оптимального состояния. И чем дольше это будет продолжаться, тем хуже будет для экономического состояния и развития, в первую

очередь, самой Украины, и уже потом — Европы. Или понимают, но в их системе координат блага для Украины и Европы (в широком смысле) нет.

Очень скорое будущее покажет, какой из вариантов ближе к истине.

Информация об авторах

В. И. Бархатов — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the authors

V. I. Barkhatov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Institute of Economics of Industry, Business and Administration.

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of the Institute of Economics of Industry, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 28.04.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 28.04.2022; approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 20.05.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 10–20. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(4(462):10-20. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 330.59

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10402

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Ольга Васильевна Артемова¹, Светлана Анатольевна Меленькина²,
Анастасия Николаевна Савченко^{3✉}

^{1,2,3} Челябинский филиал Института экономики Уральского отделения РАН, Челябинск, Россия

¹ artemova.ov@uiec.ru, ORCID: 0000-0003-4021-9739

² melenkina.sa@uiec.ru, ORCID: 0000-0002-4149-2975

³ savchenko.an@uiec.ru, ORCID: 0000-0001-9736-3489

Аннотация. Стратегической целью развития стран, регионов является обеспечение достойного уровня и качества жизни населения. При этом важна обоснованная оценка качества жизни, которая позволяет принимать адекватные и эффективные управленческие решения по достижении этой цели. В статье предложен обзор существующих методик с целью систематизации представленных в научной литературе подходов к оценке качества жизни населения. Показано, что наряду с изменением потребностей и условий жизнедеятельности людей эволюционируют и подходы, связанные с обоснованием различных компонентов качества жизни и их оценкой. Авторами проведён компаративный анализ современных отечественных подходов к оценке качества жизни населения, выявлены основные подходы при разработке авторских методик (основанные на показателях официальной статистики; на субъективных оценках с позиций удовлетворённости населения качеством жизни и др.). Проанализированы зарубежные методики оценки качества жизни. Исследован методический инструментарий оценки уровня и качества жизни населения, используемый на международном уровне. Выделены аспекты, которые требуют дальнейшего исследования, в частности, разработки методического инструментария оценки качества жизни населения с учётом особенностей этапов социально-экономического развития регионов РФ и их специфики.

Ключевые слова: качество жизни, методический инструментарий оценки, зарубежные подходы к оценке качества жизни, отечественные подходы к оценке качества жизни, социальные стандарты

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ для Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг.

Для цитирования: Артемова О. В., Меленькина С. А., Савченко А. Н. Основные подходы и методический инструментарий оценки качества жизни населения // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 10–20. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10402

Original article

THE MAIN APPROACHES AND METHODOLOGICAL TOOLS FOR ESTIMATING THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION

Ol'ga V. Artemova¹, Svetlana A. Melen'kina², Anastasiya N. Savchenko^{3✉}

^{1,2,3} Leading Researcher, Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia

¹ artemova.ov@uiec.ru, ORCID: 0000-0003-4021-9739

² melenkina.sa@uiec.ru, ORCID: 0000-0002-4149-2975

³ savchenko.an@uiec.ru, ORCID: 0000-0001-9736-3489

© Артемова О. В., Меленькина С. А., Савченко А. Н., 2022

Abstract. The strategic goal of countries and regions development is to ensure a decent standard and quality of life of the population. At the same time, a reasonable assessment of the quality of life is important, which allows you to make adequate and effective management decisions to achieve this goal. The article provides an overview of existing methods in order to systematize the approaches presented in the scientific literature to assess the quality of life of the population. It is shown that along with changes in the needs and living conditions of people, approaches related to the justification of various components of the quality of life and their assessment are also evolving. The authors conducted a comparative analysis of modern domestic approaches to assessing the quality of life of the population, identified the main approaches in the development of author's methods (based on official statistics, subjective assessments from the standpoint of satisfaction with the quality of life of the population, etc.). Analyzed foreign methods for assessing the quality of life. The methodological tools for assessing the level and quality of life of the population used at the international level are investigated. The article highlights aspects that require further research, in particular, the development of methodological tools for assessing the quality of life of the population, taking into account the peculiarities of the stages of socio-economic development of the regions of the Russian Federation and their specifics.

Keywords: quality of life, methodological assessment tools, foreign approaches to assessing the quality of life, domestic approaches to assessing the quality of life, social standards

Acknowledgments: The article has been prepared in the framework of the state task of the Russian Ministry of Science and Higher Education to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2021–2023.

For citation: Artemova OV, Melen'kina SA, Savchenko AN. The main approaches and methodological tools for estimating the quality of life of the population. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):10-20. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10402

Введение

Вектор развития большинства стран и регионов направлен на достижение достойного уровня и качества жизни населения. Одним из базовых индикаторов качества жизни населения (КЖН) является индекс человеческого развития (ИЧР), который традиционно используется для сопоставления стран и регионов. По информации аналитиков в рейтинге стран по ИЧР в 2019 г. в тройке лидеров были Норвегия, Ирландия и Швейцария; Россия занимала лишь 52-е место [9]. Это свидетельствует об отставании нашей страны от развитых стран по уровню доходов населения, ожидаемой продолжительности жизни, уровню образования, то есть тех общепринятых ориентиров, которые и характеризуют надлежащее качество жизни населения. Кроме того, отметим

неблагоприятный симптом: в России динамика ИЧР довольно длительный период демонстрирует слабый повышательный тренд, о чём свидетельствует незначительный среднегодовой прирост ИЧР, который составлял в период 2013–2019 гг. всего 0,61 %. [9]. В регионах РФ наблюдается значительная дифференциация по параметрам качества жизни населения, значительный разрыв по КЖН между регионами-лидерами и регионами-аутсайдерами.

Динамика ИЧР в РФ, регионе-лидере (г. Москва), регионе-аутсайдере (Республика Тыва) показана на рис. 1.

Приведённые сопоставления показывают, что вопрос повышения качества жизни населения не теряет своей актуальности в силу ряда причин: необходимости достижения достойного уровня

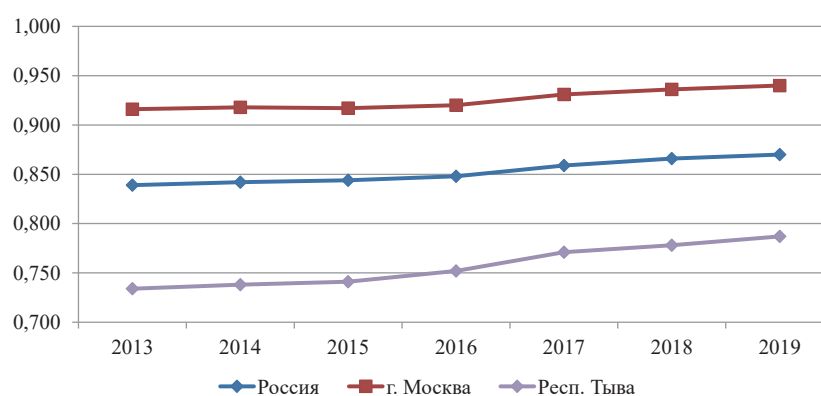

Рис. 1. Динамика индекса человеческого развития российских регионов в 2013–2019 гг. [9]

Fig. 1. Dynamics of the human development index of Russian regions in 2013–2019 [9]

жизни населения, сопоставимого с уровнем развитых стран и регионов-лидеров РФ; учёта особенностей развития стран и регионов; объективных ограничений в жизнедеятельности людей, вызываемых кризисными периодами развития, в том числе эпидемическими волнами, и др. Одновременно с констатацией того, что КЖН является комплексным синтетическим понятием, отражающим многообразие и развитие потребностей и условий жизни людей, а также накоплением знаний и технологий изучения данного предмета, возникает необходимость систематизации подходов и применяемого методологического инструментария оценки КЖН. При этом важным аспектом для исследования остаётся вопрос о территориальной привязке при оценке качества жизни (страна, регионы страны с федеративным устройством, города разного статуса и численности и др.). В этом контексте речь, как правило, идёт о дифференциации территорий по уровню развития, что отражается в разбросе оценок качества жизни. В настоящее время неопределённость и турбулентность социально-экономических процессов сопряжены с усилением социально-экономической дифференциации регионов нашей страны. Обеспечение равных базовых условий для проживания людей на разных территориях страны вызывает необходимость более пристального внимания к оценке качества жизни населения в региональном аспекте.

Поставленные вопросы и проблемы определили цель данного исследования, которая состоит в анализе и систематизации представленных в научной литературе подходов и методологического инструментария оценки качества жизни населения. В статье показано, что наряду с изменением потребностей и условий жизнедеятельности людей эволюционируют и подходы, связанные с обоснованием различных компонентов качества жизни и их оценкой, а имеющаяся теоретическая база по вопросам КЖН может быть использована для дальнейших исследований.

Материалы и методы исследования

Большинство российских и зарубежных учёных в своих исследованиях качества жизни населения применяют несколько основных подходов: объективный, использующий официальные статистические данные; субъективный, основанный на оценке удовлетворённости населения качеством жизни; комбинированный, сочетающий в себе объективный и субъективный подходы.

Безусловно, нет единого универсального подхода к выбору показателей оценки качества жизни

населения. Оценка КЖН территории вариативна и проводится в зависимости от целей и задач исследования. При этом есть трудности в сравнении подходов и результатов оценки КЖН, поскольку многие советские, российские и зарубежные методики несопоставимы (по объекту исследования, статистической базе, системе показателей, расчёту субиндексов и интегральных индексов), что вызывает проблемы информационного и методологического характера. В этом контексте представляет интерес исследование «портфеля» методического инструментария для оценки КЖН различных территориальных образований.

Результаты исследования и их обсуждение

Авторами проведён компаративный анализ современных методик, предлагаемых российскими исследователями качества жизни населения (табл. 1).

Анализируя различные подходы к оценке КЖН, представленные в табл. 1, отметим важные моменты. А. П. Егоршин и А. К. Зайцев в своей методике определили корреляционно-регрессионную зависимость между макропоказателем ВРП и интегральным показателем качества жизни, который рассчитывается на основе 70 показателей.

Сложную динамическую модель оценки качества жизни населения предлагают другие авторы — Д. А. Гайнанов и Е. Ш. Закиева — на основе применения интеллектуальных алгоритмов и динамического моделирования. Методика предполагает использование инструментария сбалансированной системы показателей, а также экспертную оценку в части назначения баллов и весов [8].

Предлагаемый Р. А. Баркенхоевой динамический подход к оценке уровня и качества жизни населения рассматривает социо-эколого-экономическую систему как некую макросистему, находящуюся в неравновесии и стремящуюся к устойчивости [2].

С. В. Крюков оценивает уровень жизни и качество жизни населения на основе пространственной модели с применением динамической оценки. При этом для оценки используются два статистических показателя: среднедушевые доходы, демонстрирующие уровень жизни, возможность удовлетворять жизненные потребности, и ожидаемая продолжительность жизни, отражающая качество жизни [11].

Методика Е. В. Тиньковой и Е. Г. Кузнецовой основана на зависимости качества жизни от уровня развития производственного потенциала. Однако авторы выдвигают данную зависимость

**Компаративный анализ современных отечественных подходов
к оценке качества жизни населения**

Comparative analysis of modern domestic approaches to assessing the quality of life of the population

Методика	Критерий сравнения	Объект оценки	Метод оценки
<i>Методики, основанные на показателях официальной статистики</i>			
Интегральный показатель качества жизни А. П. Егоршина, А. К. Зайцева [8]		Четыре индикатора: финансово-экономический, медико-экологический, материального и духовного благосостояния	Методом экспертных оценок определены весовые коэффициенты групп показателей качества жизни. В основе методики расчёта показателей лежит балльный метод
Оценка КЖН на основе применения интеллектуальных алгоритмов и динамического моделирования Д. А. Гайнанова, Е. Ш. Закиевой [8]		Оцениваются три подсистемы: 1) политическая, 2) экономическая, 3) социальная и духовно-культурная	Динамическая модель оценки качества жизни представлена в виде непрерывных нелинейных дифференциальных уравнений
Динамический подход к оценке уровня и КЖН Р. А. Баркенхоевой [2]		Оценка проводится по трём аспектам устойчивого развития: экономическому, социальному, экологическому	Каждый показатель оценивается в динамике и с учётом весового коэффициента
Динамическая оценка уровня и КЖН региона на основе пространственной модели С. В. Крюкова [11]		Оценивается уровень и КЖН региона по относительному месту расположения конкретного региона в пространстве двух координат «уровень жизни — среднедушевые доходы» и «качество жизни — ожидаемая продолжительность жизни»	Оценка в рамках двухфакторной модели, использование графического анализа
Методика, основанная на зависимости качества жизни от уровня развития производственного потенциала, Е. В. Тиньковой, Е. Г. Кузнецовой [16]		Формируются блоки показателей, проводится анализ количественной взаимосвязи между группами показателей по кластерам, выявляется соответствие уровня развития производственного потенциала и КЖН	Кластерный и факторный анализ
Оценка КЖН на основе оценки уровня платёжеспособного спроса населения Е. П. Лидинфа, С. В. Барановой [13]		Оценка показателей доходов населения	Методы сравнения и ранжирования в региональном разрезе
Оценка КЖН региона методами многомерного факторного анализа Я. А. Лещенко, А. А. Лисовцова [17]		Анализ широкого спектра факторов окружающей среды и условий жизнедеятельности	Один из методов многомерного факторного анализа — метод главных компонент
<i>Методики, использующие субъективные оценки населения</i>			
Оценка «субъективного восприятия КЖН региона» А. И. Россошанского [15]		В основу методики заложена иерархическая система качества жизни, представляющая собой «дерево» свойств, которое включает три уровня	Оценка проводится по данным опроса населения. Выявляются факторы КЖН по группам, каждому фактору придаётся вес, проводится расчёт подиндексов
Методический подход к измерению КЖН региона О. А. Козловой, Т. В. Гладковой, М. Н. Макаровой, Е. Х. Тухтаровой [10]		Оценка КЖН региона включает: а) комплексную объективную оценку — статистические показатели; б) комплексную субъективную оценку — результаты социологического онлайн-опроса	Индекс качества жизни и синтетический индекс удовлетворённости населения по каждому блоку рассчитываются как среднее арифметическое от частных индексов

Окончание табл. 1
Table 1 (end)

Методика	Критерий сравнения	Объект оценки	Метод оценки
Оценка цифровой составляющей КЖН в регионах Российской Федерации Г. П. Литвинцевой, А. В. Шмакова, Е. А. Стукаленко, С. П. Петрова [14]		Оценка включает: обеспеченность цифровыми благами населения, цифровые компетенции, качество трудовой жизни и социальной сферы в условиях цифровизации, электронные государственные услуги населению и безопасность информационной деятельности населения	Комбинированная методика (статистические данные и результаты социологических опросов)
Интегральный индикатор качества жизни С. А. Айвазяна [1]		Методика включает оценку пяти интегральных блоков: качество населения, благосостояние населения, качество социальной сферы, качество экологической ниши, природно-климатические условия	Отбор априорных показателей, мультиколлинеарность, метод парных корреляций. Многокритериальное ранжирование, факторный анализ
Интегральный индекс субъективного КЖН Л. А. Беляевой [3]		Опрос населения по аспектам качества жизни: 1) уровень (благосостояние), 2) качество социальной среды, 3) социальное самочувствие и безопасность, 4) наличие возможностей для свободы выбора и самореализации	По каждой группе вопросов рассчитывается общий индекс, синтезирующий несколько показателей, затем четыре общих индекса объединяются в композитный индекс качества жизни

в виде гипотезы и проводят расчёт на основе статистических данных, подтверждая существование данной зависимости [16].

В статье Е. П. Лидинфа и С. В. Баранова предлагается рассматривать платёжеспособный спрос как результирующий показатель качества жизни населения, для чего оцениваются показатели доходов населения, приведённые в официальной статистике [13].

Показатели официальной статистики также используются в методике Я. А. Лещенко и А. А. Лисовцова при оценке качества жизни населения региона методами многомерного факторного анализа. Авторы предлагают к использованию 30 социально-экономических и медико-демографических характеристик, которые анализируются с применением метода главных компонент [12].

Представленные в табл. 1 методики имеют некоторые сходства и различия. Так, например, оценка субъективного восприятия КЖН региона А. И. Россошанского [15] и методический подход к измерению КЖН региона О. А. Козловой и др. [10] предполагают оценки субъективных восприятий качества жизни населения посредством проведения социологического опроса. С этим подходом согласен коллектив авторов актуальной сегодня оценки цифровой составляющей

КЖН в регионах Российской Федерации [14] — данная методика также требует анкетирования населения.

Методика расчёта комплексного индикатора качества жизни С. А. Айвазяна [1] предполагает подробный эконометрический расчёт связей 115 показателей, сгруппированных в пять блоков. Некоторые блоки включают показатели, рассчитанные по результатам социологического опроса населения.

Л. А. Беляева также придерживается субъективного подхода в оценке качества жизни населения. Методика предполагает проведение социологического опроса, который включает 24 вопроса по четырём аспектам качества жизни [3].

Как видно, приведённые методики используют различные подходы и показатели в оценке такого сложного, многомерного понятия, как качество жизни населения. Разнообразие представленного инструментария оценки КЖН позволяет использовать его в других исследованиях с учётом поставленных задач и адекватного применения методик в конкретном контексте.

Зарубежные подходы к оценке КЖН также разнообразны и представляют научный интерес в силу специфики некоторых используемых показателей.

Многие существующие российские и зарубежные методики при оценке качества жизни населения используют показатель валового внутреннего продукта на душу населения, а также такие показатели качества жизни, как уровень образования, доступность здравоохранения, наличие прав и свобод человека, уровень развития технологии и последствия изменения климата [20].

В табл. 2 представлен компаративный анализ некоторых зарубежных методик.

В табл. 2 представлены группировки различных подходов к оценке КЖН с учётом области и методов оценки.

Одну из методик измерения качества жизни населения предложили к использованию в 2005 г. в программе «Европейские сетевые индикаторы социального качества» [5]. Данная методика предполагает расчёт 24 индикаторов, систематизированных в рамках пяти областей (финансы, обеспечение жильём и окружающая среда, здоровье и медицинские услуги, работа, образование). Достоинством методики является возможность адекватно оценивать эффективность государственной социальной политики в странах Европы. При этом данный способ оценки ограничен в применении в России в силу несопоставимости ряда индикаторов.

Ряд методик, используемых на международном уровне, учитывает так называемый феномен «счастья», определяемый чаще всего по результатам социологических опросов. Авторы индекса счастья при создании рейтинга стран исходили из идеи о том, что люди хотят жить долго и счастливо, а следовательно, необходимо оценивать субъективное благополучие и среднюю ожидаемую продолжительность жизни (как положительные показатели) и корректировать эти показатели на так называемый экологический след, который создаёт условия жизни будущим поколениям людей. Как видно, методика не использует экономические показатели развития стран. Данную методику возможно использовать не только в межстрановом аспекте, но также в региональном, при этом для оценки субъективного благополучия необходимо проводить социологические исследования.

Категория «счастье» также была взята за основу в публикуемом ежегодно «Всемирном докладе о счастье». Большая часть исходных данных для анализа берётся из Gallup World Poll, что определяет эксклюзивность некоторых переменных и делает затруднительной подобную оценку в региональном аспекте [8].

Д. Канеман, известный психолог и социолог, нобелевский лауреат, разработал индекс качества жизни, который рассчитывается на основе результатов национальных опросов Gallup World Poll. В результате определяются три группы стран: «страдающие», «борющиеся» и «преуспевающие» [10; 17].

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) составляет рейтинги стран, используя расчёт индекса лучшей жизни [11]. Отличительной особенностью данного показателя является его интерактивность: эксперт может самостоятельно присваивать значимость определяемым аспектам благополучия. В то же время применение индекса ограничено эксклюзивностью некоторых переменных, что создаёт сложность в его использовании для расчёта на уровне региона.

Крупнейшая независимая британская частная инвестиционная компания Legatum Group определяет качество жизни посредством расчёта «Индекса процветания» [12]. Данное исследование охватывает большое количество показателей. Интересно, что данный индекс впервые был рассчитан в 2007 г., а в 2016 г. в методику были внесены изменения: так, например, был изменён принцип определения весов для показателей — вместо статистического анализа стали применяться экспертные оценки. В региональном аспекте индекс слабо реализуется вследствие отсутствия некоторых переменных в разрезе региона.

Помимо методик международных организаций нами были изучены методики зарубежных авторов. Так, Р. В. Амин, Б. Ривера-Муниз, Р. П. Гуттманн предложили оценивать качество жизни населения в США в разрезе округов, используя «Комплексный индекс качества жизни» («Comprehensive Quality of Life Index») [19]. Индекс учитывает демографические показатели, в частности мобильность населения, и демонстрирует влияние отдельных переменных на качество жизни населения округа. При расчёте индекса качества жизни корректируется с учётом ковариат, а результаты для наглядности демонстрируются с помощью пространственной тепловой карты с кластерами.

Также американские исследователи Р. М. Йонк, Дж. Т. Смит, А. Р. Вардле разработали индекс качества жизни, основанный на данных опроса населения и предназначенный для разработки грамотной социально-экономической политики [18].

Компаративный анализ существующих отечественных, зарубежных и международных методик продемонстрировал разнонаправленность

Таблица 2

Table 2

Компаративный анализ зарубежных методик оценки качества жизни населения
Comparative analysis of foreign methods of assessing the quality of life of the population

Методика	Критерий сравнения	Объект оценки	Метод оценки
Методика измерения качества жизни населения в программе «Европейские сетевые индикаторы социального качества» [5]		Индикаторы определены по пяти под-областям: финансы, обеспечение жильём и окружающая среда, здоровье и медицинские услуги, работа, образование	Социальное качество определяется через параметры объективных условий и процессов жизнедеятельности людей
Индекс счастья на планете (The Happy Planet Index), Генеральная Ассамблея ООН ¹		Индекс основан на трёх базовых показателях: субъективное благополучие; ожидаемая продолжительность жизни; экологическая нагрузка	Используются результаты всемирного опроса Gallup, официальные статистические данные
Индекс качества жизни, Д. Канеман [17] ²		Индекс использует 17 субиндексов (правопорядка, пищи и крова, личного благополучия и др.)	Учитываются показатели индексов по данным исследования «Gallup World Poll»
Индекс лучшей жизни (OECD Better Life Index), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) ³		Индекс включает 24 переменные по 11 аспектам благополучия: жилищные условия, доход, работа и т. п.)	Используются данные статистики, а также социологические опросы. Каждый аспект является средним арифметическим от 1 до 3 показателей. Показатели нормируются по 10-балльной шкале методом min-max
Индекс процветания, Legatum Group [12] ⁴		Индекс составлен из 104 переменных (9 субиндексов по сферам жизни: личная свобода, социальный капитал, экономика, деловая среда, власть, образование, здоровье, безопасность, окружающая среда)	Используются данные опросов Gallup, показатели международных исследовательских организаций. Метод «расстояние до границы», экспертные оценки
Всемирный доклад о счастье (World Happiness Report) [8] ⁵		Оценка состоит из 6 переменных: ВВП на душу населения, уровень социальной поддержки (негосударственной), средняя продолжительность жизни, свобода граждан в самостоятельном принятии жизненно важных решений, распространённость коррупции, щедрость	Метод декомпозиции факторов. В основе индекса — регрессионный анализ панели данных
Комплексный индекс качества жизни, Р. В. Амин, Б. Ривера-Муниз, Р. П. Гуттманн [19]		Индекс включает 31 переменную, четыре субиндекса (физическое и социальное окружение, экономика, здоровье и окружающая среда)	Анализ данных официальной статистики, кластерный анализ
Индекс качества жизни, Р. М. Йонк, Дж. Т. Смит, А. Р. Вардле [18]		Индекс состоит из пяти показателей: общественная безопасность, здравоохранение, экономическое развитие, инфраструктура и образование	Используются данные опроса населения. Трёхэтапная процедура масштабирования данных в индекс. Агрегирование показателей с помощью простого усреднения.

¹ Индекс счастья на планете (The Happy Planet Index) How Happy is the Planet? URL: <https://happyplanetindex.org/wp-content/themes/hpi/public/downloads/happy-planet-index-briefing-paper.pdf>

² Индекс качества жизни. URL: <https://worldview.gallup.com/default.aspx>

³ Индекс лучшей жизни (OECD Better Life Index). URL: <https://worldview.gallup.com/default.aspx>

⁴ Индекс процветания URL: <https://www.prosperity.com/rankings>

⁵ Всемирный доклад о счастье (World Happiness Report)]. URL: <https://theworldonly.org/indeks-schastyia-2020/>; <https://worldhappiness.report/>

и многоплановость исследований в области оценки качества жизни населения. Необходимо отметить, что существующие иностранные методики имеют ограничения при проведении аналогичных исследований в России, в том числе в региональном аспекте, в силу различий институциональной среды в РФ и зарубежных странах. Несмотря на это, определённый методический инструментарий может быть использован при оценке КЖН в России и субъектах РФ.

Компаративный анализ по уровню и качеству жизни населения разных территориальных образований целесообразно дополнять критериальными нормативами оценки КЖН, которые определяются социальными стандартами. Как отмечают специалисты, целью разработки системы социальных стандартов является определение критериальных нормативов качества и уровня жизни населения и прежде всего стандартов — минимальных гарантий и стандартов-ориентиров [4].

При этом социальные стандарты как ориентиры развития используются при международных (страновых) и внутристрановых сопоставлениях для оценки КЖН, а стандарты как социальные гарантии рассматриваются как институции государственных органов власти разных стран, в которых закреплены установленные законодательством нормы и нормативы, касающиеся жизнедеятельности людей. При этом критериальные оценки качества жизни оформляются, как правило, такими определениями, как «высокий уровень», «средний уровень», «низкий уровень» КЖН относительно уровня обоснованных социальных стандартов в той или иной стране или регионе, что позволяет сопоставлять и позиционировать различные территориальные образования по уровню благополучия граждан.

Многие стандарты в качестве ориентиров при оценке КЖН распространяются на разные страны, но учитывают территориальные, в том числе региональные особенности (природно-климатические, экологические, экономические и др.).

Для международных сопоставлений традиционно используются следующие стандарты:

1) индекс человеческого развития (ИЧР), который представляет собой нормативную оценку состояния здоровья, образованности и ресурсов, необходимых для развития человека (разрабатывается ПРООН для различных стран, а также в России);

2) душевой валовой внутренний продукт;

3) индекс Джини — индикатор неравномерности распределения доходов в обществе.

Эти стандарты используются и как внутри-страновые ориентиры для региональных сопоставлений.

Система социальных стандартов в России ещё полностью не сформировалась. Для внутрисосисийских, в том числе межрегиональных, сопоставлений используются различные социальные стандарты, например, по уровню материального достатка; нормативные потребительские бюджеты населения; социальные стандарты жилищной обеспеченности и др. Следует констатировать, что сегодня наблюдается креативный подход к исследованию новых «параметров качества жизни» и отражения успешности развития государства путём разработки «стандарта благополучия» населения РФ [6].

Таким образом, для получения полной, адекватной исследовательским задачам оценки качества жизни населения на уровне страны, региона необходимо использовать комплекс методических инструментов и подходов, учитывающий объективные показатели качества жизни, представленные в официальной государственной статистике; субъективные оценки удовлетворённости населения качеством жизни; а также критериальные оценки на основе социальных стандартов. Применение комплексного методического инструментария оценки КЖН, учёт социальных стандартов позволяют проводить межстрановые и межрегиональные сопоставления благополучия граждан, повышать эффективность системы управления качеством жизни населения.

Что касается регионального аспекта, то рассмотренные подходы позволяют из набора методического инструментария выбирать те инструменты, которые наиболее адекватны для оценки качества жизни населения на основе выявления важнейших компонент КЖН и территориальной привязки. С учётом этого разрабатываются механизмы и алгоритмы проведения комплексной оценки качества жизни населения региона, результаты которых используются органами законодательной и исполнительной власти при мониторинге ситуации и разработке программ и стратегий развития субъектов РФ.

Исследования, проводимые авторами статьи по оценке качества жизни населения регионов, основываются на том, что КЖН — это комплексное многомерное понятие, которое следует рассматривать с позиции системы компонентов, отражающих важнейшие аспекты жизнедеятельности людей. Совокупность компонентов (или составляющих) КЖН может варьироваться

в зависимости от объекта, предмета и целей исследования.

В своих исследованиях мы отбираем компоненты, которые в разных комбинациях встречаются в методиках многих отечественных учёных для оценки КЖН, но применительно к анализируемым нами регионам они (компоненты) должны быть наиболее актуальными и адекватными в отношении региональной специфики и особенностей современного периода (вызовы, угрозы, технологическая трансформация и др.). К таким компонентам следует отнести: благосостояние населения региона, качество трудовой жизни, развитие социальной инфраструктуры региона, экологическую ситуацию в регионе, цифровую составляющую качества жизни (рис. 2).

Рис. 2. Сферы, оказывающие влияние на качество жизни населения (Составлено авторами)

Fig. 2. Spheres influencing the quality of life of the population (Compiled by the authors)

Авторами, наряду с традиционными составляющими качества жизни, акцентировалось внимание на таких компонентах КЖН, как экология (важнейшая составляющая качества жизни насе-

ления в индустриальных регионах, где экологическая обстановка зачастую неблагоприятная); цифровая составляющая качества жизни, позволяющая расширить возможности людей по удовлетворению своих потребностей, в том числе в электронной форме. Все компоненты развёртываются в систему соответствующих показателей, что позволяет рассчитать как субиндексы, так и сводные индексы, отражающие оценку КЖН и отвечающие требованиям сопоставимости по регионам РФ. Кроме того, учитывая важность субъективных оценок КЖН, обоснованную в подходах отечественных и зарубежных учёных, авторы, как правило, оценивают удовлетворённость условиями жизни населения регионов по результатам опросов жителей различных территориальных образований.

Заключение

Авторами проведён обзор и анализ различных подходов к оценке качества жизни населения отечественными и зарубежными учёными. В этом контексте представлена группировка методического инструментария с позиций объектов и методов оценки КЖН. В результате такого анализа выявлены методы и приёмы, которые могут использоваться для оценки КЖН применительно к разным территориальным образованиям (странам, регионам, муниципальным образованиям).

Авторами отмечена целесообразность использования институции социальных стандартов как критериальных ориентиров и гарантий обеспечения достойного уровня жизни населения.

Результаты анализа подходов и методического инструментария оценки качества жизни населения позволили сформировать целостное представление о теоретико-методологической платформе по оценке качества жизни, которая может использоваться применительно к различным территориальным образованиям.

Список источников

1. Айвазян С. А. Анализ качества и образа жизни населения: эконометрический подход : монография. М. : Наука, 2012. 432 с.
2. Баркенхоева Р. А. Реализация динамического подхода к оценке уровня и качества жизни населения на основе сбалансированной системы показателей // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2019. № 2 (240).
3. Беляева Л. А. Качество жизни в субъективных оценках населения: Россия в европейском контексте // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 4.
4. Бобков В. Н., Квачёв В. Г., Субетто А. И., ЩербакOVA О. И. Научные школы исследования качества жизни и обусловленных им социальных структур в России // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 4 (202). С. 7–23.

5. Буянова М. Э., Тимофеев Ю. В. Методы оценки результативности социальной политики региональных органов власти: препринт. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. 28 с.
6. Волков А. Г. Кадровое проектирование для экономики нового технологического уклада. Мотивации и компетенции для социума нового поколения // *Инновации*. 2021. № 2 (268) С. 3–10.
7. Гайнанов Д. А., Закиева Е. Ш. Оценка качества жизни населения на основе применения интеллектуальных алгоритмов и динамического моделирования // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13, № 5. С. 121–134.
8. Егоршин А. П. Качество жизни населения региона // *Народонаселение*. 2005. № 1. С. 14–27.
9. Индекс человеческого развития в России: региональные различия : аналит. зап. // Департамент экспертно-аналитических работ; Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. М., 2021. 6 с.
10. Козлова О. А., Гладкова Т. В., Макарова М. Н., Тухтарова Е. Х. Методический подход к измерению качества жизни населения региона // *Экономика региона*. 2015. № 2.
11. Крюков С. В. Динамическая оценка уровня и качества жизни населения региона на основе пространственной модели // *Учёт и статистика*. 2018. № 4 (52).
12. Лещенко Я. А., Лисовцов А. А. Оценка качества жизни населения региона методами многомерного факторного анализа // *Гигиена и санитария*. 2018. № 10.
13. Лидинфа Е. П., Баранова С. В. Качество жизни населения и оценка уровня платёжеспособного спроса (региональный аспект) // *Вестник сельского развития и социальной политики*. 2018. № 3 (19).
14. Литвинцева Г. П., Шмаков А. В., Стукаленко Е. А., Петров С. П. Оценка цифровой составляющей качества жизни населения в регионах Российской Федерации // *Пространство экономики*. 2019. № 3.
15. Россосанский А. И. Методические аспекты оценки субъективного восприятия качества жизни населения региона // *Вопросы территориального развития*. 2019. № 5 (50).
16. Тинькова Е. В., Кузнецова Е. Г. Формирование алгоритма оценки взаимного влияния производственного потенциала и качества жизни населения // *Экономический журнал*. 2018. № 3 (51).
17. Чепурных М. Н. Индексы счастья: опыт Запада, социологический обзор // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 9.
18. Quality of Life and Quality of Working Life Edited by Ana Alice Vilas Boas. Federal University of Lavras Published: August 23rd 2017. DOI: 10.5772/65198. <http://dx.doi.org/10.5772/67821>
19. Amin R. W., Rivera-Muñiz B., Guttman R. P. A spatial study of quality of life in the USA // *SN Social Sciences*. 2021. № 110. <https://doi.org/10.1007/s43545-021-00111-y>
20. Ray K., Hendrix S., Cat L. A. Living Standards of Communities Worldwide // Leal Filho W., Azul A. M., Brandli L., Lange Salvia A., Wall T. (eds.) *Industry, Innovation and Infrastructure. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals*. Springer, Cham. 2021. https://doi.org/10.1007/978-3-319-95873-6_34

References

1. Ajvazyan SA. Analiz kachestva i obraza zhizni naseleniya: ekonometricheskij podhod: monografiya. Moscow, Nauka; 2012. 432 p.
2. Barkenhoeva RA. Realizaciya dinamicheskogo podhoda k ocenke urovnya i kachestva zhizni naseleniya na osnove sbalansirovannoj sistemy pokazatelej. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika = Bulletin of the Adyge State University. Episode 5. Economy*. 2019;(2).
3. Belyaeva LA. Kachestvo zhizni v sub'ektivnyh ocnkah naseleniya: Rossiya v evropejskom kontekste. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya = Bulletin of RUDN University. Series: Sociology*. 2018;(4).
4. Bobkov VN, Kvachyov VG, Subetto AI, Shcherbakova OI. Nauchnye shkoly issledovaniya kachestva zhizni i obuslovlennyh im social'nyh struktur v Rossii. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = The standard of living of the population of the regions of Russia*. 2016;(4):7-23.
5. Buyanova ME. Metody ocenki rezul'tativnosti social'noj politiki regional'nyh organov vlasti: preprint. Volgograd; 2010. 28 p.
6. Volkov AG. Kadrovoe proektirovanie dlya ekonomiki novogo tekhnologicheskogo uklada. Motivacii i kompetencii dlya sociuma novogo pokoleniya. *Innovacii = Innovation*. 2021;(2):3-10.
7. Gajnanov DA, Zakieva ESh. Ocenka kachestva zhizni naseleniya na osnove primeneniya intellektual'nyh algoritmov i dinamicheskogo modelirovaniya. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2020;13(5):121-134.

8. Egorshin AP. Kachestvo zhizni naseleniya regiona. *Narodonaselenie = Narodonaselenie*. 2005;(1):14-27.
9. Indeks chelovecheskogo razvitiya v Rossii: regional'nye razlichiya. Analiticheskaya zapiska. Departament ekspertno-analiticheskikh rabot. Analiticheskij centr pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. Moscow; 2021. 6 p.
10. Kozlova OA, Gladkova TV, Makarova MN, Tuhtarova EH. Metodicheskij podhod k izmereniyu kachestva zhizni naseleniya regiona. *Ekonomika regiona = Economy of the region*. 2015;(2).
11. Kryukov SV. Dinamicheskaya ocenka urovnya i kachestva zhizni naseleniya regiona na osnove prostranstvennoj modeli. *Uchet i statistika = Accounting and statistics*. 2018;(52).
12. Leshchenko YaA, Lisovcov AA. Ocenka kachestva zhizni naseleniya regiona metodami mnogomernogo faktornogo analiza. *Gigiena i sanitariya = Hygiene and sanitation*. 2018;(10).
13. Lidinfa EP, Baranova SV. Kachestvo zhizni naseleniya i ocenka urovnya platezhesposobnogo sprosа (regional'nyj aspekt). *Vestnik sel'skogo razvitiya i social'noj politiki = Bulletin of Rural Development and Social Policy*. 2018;(3).
14. Litvinceva GP, Shmakov AV, Stukalenko EA, Petrov SP. Ocenka cifrovoj sostavlyayushchej kachestva zhizni naseleniya v regionah Rossijskoj Federacii. *Prostranstvo ekonomiki = Economy space*. 2019;(3).
15. Rossoshanskij AI. Metodicheskie aspekty ocenki sub'ektivnogo vospriyatiya kachestva zhizni naseleniya regiona. *Voprosy territorial'nogo razvitiya = Issues of territorial development*. 2019;(5).
16. Tin'kova EV, Kuznecova EG. Formirovanie algoritma ocenki vzaimnogo vliyaniya proizvodstvennogo potentsiala i kachestva zhizni naseleniya. *Ekonomicheskij zhurnal = Economic journal*. 2018;(3).
17. Chepurnyh MN. Indeksy schast'ya: opyt Zapada, sociologicheskij obzor. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2012;(9).
18. Quality of Life and Quality of Working Life Edited by Ana Alice Vilas Boas. Federal University of Lavras Published: August 23rd 2017. DOI: 10.5772/65198. <http://dx.doi.org/10.5772/67821>
19. Amin RW, Rivera-Muñiz B, Guttmann RP. A spatial study of quality of life in the USA. *SN Social Sciences*. 2021;(110). <https://doi.org/10.1007/s43545-021-00111-y>
20. Ray K, Hendrix S, Cat LA. Living Standards of Communities Worldwide. In: Leal Filho W., Azul A. M., Brandli L., Lange Salvia A., Wall T. (eds). Industry, Innovation and Infrastructure. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals. Springer, Cham. 2021. https://doi.org/10.1007/978-3-319-95873-6_34

Информация об авторах

О. В. Артемова — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник.

С. А. Меленькина — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.

А. Н. Савченко — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник.

Information about the authors

O. V. Artemova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Researcher.

S. A. Melenkina — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher.

A. N. Savchenko — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 21–29. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(4(462):21-29. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 332.1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10403

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ И ВОЗРАСТАЮЩИХ РИСКОВ

Виктор Иванович Бархатов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, ecoba@csu.ru

Аннотация. Инновационный потенциал лежит в основе экономического развития страны и региона. В современных условиях, когда заимствование технологий, импорт высокотехнологического оборудования и решений в области информационных технологий затруднены внешними санкциями, вопрос о внутренних источниках экономического развития выходит на первый план. По этой причине ревизия инновационного потенциала регионов, а также их готовности к инновационному развитию, включая наличный интеллектуальный ресурс, является крайне важной. Цель статьи — анализ инновационного потенциала российских регионов, различных индикаторов и факторов его формирования в современных условиях. В статье использованы данные Росстата, а также результаты индекса инновационного развития субъектов Российской Федерации. Особое внимание уделено анализу инновационного потенциала регионов Уральского федерального округа. Дана оценка положению регионов в разных субрейтингах, выявлены проблемные позиции. Особое внимание уделено оценке степени развития человеческого потенциала в регионах как ключевого элемента инновационного потенциала.

Ключевые слова: инновационный потенциал, инновации, инновационное развитие, потенциал региона, Уральский федеральный округ

Для цитирования: Бархатов В. И. Инновационный потенциал регионов в условиях неопределённости и возрастающих рисков // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 21–29. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10403

Original article

INNOVATIVE POTENTIAL OF REGIONS IN CONTEXTS OF UNCERTAINTY AND INCREASING RISKS

Victor I. Barkhatov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, ecoba@csu.ru

Abstract. Innovation potential underlies the economic development of the country and the region. In modern conditions, the issue of internal sources of economic development comes to the fore when borrowing technologies, importing high-tech equipment and solutions in the field of information technology is hampered by external sanctions. For this reason, the revision of the innovative potential of the regions, as well as their readiness for innovative development, including the available intellectual resource, is extremely important. The purpose of the paper is to analyze the innovative potential of Russian regions, various indicators and factors of its formation in modern conditions. The paper uses data from Rosstat and the results of the index of innovative development of the constituent entities of the Russian Federation. Particular attention is paid to the analysis of the innovative potential of the regions of the Ural Federal District. The assessment of the position of the regions in different sub-ratings is given, problematic positions are identified. Particular attention is paid to assessing the degree of human development in the regions as a key element of innovation potential.

Keywords: innovative potential, innovations, innovative development, regional potential, Ural Federal District

For citation: Barkhatov V. I. Innovative potential of regions in contexts of uncertainty and increasing risks. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):21-29. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10403

Введение

Мировая экономика находится в процессе непрерывного инновационного развития, происходят сдвиги в технологическом укладе, возрастает накал конкурентной борьбы за новые технологии и появляющиеся ресурсы. Сдвиги в мировой и национальной экономиках затрагивают инновационные процессы, протекающие на региональном уровне. Для России и её регионов проблема инновационного развития обострилась особо в текущем моменте. Причина — и в последствиях пандемии, и в беспрецедентном внешнем санкционном давлении на Россию, которое проявляется в запрете на импорт новейшего оборудования и технологий. Во время пандемии объёмы вложений в инновации, как и другие инвестиционные программы, сократились, и сейчас одновременно стоят две задачи: увеличения объёма вложения в инновации в самом широком смысле и получения доступа к технологиям. Крупные корпорации, банки и граждане сокращали потребность в инновациях и в конкретных нововведениях как их результатах. На процесс инновационного развития оказывают влияние отток капитала, приостановка инвестиций и объявления западных компаний об уходе с российского рынка. Банки лишились части источников своего капитала, что также сказывается на возможностях финансирования проектов в регионах. Ещё большее влияние на инвестиционные процессы в инновационной сфере оказывает рост процентной ставки и возросшая инфляция. Для инновационного развития регионов возникла крайне неблагоприятная ситуация, когда ресурсы ограничены, текущие потребности возросли, и при всей очевидности важности инновационного развития на него не остаётся ни финансового, ни административного ресурса. Важно учитывать, что для инновационного развития важен и инновационный потенциал, который в течение многих лет «перетекал» из регионов периферии в центральные регионы (прежде всего в Москву) и за рубеж. Инновационный потенциал определяет привлекательность и конкурентоспособность регионов, а также уровень риска для новых инноваций. Сам же инновационный потенциал через концентрацию субъектов инновационного развития, их распространение в разных отраслях региональной экономики формирует конкурентные преимущества регио-

на. Инновационный потенциал региона проявляется в его возможностях и способностях изменять экономический потенциал региона с учётом рисков и научно-технического развития. Мировая и российская практика убедительно доказывает важность инновационного потенциала для обеспечения устойчивости регионального развития.

Цель статьи — анализ инновационного потенциала российских регионов, различных индикаторов и факторов его формирования в современных условиях.

В статье использованы данные Росстата, а также информация рейтинга инновационного развития регионов Российской Федерации ([1; 2]). К ним применены методы анализа динамических рядов, включая трендовый и описательный методы анализа.

Вопросы инновационного развития регионов находятся в центре внимания многих учёных. Шпигель и Харрисон выделили фактор предпринимательства как ключевой в развитии инновационного потенциала [3], Диболт и Хиппе обратили внимание на важность человеческого капитала для обеспечения инновационного развития [4], Кулибали с коллегами описали особенности регионального экономического развития в условиях глобализации [5], Исаксен с коллегами выделили особую важность процессов индустриальной реструктуризации для достижений целей регионального развития [6]. Среди российских учёных также ведётся активная дискуссия о факторах регионального развития, среди которых особо выделяется «инновационный» фактор. Выделим ряд работ: Ахметшин и коллеги [7], Ильина и коллеги [8], Батракова [9], Бархатов и коллеги [10], Лизунов [11]. Ряд авторов обращают внимание на особенности инновационного развития отдельных регионов и федеральных округов: Орешников [12], Булетова и коллеги [13], Плетнёв и Бархатов [14], Хвостова и Лобова [15]. Однако вопрос о взаимосвязи экономического развития и инновационного потенциала, а также о ключевых факторах такого развития пока остаётся нерешённым.

Результаты

Проанализируем некоторые тренды инновационного развития российских регионов и место в этом процессе регионов УрФО. К трендам инновационного развития регионов следует отнести

следующие. Во-первых, устойчивость рейтинга инновационного развития российских регионов. К числу лидеров традиционно относятся Москва, Санкт-Петербург, Татарстан. Далее следует группа регионов со стабильно высоким уровнем инновационного развития. Это Томская, Нижегородская и Московская области. Во-вторых, рейтинг инновационного развития тесно связан с имеющейся в регионе интеллектуальной и финансовой базой. Например, наблюдается резкий рост позиций Тюменской области, что связано с увеличением затрат на исследования и разработки, а также с ростом зарплат исследователей. В-третьих, негативным фактором стало сокращение кадрового потенциала инновационного развития, проявляющееся в снижении доли занятых в сфере науки (включая долю молодых исследователей, имеющих учёную степень). В-четвёртых, регионы-лидеры демонстрируют технологическую независимость, несмотря на уменьшение доли предприятий, связанных с технологическими инновациями. В-пятых, в регионал-лидерах сохраняется значительная доля инновационной продукции (на долю семи лидеров приходится до 40 % всего объёма инвестиций в инновации). Для остальных регионов это означает крайне слабое их вовлечение в процесс создания инноваций. Регионы УрФО среди лидеров инновационного развития не отметились. В них сильны традиционные сферы экономической деятельности с небольшой долей инновационных производств. Кроме того, в них нет достаточной концентрации финансового и человеческого капитала. Не возникли центры развития знания и передовой инфраструктуры. Действующие формы организаций, созданные в предшествующие годы, не позволяют обеспечить прорыв с учётом новой парадигмы инновационного развития, заключающейся во взаимодействии по линии: инновации → новые продукты → максимизация эффекта развития → рост технологического обновления. Такая цепочка требует высокой концентрации инновационно активных организаций и их ресурсного обеспечения. Регионы должны определить приоритеты инновационного развития, кооперируя бизнес, науку и образование. Сходные тренды характерны для всех регионов, в том числе и в УрФО.

С позиции оценки трендов инновационного развития регионов интерес представляет инновационный индекс регионов УрФО. Российский региональный инновационный индекс (РРИИ) включает в себя ряд параметров: социально-эко-

номические условия инновационной деятельности, научно-технический потенциал, собственно инновационная деятельность, экспортная деятельность и качество инновационной политики. В 2018–2019 гг. региональный инновационный индекс составлял: в Тюменской области — 0,4266, в Челябинской — 0,408, в Свердловской — 0,4586, а в Курганской — 0,2463. Ранги индекса — Тюменская, Челябинская и Свердловская области входят во вторую группу регионов по значениям индекса. Первую же группу возглавляют Москва (0,5508), Санкт-Петербург (0,5204) и Республика Татарстан (0,4984). Значения индекса характеризуют инновационный потенциал регионов, который, как нетрудно заметить, тесно связан с их финансовым потенциалом. Места регионов в рейтинге — в целом исторически сложившиеся закономерности, отражающие уровень социально-экономического развития регионов УрФО. Кроме того, проблемы инновационного развития усугубляются слабой кооперацией регионов с точки зрения движения производственных, финансовых, инвестиционных ресурсов между регионами, а также оттоком кадрового научного потенциала в федеральные центры. Имеет место обособленность научных центров и образовательных структур по регионам, а также слабая связь региональных научных центров с лидерами инновационного развития, недостаточная кооперация науки и реального сектора. Научные исследования далеко не всегда связаны с потребностями регионов и не направляются на рост регионального инновационного потенциала. Для выравнивания инновационного потенциала необходима единая политика в этой сфере для всего Уральского федерального округа, увязка научных проблем и разработок с реальными потребностями регионов в новых технологиях, переходом производств на новые уклады и импортозамещением. Особо следует обратить внимание на вопросы кооперации регионов по дефицитным товарам и техническому переоснащению.

Проанализируем различия регионов по субиндексам 2018–2019 гг. Выделяют субиндексы «социально-экономические условия инновационной деятельности» (ИСЭУ), «научно-технический потенциал» (ИНТП), «инновационная деятельность» (ИИД), «экспортная активность» (ИЭА), «качество инновационной политики» (ИКИП). Сравним значения этих субиндексов для регионов УрФО. В Свердловской области значения составили (ИСЭУ — ИНТП — ИИД — ИЭА — ИКИП): 11–12–19–25–21. По сравнению

с предыдущим периодом произошло снижение места на два пункта. Тюменская область имеет значения 13–3–12–10–48. По сравнению с предыдущим периодом ранг увеличился на 5 единиц. Для Челябинской области значения следующие: 12–28–25–20–11. Общий ранг снизился. Для Курганской области имели место такие значения субиндексов: 75–88–53–70–64. Ранг снизился на 3 пункта. Видно, что значения разных субиндексов существенно различаются как для каждого региона, так и по выборке УрФО. Перед округом стоит задача роста этих субиндексов, так как они во многом определяют возможности социально-экономического развития.

Имеет место и обратная причинно-следственная связь: развитие инновационной деятельности зависит от социально-экономических условий развития региона. Для оценки этих условий будем использовать ряд показателей, объединённых в группы: основные макроэкономические показатели, образовательный потенциал населения, потенциал цифровизации.

Сегодня, когда происходит наращивание западных санкций, совершаются попытки изолировать Россию, встаёт остро проблема импортозамещения в региональных экономиках УрФО, требуются разработка и внедрение взаимосвязанных программ, направленных на улучшение социально-экономических условий инновационной деятельности. В этом аспекте выделим две проблемы — рост валового регионального продукта и обновление основных средств. Это базис развития социально-экономических условий инновационного развития. Свердловская и Челябинская области входят в число лидеров индекса «социально-экономические условия инновационной деятельности». Свердловская и Челябинская области по основным макроэкономическим показателям, образовательному потенциалу, потенциалу цифровизации соответственно имеют индексы:

Свердловская область — 50, 7, 10; Челябинская область — 22, 11, 14. При разнице индекса в областях Уральского федерального округа в период с 2010 по 2019 г. происходил рост ВРП в расчёте на одного занятого в экономике региона по субъектам УрФО (рис. 1). Наиболее высокий прирост наблюдается в Тюменской области.

В этот период во всех субъектах УрФО происходило обновление основных средств (рис. 2).

Наибольшее обновление основных фондов происходило в Тюменской области. Наиболее интенсивно этот процесс шёл в 2019–2020 гг.

На территории субъектов УрФО происходил рост удельного веса организаций, имеющих широкополосный доступ к Интернету с максимальной скоростью передачи данных выше 100 Мбит/с, в общей численности организаций (рис. 3).

Для всех субъектов налицо высокий удельный вес доступа в 2019–2020 гг. В группу лидеров ВРП в расчёте на одного занятого, тыс. р. (в текущих ценах), коэффициента обновления основных фондов, доли занятых в высокотехнологичных отраслях промышленности, доли занятых в наукоёмких отраслях субъекты УрФО не входили ни по одному из названных индексов. Однако Свердловская область входило в число лидеров по показателю «потенциал цифровизации»; доля организаций, использующих широкополосный диапазон со скоростью выше 100 Мбит/с, составляет 92 %.

На инновационное развитие оказывает существенное влияние научно-технический потенциал. Степень его развития определяется показателями: финансирование научных исследований и разработок, кадры науки, результативность научных исследований и разработок.

В рейтинге субъектов Российской Федерации со значением индекса «научно-технический потенциал» в 2018 г. в группу лидеров вошли Тюменская область (индекс составляет 0,4907),

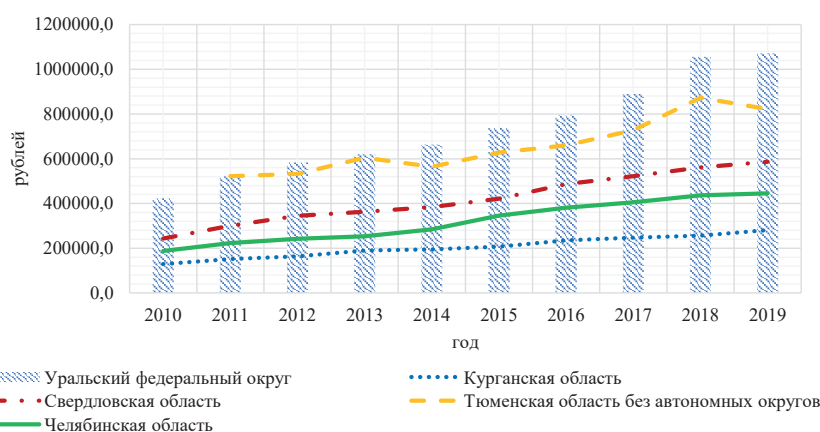

Рис. 1. ВРП в расчёте на одного занятого в экономике региона по субъектам УрФО, р. Источник: здесь и далее составлено автором на основе данных Росстата.

Fig. 1. GRP per person employed in the economy of the region by subjects of the Ural Federal District, RUB.

Source: here and further compiled by the author on the basis of Rosstat data

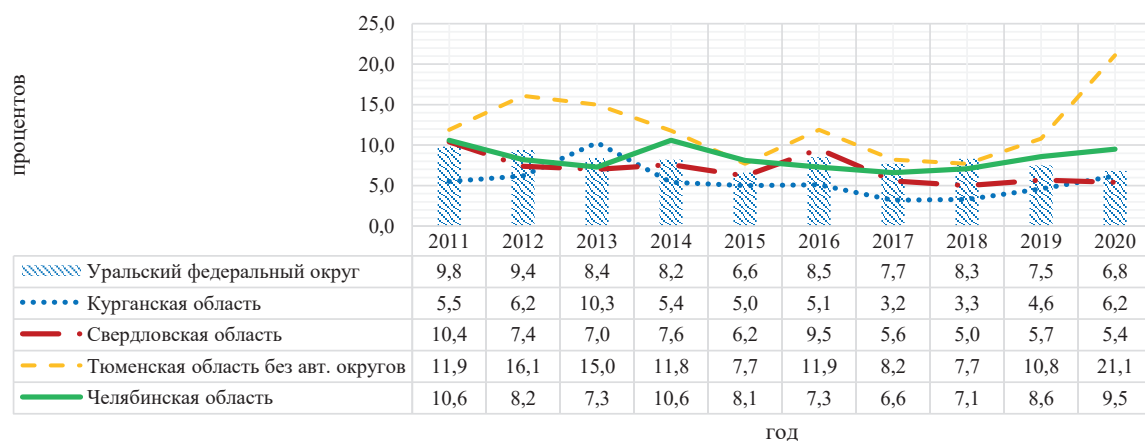

Рис. 2. Коэффициент обновления основных фондов по субъектам УрФО, %

Fig. 2. The coefficient of renewal of fixed assets by subjects of the Ural Federal District, %

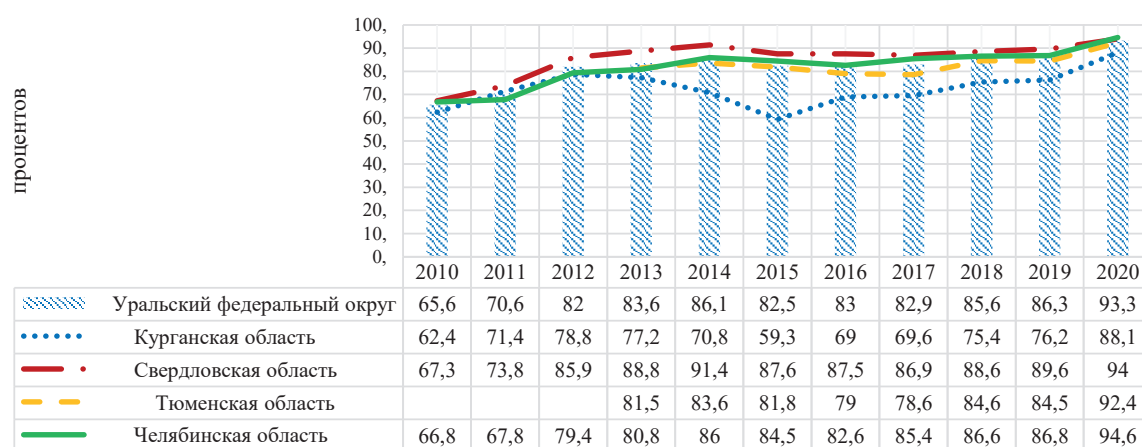

Рис. 3. Удельный вес организаций, имеющих широкополосный доступ к Интернету с максимальной скоростью передачи данных выше 100 Мбит/с, в общей численности организаций по субъектам УрФО, %

Fig. 3. The share of organizations with broadband Internet access with a maximum data transfer rate above 100 Mbit/s in the total number of organizations in the subjects of the Ural Federal District, %

Свердловская область из группы лидеров перешла в первую группу (индекс составляет 0,4176). Челябинская область находится в третьей группе (индекс составляет 0,3257). В последней группе присутствует Курганская область (индекс составляет 0,1963). В пределах УрФО диапазон индексов колеблется от 0,497 до 0,1963, что свидетельствует о различных уровнях развития научного потенциала субъектов региона.

Финансирование субъектов региона представлено на рис. 4.

Внутренние затраты на исследования и разработки в субъектах не высоки, колебания в периоде составляли от 0,15 % (Курганская область) до 1,38 % (Челябинская область). Для сравнения: Ульяновская область имеет удельный вес 2,12 %.

Кадровый потенциал науки в последние годы имеет тенденцию к снижению. В группе лидеров относительно кадрового потенциала науки входит Тюменская область, занимая 7-ю позицию.

Первая позиция у Томской области. Тюменская область занимает позиции в соотношении с индексами: финансирование научных исследований и разработок, кадры науки, результативность научных исследований и разработок — 2, 7, 40 позиции. В Тюменской области высокая доля молодых исследователей. Она составляет 65,6 %. По этому индексу Тюменская область занимает первое место в группе лидеров. Другие субъекты в лидеры не попали.

На рис. 5 даны тренды удельного веса занятых исследованиями и разработками в среднегодовой численности занятых в экономике региона по субъектам УрФО. Максимальное количество занятых (13 %) в Свердловской области, что создаёт предпосылки роста научного потенциала субъекта, а минимальное количество занятых — в Курганской области (5 %). Не растёт количество занятых в Челябинской области; в течение периода оно составляет 6 %, что ниже занятых в целом

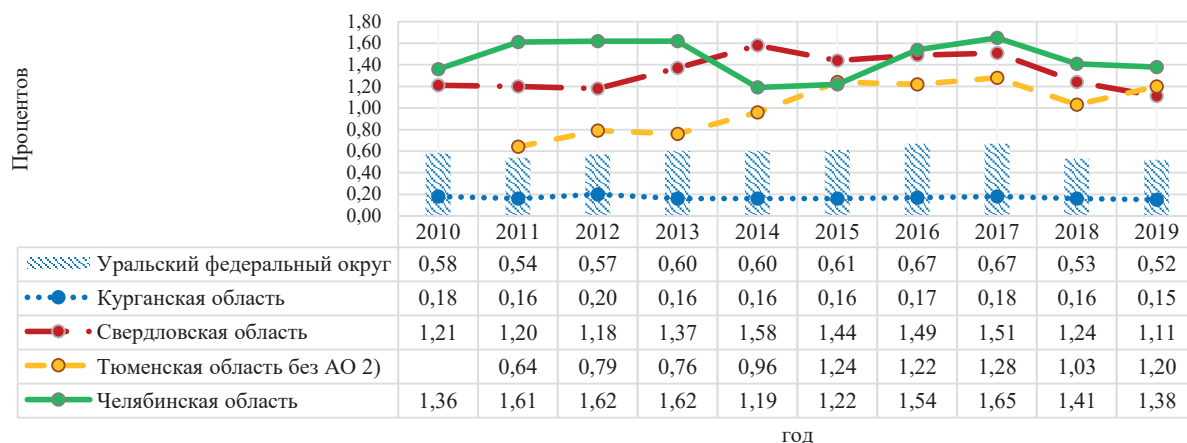

Рис. 4. Отношение внутренних затрат на исследования и разработки к ВРП по субъектам УрФО, %

Fig. 4. Internal research and development costs as a percentage of GRP by subjects of the Ural Federal District, %

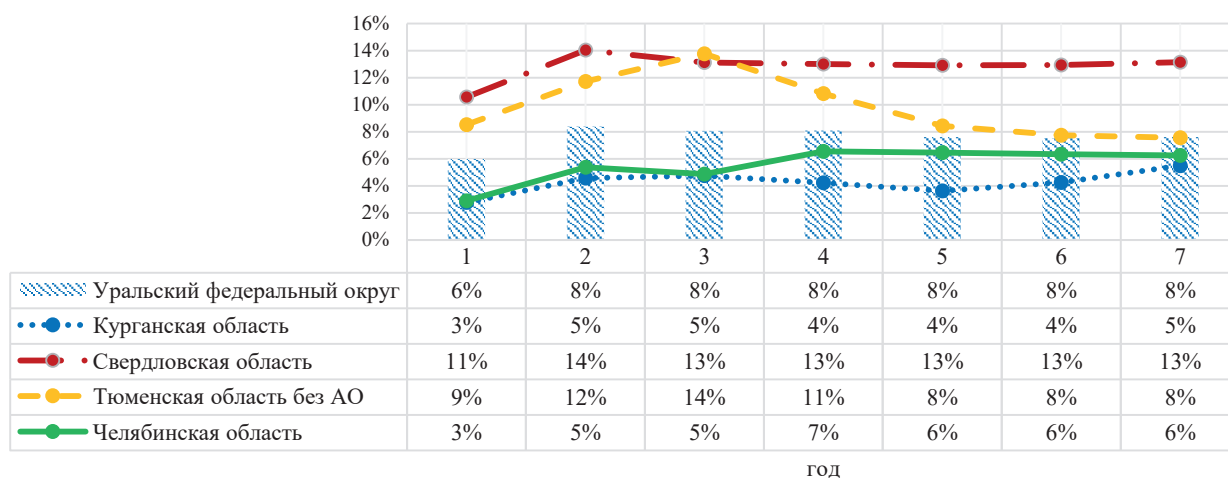

Рис. 5. Удельный вес занятых исследованиями и разработками в среднегодовой численности занятых в экономике региона по субъектам УрФО, %

Fig. 5. The share of people engaged in research and development in the average annual number of people employed in the economy of the region by subjects of the Ural Federal District, %

по округу (8 %). Рост по округу остаётся на одном уровне в течение ряда лет, что свидетельствует о некотором застое в движении кадров науки, а это главный фактор её развития.

Кадровый потенциал науки характеризует рис. 6. Негативный фактор заключается в том, что удельный вес имеющих учёную степень в Российской Федерации выше, кроме Курганской области, чем в остальных субъектах. Особенно этот тренд неблагоприятный в Челябинской области, где удельный вес имеющих учёную степень в 2020 г. составлял 6,9 %. С 2018 г. происходило снижение, тогда как по Российской Федерации этот показатель составлял в 2020 г. 14,6 %. В целом удельный вес кадров в науке со степенями к общему количеству исследователей имеет тенденцию к снижению.

Инновационная деятельность субъектов определяется через ряд показателей: активность

в сфере технологических и нетехнологических инноваций, малый инновационный бизнес (рис. 7), затраты на технологические инновации, результативность инновационной деятельности. В списке лидеров по данному индексу ни один субъект УрФО не присутствует. Ведущие позиции в рейтинге у Чувашской Республики, Москвы, Санкт-Петербурга, Республики Татарстан, Томской, Нижегородской областей и Республики Мордовия. По данным статистики, индексы активности в сфере технологических и нетехнологических инноваций в малом инновационном бизнесе изменились незначительно. Преобладает тенденция, особенно в субъектах-лидерах, объединения достижений крупного и среднего бизнеса в области технологических и нетехнологических инноваций. Нововведения в нетехнологических инновациях особенно различались в Чувашской Республике. Готовые разработки

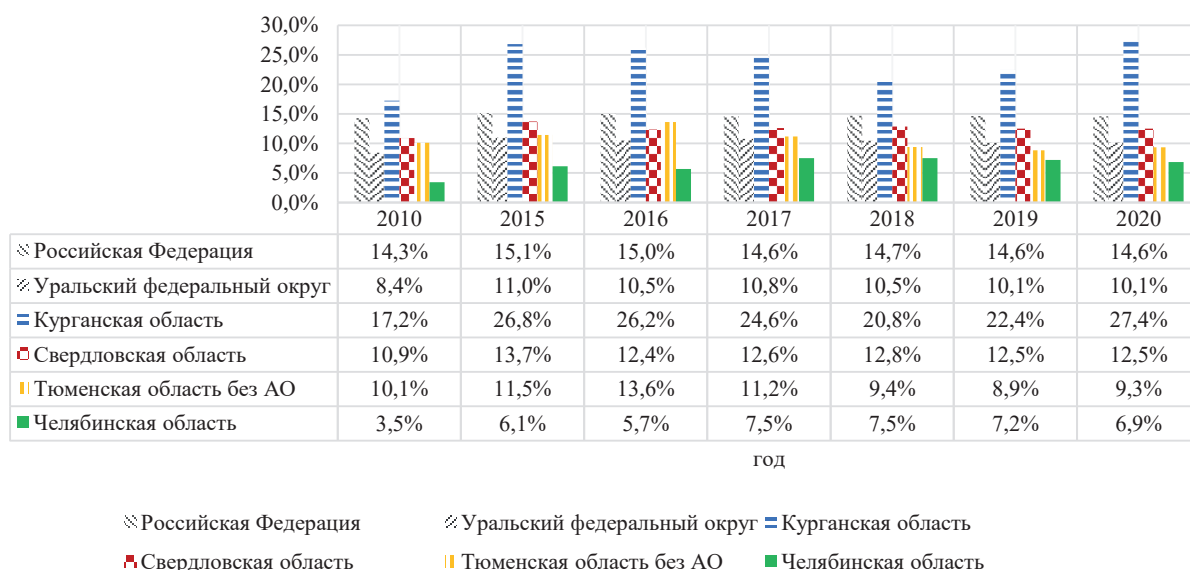

Рис. 6. Удельный вес лиц, имеющих учёную степень, в численности исследователей по субъектам УрФО, %

Fig. 6. The proportion of persons with an academic degree in the number of researchers in the subjects of the Ural Federal District, %

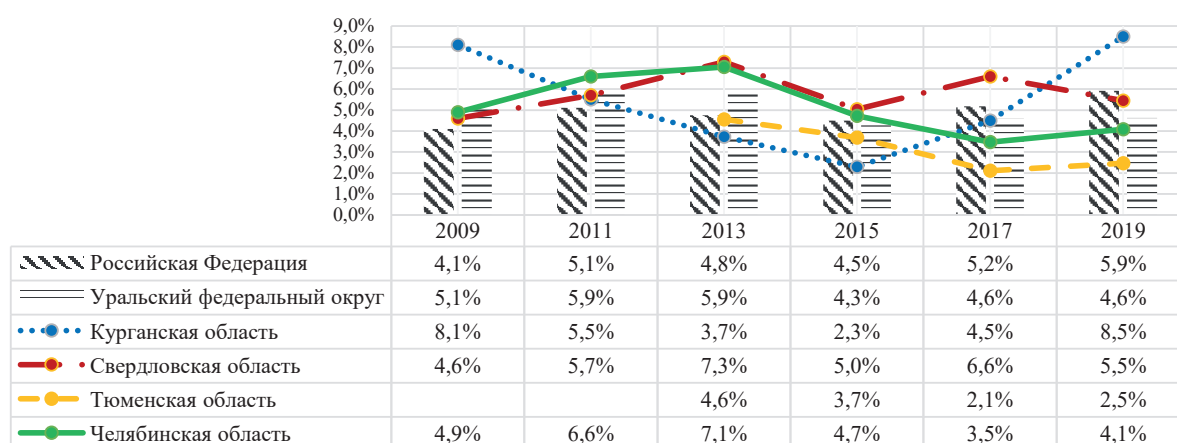

Рис. 7. Удельный вес малых предприятий, осуществляющих технологические инновации, в общем числе малых предприятий по субъектам УрФО, %

Fig. 7. The share of small enterprises engaged in technological innovations in the total number of small enterprises in the subjects of the Ural Federal District, %

были характерны для развития Москвы, Санкт-Петербурга, Пензенской, Мурманской, Липецкой областей. В рейтинге субъектов Российской Федерации по значению индекса «инновационная деятельность» субъекты УрФО занимали следующие позиции: во вторую группу с рангами по данному показателю в регионе входила Тюменская область (ранг 12), далее соответственно Свердловская область (ранг 19). В третью группу входили Челябинская область с рангом 25 и Курганская область (ранг 53).

В регионе показатели рейтинга «инновационная активность» не равномерны, что свидетельствует о разных уровнях инновационного потен-

циала в целом в субъектах. Ни один из субъектов не создал условий перехода с тех позиций, на которых находятся субъекты, не приблизился к лидерам по этому индексу.

Заключение

Для субъектов, особенно в условиях санкций, возникают проблемы развития инфраструктуры, при которой возможно развивать и внедрять технологические и нетехнологические нововведения. Это касается не одного субъекта из рейтинга, а всех входящих, с учётом наработанного потенциала, способного работать на импортозамещение. Речь идёт о формировании нового разделения труда в Уральском регионе. Субъекты, ис-

ходя из своих возможностей, формируют новый технологический уклад. Существует проблема временного лага в определении того, насколько ресурсная база и человеческий капитал позволяют выйти на новые рубежи инновационной деятельности. Основные задачи субъектов формирования новых интеллектуальных котлов: субъектов, объединяющих предприятия, научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения, учёных-конструкторов, способных создать предпосылки инновационного потенциала.

Субъекты должны изыскать ресурсы на технологические новации. Ни в коей мере нельзя снижать эти затраты. Проблема заключается в выборе финансирования технологических инноваций. Нужно отказываться от инновационной деятельности, связанной с низкой отдачей от реализации инноваций. Обновление технологического потенциала напрямую необходимо связать с технологическими инновациями, способными заместить импортную продукцию в условиях санкций.

Список источников

1. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 7 / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, С. В. Бредихин и др. ; под ред. Л. М. Гохберга. М. : НИУ ВШЭ, 2021. 274 с.
2. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 6 / Г. И. Абдрахманова, С. В. Артемов, П. Д. Бахтин и др.; под ред. Л. М. Гохберга. М. : НИУ ВШЭ, 2020. 264 с.
3. Spigel B., Harrison R. Toward a process theory of entrepreneurial ecosystems // *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2018. Vol. 12, no. 1. P. 151–168. doi: 10.1002/sej.1268
4. Diebolt C., Hippe R. The long-run impact of human capital on innovation and economic development in the regions of Europe // *Applied Economics*. 2019. Vol. 51, no. 5. P. 542–563. doi:10.1080/00036846.2018.1495820.
5. Coulibaly S. K., Erbao C., Metuge Mekongcho T. Economic globalization, entrepreneurship, and development // *Technological Forecasting and Social Change*. 2018. Vol. 127. P. 271–280. doi: 10.1016/j.techfore.2017.09.028
6. Isaksen A., Jakobsen S., Njøs R., Normann R. Regional industrial restructuring resulting from individual and system agency // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2019. Vol. 32, no. 1. P. 48–65. doi:10.1080/13511610.2018.1496322
7. Akhmetshin E. M., Dzhavatov D. K., Sverdlkova E. A., Sokolov M. S., Avdeeva O. A., Yavkin G. P. The influence of innovation on social and economic development of the Russian regions // *European Research Studies Journal*. 2018. Vol. 21 (Special issue 2). P. 767–776.
8. Ильина И. Е., Жарова Е. Н., Агамирова Е. В., Каменский А. С. Инновационное развитие регионов России // *Экономика и управление народным хозяйством*. 2018. № 2. С. 230–255.
9. Батракова Л. Г. Инновационное развитие регионов России по модели «тройной спирали» // *Социально-политические исследования*. 2020. № 3 (8). С. 67–80.
10. Бархатов В. И., Плетнёв Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // *Социум и власть*. 2019. № 5 (79). С. 65–83.
11. Лизунов В. В. Инновационное развитие регионов как единства территориальных и производственных систем // *Национальные приоритеты России*. 2021. № 2 (41). С. 55–63.
12. Орешников В. В. Инновационное развитие регионов Приволжского федерального округа // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2021. № 12-2 (82). С. 183–185.
13. Булетова Н. Е., Скачкова С. А., Павлова И. М. Оценка вклада аграрных регионов России в инновационное развитие экономики (на примере ЮФО) // *Экономика сельского хозяйства России*. 2021. № 12. С. 11–18.
14. Плетнёв Д. А., Бархатов В. И. Тренды промышленного развития в регионах уральского и приволжского федеральных округов // *Материалы V Всероссийского симпозиума по региональной экономике* : в 2 т. Екатеринбург, 2019. С. 174–179.
15. Хвастова К. И., Лобова Ю. В. Инновационное развитие регионов как фактор экономического роста (на примере Приволжского и Дальневосточного федеральных округов) // *Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. Вступление. Путь в науку*. 2017. № 4 (20). С. 98–115.

References

1. Gokhberg LM, eds. Rating of innovative development of subjects of the Russian Federation. Vol. 6. Moscow, NRU HSE Press; 2020. 264 p. (In Russ.).

2. Gokhberg LM, eds. Rating of innovative development of subjects of the Russian Federation. Vol. 6. Moscow: NRU HSE Press; 2021. 274 p. (In Russ.).
3. Spigel B, Harrison R. Toward a process theory of entrepreneurial ecosystems. *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2018;12(1):151-168. doi: 10.1002/sej.1268
4. Diebolt C, Hippe R. The long-run impact of human capital on innovation and economic development in the regions of Europe. *Applied Economics*. 2019;51(5):542-563. doi: 10.1080/00036846.2018.1495820
5. Coulibaly SK, Erbao C, Metuge Mekongcho T. Economic globalization, entrepreneurship, and development. *Technological Forecasting and Social Change*. 2018;127:271-280. doi: 10.1016/j.techfore.2017.09.028
6. Isaksen A, Jakobsen S, Njøs R, Normann R. Regional industrial restructuring resulting from individual and system agency. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2019;3(1):48-65. doi: 10.1080/13511610.2018.1496322
7. Akhmetshin EM, Dzhavatov DK, Sverdlikova EA, Sokolov MS, Avdeeva OA, Yavkin GP. The influence of innovation on social and economic development of the Russian regions. *European Research Studies Journal*. 2018;21:767-776.
8. Ilyina IE, Zharova EN, Agamirova EV, Kamensky AS. Innovative development of Russian regions. *Ekonomika i upravleniye narodnym khozyaystvom = Economics and management of the national economy*. 2018;(2):230–255. (In Russ.).
9. Batrakova LG. Innovative development of Russian regions according to the “triple helix” model. *Sotsial’no-politicheskiye issledovaniya = Socio-political studies*. 2020;(3):67-80. (In Russ.).
10. Barkhatov VI, Pletnev DA, Kapkaev YuSh. Centers and Periphery of the Urals and the Volga Region in the Conditions of the “New Normality”. *Sotsium i vlast’ = Socium and Power*. 2019;(5):65-83. (In Russ.).
11. Lizunov VV. Innovative development of regions as a unity of territorial and production systems. *Natsional’nyye priority Rossii = National Priorities of Russia*. 2021;(2):55-63. (In Russ.).
12. Oreshnikov VV. Innovative development of the regions of the Volga Federal District. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and business: theory and practice*. 2021;(12-2):183-185.
13. Buletova NE, Skachkova SA, Pavlova IM. Estimation of the contribution of agrarian regions of Russia to the innovative development of the economy (on the example of the Southern Federal District). *Ekonomika sel’skogo khozyaystva Rossii = Economics of agriculture in Russia*. 2021;(12):11-18. (In Russ.).
14. Pletnev DA, Barkhatov VI. Industrial Development Trends in the Regions of the Ural and Volga Federal Districts. Materialy V Vserossiyskogo simpoziuma po regional’noy ekonomike: v 2 t. = Proceedings of the V All-Russian Symposium on Regional Economics in 2 volumes. . Yekaterinburg; 2019. Pp. 174–179.
15. Khvastova KI, Lobova YuV. Innovative development of regions as a factor of economic growth (on the example of the Volga and Far Eastern federal districts). *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova. Vstupleniye. Put’ v nauku = Bulletin of the Russian Economic University. G. V. Plekhanov. Introduction. Path to science*. 2017;(4):98-115.

Информация об авторе

В. И. Бархатов — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the author

V. I. Barkhatov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Institute of Economics of Industry, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 05.03.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 05.03.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 311.3

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10404

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ЖИЛЬЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Ирина Павловна Лаптева¹, Елена Николаевна Гришина^{1,2}

¹ Вятский государственный университет, Киров, Россия, ip_lapteva@vyatsu.ru, ORCID 0000-0003-2624-0275

² Вятский государственный агротехнологический университет, Киров, Россия, en_grishina@vyatsu.ru, ORCID 0000-0002-7911-6027

Аннотация. Статья посвящена оценке современного состояния и перспектив развития рынка жилья, являющегося приоритетной сферой деятельности строительного комплекса. Исследованиям рынка жилищного строительства и его роли в национальных и региональных экономиках посвящены работы многих отечественных и зарубежных учёных. Для успешной реализации жилищной политики в стране и регионах особенно актуальной становится получение объективной оценки ситуации на рынке жилья, основанной на использовании экономико-статистических методов исследования. В статье приводятся статистические и социологические данные, характеризующие существующие проблемы реализации жилищной политики в Кировской области. Выявлена тенденция и проведена экстраполяция ключевых показателей развития рынка жилья в муниципальном образовании «Город Киров». По результатам проведённого выборочного социологического опроса дана оценка доступности жилья в регионе и установлены наиболее востребованные его характеристики. Изучено влияние основных факторов на объём жилищного строительства. Обоснована актуальность развития ипотечного рынка как одного из основных драйверов развития рынка жилья. По результатам проведённого исследования сделан вывод о необходимости проводить в регионе политику, направленную на увеличение доходов населения и объёмов жилищного строительства, а также держать на приемлемом и доступном для населения уровне цену за квадратный метр на рынке жилья и процентную ставку по ипотеке. Реализация этих мероприятий позволит улучшить ситуацию на рынке жилья как в отдельных регионах, так и в целом в Российской Федерации.

Ключевые слова: рынок жилья, обеспеченность жильём, жилищный фонд, жилищные условия, доступность жилья, ипотечный кредит

Для цитирования: Лаптева И. П., Гришина Е. Н. Современное состояние и перспективы развития рынка жилья на региональном уровне // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 30–38. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10404

Original article

CURRENT STATE OF THE HOUSING MARKET AND PROSPECTS FOR ITS DEVELOPMENT AT THE REGIONAL LEVEL

Irina P. Lapteva¹, Elena N. Grishina^{1,2}

¹ Vyatka State University, Kirov, Russia, ip_lapteva@vyatsu.ru, ORCID 0000-0003-2624-0275

² Vyatka State Agrotechnological University, Kirov, Russia, en_grishina@vyatsu.ru, ORCID 0000-0002-7911-6027

Abstract. The article is devoted to the assessment of the current state and prospects for the development of the housing market, which is a priority area of activity of the construction complex. Studies of the housing construction market and its role in national and regional economies are devoted to the work of many domestic and foreign scientists. For the successful implementation of housing policy in the country and regions, it becomes especially relevant to obtain an objective assessment of the housing market situation based on the use of economic and statistical research methods. The article presents statistical and sociological data characterizing the existing problems of the implementation of housing policy in the Kirov region. A trend has been identified and an extrapolation of key indicators of housing market development in the municipality of Kirov has been carried out. Based on the results

of a selective sociological survey, an assessment of housing affordability in the region is given and its most popular characteristics are established. The influence of the main factors on the volume of housing construction has been studied. The relevance of the mortgage market development as one of the main drivers of the housing market development is substantiated. According to the results of the study, it was concluded that it is necessary to pursue a policy in the region aimed at increasing the incomes of the population and the volume of housing construction, as well as to keep the price per square meter in the housing market and the mortgage interest rate at an acceptable and affordable level for the population. The implementation of these measures will improve the situation on the housing market both in individual regions and in the Russian Federation as a whole.

Keywords: housing market, housing security, housing stock, housing conditions, housing affordability, mortgage loan

For citation: Lapteva IP, Grishina EN. Current state of the housing market and prospects for its development at the regional level. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):30-38. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10404

Введение

Рынок жилья в России в настоящее время является одним из секторов экономики, определяющим в конечном итоге уровень жизни населения страны и её регионов. В последние годы на фоне сложной экономической ситуации и, как следствие, снижения покупательной активности населения в стране наблюдается снижение уровня доступности жилья, которое в итоге негативно влияет на динамику объёмов жилищного строительства.

Реализация жилищной политики в стране регулируется законодательно. В России действует Федеральный закон «Об основах федеральной жилищной политики» № 9-ФЗ, в рамках которого в декабре 2018 г. был утверждён паспорт национального проекта «Жильё и городская среда». Паспорт нацпроекта был разработан Минстроем России во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Он включает в себя федеральные проекты: «Ипотека», «Жильё», «Формирование комфортной городской среды» и «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда».

Основными направлениями реализации национального проекта являются:

- обеспечение доступным жильём семей со средним достатком, в том числе создание возможностей для приобретения (строительства) ими жилья с использованием ипотечного кредита;
- увеличение объёма жилищного строительства;
- повышение комфортности городской среды;
- обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда.

Для успешной реализации перспективных направлений национального проекта особенно ак-

туальным становится получение объективной оценки ситуации на рынке жилья.

Вопросам изучения современного состояния рынка жилья как основного сегмента рынка недвижимости посвящены труды многих отечественных учёных и исследователей, в том числе Ю. С. Бердовой, Л. М. Пилипенко [1], В. А. Горемыкина [2], П. С. Грабового [3], Н. В. Журавлёва [4], С. А. Кожевникова [5], О. И. Лебедевой [7], К. Ю. Прокофьева [11], А. А. Рословой [12], А. Ф. Сафиной [13] и других.

Использование статистических методов исследования позволяет получить всестороннюю характеристику современного состояния рынка жилья, выявить резервы роста эффективности его функционирования в стране и на региональном уровне [14; 15].

Результаты исследования

При проведении исследования нами прежде всего была дана статистическая оценка уровня обеспеченности населения России жильём. Ключевым показателем является общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя. С использованием инструментов программного пакета Excel был проанализирован ряд распределения 79 субъектов Российской Федерации по данному показателю в 2020 г. Интервальный ряд распределения регионов России представлен в табл. 1.

Средний размер жилой площади, приходящейся на одного жителя, в 2020 г. находился в интервале от 14,2 до 33,5 м². Его среднее значение составило 26,8 м² при среднем отклонении от данного уровня 3,8 м², или 14,3 %. Наибольшее число регионов (50,3 %), включая Кировскую область, находится в интервале от 23,9 до 28,7 м². Максимальный уровень обеспеченности жильём, равный 33,5 м², зафиксирован в Московской области.

Таблица 1

Table 1

**Интервальный ряд распределения регионов России
по уровню обеспеченности жильём**
**Interval series of distribution of Russian regions by the level of housing
provision**

Группы регионов по общей площади жилых помещений, в расчёте на одного жителя, м ²	Число регионов	Доля группы, %
14,2–16,6	2	2,5
16,6–19,0	1	1,3
19,0–21,4	4	5,1
21,4–23,9	8	10,1
23,9–26,3	20	25,3
26,3–28,7	20	25,3
28,7–31,1	16	20,3
31,1–33,5	8	10,1
Итого	79	100,0

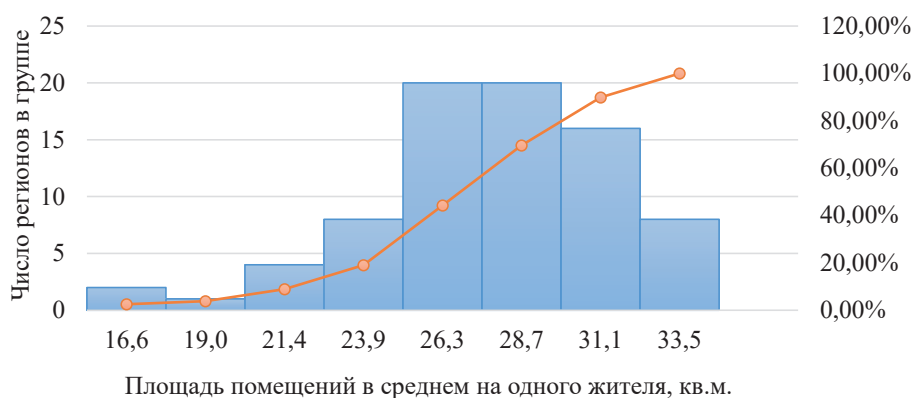

Рис. 1. Распределение регионов по уровню обеспеченности жильём

Fig. 1. Distribution of regions by the level of housing provision

Для наглядности полученные результаты отражены на гистограмме (рис. 1).

Общая площадь жилищного фонда России с 2010 по 2021 г. возросла на 21,5 % и составила 3 927 млн м². Результатом такой динамики явилось сокращение за данный период на 19,6 % числа семей, состоящих на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях.

Реализацию федерального проекта «Жильё» необходимо осуществлять с учётом природно-климатических и социально-экономических особенностей развития отдельных регионов и муниципальных образований.

По данным Кировстата¹, в 2020 г. в Кировской области за счёт всех источников финансирования было построено 6 840 квартир общей площадью 460,4 тыс. м², из которых 22,5 тыс. м² введе-

¹ Кировстат. URL: <http://kirovstat.gks.ru>

но на земельных участках, предназначенных для ведения гражданского садоводства.

Количество построенного жилья в расчёте на тысячу жителей области составило 366 м² (в 2019 г. — 398 м²). Среди 14 регионов Приволжского федерального округа по данному показателю Кировская область занимает последнее место. Лидирующее положение в ПФО занимает Ульяновская область, в которой в 2020 г. введено 845 м² на тысячу жителей.

Важной задачей реализации федерального проекта «Жильё» является не только увеличение объёма строительных работ, но и повышение уровня благоустройства жилищного фонда.

Жилищные условия населения Кировской области за последние пять лет несколько улучшились (табл. 2). Наибольшую долю занимают площади, благоустроенные водопроводом, их

**Уровень благоустройства жилищного фонда Кировской области
(на конец года, % от общей площади)
Indicators of the level of improvement of the housing stock of the Kirov region
(at the end of the year, % of the total area)**

Виды благоустройств жилищного фонда	2015			2020		
	всего	городская местность	сельская местность	всего	городская местность	сельская местность
Водопровод	80,5	86,2	65,9	84,6	90,5	69,2
Канализация	60,8	71,1	34,3	66,3	76,9	38,6
Отопление	61,4	71,4	36,0	66,4	76,6	39,8
Горячее водоснабжение	51,9	66,0	15,7	51,5	64,2	18,5
Газ	72,3	70,8	76,2	71,7	70,2	75,6
Напольные электроплиты	15,6	20,3	3,7	19,1	24,5	5,0

удельный вес составил 84,6 %. Следует отметить существенное различие между уровнем благоустройства жилищ в городской и сельской местности. Исключение составляет обеспеченность газом, связанная с активно проводимой в области газификацией.

Наибольший удельный вес в объёме введённого жилья в области занимает муниципальное образование «Город Киров». В 2020 г. его доля составила 65,8 %. Для анализа развития жилищного рынка в МО была проанализирована динамика показателей, представленных в табл. 3.

Площадь вводимых в действие жилых домов за с 2014 по 2020 г. сократилась на 37,1 %, индивидуальных домов — на 30,6 %. Среднегодовой темп снижения общего объёма введённого жилья составил 7,4 %, индивидуального —

5,9 %. При этом наблюдается положительная динамика роста числа семей, получивших жильё и улучшивших свои жилищные условия. За семь лет число таких семей возросло на 116, или на 59,8 %. Среднегодовой темп прироста данного показателя составил 8,1 %. В результате число семей, нуждающихся в жилье, сократилось на 7,3 %.

Если это сокращение оценивать как положительный тренд, то динамика введения в действие жилых домов, в том числе индивидуальных, свидетельствует о снижении объёмов жилищного строительства в муниципальном образовании.

Анализ структуры введённых в действие жилых домов показал, что наибольший удельный вес занимают многоквартирные жилые дома, доля которых при этом снизилась с 85,5 в 2014 г.

**Динамика ключевых показателей развития рынка жилья в МО «Город Киров»
Dynamics of key indicators of housing market development in the municipality «Kirov City»**

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Введено в действие жилых домов, всего, тыс. м ²	456,3	503, 1	497,5	372,0	355,8	309,9	286,8
Введено в действие индивидуальных жилых домов, тыс. м ²	66,2	72,0	44,6	45,1	62,9	48,8	46,0
в т. ч. в % от общего объёма ввода	14,5	14,3	9,0	12,1	17,7	15,7	16,0
Число семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия	194	264	195	351	314	287	310
Число семей, состоящих на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях на конец года	11 700	11 277	10 951	10 858	11 070	10 982	10 844

до 84,0 % в 2020 г. Это связано с тем, что ввод в действие многоквартирных домов имеет более высокий темп снижения по сравнению с вводом индивидуальных домов.

В составе семей, нуждающихся в жилье, особого внимания заслуживают семьи ветеранов боевых действий, инвалидов, семьи, проживающие в ветхом и аварийном фонде, многодетные и молодые семьи. Доля таких семей за исследуемый период сократилась на 4,49 п. п. и составила в 2020 г. 11,66 %, в том числе:

- семьи ветеранов боевых действий — 3,93 %;
- семьи инвалидов и семьи, имеющие детей-инвалидов, — 3,50 %;
- семьи, проживающие в ветхом и аварийном фонде, — 2,94 %;
- многодетные семьи — 0,72 %;
- молодые семьи — 0,57 %.

С помощью метода аналитического выравнивания было выявлено, что наиболее адекватно характеризует динамику ввода в эксплуатацию жилых домов, в том числе индивидуальных, линейная форма тренда.

Тенденцию числа семей, улучшивших жилищные условия и состоящих на учёте в качестве нуждающихся в жилье, отражает степенная

функция. Для наглядности динамика данных показателей, а также линии их трендов представлены на рис. 2 [15].

Линии трендов, как и средние показатели динамики, подтверждают неутешительные прогнозы изменения ситуации на рынке жилья г. Кирова. Так, например, прогноз ввода в действие жилых домов на территории муниципального образования в 2021 г. составил 249,3 тыс. м², что на 37,6 тыс. м² меньше, чем в 2020 г., а в 2022 г. прогноз показателя составил 212,2 тыс. м².

Прогнозные значения площади ввода в действие индивидуальных жилых домов в 2021 и 2022 гг. соответственно составили 42,4 и 39,2 тыс. м².

В результате положительной динамики число семей, получивших жильё, может возрасти с 358 в 2021 г. до 385 в 2022 г. Кроме того, прогнозируется дальнейшее уменьшение числа семей, нуждающихся в жилых помещениях, с 10 673 в 2021 г. до 10 571 в 2022 г., что также свидетельствует о небольшом улучшении ситуации на рынке предоставления жилья.

Но, несмотря на такие положительные изменения, ситуацию на рынке жилья в Кирове нельзя назвать благоприятной, так как линии тренда показателей введения жилых домов демонстри-

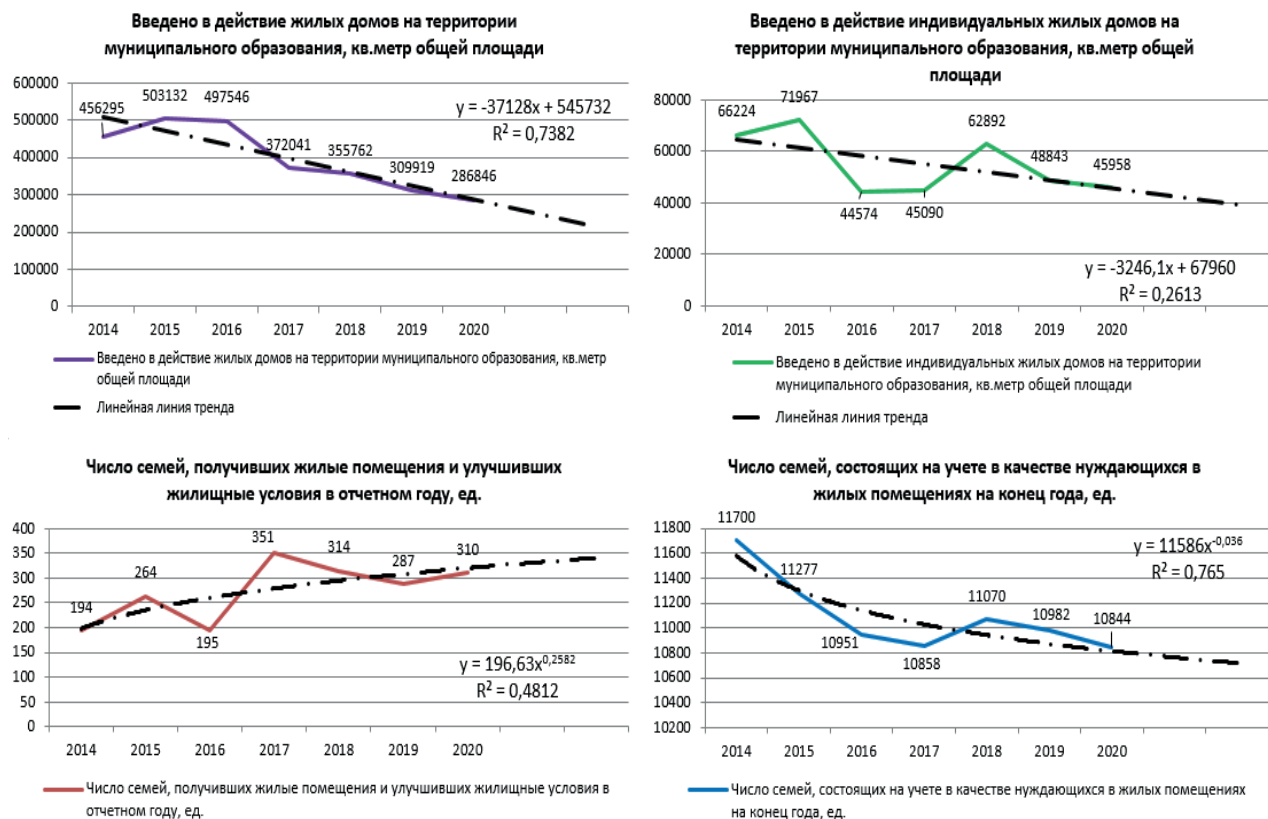

Рис. 2. Динамика показателей рынка жилья в г. Кирове

Fig. 2. Dynamics of housing market indicators in Kirov

руют отрицательную динамику, а значит, согласно прогнозу, ситуация будет с каждым годом только ухудшаться, если не будут приняты соответствующие меры.

Одним из основных направлений развития федерального проекта «Жильё» является обеспечение семей доступным жильём [6]. Для оценки доступности жилья для людей разных возрастных категорий был проведён социальный опрос, в котором приняли участие 48 респондентов. Каждая возрастная группа опрашиваемых включала 16 человек. Результаты отражены в табл. 4.

По данным опроса, молодёжь (18–35 лет) испытывает довольно большие проблемы с покупкой жилья и зачастую не может себе её позволить. В том случае, если молодые люди всё же покупают себе жильё, то они приобретают его в ипотеку. Вторая возрастная группа — это в большинстве своём работающие люди (35–65 лет). Им покупка жилья представляется более доступной, есть даже 19 % тех, для кого это не представляет проблемы.

Однако среди этой группы большинство всё же считает возможной покупку жилья лишь посредством взятия ипотеки, а 25 % даже этого не мо-

гут себе позволить. Среди пенсионеров также большинство для покупки квартиры вынуждены брать ипотеку (62,5 %), а 31 % не может себе позволить купить жильё. Только 1 человек из 16 не испытывает проблем с покупкой. В целом приобрести жильё легче людям из второй возрастной группы (35–65 лет), так как почти все они уже работают и имеют стабильный доход, некоторые настолько высокий, что не нуждаются в кредитах для покупки жилья.

Также был проведён опрос, в результате которого было необходимо установить наиболее востребованные характеристики при покупке жилья. В качестве респондентов были выбраны 50 человек, живущих в квартирах, и 50 человек, живущих в частных домах. Респондентам было предложено выбрать один из наиболее важных на их взгляд критериев из пяти предложенных (критерии взяты из совместного исследования ВЦИОМ и ДОМ.РФ, проведённого в 2020 г.). Результаты проведённого опроса представлены в табл. 5.

Согласно данным опроса, для живущих и в квартирах, и в частных домах очень важна близость дома к объектам социальной инфра-

Таблица 4

Table 4

Результаты опроса по оценке уровня доступности жилья
The results of the survey to assess the level of housing affordability

Возрастная группа, лет	Распределение респондентов по вариантам ответа					
	«Не могу позволить себе жильё», чел.	Доля, %	«Приобрести жильё могу, но только в ипотеку», чел.	Доля, %	«Не испытываю проблем с покупкой жилья», чел.	Доля, %
18–35	11	68,75	5	31,25	0	0,00
35–65	4	25,00	9	56,25	3	18,75
65 и старше	5	31,25	10	62,5	1	6,25

Таблица 5

Table 5

Результаты опроса по наиболее востребованным характеристикам жилья
The results of the survey on the most popular characteristics of housing

Характеристики жилья	Жители квартир, чел.	Доля, %	Жители частных домов, чел.	Доля, %
Близость дома к объектам социальной инфраструктуры	19	38,00	12	24,00
Близость к лесопарковой зоне/лесу	8	16,00	7	14,00
Наличие доступа к качественному высокоскоростному Интернету	10	20,00	9	18,00
Транспортная доступность	8	16,00	8	16,00
Наличие дворовой территории, детских площадок	5	10,00	14	28,00

структуры (на первом и втором месте соответственно), что вполне логично, ведь хочется иметь необходимые для комфортной жизни учреждения в шаговой доступности, особенно в условиях пандемии. Люди хотят иметь возможность провести время на свежем воздухе: на третьем месте по актуальности для жителей многоквартирных домов — расположение дома по соседству с лесопарковой зоной или лесом, а для владельцев частных домов на первом — наличие собственной придомовой территории.

Обе группы высоко оценили наличие доступа к качественному высокоскоростному Интернету, который в современном мире давно уже стал важным инструментом работы, учёбы и развлечений.

При проведении исследования методом корреляционно-регрессионного анализа было установлено, что основными факторами, определяющими объём жилищного строительства в регионе, являются: среднедушевые доходы населения, цена 1 м² жилья на вторичном рынке, ставка по ипотеке. Коэффициент множественной корреляции в рассматриваемой модели составил 0,822, что означает, что между выбранными факторами существует тесная связь. Вариация объёмов строительства в расчёте на тысячу жителей на 67,6 % обусловлена влиянием выбранных факторов. Было установлено, что наиболее тесной является зависимость объёма жилищного строительства от среднедушевых доходов населения, коэффициент детерминации составил 85,3 %. Коэффициент парной корреляции также показал наличие тесной взаимосвязи между результативным признаком и ставкой по ипотеке. Наличие прямой связи между данными признаками даёт основание утверждать, что с увеличением объёма ипотечного портфеля следует ожидать увеличения объёмов жилищного строительства.

По поручению президента России Владимира Путина с апреля 2020 г. в стране была запущена программа льготной ипотеки под 6,5 % годовых. Её основная задача — стимулировать спрос на первичном рынке жилья. Внедрение программы в Кировской области положительно сказалось на развитии жилищного строительства. Так, количество нереализованного жилья у застройщиков во введённых в эксплуатацию домах сократилось в 2020 г. на 40 %. Но при этом увеличение спроса на новостройки стало и причиной их удорожания.

Обобщающим показателем, определяющим в конечном итоге эффективность функционирования рынка жилья в регионе, является показатель доступности его приобретения. По нашему мне-

нию, заслуживает внимания методика оценки доступности жилья, используемая экспертами агентства РИА по данным Росстата и Центробанка¹. Уровень доступности жилья характеризуется показателем минимального количества лет, необходимого семье из трёх человек (двух взрослых и одного ребёнка), чтобы накопить на типовую квартиру площадью 60 м². Для расчёта используется средняя стоимость такой квартиры на вторичном рынке. На начало 2021 г. средняя стоимость квартиры площадью 60 м² в России составила 3,7 млн р., в Кировской области — 2,6 млн р. Соответственно, минимальное число лет, необходимое семье, чтобы накопить на квартиру в Кировской области, составляет 8,0 лет, что на 3,3 года больше, чем в среднем по стране. В результате Кировская область в рейтинге по уровню доступности жилья находится на 53-м месте в РФ и на 11-м месте — в Приволжском федеральном округе. Лидирующие позиции в ПФО занимают Оренбургская и Самарская области с соответствующими уровнями доступности жилья 5,0 и 5,8 года.

Заключение

Таким образом, статистические методы позволили дать оценку современного состояния рынка жилья в Кировской области и в муниципальном образовании «Город Киров». Было выявлено, что развитие рынка жилья в МО находится на низком уровне, что подтверждается ежегодным сокращением количества введённых в действие жилых домов, наличием существенного числа семей, нуждающихся в жилье. Подтверждает это и прогнозная динамика, а также данные опросов населения. Изучив развитие рынка жилья, следует отметить, что необходимо проводить политику, направленную на увеличение доходов населения и увеличение жилищного строительства в муниципальном образовании, а также держать на приемлемом и доступном для населения уровне цену за квадратный метр на рынке жилья и процентную ставку по ипотеке. Следовательно, необходимо активно реализовывать мероприятия из федерального проекта «Жильё», так как именно он нацелен на то, чтобы приобретение жилья было доступным для каждой семьи, в том числе с применением ипотечного кредитования, что повлечёт увеличение объёма жилищного строительства. Реализация этих мероприятий позволит улучшить ситуацию на рынке жилья как в отдельных регионах, так и в целом в Российской Федерации.

¹ Рейтинг регионов по доступности жилья — 2021. URL: <https://ria.ru/20210628/zhile-1738620318.html>

Список источников

1. Бердова Ю. С., Пилипенко Л. М. Реализация государственной жилищной политики: региональный аспект // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1. С. 1504.
2. Горемыкин В. А. Экономика недвижимости : учебник. М. : Юрайт, 2019. 883 с.
3. Грабовый П. С. Проблемы индивидуального жилищного строительства в России и возможные пути их решения // *Недвижимость: экономика и управление*. 2019. № 1. С. 94–103.
4. Журавлёв Н. В. Экономическая сущность недвижимости в рыночной экономике // *Социально-экономические явления и процессы*. 2019. № 1 (035). С. 68–71.
5. Кожевников С. А. Жилищная проблема в современной России и пути её решения в рамках нацпроекта «жильё и городская среда» // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2019. № 11 (433). С. 71–81.
6. Лаптева И. П., Сайдакова В. А. Анализ доступности жилья в Кировской области // *Общество. Наука. Инновации (НПК-2020) : сборник статей XX Всероссийской научно-практической конференции : в 2 т.* Киров, 2020. С. 391–398.
7. Лебедева О. И. О некоторых особенностях современного рынка недвижимого имущества // *Проблемы современной экономики*. 2019. № 1. С. 298–302.
8. Лубсанова Н. Б. Совершенствование механизма государственного регулирования локального рынка жилья на основе оптимизации распределения бюджетных ресурсов // *Теоретическая и прикладная экономика*. 2019. № 3. С. 35–42.
9. Мамлеева Э. Р., Сазыкина М. Ю., Трофимова Н. В. Оценка уровня дифференциации регионов Приволжского федерального округа по уровню жилищной обеспеченности и благоустройства жилищного фонда // *Жилищные стратегии*. 2021. Т. 8, № 4. С. 385–398.
10. Мухаев А. И., Попова И. В., Дедичкина Ю. В. Анализ современного состояния и перспектив развития жилищного строительства в Российской Федерации // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 3.
11. Прокофьев К. Ю. Механизм реализации государственной политики на региональном уровне // *Региональная экономика: теория и практика*. 2016. № 2. С. 149–158.
12. Рослова А. А. Экономическая статистика рынка жилья и недвижимости в России // *Статистический анализ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации : материалы 7-й Международной научно-практической конференции / Брянский государственный инженерно-технологический университет*. Брянск, 2020. С. 399–403.
13. Сафина А. Ф., Александровская Ю. П. Статистический анализ рынка жилой недвижимости в регионах Российской Федерации // *Статистический анализ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации : материалы 6-й Международной научно-практической конференции / Брянский государственный инженерно-технологический университет*. Брянск, 2019. С. 464–468.
14. *Социально-экономическая статистика : учебник для бакалавров / под ред. М. Р. Ефимовой*. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2016. 591 с.
15. *Статистика : учебник для прикладного бакалавриата / под ред. И. И. Елисеевой*. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. 361 с.
16. Стерник Г. М. Количественная оценка влияния различных факторов на доступность жилья и ипотеки // *Урбанистика и рынок недвижимости*. 2015. № 1. С. 6–16.
17. Улицкая Н. Ю. Правовое регулирование рынка жилой недвижимости // *Вектор экономики*. 2018. № 4 (22). URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/4/regionaleconomy/Ulitskaya_Bataeva.pdf (дата обращения: 09.12.2021)

References

1. Berdova YS, Pilipenko LM. Implementation of the State housing policy: regional aspect. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2015;(1):1504. (In Russ.).
2. Goremikin VA. Economics of real estate: textbook. Moscow, Yuriit Publ.; 2019. 883 p. (In Russ.).
3. Grabovoy PS. Problems of individual housing construction in Russia and possible ways of their solution. *Nedvizhimost': ekonomika i upravlenie = Real estate: economy and management*. 2019;(1):94-103. (In Russ.).
4. Cranes NV. Economic essence of real estate in a market economy. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya*

i processy = Socio-economic phenomena and processes. 2019;(1):68-71. (In Russ.).

5. Kozhevnikov SA. Housing problem in modern Russia and ways of its solution within the framework of the national project "Housing and Urban Environment". *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019;(11(433)):71-81. (In Russ.).

6. Lapteva IP, Saidakova VA. Analysis of affordability of housing in the Kirov region. In the collection: Society. Science. Innovations (CPC-2020) Collection of Articles of the XX All-Russian Scientific and Practical Conference, in 2 vol. Kirov; 2020. Pp. 391–398. (In Russ.).

7. Lebedeva OI. About some features of the modern real estate market. *Problemy sovremennoj ekonomiki = Problems of the modern economy*. 2019;(1):298-302. (In Russ.).

8. Lubsanova NB. Improvement of the mechanism of state regulation of the local market of housing on the basis of optimization of distribution of budget resources. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika = Theoretical and applied economy*. 2019;(3):35-42. (In Russ.).

9. Mamleyeva ER, Sazykina MY, Trofimova NV. Assessment of the level of differentiation of the regions of the Volga Federal District by the level of housing security and improvement. *Zhilishchnye strategii = Housing strategies*. 2021;8(4):385-398. (In Russ.).

10. Mukhaev AI, Popova IV, Dedychkina YuV. Analysis of the current state and prospects of development of housing construction in the Russian Federation. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2014;(3). (In Russ.).

11. Prokofiev KY. Mechanism of implementation of state policy at the regional level. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional economy: theory and practice*. 2016;(2):149-158 (In Russ.).

12. Roslova AA. Economic statistics of the housing and real estate market in Russia. Bryansk; 2020. Pp. 399–403. (In Russ.).

13. Safina AF, Alexandrovskaya YP. Statistical analysis of the market of residential real estate in the regions of the Russian Federation. Bryansk; 2019. Pp. 464-468. (In Russ.).

14. Socio-economic statistics: studies. Moscow; Jurait Publ.; 2016. 591 p. (In Russ.).

15. Statistics: tutorial for applied bachelor. Moscow, Yurait Publ.; 2018. 361 p. (In Russ.).

16. Sternik GM. Quantitative assessment of the influence of various factors on the affordability of housing and mortgages. *Urbanistika i rynek nedvizhimosti = Urbanism and the real estate market*. 2015;(1):6-16. (In Russ.).

17. Ulitskaya NY. Legal regulation of the residential real estate market. *Vektor ekonomiki = Economic Vector*. 2018;(4). Available from: http://ww.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/4/regionaleconomy/Ulitskaya_Bataeva.pdf (date of circulation: 09.12.2021) (In Russ.).

Сведения об авторах

И. П. Лаптева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики.

Е. Н. Гришина — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий и статистики.

Information about the authors

I. P. Lapteva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics.

E. N. Grishina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information Technologies and Statistics.

Статья поступила в редакцию 13.03.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 13.03.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК [338.242:332.13]:332.14

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10405

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ РЕФОРМА: ЭТНИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (на примере Удмуртской Республики)

Рамиль Могатович Ямилов

Сарапульский политехнический институт (филиал) Ижевского государственного университета имени М. Т. Калашникова, Сарапул, Россия, jaramo@mail.ru, ORCID 0000-0001-7835-9855

Аннотация. Рассмотрено влияние этнического контекста на государственное и муниципальное управление (на примере Удмуртской Республики). Выделена ведущая этническая связь как основа формирования этноса. Предложено определение этнической идентичности. Установлено, что власть и этнос — это синергетический эффект эволюции социальной системы. Выделены базовые и факультативные атрибуты этнической системы. Предложена связная модель этноса. Построена модель открытости/закрытости этнической системы. Рассмотрена упрощённая схема равноправного взаимодействия этносов и государства. Рассмотрена упрощённая схема неравноправного взаимодействия этносов и государства. Показано влияние коммуникационной доступности на формирование этноса. Показана возможность смены ведущей связи социальной системы с ведущей этнической связью, эффективной в индустриальную эпоху, на иную ведущую связь в постиндустриальной эпохе из-за расширения коммуникационной доступности. Рассмотрены соотношения этнически определённой территории и административной территории этноса. Выделены ассимиляционные и деассимиляционные этнические процессы. Предложена концепция этникоценоза. Выявлена необходимость исследований и разработки интегрального критерия доминирования этноса. Проведён анализ порайонного национального состава Удмуртской Республики. Установлено, что этнический аспект публичного управления — уровень муниципального управления, выявлено конституционно закреплённое неравенство этносов по территориальным образованиям, которое необходимо устранить. Показан конституционно закреплённый примат удмуртского этноса в Конституции Удмуртской Республики, что может являться предпосылкой дискриминации иных этносов, проживающих на территории Удмуртии, что необходимо устранить. Рекомендован перевод национального вопроса с политической и экономической плоскости в культурную, имеющий правовые основания.

Ключевые слова: этнос, административно-территориальная реформа, удмурты, этническая система, атрибут, идентичность, этнический ареал, административный ареал, этнический контекст, управление, связь, цивилизационный код

Для цитирования: Ямилов Р. М. Административно-территориальная реформа: этнический контекст государственного и муниципального управления (на примере Удмуртской Республики) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 39–55. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10405

Original article

ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL REFORM: ETHNIC CONTEXT OF STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION (on the example of the Udmurt Republic)

Ramil M. Yamilov

Sarapul Polytechnic Institute (branch) of Izhevsk State Technical University of a name of MT Kalashnikov, Sarapul, Russia, jaramo@mail.ru, ORCID 0000-0001-7835-9855

Abstract. The influence of the ethnic context on state and municipal administration is considered (on the example of the Udmurt Republic). The leading ethnic connection is highlighted as the basis for the formation of an ethnos.

The definition of ethnic identity is proposed. It is established that power and ethnicity are a synergistic effect of the evolution of the social system. The basic and optional attributes of the ethnic system are highlighted. A coherent model of the ethnos is proposed. The model of openness/closeness of the ethnic system is constructed. A simplified scheme of equal interaction between ethnic groups and the state is considered. A simplified scheme of unequal interaction of ethnic groups and the state is considered. The influence of communication accessibility on the formation of an ethnic group is shown. The possibility of changing the leading link of the social system from the leading ethnic link effective in the industrial era to another leading link in the post-industrial era due to the expansion of communication accessibility is shown. The relations of an ethnically defined territory and the administrative territory of an ethnos are considered. Assimilation and de-assimilation ethnic processes are highlighted. The concept of ethnicococenos is proposed. The necessity of research and development of an integral criterion for the dominance of an ethnic group is revealed. The analysis of the regional national composition of the Udmurt Republic is carried out. It is established that the ethnic aspect of public administration is the level of municipal administration, and the constitutionally fixed inequality of ethnic groups by territorial entities, which must be eliminated, is revealed. The author shows the constitutionally fixed primacy of the Udmurt ethnic group in the Constitution of the Udmurt Republic, which may be a prerequisite for discrimination of other ethnic groups living on the territory of Udmurtia, which must be eliminated. It is recommended to transfer the national issue from the political and economic plane to the cultural one, especially since there are legal grounds.

Keywords: ethnos, administrative-territorial reform, Udmurts, ethnic system, attribute, identity, ethnic area, administrative area, ethnic context, management, communication, civilizational code

For citation: Yamilov R.M. Administrative and territorial reform: ethnic context of state and municipal administration (on the example of the Udmurt Republic). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):39-55. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10405

Введение

Одна из проблем административно-территориальной реформы (далее АТР) — национальный (этнический) вопрос, который, на наш взгляд, в существующих применениях значительно искажает общественные отношения, порождая необоснованное преимущество одной этнической группы над другими на определённой внутригосударственной территории, что является фактором системной нестабильности для государства. Если для мононационального государства национальный фактор является усиливающим системную стабильность, и общность одной национальной идентичности рано или поздно объединяется территориально, то для многонационального государства национальный фактор порождает внутрисистемные линии разлома, которые в случае возникновения системной нестабильности разрушает (может разрушить) данное государство.

Многонациональное государство для своей системной стабильности должно:

- либо формировать новую национальную идентичность, включающую в себя предшествующие нации как составные элементы, а не как подсистемы, что решается созданием метанации [1];
- либо перевести национальный вопрос с уровня системной связи на уровень элементной связи¹;

¹Для дальнейших рассуждений выделим следующие виды базовых связей: межсистемные связи — связи между различными системами; системные связи — связи, охватывающие всю систему; подсистемные связи — связи между подсистемами одной системы;

— либо сочетать оба способа.

В первом случае нациостроительство [2; 3] является длительным процессом и неэффективно в современных реалиях, когда с расширением коммуникационной доступности, в том числе информационной, любое государство/этнос может взаимодействовать с другим любым государством/этносом вне зависимости от территориального (пространственного) взаиморасположения и наличия/отсутствия территориального соприкосновения.

Перевод национального вопроса с подсистемного уровня на элементный позволяет «ослабить» этнические подсистемы (группы), лишая тем самым их экономического базиса реализации суверенитета на основе принципа объединения слабых [4].

В настоящий момент этнический контекст российского государства осуществлён на уровне подсистемных связей, что уже несёт в себе возможный сепаратизм, ибо разрушение любой системы происходит её подсистемами, а не элементами системами. Особую насторожённость вызывает наличие межсистемно-подсистемных связей, используемых в качестве «мягкой» силы, например, этноидеологическая и религиозная экспансия Турции на мусульманские регионы с целью

межподсистемные — связи между подсистемами различных систем; межсистемно-подсистемные связи — связи между подсистемой системы и другой системой; элементные связи — связи между элементами одной системы; межэлементные связи — связи между элементами различных систем.

создания Великого Турана¹.

Для понимания этнического контекста государственного и муниципального управления (далее ГМУ или публичное управление²) необходимо изучить формирование этнической идентичности. На основе полученного знания можно показать влияние этнического контекста на публичное управление относительно административно-территориального устройства и, соответственно, национальное влияние на АТР.

Основной спорный момент в нациестроительстве является вопрос о том, что первичнее: нация или национальное государство³.

Можно сгруппировать точки зрения по первичности государства/нации следующим образом:

- нацию создаёт государство;
- нация создаёт государство.

Нациестроительство необходимо рассматривать не как процесс создания, а как процесс усложнения социальной системы, результатом которого появились и эволюционировали власть и этнос⁴ как неотделимые свойства социальных систем и синергетические эффекты социальных систем.

Максимизация социальной системы как имманентное свойство социальной системы требует её постоянного расширения [5, с. 24].

¹Межсистемно-субсистемные связи, являясь скрытым управлением субсистемами другой системы и инструментом влияния, реализуемые как культурная, научная и другие экспансии, имеют потенциал вовлечения (встраивания, поглощения) другой системы с последующей декомпозицией в систему, использующую межсистемно-субсистемные связи. Эффективным поглощением можно считать декомпозицию поглощаемой системы до элементов, поскольку в случае декомпозиции системы до субсистем она имеет шанс на возрождение, так как исходя из предыдущего генезиса субсистема самоидентифицируется в качестве иной системы (принцип гомеостаза системы). Отсюда групповой характер этнической (национальной) самоидентификации, которая не имеет конкретного ядра (носителей данной самоидентификации), а «разлита» по всей этнической группе и может быть активирована при взаимодействии двух носителей данной самоидентификации. Попытка устранить субгруппы, самоидентифицируемой/самоидентифицирующейся в качестве ядра самоидентификации этноса, неэффективна.

²С учётом последних изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 в Конституцию РФ, данные термины синонимичны.

³Дилемма курицы и яйца в этническом приложении.

⁴Применён термин «этнос», поскольку нация является некоторым этапом развития этноса как социальной системы [1]. Необходимо говорить об этностроительстве, то есть нациестроительство — это частный случай этностроительства.

Ограничителем данного расширения являются другие социальные системы, которые тоже пытаются расширяться, что является основой конкуренции социальных систем. Другим ограничителем являются пределы сложности социальной системы⁵, при достижении которых субсистемы социальной системы становятся отдельными социальными системами⁶, при этом разрушая материнскую систему, хотя материнская система может сохраняться длительное время по причине того, что разрушение такой системы не имеет достаточной выгоды для дочерних субсистем⁷. Данный вариант преодоления предела сложности социальной системы является количественным и осуществляется в рамках определённой формации (в контексте марксистских рассуждений).

Другой вариант преодоления предела сложности социальной системы является качественным, когда происходит скачок социальной системы во вышестоящую формацию через переформатирование связей данной социальной группы.

Государство и нация — результат развития социальных систем, поскольку:

- власть и этнос — это синергетический эффект эволюции социальной системы;

⁵Параметры пределов социальной системы, которые, на наш взгляд, коррелируют с развитием социальных систем (социумов) относительно коммуникационной доступности от первобытной стаи (орды) до метанации [1, табл. 1], еще предстоит определить. Пределы усложнения социальной системы связаны со стадиями развития социума: стая, семья, племя, род, народ, нация, метанация.

⁶Отметим, что выделение систем, в том числе социальных, достаточно условно, поскольку каждая система входит в вышестоящую систему как субсистема по принципу матрёшки. Соответственно в отношении социальных систем можно выделить как минимум следующие уровневые социальные системы: мегасоциальная система, охватывающая весь земной социум; регионосоциальная система, охватывающая этнос, расположенный в нескольких государственных суверенитетах; макросоциальная система, охватывающая этнос или часть этноса, расположенная под одним государственным суверенитетом; мезосоциальная система, охватывающая этнос или часть этноса внутри части одного государственного суверенитета; микросоциальная система, охватывающая субэтнос одного этноса внутри части одного государственного суверенитета.

⁷Историческим примером такой материнской системы является Священная Римская империя, существовавшая с 962 по 1806 г., поскольку данная социальная система не имела критических пересечений интересов с составляющими ее дочерними социальными системами. Фактически такие социальные системы существуют на бумаге.

— власть и этнос — это инструмент конкуренции с другими социальными системами;

— власть и этнос системно и эволюционно неразделимы между собой.

В настоящее время системная диада власть—этнос представляет собой диаду государство—нация¹.

Власть — результат дифференциации внутренней структуры социальной системы², позволяющей:

— быстрее и более эффективно реагировать на внешние вызовы, поскольку появляются субсистемы, специализированные («заточенные») на определённые вызовы³, через построение необходимых адаптивных сетей (временных связей между элементами), но при этом возникает необходимость конфигурировать сети адекватного ответа на вызов на основании субсистем, а также стабилизировать состояние социальной сети. То есть власть — это надсубсистемное свойство, позволяющее построить необходимую сетевую конфигурацию социальной системы в отношении вызова⁴ и стабилизации состояния социальной системы. На данный момент наиболее эффективным системным инструментом является власть в виде государства, позволяющая быстро концентрировать ресурсы системы для её сохранения;

— максимизировать расширение социальной системы.

Этнос — это построение связей между элементами социальной системы в контексте ведущей связи на основе этнической идентичности (далее ведущая этническая связь).

Любая социальная система состоит как минимум из активных элементов (люди), пассивных элементов (материальная основа) и связей (отношений) между элементами⁵.

¹ Составляющие диады власть—этнос равнозначны.

² Чем более дифференцирована социальная система, тем она более устойчивее.

³ Наглядным примером является эволюция вооружённых сил — от народного ополчения на заре цивилизации до армии со специализированными подразделениями.

⁴ На наш взгляд, основное разграничение системы (system) и сети (network) состоит в темпоральной стабильности («жёсткости») и обособленности элементно-связной конструкции/состава. Система — стабильная и обособленная элементно-связная конструкция в течение длительного времени, как в отношении элементов, так и в отношении связей, в то время как сеть — адаптивная элементно-связная конструкция с меняющимся элементным и связным составом, при этом сеть может объединять элементы различных систем.

⁵ Для настоящей статьи будем именовать активный элемент (человека) этнической социальной системы —

Между элементами существует множество связей⁶. При этом можно выделить ведущую связь, которая определяет социальную систему и контексты для ведомых связей, и ведомые связи (субсвязи), существующие в контексте ведущей связи. В зависимости от признака ведущей связи формируются те или иные социальные системы. Например, профессиональные сообщества формируются на основании ведущей связи — профессиональной деятельности (юристы, экономисты, работники сельского хозяйства и т. д.)⁷.

Логика цивилизационного развития показала, что наиболее эффективной социальной системой является социальная система с ведущей этнической связью (далее — этническая система), позволяющая объединить максимально возможное количество разнородных элементов.

этник — человек с определённой этнической идентичностью, пассивный элемент — этноартефакт — этнический артефакт, отображающий определённую этническую идентичность.

⁶ Отсюда индивидуум как элемент социальной системы полисвязен (поликонтекстен, полисистемен, полисоциален), то есть он может входить во множество социальных систем.

⁷ Элементы социальной системы статичны, а связи динамичны, тем самым связи определяют социальную систему. Безусловно, качество и количество элементов социальной системы важны, но в условиях современного технологического развития главными признаками элементов становятся качественные, а количественные признаки элементов теряют определяющую роль. Отсюда, например, расцвет и продвижение небинарных гендеров, которые были невозможны буквально пятьдесят лет назад, поскольку они препятствовали количественному увеличению элементов социальной системы, что возможно только в условиях бинарных гендеров и является способом увеличения элементной базы и расширения социальной системы, в частности, демографическим оружием социальных систем. Основным конкурентным преимуществом социальной системы до постиндустриальной эпохи являлось количество её элементов, которое могло нивелировать технологическое и организационное преимущество других конкурирующих социальных систем. Увеличение элементов происходило как через деторождение с соответствующим запретом небинарных гендеров, в том числе религиозных текстах (Библия. Бытие 1:28 «Плодитесь и размножайтесь»), так и вовлечением элементов, ранее не задействованных в определённых социальных связях, например, вовлечение женщин и детей в процессы промышленного производства через механизмы феминизации и эмансипации, что позволило увеличить промышленный потенциал. В настоящее время из-за технологического развития стоят задачи «выключения» излишних элементов из социальных связей и количественного уменьшения элементов, что определяет логику современного цивилизационного развития, а также логику реформирования социальных систем, например, посредством полигендерных стратегий.

Конкурентной ведущей связью является ведущая связь, основанная на религиозной идентичности (далее — ведущая религиозная связь), позволяющая охватывать большее количество разнородных элементов, поскольку она шире и включает в себя этническую идентичность.

Причина того, что основой социальных систем стали ведущие этнические связи, а не ведущие религиозные связи, — наличие коммуникационной доступности, представляющей собой эффективное расстояние общественных отношений. Ведущие этнические связи оптимально соответствовали существовавшей коммуникационной доступности социальных систем.

Соответственно, государства и нации формировались в пределах коммуникационной доступности.

Ведущая религиозная связь, особенно касающаяся мировых религий, могла превышать коммуникационную эффективность социальной системы, что приводило к превышению управления территорией над управляемой территорией¹, что в свою очередь вело к неизбежному дроблению социальной системы с ведущей религиозной связью на социальные системы, соответствующие её коммуникационной доступности, и последующему переопределению в качестве ведущей этнической связи, которая оптимизировала и стабилизировала возникшую социальную систему².

Нациестроительство относимо к построению социальных систем с ведущей этнической связью и сопряжено с государственностроительством, которые являются синергетическими свойствами и эффектами усложнения социальной системы, возникающими из-за присущего социальной

¹ См. подробнее: Ямилов Р. М. Административно-территориальная реформа: базовое соответствие территориального управления и управляемой территории // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2019. № 3 (41). С. 45–51.

² В качестве примера можно привести Арабский халифат, созданный на основе ведущей религиозной связи.

Относительно существующей коммуникационной доступности, особенно информационной, можно спрогнозировать ренессанс и/или возникновение религий или иных мировоззренческих систем, которые потенциально могут стать ведущей связью социальных систем, более эффективной, чем этнические связи, поскольку существующая коммуникационная доступность шире существовавшей коммуникационной доступности, относительно которой была эффективна ведущая этническая связь, что, например, проявляется поиском западной цивилизацией новой ведущей связи для формирования более глобальных социальных систем, ошибочно воспринимаемой как её деградация.

системе свойства к расширению (максимизации) и конкуренции с иными социальными системами³. Тем самым нациестроительство и государственностроительство являются частями социостроительства, представляющего собой создание социальных систем.

Другим элементом этноса является этническая самоидентификация, относительно которой и с помощью которой строится/восстанавливается этнос.

Материалы и методы исследования

Исследование было проведено автором с использованием методов описательного, проблематического, эволюционного, сравнительного и функционального анализа и синтеза, систематизации и интерпретации. Основными материалами выступили нормативные, программные и стратегические документы, регламентирующие административно-территориальное устройство России и Удмуртии, а также актуальные научные источники по проблеме этногенеза, нациестроительства, административно-территориальной реформы, в том числе научные труды, определяющие роль национальных отношений в административно-территориальном делении.

Результаты исследования и их обсуждение

Покажем некоторые точки зрения исследователей этнической идентичности.

В. И. Надольская считает, что субъектами цивилизационного кода выступают индивиды, социальные группы, нации, народы — носители и передатчики определённой кодовой информации [6, с. 747]. По О. Ю. Яхшияну, современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код в религиозном (православном) и языковом (русском) контексте [7, с. 53]. Для А. А. Гуцалова цивилизационный код усматривается во взаимосвязи трёх составляющих — идентичности, ценностей и культуры [8].

По Д. Г. Лошакову, российскому цивилизационному коду характерно доминирование коллективных норм и ценностей (общинных, сословных, классовых, государственных) над индивидуальными [9, с. 62]⁴. Е. В. Свиридкина выделяет три критерия глубинных свойств русского цивили-

³ Отметим, что государство- и нациестроительство являются эволюцией диады власть—этнос.

⁴ Отметим, что контекст статьи Д. Г. Лошакова предполагает наличие в российском цивилизационном коде государствоориентированности российского общества и цивилизационный код представляется в виде диады: сильное государство и бедное, несамостоятельное население [9, с. 61].

лизационного кода — правда, свобода, преобразование [10, с. 40].

С. В. Попова выделяет в качестве ключевого показателя цивилизационного кода России идею «Великой России», стержнем которого выступает духовность, влияющая в разных формах и на общество в целом, и на каждого гражданина страны в отдельности [11, с. 256].

В. И. Котляров выделяет две интерпретации цивилизационного кода:

– в широком смысле, цивилизационный код — это сложившийся и закрепившийся в сознании и поведении людей строго фиксированный набор смыслов и генетических, социальных и культурных ценностей, символов и духовного опыта, устойчивый комплекс формальных и неформальных принципов и правил хранения поведенческих форматов и знаний, благодаря которым историческая память и социальный опыт, умения и навыки передаются от поколения к поколению, регулируют взаимодействие людей в повседневной деятельности, формируют комплекс ролей и статусов, способных стать основой для развития цивилизационных отношений;

– в узком смысле: цивилизационный код — это закономерно связанные друг с другом элементы (взгляды и знания, ценности и традиции), существующие в генетических, социальных и культурных кодах и детерминирующие активность социальных субъектов, направленную на сохранение обычаев и исторической памяти, поиск новых путей и возможностей целенаправленного влияния на развитие цивилизационных отношений [12, с. 726].

А. В. Щипков даёт следующее определение цивилизационного кода: это компоненты идентичности в картине мира народа, нации или цивилизации, которые выражают себя в разных исторических ситуациях, при разных режимах, в разных культурных контекстах [13, с. 31]. Б. В. Межуев скептически относится к цивилизационному коду и считает, что если у России и существует некий особый «цивилизационный код», то он состоит в явном сопротивлении тренду на дискредитацию фигуры Отца-Царя-Бога, то есть в спасении основ патриархальной цивилизации, но в рамках христианства [14, с. 40], как результат цивилизационного сопротивления экспансии внешней среды.

Ю. В. Пазюк, В. А. Кубрина, В. П. Ефимова считают, что культурный (цивилизационный) код — это:

– ключ к пониманию данного типа культуры, уникальные культурные особенности, доставши-

еся народу от предков, закодированная в некой форме информация, позволяющая идентифицировать эту культуру;

– совокупность устойчивых, неизменных принципов, которые определяют своеобразие материальной деятельности людей, социальную организацию и духовные начала, относительно которых осуществляется производство и воспроизводство всего сообщества как целостного социального организма [15, с. 80].

М. Калашников и С. В. Кугушев оперируют понятием «топос» (генокод), представляющим собой структуру-программу, которая задаёт стабильность, границы перемен, их направление [16].

По Н. П. Денисюк, объективным основанием этнической идентичности является общность культуры, наличие общих ценностей, взаимной коммуникации членов группы; при этом этнокультурные основания идентичности воспроизводятся через сохранение исторических корней народа, символических форм, преданий, мифов, через религию, язык, фольклор, соответственно объективные этнокультурные, языковые, религиозные различия конкретных общностей создают антитезу «мы—они», в результате чего на основе «мы» формируется групповая идентификация, которая выражается в идеологии, психологии, культуре, национальной символике, совместной деятельности представителей данного этноса [17, с. 87].

Для Р. Р. Фахрутдинова и Р. Ю. Мамедлаева национальная принадлежность индивида определяется его самосознанием, базирующимся на антитезе «мы—они» и реализуемым в категории национальной принадлежности и национальной самоидентификации [18].

Для В. Р. Филиппова, исходя из того, что непротиворечивого определения понятий «этнос» и «этничность» не предложено, существование маркируемых ими социальных феноменов может считаться не более чем гипотезой [19, с. 170], при этом описательно отмечается, что индивидуум может входить в несколько социальных групп, из-за чего возникает «наслоение». По мнению Филиппова, в результате «наслоения» реальных социальных групп возникает иллюзорное множество, интерпретируемое на уровне обыденного сознания как «народ», на уровне научной категоризации — как «этнос» или «этническая общность» [19, с. 168].

Р. А. Гресь представляет этническую идентичность как целостную структуру, но включающую в себя две составляющие: 1) саму этническую

идентичность, являющуюся естественной идентичностью и связанную с аскриптивными, природными, географическими и расовыми идентичностями; 2) квазиэтническую идентичность, относящуюся к искусственным и связанную с политическими, цивилизационными, культурными, социальными и экономическими идентичностями [20, с. 52].

Ч. К. О. Ламажаа скептически относится к возможности возникновения одного мегаэтноса человечества в контексте современных глобализационных тенденций [21, с. 181].

Если подытожить данную выборку точек зрения, то можно прийти к следующему выводу: этническая идентичность представляет собой один из видов идентичностей, отождествлённой с этнически определённой социальной группой, отграниченной по антитезе «мы—они»¹ и реализуемой определённым наследуемым комплексом идентичности через языковые, мировоззренческие и иные поколенческие паттерны (шаблоны).

Приведём критический обзор определения этноса Ю. В. Бромлея², согласно которому этнос — исторически сложившаяся на определённой территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме) [22, с. 58].

Из указанного определения этноса можно выделить следующие атрибуты (признаки) этноса:

- Необходимость определённой территории предполагает наличие территориального ограничения определённого этноса. Но существуют этносы, которые территориально не закреплены, например, цыгане, китайские и еврейские диаспоры. Территориальная определённость является стартовым условием возникновения этноса;

- Историческая сложность этноса предпо-

¹ В настоящий момент в силу расширения коммуникационной доступности становится более эффективной антитеза «я—он(-и), которая будет определяющей в будущем и породит множество этнических идентичностей.

² Разбор данной позиции связан с тем, что она является основной и определяющей в российской практике национальных отношений. Отметим, что данное понимание этноса вытекает из определения нации, данного И. В. Сталиным: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [23].

лагает достаточно длительную эволюцию некоторой совокупности людей до того момента, когда она становится и/или ощущает себя этносом, в то время как определённый этнос может появиться внезапно, например, римляне, персы, русские³. Тем самым появление этноса — это фазовый переход определённой совокупности людей, осознавших этническую идентичность. Возникший этнос, в силу системного свойства — гомеостаза — неуничтожим и реплицируется до момента его «встраивания» в более конкурентоспособный этнос, но при этом он становится «спящим» этносом, способным пробудиться при возникновении необходимых условий⁴.

- Относительно стабильные особенности культуры (включая язык) не могут являться критическими признаками определённого этноса, что подтверждается большим количеством представителей малых российских этносов, не владеющих родным языком, но при этом самоотносимых к определённым этносам. Расхождение этноса влечёт за собой расхождение языкового интерфейса, начиная с диалектического, как, например, происходит политически обусловленное выделение из русского этноса украинского и белорусского этносов⁵. Существующая языковая классификация этносов не может быть основой выделения этноса и является классификацией языковых интерфейсов.

- Особенность психики не может служить обязательным (критическим) атрибутом этноса, поскольку абсолютно любой человек может войти в открытый этнос в результате воспитания, на-

³ Некоторым аналогом может быть кристаллизация, в результате которой вещество, при достижении им определённого количества, превращается в кристалл — структурно упорядоченную систему. В данном случае можно говорить об этногенезной революции, приводящей к возникновению этнической системы.

⁴ Полностью уничтожить этнос можно в случае полного уничтожения носителей этничности — этников и этноартефактов. Тем самым древнейшая практика депортации народов не есть попытка уничтожения данных народов, а способ государственного наказания определённого этноса за некие коллективные «прегрешения» перед государством. Для эффективной попытки уничтожения этноса необходимо длительное поэлементное рассеяние этников в среде других этносов с разрывом всех возможных связей между этниками и уничтожением этноартефактов.

⁵ Данное выделение началось в советское время, когда большевиками была начата, в частности, искусственная деассимиляция крупных этносов как применение принципа «разделяй и властвуй» в этническом изложении. Практика советского периода конструирования и декомпозиции этносов требует отдельного изучения.

пример, существуют русские африканцы¹. Психическая конструкция человека генетически индивидуальна и не совпадает с другими психическими конструкциями², но при этом универсальна. Из анализируемого определения возникает возможность групповой генетически обусловленной психической конструкции, что в принципе на данный эволюционный момент к человеку не применимо³.

- Самоназвание (этноним) также не может являться критическим артефактом этноса, поскольку служит определённым идентификатором, а не свойством этноса и многими этносами менялось: так, персы стали иранцами, а ряд российских этносов поменяли свой этноним, в том числе удмурты⁴.

Критическим признаком этноса из анализируемого определения остаётся этническое самосознание, скорее самоосознание индивидуума этником (элементом) данной этнической системы.

Выделим атрибуты этнической системы, направленные на отграничивание (огораживание) от других этнических систем, утверждая «самость» этнической системы:

- обязательные (базовые) атрибуты, являющиеся базовыми для этнической идентичности, обязательные для любой этнической системы⁵;

¹ Воспитание в формировании этнической идентичности является определяющим, поскольку оно чаще всего с рождения «неявное» и импринтинговое и определяет базовую этническую самоидентичность.

² Тем самым возможно определение отпечатка индивидуальной психической конструкции по аналогии с отпечатками пальцев и ДНК.

³ На данный момент говорить о генетических различиях идентичностей, в том числе расовых и этнических, как об критических атрибутах идентичности, ненаучно по причине того, что сочетание различных рас и этносов даёт размножающееся потомство, тем самым генетические границы идентичностей отсутствуют. Следовательно, генетическая основа идентичностей не является их критически определяющей. Могут существовать необязательные (некритические) фенотипические атрибуты идентичностей, возникшие/возникающие в результате фенотипической дисперсии и филетической эволюции.

⁴ Ламуты и самоеды: как раньше назывались народы нашей страны. URL: <https://weekend.rambler.ru/other/42421838-lamuty-i-samoedy-kak-ranshe-nazyvalis-narody-nashey-strany/> (дата обращения: 31.12.2021).

Для современных цифровых этносов критерии, указанные Ю. В. Бромлеем, кроме этнического самосознания, несущественны. Возникновение цифровых этносов происходит на наших глазах, и вскоре они будут легитимизированы и введены в научный оборот, хотя возможно исчезновение этнических идентичностей.

⁵ На данный момент автор пришёл к выводу о суще-

– факультативные атрибуты, варьирующиеся в зависимости от факторов этнической идентичности.

Основа любой этнической идентичности — это самоотождествление активного элемента (индивидуума) с определённой социальной системой с ведущей этнической связью, тем самым принятие существующего в данной социальной системе сложившегося и неоднократно повторяемого (реплицируемого) некоторого базового комплекса внутрисистемного отношения между элементами, отграничиваемого относительно внешней среды, в том числе от других социальных систем. Следовательно, существует базовый комплекс самоотождествления с этнической системой как таковой.

Тем самым этнос — это реплицируемое этническое самоотождествление.

При этом можно выделить первичное этническое самоотождествление (базовая этническая идентичность), возникающее на ранних стадиях развития ребёнка в определённой этнической среде, и приобретённое самоотождествление, возникающее при вхождении в другую этническую среду, что характерно для российских субэтносов. Отсюда феномен бинациональности (полиациональности) — двойной (множественной) этнической идентификации.

Э. Алос и Фонт в своих исследованиях отмечают наличие феномена двойной идентификации у части чувашского населения [24, с. 277]. Отмечена бинациональность в старших поколениях Ставропольского края⁶. Как отмечает М. В. Братерский, бинациональность — главная отличительная черта и основной «связующий раствор» американской нации [25]. Д. А. Салимова предлагает термин «бинациональная личность», отражающий не только наличие бинациональной картины мира, но и взаимовлияние двух культур и языков, вплоть до их синтеза, но на новом уровне восприятия и сознания [26].

И. Ягнинский на примере евреев пишет, что, бинациональность свидетельствует, по видимому, о незавершённом процессе ассимиляции этих людей, либо напротив, о процессе реассимиляции, то есть эволюции их национального

существования одного базового атрибута этноса — самоотождествления.

⁶ Анализ результатов исследования «Национально-культурная идентичность и развитие культурной индивидуальности населения Ставропольского края». URL: <http://skdnt.ru/sotsiologicheskie-issledovaniya/socissledovaniya2015/>.

самосознания в сторону еврейства [27, с. 192], тем самым, бинациональность — это незавершённая этноса.

В настоящее время основное научное представление этнической идентичности происходит через атрибуты элементов этнической системы, когда элементы этноса формируют её — элементную модель этноса. Предложим рассматривать этническую идентичность через атрибуты связей (отношений) элементов социальной системы — связную модель этноса¹.

Связная модель этноса² — это схема этноса, где связи между элементами являются критическим признаком этноса и этнической идентичности, то есть связи формируют этнос. Следовательно, необходимо определить свойства связей в этническом приложении. Для дальнейших рассуждений используем некоторые представления И. В. Блауберга, В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина о связях [28], а также, по мере необходимости, иных авторов, исследующих системы.

Направленность этнических связей формирует этническую систему относительно ведущей этнической связи через направленность этников и этнических субсистем. Соответственно можно выделить относительно ведущей этнической связи положительные направленные и отрицательно направленные субсвязи.

Сила этнических связей формирует устойчивость этнической системы и характеризует степень связности этников и этнических субсистем.

Совокупность направленности и силы этнических связей синергетически порождают мощь определённого этноса и определяют её потенциальные возможности. Данная совокупность может быть обозначена как этнический вектор относительно которого может быть применён векторный анализ³.

Сумма этнических направленностей этников и этнических систем с учётом влияния силы эт-

нических связей является результирующим этническим вектором этнической системы⁴, который может отличаться от идеального этнического вектора.

Открытость/закрытость этнической системы — факультативный признак этнической системы и зависит от двух условий: соотношения потенциалов внутренней среды и внешней среды и сжатия/расширения коммуникационной доступности. Открытость/закрытость этнической системы можно представить в виде рис. 1.

Открытость/закрытость этнической системы реализуется через адаптивность этнической системы, предполагающей количественное и качественное приспособление к изменению внешней среды и коммуникационной доступности. В зависимости от ситуации этническая система либо закрывается или открывается через определённые механизмы и стратегии.

Адаптивность этнической системы реализуется посредством ассимиляционных и деассимиляционных процессов.

Ассимиляционные процессы возникают при увеличении потенциала внутренней среды относительно внешней и/или коммуникационной доступности, что позволяет включать в этнос субэтносы.

Деассимиляционные процессы возникают, когда потенциал внутренней среды относительно внешней среды и/или коммуникационная доступность уменьшаются, и этнос дробится на более мелкие этносы, а имеющиеся субэтносы переходят в состояние этносов.

Малые этносы отличаются определённой закрытостью, трайбализмом (поддержкой соплеменников)⁵, соблюдением чистоты крови⁶ и т. д., поскольку иначе они будут поглощены более крупными этносами, то есть все самоизоляционистские мероприятия — это их защитный механизм.

¹ Обе модели этноса возможно объединить в элементно-связную модель этноса.

² Данная модель в контексте темы настоящей статьи рассматривается схематично.

³ Пример авторского применения векторов в социальных системах в части управления: Ямилов Р. М. Проблемный аспект внедрения проектного управления в государственное и муниципальное управления // Новые вызовы в области общественных наук: предмет, методы, технологии высшего образования : сборник трудов Второй Всероссийской научно-методической конференции / под общ. ред. В. И. Бархатова. Челябинск, 2021. С. 258–266. Отметим существующую нерешённость применения векторов наукой в исследовании социальных систем.

⁴ Здесь необходимо уточнить, что этническая система является субсистемой социальной системы, достигающей своей цели. Соответственно, этническая система — это один из инструментов социальной системы. Возникает вопрос о сопряжённости этнической системы как субсистемы социальной системы с самой социальной системой и необходимости разработки этнической векторизации и его эффектов как инструмента решения этнических (национальных) вопросов.

⁵ Что порождает этнический nepoтизм и этническую дискриминацию.

⁶ Вопрос крови, который критичен для малых этносов, не исчезает в больших этносах, он переходит классовую (стратовую) плоскость, когда элита формируется на принципе крови.

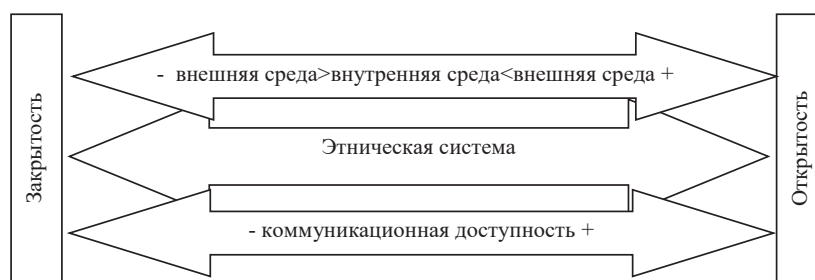

Рис. 1. Модель открытости/закрытости этнической системы
Fig. 1. The model of openness/closeness of the ethnic system

Как отмечает В. А. Шнирельман, интерес к своему происхождению и этнической истории более характерен и ярко выражен у малочисленных народов, у этнических меньшинств, чем у доминирующих групп населения, из-за чего первые испытывают фактически или ощущают психологически ту или иную форму дискриминации и пытаются бороться с ней через апелляцию к золотому веку¹, тогда как доминирующее большинство отождествляет себя с местной государственностью, ассоциируют себя с универсальными или общенациональными (государственными), а не специфически этническими ценностями, этническое самосознание ослаблено [29, с. 111].

Потенциал внутренней среды этноса может быть увеличен относительно внешней среды через более оптимальную организационную структуру, технологический уровень и т. д.

Влияние коммуникационной доступности на этногенез можно проиллюстрировать множеством горных и островных этносов относительно малочисленных равнинных этносов при сопоставимом географическом пространстве².

Ассимиляция/деассимиляция этносов³ — про-

¹Отсюда различной степени мифотворчество, причём малочисленность народа-мифотворца не имеет особого значения, скорее всего, существует некий групповой психологический комплекс неполноценности этноса, выраженной в государственной и этнической несостоятельности, которая компенсируется конструируемыми мифической древностью происхождения и мифическими победами.

²Отсюда достаточно сложно создать единый этнос из горных и островных народов, пока не появится доступная транспортная связность как физическая основа коммуникационной доступности.

³Исторически ассимиляция/деассимиляция этносов происходила эволюционным путём на основе колебаний потенциала внутренней среды и коммуникационной доступности. В СССР была осуществлена попытка этностроительства, в результате которой появились новые, «искусственные» этносы вне зависимости от коммуникационной доступности и их потенциалов и вопреки логике развития этносов. Эта практика советского этностроительства требует отдельных исследований. Отметим, что такой практикой пользовалась/

цессы постоянные, следовательно, «застывших» этносов не существует, они постоянно исчезают и возникают⁴.

Одним из факторов возникновения этноса является географическая отграниченность некоторой социальной группы от «материнского этноса» от других, возникающая вследствие уменьшения и/или разрыва коммуникационной доступности в течение определённого времени⁵, в результате чего появляется расхождение в базовых и факультативных атрибутах от «материнского этноса»: самоотождествления, мироощущения, языкового интерфейса и т. д. Любой этнос со временем распадается на субэтносы, которые становятся этносами.

Чем шире рассматриваемый географический локус, тем разнообразнее этносы. Существующие нации сложены из множества субэтносов. Этнически чистые пространственные локусы возможны только в минимальных пространственных точках, представленных в виде малых поселений. Сохранение этноса, особенно подчинённого, возможно через сохранение малых поселений, поскольку в городах этносы с течением времени нивелируются по доминирующему этносу.

Исходя из вышесказанного можно предложить концепцию этникоценоза⁶ — географически обу-

пользуется Великобритания. В настоящее время мы наблюдаем искусственное, политически мотивированное другими конкурирующими этносами расхождение бывших субэтносов российского этноса. При снятии политического индуцирования данного расхождения, в силу коммуникационной доступности и потенциала внутренней среды, произойдёт субсистемное возвращение данных этносов в российский этнос.

⁴Этногенезная эволюция, в случае ассимиляции — объединение этносов, в случае диссимиляции — выделение этносов из материнского этноса.

⁵Для формирования нового этноса из субэтноса необходима как минимум смена трёх поколений данного субэтноса, хотя, по мнению С. П. Иваненкова и А. Ж. Кусжановой, в XX в. произошёл переход к четырёхзвенной, четырёхпоколенной структуре социума [30].

⁶Данный термин использован потому, что термин «этноценоз» использован Л. Гумилёвым.

словленной геобиоценозно сбалансированной совокупности этносов.

Другой фактор, влияющий на этнос, — это признание этноса таковым другими этносами, в первую очередь, окружающими¹.

Перейдём к вопросу о влиянии этноса на публичное управление и АТР.

На рис. 2 показана упрощённая схема равноправного взаимодействия этносов и государства, из которой видно, что равноправие этносов выражается как в равенстве этносов между собой и с государством, так и в равенстве связей, в том числе этнических, между этносами и государством и между этносами, что закреплено во вступлении Конституции РФ как принцип равенства народов².

На рис. 3 отражена упрощённая схема неравноправного взаимодействия этносов и государства, в том числе при наличии двух неравноценных территориальных образований: национальных республик и областей (краёв), из-за чего возникают неравные связи, в том числе этнические, между государством и этносами, между этносами на определённой административной территории.

Неравноправное взаимодействие этносов и государства существует и конституционно закреплено в российской действительности.

Если проанализировать Конституцию РФ, то можно выделить:

- национальные субъекты РФ с определёнными конституционными преимуществами:
 - право на национальный язык на территории национальной республики и использование его в качестве государственного языка (ч. 2. ст. 68 Конституции РФ). В Конституции Удмуртской Республики государственным языком являются русский и удмуртский языки (ст. 8 Конституции УР);
 - конституция республики (ч. 1. ст. 66 Конституции РФ). В Конституции УР указано, что Удмуртия — это государство (ч. 1. ст. 1 Конституции УР)³;
- безнациональные субъекты РФ, у которых нет дополнительных прав.

Тем самым существуют неустранимые противоречия в Конституции РФ, декларирующей ра-

¹ Своеобразный этнический суверенитет. Например, казаки и поморы считают себя отдельными этносами, но в качестве таковых не признаются ни другими этносами, ни государством.

² Размерами стрелок на рис. 2, 3 показаны равенство/неравенство связей между этносами и государством.

³ В конституциях национальных республик заложен «спящий» суверенитет, завалированный в той или иной форме, который может быть реализован в созревших условиях, что приведёт к крушению РФ.

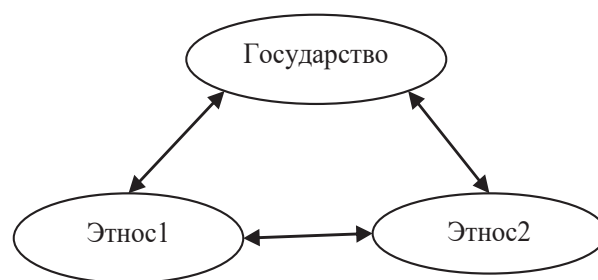

Рис. 2. Упрощённая схема равноправного взаимодействия этносов и государства

Fig. 2. Simplified scheme of equal interaction of ethnic groups and the state

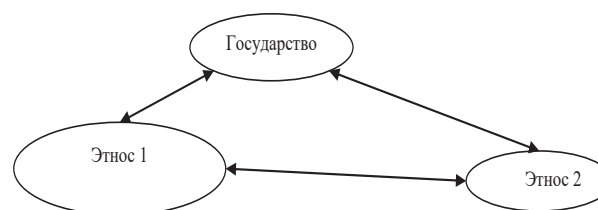

Рис. 3. Упрощённая схема неравноправного взаимодействия этносов и государства

Fig. 3. Simplified scheme of unequal interaction of ethnic groups and the state

венство народов и преимущество некоторых этносов на определённых территориях.

В Конституции УР установлен примат удмуртского народа над остальными этносами (ч. 1 ст. 1 Конституции УР), что порождает законодательное преимущество титульной нации.

Рассмотрим обоснованность этнического преимущества на примере УР (табл. 1), из которой видно, что преобладание удмуртов имеется в 14 районах: Алнашском, Балезинском, Вавожском, Глазовском, Дебесском, Кезском, Кизнерском, Малопургинском, Можгинском, Селтинском, Шарканском, Юкаменском, Якшур-Бодьинском, Ярском с суммарной численностью 140 тыс. чел., при этом в УР численность удмуртов составляет 28,21 %. Отсюда возникает вопрос о соответствии ареала удмуртов административно закреплённой территории.

Согласно определению ЮНЕСКО, национальное государство — это область, в которой культурные границы сливаются с политическими границами, при этом идеал национального государства состоит в том, чтобы государство включало в себя людей одной этнической и культурной основы⁴. Данное определение применимо

⁴ Etat-nation. URL: <https://wayback.archive-it.org/10611/2017112225118/http://www.unesco.org/new/fr/social-and-human-sciences/themes/international-mi>

Порайонный национальный состав Удмуртской Республики (2010 г.)¹
The regional national composition of the Udmurt Republic (2010)

Район ¹	Всего	человек				%			
		русские	удмурты	татары	прочие	русские	удмурты	татары	прочие
Удмуртская Республика	1 266 293	737 920	357 204	86 620	17 084	58,27	28,21	6,84	1,35
г. Ижевск	530 910	356 792	85 034	48 842	6 408	67,20	16,02	9,20	1,21
г. Воткинск	82 368	63 585	7 854	2 801	696	77,20	9,54	3,40	0,84
г. Глазов	81 839	43 327	25 863	3 873	1 032	52,94	31,60	4,73	1,26
г. Можга	39 078	20 556	11 328	5 990	235	52,60	28,99	15,33	0,60
г. Сарапул	85 527	66 635	3 005	7 582	1 212	77,91	3,51	8,87	1,42
<i>Алнашский район</i>	<i>15 923</i>	<i>1 942</i>	<i>12 973</i>	<i>528</i>	<i>384</i>	<i>12,20</i>	<i>81,47</i>	<i>3,32</i>	<i>2,41</i>
<i>Балезинский район</i>	<i>28 113</i>	<i>8 892</i>	<i>15 524</i>	<i>2 822</i>	<i>343</i>	<i>31,63</i>	<i>55,22</i>	<i>10,04</i>	<i>1,22</i>
<i>Вавожский район</i>	<i>13 045</i>	<i>5 009</i>	<i>7 509</i>	<i>118</i>	<i>61</i>	<i>38,40</i>	<i>57,56</i>	<i>0,90</i>	<i>0,47</i>
Воткинский район	19 567	14 623	3 932	464	104	74,73	20,10	2,37	0,53
<i>Глазовский район</i>	<i>14 402</i>	<i>3 605</i>	<i>10 054</i>	<i>368</i>	<i>137</i>	<i>25,03</i>	<i>69,81</i>	<i>2,56</i>	<i>0,95</i>
Граховский район	7 665	3 094	2 891	417	821	40,37	37,72	5,44	10,71
<i>Дебесский район</i>	<i>10 272</i>	<i>2 157</i>	<i>7 795</i>	<i>39</i>	<i>44</i>	<i>21,00</i>	<i>75,89</i>	<i>0,38</i>	<i>0,43</i>
Завьяловский район	54 745	26 419	23 327	2 498	477	48,26	42,61	4,56	0,87
<i>Игринский район</i>	<i>31 206</i>	<i>11 102</i>	<i>18 844</i>	<i>449</i>	<i>187</i>	<i>35,58</i>	<i>60,39</i>	<i>1,44</i>	<i>0,60</i>
Камбарский район	14 957	12 258	678	1 412	256	81,95	4,53	9,44	1,71
Каракулинский район	9 967	7 126	483	352	1 830	71,50	4,85	3,53	18,36
<i>Кезский район</i>	<i>18 499</i>	<i>5 374</i>	<i>12 239</i>	<i>155</i>	<i>42</i>	<i>29,05</i>	<i>66,16</i>	<i>0,84</i>	<i>0,23</i>
<i>Кизнерский район</i>	<i>16 521</i>	<i>7 373</i>	<i>7 456</i>	<i>1 164</i>	<i>223</i>	<i>44,63</i>	<i>45,13</i>	<i>7,05</i>	<i>1,35</i>
Киясовский район	8 408	4 719	3 007	416	134	56,13	35,76	4,95	1,59
Красногорский район	8 551	4 815	3 344	133	28	56,31	39,11	1,56	0,33
<i>Малопургинский район</i>	<i>26 206</i>	<i>4 560</i>	<i>19 874</i>	<i>898</i>	<i>172</i>	<i>17,40</i>	<i>75,84</i>	<i>3,43</i>	<i>0,66</i>
<i>Можгинский район</i>	<i>23 336</i>	<i>7 626</i>	<i>14 267</i>	<i>903</i>	<i>127</i>	<i>32,68</i>	<i>61,14</i>	<i>3,87</i>	<i>0,54</i>
Сарапульский район	19 996	15 959	2 021	1 137	403	79,81	10,11	5,69	2,02
<i>Селтинский район</i>	<i>9 144</i>	<i>3 639</i>	<i>5 308</i>	<i>52</i>	<i>45</i>	<i>39,80</i>	<i>58,05</i>	<i>0,57</i>	<i>0,49</i>
Сюмсинский район	10 874	6 057	4 064	386	95	55,70	37,37	3,55	0,87
Увинский район	31 725	16 120	14 127	700	190	50,81	44,53	2,21	0,60
<i>Шарканский район</i>	<i>15 190</i>	<i>2 322</i>	<i>12 638</i>	<i>26</i>	<i>47</i>	<i>15,29</i>	<i>83,20</i>	<i>0,17</i>	<i>0,31</i>
<i>Юкаменский район</i>	<i>8 577</i>	<i>1 505</i>	<i>4 462</i>	<i>1 577</i>	<i>966</i>	<i>17,55</i>	<i>52,02</i>	<i>18,39</i>	<i>11,26</i>
<i>Якиур-Бодьинский район</i>	<i>17 039</i>	<i>6 917</i>	<i>9 253</i>	<i>324</i>	<i>79</i>	<i>40,60</i>	<i>54,30</i>	<i>1,90</i>	<i>0,46</i>
<i>Ярский район</i>	<i>12 643</i>	<i>3 812</i>	<i>8 050</i>	<i>194</i>	<i>220</i>	<i>30,15</i>	<i>63,67</i>	<i>1,53</i>	<i>1,74</i>

Составлено на основании данных².

¹ Курсивом выделены районы с преобладающей численностью удмуртов.

² Итоги Всероссийская перепись населения 2010 года URL: <https://udmstat.gks.ru/folder/44261>.

для установления ареала этноса, следовательно, территориальная граница этноса может быть определена его неразрывным территориальным

расселением. С учётом дисперсного расселения большинства российских этносов, в том числе удмуртских, уровень территориальной локализации российских этносов — муниципальный.

Соотношения этнического ареала и административного ареала
The ratio of ethnic area and administrative area

Формула	Краткое описание
$EDT = ATE$ (1)	Этнический ареал соответствует административному ареалу. Данное состояние этнически оптимально и не вызывает напряжённости с другими этносами, но территориально ограничивает рост этноса
$EDT > ATE$ (2)	Этнический ареал больше административного ареала. Данное состояние неравновесное — этнос занимает территорию больше административно определённой для него, что порождает запрос на увеличение административного ареала со стороны данного этноса и ведёт к уменьшению данного этноса
$EDT < ATE$ (3)	Этнический ареал меньше административного ареала. Данное состояние неравновесное — этнос занимает территорию меньше административного ареала, что порождает запрос со стороны иных этносов на изменение административного ареала данного этноса и способствует увеличению этого этноса

Другой нерешённый вопрос — каков размер доминирующего этноса на определённой территории?

Частично исследователи пытались решить данный вопрос относительно государств.

По мнению А. Каратницкого (Adrian Karatnysky), моноэтнической может считаться страной, в которой более двух третей населения принадлежит к одной этнической группе [31, р. 9].

По Д. Уилшу (David Welsh), этнически однородными могут называться государства, где национальные меньшинства составляют менее 5 % населения, а доля одного этноса превышает 95 % от общей численности населения [32].

Как отмечает Ю. Баранчик, моноэтнической может считаться страна, в которой количественная численность одной нации составляет 60–80 % от общей численности населения [33].

Для нашей статьи примем, что доминирующим этносом по количеству на определённой территории является этнос с количественным превышением относительно остальных на данной территории¹. Следовательно, удмуртский этнос может считаться доминирующим в 14 сельских районах из 25 муниципальных районов и пяти городов. В целом по УР доминирующим этносом является русский этнос (58,27 %). Отсюда уровень вы-

деления отдельных административных территориальных ареалов для удмуртского этноса — муниципальный.

Для наглядности выразим соотношения этнически определённой территории (EDT — ethnically defined territory), далее — этнический ареал, и административной территории этноса (ATE — administrative territory of an ethnic group), далее — административный ареал следующим образом (табл. 2).

Удмуртский этнос в силу формулы (3) имеет все возможности увеличить свою численность, что подтверждается увеличением численности с 420 тыс. чел. в 1897 г. до 715 тыс. чел. в 1989 г.²

В. Владыкин выделяет северных удмуртов (вотяков), исторически подчинённых нижегородско-суздальским князьям, и южных удмуртов (арских людей), входящих в состав Волжско-Камской Булгарии, а позднее — Золотой Орды и Казанского ханства [34, с. 7].

М. Г. Атаманов выделяет северную и южно-удмуртскую этнозоны с языковой разностью³, не позволяющей представителям разных этнозон⁴ понимать друг друга [35, с. 38], и предлагает следующую языковую схему:

— североудмуртское (сокращённо — северное) наречие, внутри которого выделяются ниже-

¹ Количественное доминирование этноса над другими является одним из видов доминирования, которое достаточно для целей настоящей статьи. Необходимо рассматривать интегральный критерий доминирования этноса, состоящий как минимум из двух групп критериев: количественных (численность, половозрастной состав и т. д.) и качественных (образование, удельный вес этноса в социальных стратах, доля учёных и т. д.), что требует отдельных исследований и разработки интегрального критерия доминирования этноса.

² Удмурты, вотяки. URL: http://www.hrono.ru/etnosy/etnos_u/udmurty.php.

³ Языковая разность — это различные языковые интерфейсы, являющиеся атрибутами этносов, следовательно, можно говорить о разных финно-угорских этносах, искусственно объединённых в удмуртский этнос.

⁴ По логике рассуждений М. Г. Атаманова относительно языковой разности можно считать удмуртский этнос частью другого финно-угорского этноса.

чепецкий, верхнечепецкий диалекты и среднечепецкие говоры, каждый со своими говорами и подговорами;

– южноудмуртское (сокращённо — южное) наречие, в состав которого входят собственно южноудмуртский диалект, буйско-таныпские и верхнеикский (бавлинский) говоры;

– язык бесермян, особой этнической группы удмуртов, имеющей свою особую историю происхождения и культуру [35, с. 44].

В данный момент удмуртский этнос не сформирован как таковой и находится в процессе формирования, запущенном при советской власти, и представляет пример искусственного, управляемого этностроительства. Предварительно о возможности удмуртского этноса можно будет судить в 2052 г. (1920 г. (год образования Вотской автономии) + 33 года (срок жизни поколения) × 4 (количество поколений по [30]).

Выводы

Резюмируя, можно сказать, что:

– этнический аспект публичного управления — уровень муниципального управления, хотя Д. Грушкин отмечает, что местное самоуправление, выраженное в форме национальной автономии, часто носит характер реализации права на самоопределение лишь одного народа, что, во-первых, ущемляет права и свободы других народов, проживающих в данном территориальном образовании, и, во-вторых, представляет

собой потенциальную возможность для проведения дискриминационной политики (прямой или косвенной) по отношению к «нетитульному» населению, вытеснению его из наиболее престижных ниш государственного управления и социально-экономических сфер, способствует созданию благоприятных условий для получения руководящих должностей лицами «титульной» национальности [36, с.76];

– в настоящее время существует конституционно закреплённое неравенство этносов по территориальным образованиям, которое необходимо устранить;

– в настоящее время существует конституционно закреплённый примат удмуртского этноса в Конституции Удмуртской Республики, что является предпосылкой дискриминации иных этносов, проживающих на территории Удмуртии, который необходимо устранить;

– необходимо переводить национальный вопрос с политической и экономической плоскости в культурную, тем более что для этого есть правовые основания¹;

– необходимо искать другую системную ведущую связь российского социума в связи с расширением коммуникационной доступности.

Данные выводы необходимо учитывать при административно-территориальной реформе.

¹ Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (с изменениями и дополнениями).

Список источников

1. Ямилов Р. М. Метанация как основа самоидентификации российского социума // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 2 (66). С. 264–271.
2. Deutsch K. W., Folt W. J., eds. Nation Building in Comparative Contexts. New York, Atherton, 1966.
3. James P. Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community. London : Sage Publications, 1996.
4. Ямилов Р. М. Административно-территориальная реформа: концептуальные основания переконфигурации российского пространства // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 3 (449). С. 35–46.
5. Ямилов Р. М. Предпосылки создания цифровой управленческой платформы как способа эффективной налоговой коммуникации // Налоги и финансы. 2019. № 1 (41). С. 20–36.
6. Надольская В. И. Институционализация цивилизационного кода как важнейший механизм становления новой науки о цивилизации // Актуальные проблемы науки и техники : материалы I Международной науч.-техн. конф. (Сарапул, май 2021 г). Ижевск : Изд-во УИР ИжГТУ им. М. Т. Калашникова, 2021.
7. Яхшиян О. Ю. Русский культурный (цивилизационный) код: идентичность и политика // Вестник университета. 2019. № 10. С. 52–58.
8. Гуцалов А. А. Русский цивилизационный код — идентичность, ценности, культура // Культурологический журнал. 2016. № 4 (26). С. 2.
9. Лощаков Д. Г. К вопросу о российском цивилизационном коде // Социально-гуманитарное обозрение. 2018. Т. 1, № 1. С. 61–64.

10. Свиридкина Е. В. Справедливость как ценность в культурно-цивилизационном коде России // *Культурное наследие России*. 2018. № 2. С. 35–41.
11. Попова С. В. Российская идентичность: проблема системообразующих оснований цивилизационного кода // *Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт* : сборник научных статей. Омск, 2021. С. 242–247.
12. Котляров И. В. Теория цивилизационного кодирования: в поисках новых путей и возможностей // *Актуальные проблемы науки и техники* : материалы I Международной науч.-техн. конф. (Сарапул, май 2021 г.). Ижевск : Изд-во УИР ИжГТУ им. М. Т. Калашникова, 2021. 875 с.
13. Щипков А. В. Понятие «код» в рамках современного цивилизационного подхода // *Вопросы философии*. 2018. № 7. С. 28–34.
14. Межуев Б. В. Есть ли у России свой «цивилизационный код» и в чём он может заключаться? // *Вопросы философии*. 2018. № 7. С. 35.
15. Пазюк Ю. В., Кубрина В. А., Ефимова В. П. Закон жизнестойкости локальных цивилизаций // *Труды Института системного анализа Российской академии наук*. 2018. Т. 68, № 4. С. 84–95.
16. Калашников М., Кугушев С. В. Третий проект. Погружение. М. : АСТ, Астрель, 2005. 766 с.
17. Dzenisiuk N. P. Формирование этнической идентичности в современных условиях // *Веснік БДУ*. Серыя 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2013. № 3. С. 86–89.
18. Фахрутдинов Р. Р., Мамедлаев Р. Ю. Феномен идентичности: гражданской или этнической // *Казанский педагогический журнал*. 2013. № 3 (98). С. 172–181.
19. Филиппов В. Р. Фантом этничности (моё постконструктивистское непонимание этнической идентичности) // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. 2005. № 21. С. 167–171.
20. Гресь Р. А. К вопросу о влиянии процесса урбанизации на интенсивность этнических и квазиэтнических идентичностей // *Символ науки: международный научный журнал*. 2017. № 9. С. 51.
21. Ламажаа Ч. К. О. Границы этнической идентичности // *Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации* : доклады и материалы Всероссийской научной конференции. М., 2018. С. 177–183.
22. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М. : Наука. 1983. 412 с.
23. Сталин И. В. Национальный вопрос и социал-демократия // *Просвещение*. 1913. № 3, 4, 5.
24. Алос и Фонт Э. Этноязыковая ситуация в городах Чувашской Республики: социологический аспект // *Чăваш халăх историйĕпе культурин сивĕч ыйтăвĕсем*: статьясен пуххи = Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа : сборник статей / сост. и науч. ред. А. В. Кузнецов. Вып. 2. Чебоксары : ЧГИГН, 2013. С. 265–293.
25. Братерский М. В. Теория модернизации: обзор американских концепций // *США: экономика, политика, идеология*. 1990. № 9. С. 5–6.
26. Салимова Д. А. Интерес к родному языку и сохранение этнической самоидентификации у российских немцев // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14, № 3. С. 375–383.
27. Ягнинский И. У российского еврейства есть будущее? // *Корни*. 2001. № 16. С. 102–122.
28. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системные исследования и общая теория систем // *Системные исследования: ежегодник*. М. : Наука, 1973. С. 7–29.
29. Шнирельман В. А. Этногенез и идентичность: националистические мифы в современной России // *Вестник Российской нации*. 2009. № 4 (6). С. 108–125.
30. Иваненков С. П., Кусжанова А. Ж. Важнейшие факторы самоидентификации и социализации молодёжи во взаимосвязи поколений // *Молодёжь современной России: альтернативы выбора духовных и нравственных убеждений* : сборник статей / Центр гуманитарных. науч.-информ. исследований; Отд. философии ; отв. ред. В. А. Зернов, Г. В. Хлебников ; ред.-сост. Д. Г. Шкаев. М., 2012. С. 192–223. (Сер. «Проблемы философии»).
31. Karatnycky A. A Good Year for Freedom // *Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1998–1999*. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-02/Freedom_in_the_World_1998-1999_complete_book.pdf.
32. Welsh D. Domestic politics and ethnic conflict // *Ethnic Conflict and International Security*. Princeton : Princeton University Press, 1993. P. 43–60.
33. Баранчик Ю. Почему Константин Затулин прав, а Геворг Мирзаян — нет. 11 февраля 2020. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2855046.html>.

34. Владыкин В. Мелодия небесной росы // Памятники Отечества. 1995. Вып. 1–2. Полное описание России. Удмуртия. URL: http://almanac.voopik.ru/htm/1995_1.htm.

35. Атаманов М. Г. Этногенез удмуртов: роль лингвистики в решении этногенетических проблем // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 1. С. 27–61.

36. Грушкин Д. Этничность и местное самоуправление // Реформа местного самоуправления в региональном измерении: по материалам из 21 региона Российской Федерации / под ред. С. Рыженкова и Н. Винника. М., 1999. URL: <https://mgimo.ru/files/12216/bms13-2-.pdf>.

References

1. Yamilov R. M. Metanation as the basis of self-identification of the Russian society. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya = Humanitarian scientific research*. 2017;(2):264-271. (In Russ.).

2. Deutsch KW, Folt WJ, eds. *Nation Building in Comparative Contexts*. New York, Atherton; 1966.

3. James P. *Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community*. London, Sage Publications; 1996.

4. Yamilov RM. Administrative-territorial reform: conceptual foundations for the reconfiguration of the Russian space. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(3):35-46. (In Russ.).

5. Yamilov RM. Prerequisites for creating a digital management platform as a way of effective tax communication. *Nalogi i finansy = Taxes and Finances*. 2019;(1):20-36. (In Russ.).

6. Nadolskaya VI. Institutionalization of the civilizational code as the most important mechanism for the formation of a new science of civilization. Actual problems of science and technology: conference proceedings I Intern. sci.-tech. conf. (Sarapul, May 2021). Izhevsk; 2021. (In Russ.).

7. Yakhshiyani OYu. Russian cultural (civilizational) code: identity and politics. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*. 2019;(10):52-58. (In Russ.).

8. Gutsalov AA. Russian Civilization Code — Identity, Values, Culture. *Kul'turologicheskij zhurnal = Cultural Journal*. 2016;(4):2. (In Russ.).

9. Loshchakov DG. On the issue of the Russian civilizational code. *Social'no-gumanitarnoe obozrenie = Social and Humanitarian Review*. 2018;(1):61-64. (In Russ.).

10. Sviridkina EV. Justice as a value in the cultural and civilizational code of Russia. *Kul'turnoe nasledie Rossii = Cultural Heritage of Russia*. 2018;(2):35-41. (In Russ.).

11. Popova SV. Russian identity: the problem of backbone foundations of the civilizational code. In: Development of political institutions and processes: foreign and domestic experience. Collection of scientific articles. Omsk; 2021. Pp. 242–247. (In Russ.).

12. Kotlyarov IV. The theory of civilizational coding: in search of new ways and opportunities. Actual problems of science and technology: conference proceedings I Intern. sci.-tech. conf. (Sarapul, May 2021). Izhevsk; 2021. (In Russ.).

13. Shchipkov AV. The concept of “code” in the framework of the modern civilizational approach. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2018;(7):28-34. (In Russ.).

14. Mezhev BV. Does Russia have its own “civilizational code”, and what could it be? *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2018;(7):35. (In Russ.).

15. Pazyuk YuV, Kubrina VA, Efimova VP. The law of viability of local civilizations. *Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossijskoj akademii nauk = Proceedings of the Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences*. 2018;(4):84-95. (In Russ.).

16. Kalashnikov M, Kugushev SV. *The third project. Immersion*. Moscow, AST, Astrel Publ.; 2005. 766 p. (In Russ.).

17. Dzenisiuk NP. Formation of ethnic identity in modern conditions. *Vesnik BDU. Seryya 3, Gistoryya. Ekanomika. Prava = Vesnik BDU. Series 3, History. Economics. The rights*. 2013;(3):86-89. (In Russ.).

18. Fakhrutdinov RR, Mamedlaev RYu. The phenomenon of identity: civil or ethnic. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*. 2013;(3):172-181. (In Russ.).

19. Filippov VR. Phantom of ethnicity (my post-constructivist misunderstanding of ethnic identity). *Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskikh issledovanij = Diary of the Altai School of Political Studies*. 2005;(21):67-171. (In Russ.).

20. Gres RA. On the issue of the impact of the urbanization process on the intensity of ethnic and quasi-ethnic identities. *Simvol nauki: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal = Symbol of science: international scientific journal*. 2017;(9):51. (In Russ.).

21. Lamajaa ChKO. Borders of ethnic identity. In the collection: Moiseev readings: Culture and humanitarian problems of modern civilization. reports and materials of the All-Russian scientific conference. Moscow; 2018. Pp. 177–183. (In Russ.).
22. Bromley YuV. Essays on the theory of ethnos. Moscow, Nauka; 1983. 412 p. (In Russ.).
23. Stalin IV. The National Question and Social Democracy. *Prosveshchenie = Education*. 1913;(3, 4, 5). (In Russ.).
24. Alos and Font E. Ethno-linguistic situation in the cities of the Chuvash Republic: a sociological aspect. Chăvash halăkh istoriiëpe kulturin çivëch ytävësem: articlesen pukhkhi = Topical issues of the history and culture of the Chuvash people: collection of articles. Issue. 2. Cheboksary; 2013. Pp. 265–293. (In Russ.).
25. Bratersky MV. Modernization Theory: A Review of American Concepts. *SSHA: ekonomika, politika, ideologiya = USA: Economics, Politics, Ideology*. 1990;(9):5-6. (In Russ.).
26. Salimova DA. Interest in the native language and the preservation of ethnic self-identification among Russian Germans. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost' = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Questions of education: languages and profession*. 2017;(3):375-383. (In Russ.).
27. Yagninsky I. Does Russian Jewry Have a Future? *Korni = Roots*. 2001;(16):102-122. (In Russ.).
28. Blauberger IV, Sadovsky VN, Yudin EG. System Research and General System Theory, System Research: Yearbook. Moscow, Nauka; 1973. Pp. 7–29. (In Russ.).
29. Shnirelman VA. Ethnogenesis and Identity: Nationalist Myths in Modern Russia. *Vestnik Rossijskoj nacii = Bulletin of the Russian Nation*. 2009;(4):108-125. (In Russ.).
30. Ivanenkov SP, Kuszhanova AZh. The most important factors of self-identification and socialization of youth in the relationship of generations. In: Youth of modern Russia: Alternatives for choosing spiritual and moral convictions. Moscow; 2012. Pp. 192–223. (In Russ.).
31. Karatnycky A. A Good Year for Freedom. Freedom in the World. The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties 1998–1999. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-02/Freedom_in_the_World_1998-1999_complete_book.pdf.
32. Welsh D. Domestic politics and ethnic conflict. *Ethnic Conflict and International Security*. Princeton, Princeton University Press; 1993. Pp. 43–60.
33. Baranchik Y. Why Konstantin Zatulin is right, but Gevorg Mirzayan is not February 11, 2020. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2855046.html>. (In Russ.).
34. Vladykin V. Melody of heavenly dew. *Monuments of the Fatherland*. 1995:(1–2). Complete description of Russia. Udmurtia. URL: http://almanac.voopik.ru/htm/1995_1.htm. (In Russ.).
35. Atamanov MG. The ethnogenesis of the Udmurts: the role of linguistics in solving ethnogenetic problems. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij = Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2011;(1):27-61. (In Russ.).
36. Grushkin D. Ethnicity and local self-government. Reform of local self-government in the regional dimension. Based on materials from 21 regions of the Russian Federation. Edited by S. Ryzhenkov and N. Vinnik. Moscow; 1999. URL: <https://mgimo.ru/files/12216/bmsl3-2-.pdf>. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. М. Ямилов — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и гуманитарные науки».

Information about the author

R. M. Yamilov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Humanities.

Статья поступила в редакцию 12.03.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 12.03.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.14

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10406

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТРЕНДЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Дарья Сергеевна Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, benz@csu.ru, ORCID 0000-0003-1257-248X

Аннотация. Автор ставит цель определить, усиливается или ослабевает межрегиональная дифференциация в течение последних двадцати лет. Оценка глубины дифференциации проведена по полному перечню российских регионов. Автором предложена методика оценки, включающая индикаторы межрегиональной дифференциации — размах вариации, коэффициенты дифференциации, осцилляции и вариации. Предложены три модификации в отношении размаха вариации, коэффициентов дифференциации и осцилляции. Расчёт предложенных индикаторов проведён по четырём показателям: номинальный и реальный валовой региональный продукт на душу населения; номинальная и реальная начисленная заработная плата по полному кругу организаций. Тренды построены по реальным показателям. Доказано отсутствие влияния ценового фактора на уровень межрегиональных различий. Получено ослабление территориальной дифференциации в отношении разрыва по уровню реальной заработной платы. Показано, что регионы-аутсайдеры растут быстрее регионов-лидеров.

Ключевые слова: межрегиональная дифференциация, оценка уровня межрегиональной дифференциации, долгосрочные тренды, валовой региональный продукт на душу населения, заработная плата, номинальные и реальные величины, регионы-лидеры, регионы-аутсайдеры

Для цитирования: Бенц Д. С. Долгосрочные тренды межрегиональной дифференциации // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 56–71. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10406

Original article

LONG-TERM TRENDS OF INTERREGIONAL DIFFERENTIATION

Daria S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, benz@csu.ru, ORCID 0000-0003-1257-248X

Abstract. In the article, the author aims to determine whether interregional differentiation has been increasing or weakening over the past twenty years. The depth of differentiation was estimated according to the complete list of Russian regions. The author proposes an assessment method, including indicators of interregional differentiation such as scale of variation, coefficient of differentiation, coefficient of oscillation, coefficient of variation. The author proposes three modifications concern the range of variation, differentiation and oscillation coefficients. The proposed indicators were calculated according to four indicators: nominal and real gross regional product per capita; nominal and real accrued wages for a full range of organizations. Trends are built on real indicators. The absence of the influence of the price factor on the level of interregional differences has been proved. There is a weakening of territorial differentiation in relation to the gap in real wages. The outsider regions grow faster than the leading regions.

Keywords: interregional differentiation, assessment of the interregional differentiation level, long-term trends, gross regional product per capita, wages, nominal and real values, leading regions, outsider regions

For citation: Benz DS. Long-Term Trends of Interregional Differentiation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):56-71. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10406

Постановка проблемы

Усиление межрегиональной дифференциации — это проблема, лежащая в основе проблемы пространственного развития. По сути, именно по причине возросшего внимания к вопросам территориального неравенства проблема пространственного развития и стала одной из приоритетных в региональной экономике. В научном сообществе сформированы научные школы, чьи труды всецело посвящены изучению проблемы пространственного развития [1–3]. Подробный обзор научных школ приведён автором в одной из публикаций [4]. Проблема «центра» и «периферии» не обошла вниманием и представителей уральской науки [5; 6].

Цель исследования — оценить уровень межрегиональной дифференциации по ключевым экономическим показателям.

Задачи исследования: 1. Предложить методику оценки уровня межрегиональной дифференциации. 2. Определить перечень регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров по выбранным показателям. Оценить постоянство присутствия регионов в этих группах. 3. Оценить уровень межрегиональной дифференциации по выборочным индикаторам. 4. Построить долгосрочные тренды по предложенным индикаторам.

Некоторые авторы научных публикаций указывают на противоречивые заявления, имеющие место в различных документах. Например, принятая Указом Президента Стратегия экономической безопасности страны до 2030 г. заявляет об усилении дифференциации регионов и называет это угрозой для российской экономики. Другой документ — «Справочные материалы к подготовке проекта Стратегии пространственного развития РФ» — свидетельствует о сокращении межрегионального неравенства за последние десять лет по величине валового регионального продукта на душу населения по паритету покупательной способности [7]. Сама же Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г. говорит о том, что результатом реализации инерционного сценария и станет усиление территориального неравенства, а «одним из важных результатов Стратегии станет предотвращение роста межрегионального социально-экономического неравенства». Коллектив авторов ИЭ РАН и ЦЭМИ РАН, наоборот, говорит об отсутствии как такового «сглаживания». Авторы «нащупали» интересную тенденцию: в периоды экономического роста уровень дифференциации регионов вырастает, в периоды спада и стагнации — сокращается [8].

Анализируя этапы формирования современной системы государственного регулирования регионального развития, учёные констатируют некую нелогичную реализацию «выравнивающей» политики. На этапе реализации политики выравнивания наблюдалось усиление самостоятельности регионов. В период же поляризованного развития, когда саморегулирование регионов должно было стать приоритетным, наоборот, сокращалась ресурсная база регионов, а воздействие центра лишь усиливалось [9].

В экономической литературе существует достаточное количество исследований, посвящённых математической оценке территориальных различий [10–17]. Среди наиболее распространённых показателей оценки территориального неравенства можно назвать следующие: коэффициент фондов [8; 12], децильные коэффициенты дифференциации доходов, заработной платы [8; 12], индекс Джини [11; 14–16], индекс Аткинсона [11; 14; 15], индекс Хэчмана [14], коэффициент Тэйла [14; 15], коэффициенты вариации, осцилляции и т. п. [16]. При оценке территориальных различий не последнее место занимает ценовой фактор [17], который должен быть учтён в исследовании, особенно если речь идёт о денежных единицах измерения.

Методы и материалы

На рис. 1 приведена методика оценки уровня межрегиональной дифференциации. Термином «индикаторы» назовём те показатели, которые позволяют прямо или косвенно оценить уровень межрегиональной дифференциации. Термином «показатели» — те величины, которые могут быть рассчитаны по формулам индикаторов. Перечень показателей может быть очень широким. Сюда могут быть включены любые показатели социально-экономического развития региона. Вовлечение показателей в методику зависит от целей исследования (например, оценить глубину дифференциации в области экономического, социального, демографического или какого-либо иного развития).

В соответствии с поставленными выше задачами автором проведён расчёт по следующим показателям: валовой региональный продукт на душу населения в текущих ценах (далее по тексту назовём его «номинальный»); валовой региональный продукт на душу населения в фиксированных ценах, ценах базового года — за базу примем 2001 г. — стартовый в исследовании (далее по тексту назовём его «реальный»); размер начисленной заработной платы в текущих ценах

Индикаторы относительного порядка (коэффициенты)

Индикаторы с теми же единицами измерения, что и базовый показатель

Индикаторы оценки уровня межрегиональной дифференциации

1. Коэффициент дифференциации (версия 1) = $\frac{X_{max}}{X_{min}}$
2. Коэффициент дифференциации (версия 2) = $\frac{X_{min} \text{ среди 10\% регионов - лидеров}}{X_{max} \text{ среди 10\% регионов - аутсайдеров}}$
3. Коэффициент дифференциации (версия 3) = $\frac{X_{cp} \text{ среди 10\% регионов - лидеров}}{X_{cp} \text{ среди 10\% регионов - аутсайдеров}}$
4. Коэффициент осцилляции (версия 1) = $\frac{X_{max} - X_{min}}{X_{cp}}$
5. Коэффициент осцилляции (версия 2) = $\frac{X_{min} \text{ среди 10\% регионов - лидеров} - X_{max} \text{ среди 10\% регионов - аутсайдеров}}{X_{cp} \text{ среди 80\% средней выборки}}$
6. Коэффициент осцилляции (версия 3) = $\frac{X_{cp} \text{ среди 10\% регионов - лидеров} - X_{cp} \text{ среди 10\% регионов - аутсайдеров}}{X_{cp} \text{ среди 80\% средней выборки}}$
7. Коэффициент вариации = $\frac{\text{Стандартное отклонение}}{X_{cp}}$

Индикаторы анализа тенденций

1. X_{cp}
2. Стандартное отклонение = $\sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (X_i - X_{cp})^2}{n-1}}$
3. X_{min} среди 10% регионов – лидеров
4. X_{max} среди 10% регионов – аутсайдеров
5. X_{cp} среди 10% регионов – лидеров
6. X_{cp} среди 10% регионов – аутсайдеров

где X или X_i – значение показателя социально – экономического развития региона;
 X_{cp} - среднее значение показателя выборки;
 X_{max} - максимальное значение показателя выборки;
 X_{min} - минимальное значение показателя выборки.

Рис. 1. Методика оценки уровня межрегиональной дифференциации (Разработано автором)
 Fig. 1. Methodology for assessing the level of interregional differentiation (Developed by the author)

по полному кругу организаций (далее по тексту назовём показатель «номинальная заработная плата»); размер начисленной заработной платы в фиксированных ценах (ценах 2001 г.) по полному кругу организаций (далее по тексту назовём показатель «реальная заработная плата»).

Статистической базой данных в исследовании выступают данные, публикуемые Росстатом. Реальные величины были рассчитаны с учётом региональных дефляторов — индексов потребительских цен, характерных для каждого конкретного региона. По показателям «номинальный» и «реальный ВРП на душу населения» временной ряд включает выборку значений за 2001–2019 гг.; по показателям «номинальная» и «реальная заработная плата» — за 2001–2020 гг. В генеральную выборку автором включены 79 регионов. Такое решение принято исходя из доступности данных (ВРП, заработной платы, индексов цен за весь рассматриваемый период). В исследование не попали Чеченская Республика, Республика Крым, г. Севастополь. Архангельская область учитывает данные по Ненецкому автономному округу, Пермский край — данные по Коми-Пермяцкому округу, Тюменская область — данные по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу.

Обратимся к методике, представленной на рис. 1. В верхней части приведены индикаторы, позволяющие оценить глубину межрегиональной дифференциации; в нижней части — индикаторы, напрямую не позволяющие оценить дифференциацию, но помогающие в сравнительном разрезе проанализировать сложившиеся тенденции.

В левой части рисунка приведены коэффициенты, которые могут быть рассчитаны как в отношении номинальных, так и реальных величин. Автором предложено по три варианта коэффициента дифференциации и коэффициента осцилляции. Первый вариант учитывает максимальный размах между регионами. Коэффициент дифференциации (версия 1) показывает, во сколько раз показатель региона-лидера превышает значение региона-аутсайдера. Но чтобы нивелировать статистические «выбросы» выборки, в ряде случаев целесообразнее исключить из анализа «топовые» и «антитоповые» регионы (несколько регионов-лидеров и несколько регионов-аутсайдеров). В этом смысле в научной литературе существует децильный подход: среди 10 % регионов-лидеров следует ориентироваться на регион с «наихудшим» значением; среди 10 % регионов-аут-

сайдеров — на регион с «наилучшим» значением [8]. При расчёте коэффициента дифференциации по версии 2 размах дифференциации будет ниже, но фактически он лучше отразит сложившуюся ситуацию. Коэффициент дифференциации по версии 3 также предполагает отношение децильных значений, но уже средних среди лидеров и аутсайдеров.

Коэффициенты осцилляции автор также предлагает рассчитывать по трём версиям. Коэффициент осцилляции показывает, какая величина размаха вариации приходится на среднее значение показателя. Вторая и третья версии также ориентированы на децильные значения, поэтому автор предлагает скорректировать знаменатель коэффициентов: среднюю величину рассчитывать не по генеральной совокупности, а по выборке 80 % регионов, исключая 10 % лидеров и 10 % аутсайдеров, но включающих те два региона, которые демонстрируют минимальное значение среди лидеров и максимальное среди аутсайдеров.

В правой части рисунка приведены индикаторы, измеряемые в тех же единицах, что и показатель, оцениваемый по предложенным индикаторам. В контексте этого исследования это рубли. Автор считает, что проводить оценку по индикаторам из правой части рисунка имеет смысл только в отношении показателей, приведённых к реальным величинам, то есть нивелировав влияние цен. В работе размах вариации также оценён по трём версиям, две из которых учитывают децильные выборки.

Результаты исследования

Прежде чем провести оценку межрегиональной дифференциации по методике, описанной на рис. 1, покажем, какие регионы по исследуемым показателям попали в группу «лидеры» и в группу «аутсайдеры» (табл. 1 и 2). Группы сформированы в соответствии со следующими принципами:

1. С точки зрения количества, в группу лидеров, как и в группу аутсайдеров, автором включены по восемь регионов — число 8 сформировано по децильному принципу. Общий размер выборки составил 79 регионов — соответственно 10 % выборки — это восемь регионов.

2. Временной ряд включает в себя период с 2001 по 2019 г. — в отношении показателей ВРП на душу населения (как номинального, так и реального) и с 2001 по 2020 г. — в отношении показателей начисленной заработной платы (аналогично — как номинальной, так и реальной).

Таблица 1
Table 1

Топ-8 регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров по размерам номинального и реального ВРП за период с 2001 по 2019 г.
Top 8 leading regions and outsider regions in terms of nominal and real size¹ GRP for the period from 2001 to 2019

Регион	2019			2015			2010			2005			2001					
	ВРП номинальный	ВРП реальный	ВРП номинал.	ВРП реальный	ВРП номинал.	ВРП реальный	ВРП номинал.	ВРП реальный	ВРП номинал.	ВРП реальный	ВРП номинал.	ВРП реальный	место	ВРП				
	место ²	млн р.	место	млн р.	место	млн р.	место	млн р.	место	млн р.	место	млн р.	место	млн р.				
Лидеры																		
Сахалинская область	1	2 400 858	2	514 436	1	1 716 734	2	419 072	1	977 256	4	343 974	4	230 298	3	137 717	6	84 769
Тюменская область (с учётом ХМАО и ЯНАО)	2	2 384 622	1	576 387	2	1 626 160	1	452 579	2	973 333	1	388 765	1	673 208	1	428 579	1	232 236
Чукотский автономный округ	3	1 898 635	3	379 768	3	1 226 152	3	290 699	3	767 846	3	247 271	3	237 135	5	119 181	3	123 131
г. Москва	4	1 555 587	4	329 060	4	1 102 496	4	276 967	4	730 774	2	283 629	2	381 997	2	239 773	2	134 436
Магаданская область	5	1 518 067	5	301 659	5	854 562	5	194 916	7	377 895	7	135 980	7	157 799	7	102 083	5	89 988
Республика Саха (Якутия)	6	1 258 707	6	261 297	6	780 140	6	188 233	5	403 659	5	152 520	5	191 896	4	119 792	4	105 733
г. Санкт-Петербург	7	950 587	8	193 121	7	650 340	8	154 086	9	349 254	12	127 145	12	141 796	12	87 290	16	53 525
Красноярский край	8	938 017	7	218 632	9	582 346	7	156 347	8	372 848	11	143 915	11	152 389	10	91 437	7	80 039
Республика Коми	10	873 159	10	182 832	8	613 975	9	149 323	6	390 740	6	143 257	6	176 075	6	106 460	8	75 535
Мурманская область	11	828 366	13	164 446	12	525 476	13	122 755	12	292 926	14	101 990	11	156 653	11	91 420	10	62 965
Вологодская область	26	541 319	25	119 648	22	402 652	23	102 088	25	217 827	24	83 262	24	156 380	9	98 370	17	50 934
Аутсайдеры																		
Республика Ингушетия	79	145 723	79	31 322	79	106 956	79	25 846	79	48 239	79	16 910	79	17 435	79	10 320	79	8 001
Кабардино-Балкарская Республика	78	197 218	77	38 967	78	139 909	78	32 257	77	89 668	76	32 259	72	42 253	72	26 053	70	21 834
Карачаево-Черкесская Республика	77	197 658	78	38 661	77	144 062	77	32 319	76	91 782	77	31 337	76	36 972	76	22 508	76	16 640
Республика Дагестан	76	231 886	75	49 248	71	189 575	71	45 359	75	94 884	75	34 125	77	33 840	77	22 371	78	12 562
Республика Тыва	75	243 052	71	59 500	76	150 266	75	42 229	74	100 000	69	41 628	75	38 430	73	25 526	75	17 012
Республика Северная Осетия-Алания	74	248 172	74	55 464	74	178 921	73	45 161	72	105 782	71	39 795	70	44 127	70	28 261	74	17 914
Ивановская область	73	249 592	76	46 919	75	174 688	76	38 748	73	103 280	74	35 806	73	40 039	74	24 821	73	18 947
Республика Алтай	72	268 657	70	60 705	70	196 639	69	49 119	70	108 730	70	40 770	71	43 592	71	26 513	69	22 164
Республика Калмыкия	61	327 149	64	63 696	73	185 799	74	42 416	78	84 359	78	29 614	78	33 018	78	20 437	68	22 262
Республика Адыгея	68	288 148	68	61 146	72	187 211	72	45 293	71	107 298	72	39 381	74	38 515	75	23 467	77	14 859
Республика Марий Эл	64	300 163	61	64 939	57	250 039	53	63 108	68	118 110	66	44 888	69	46 590	69	29 673	72	20 503
Алтайский край	71	271 320	73	57 899	68	204 933	67	50 636	65	124 956	64	46 381	63	53 812	64	32 903	65	23 509
Брянская область	69	280 971	72	57 974	66	207 236	68	49 823	60	129 013	73	38 877	66	51 724	68	29 944	64	24 429

¹ В ценах 2001 года.² Место в рейтинге (по выборке 79 регионов). Регионы упорядочены по убыванию значений.

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Таблица 2
Table 2
Топ-8 регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров по размерам номинальной (ЗН) и реальной¹ (ЗР) начисленной заработной платы² с 2001 по 2020 г.
Top 8 leading regions and outsider regions in terms of nominal and real¹ accrued wages² for the period from 2001 to 2020

Регион	2020			2015			2010			2005			2001			
	ЗН		ЗР	ЗН		ЗР	ЗН		ЗР	ЗН		ЗР	Заработная плата			
	место ³	р.	место	р.	место	р.	место	р.	место	р.	место	р.	место	р.		
<i>Лидеры</i>																
Чукотский авт. округ	1	120 641	1	79 531	1	18 855	1	46 866	2	15 092	1	23 314	2	11 718	2	8 216
Магаданская область	2	102 843	3	65 996	4	15 053	4	36 582	4	13 163	5	14 673	3	9 492	5	5 614
г. Москва	3	100 070	2	20 397	2	16 156	2	38 411	3	14 908	6	14 425	6	9 054	9	4 924
Сахалинская область	4	92 518	4	61 311	5	14 967	5	35 848	5	12 618	4	15 243	4	9 115	8	4 979
Камчатский край	5	85 623	6	17 194	6	13 624	6	35 748	6	12 231	3	15 477	5	9 105	3	6 157
Туменская область (с учётом ХМАО и ЯНАО)	6	78 619	5	18 337	3	15 757	3	38 213	1	15 263	2	19 838	1	12 630	1	9 980
Мурманская область	7	69 135	9	13 185	8	10 743	7	29 308	8	10 204	8	12 510	8	7 300	6	5 387
г. Санкт-Петербург	8	68 667	8	13 322	9	10 469	9	27 190	9	9 898	12	10 134	12	6 238	14	3 695
Республика Саха (Якутия)	20	47 172	26	9 300	7	13 181	8	28 708	7	10 847	7	13 437	7	8 388	4	6 052
Республика Коми	11	57 156	14	11 224	10	10 060	10	26 140	10	9 584	9	11 612	9	7 021	7	5 178
Омская область	9	60 358	7	13 901	36	7 497	36	16 708	32	6 767	33	7 124	30	4 608	50	2 295
<i>Аутсайдеры</i>																
Ивановская область	79	29 083	79	5 168	74	21 161	76	4 694	66	13 123	70	4 550	68	3 189	68	1 764
Республика Ингушетия	78	29 648	72	6 022	71	21 481	70	5 191	68	12 855	71	4 506	60	3 225	71	1 758
Караево-Черкесская Республика	77	29 865	77	5 554	76	20 511	78	4 601	78	11 346	78	3 874	76	2 867	76	1 637
Кабардино-Балкарская Республика	76	29 899	76	5 605	75	20 866	74	4 811	76	11 663	75	4 196	77	2 869	78	1 625
Республика Хакасия	75	30 072	68	6 388	25	29 935	23	7 812	26	18 358	28	7 016	26	4 908	26	3 067
Республика Северная Осетия — Алания	74	30 479	64	6 484	73	21 267	65	5 368	75	11 818	73	4 446	75	3 024	74	1 703
Тамбовская область	73	31 063	70	6 241	68	21 725	63	5 407	71	12 624	66	4 806	72	3 156	69	1 761
Республика Мордовия	72	31 105	56	6 736	64	22 029	60	5 520	74	11 883	74	4 375	71	3 087	77	1 636
Республика Дагестан	71	31 342	71	6 205	79	19 239	77	4 603	79	10 244	79	3 684	79	2 419	79	1 172
Алтайский край	13	54 426	16	11 025	78	20 090	73	4 964	73	12 051	72	4 473	74	3 004	65	1 870
Республика Калмыкия	66	32 013	75	5 861	77	20 109	79	4 591	77	11 601	77	4 072	78	2 782	71	1 759
Чувашская Республика	69	31 844	50	7 012	72	21 369	57	5 576	67	13 004	60	5 013	70	3 208	73	1 726
Брянская область	67	31 946	78	5 553	69	21 679	75	4 697	72	12 326	76	4 175	66	3 140	67	1 817
Республика Марий Эл	63	32 278	59	6 642	65	21 947	59	5 539	70	12 651	65	4 808	73	3 145	75	1 657
Пензенская область	60	32 766	55	6 736	57	23 192	55	5 712	55	14 424	56	5 202	67	3 222	72	1 752
Ульяновская область	62	32 504	74	5 987	59	22 846	71	5 173	62	13 339	69	4 625	65	3 105	60	2 035
Смоленская область	59	33 139	73	5 995	55	23 470	72	5 140	52	14 513	64	4 883	48	3 720	48	2 384

¹ В ценах 2001 г.

² По полному кругу организаций.

³ Место в рейтинге (по выборке 79 регионов). Регионы упорядочены по убыванию значений. Источник: составлено автором по данным Росстата.

Выбор такого периода связан с доступностью данных на официальном сайте Росстата.

3. Результаты, приведённые в табл. 1 и 2, показывают перечень лидеров и аутсайдеров за каждые пять лет анализируемого периода. Это позволяет в динамике оценить сложившиеся тенденции.

4. Табл. 1 и 2 укомплектованы по принципу формирования 10 % регионов, ставших лидерами и аутсайдерами в каждом рассмотренном году по всем изучаемым показателям. Иными словами, по итогам каждого года показана восьмёрка лидеров и восьмёрка аутсайдеров, поэтому в общей сложности в таблицы попали более восьми регионов в каждой группе.

В табл. 1 приведены регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по показателям номинального и реального ВРП на душу населения. Можно констатировать, что за 19 исследуемых лет топ лидеров стабилен, причём как в отношении номинального, так и реального ВРП. Причём восьмёрка лидеров по состоянию на 2019 г. полностью одинакова в отношении и номинального, и реального ВРП.

Из восьми регионов-лидеров по состоянию на 2019 г. шесть регионов попали в группу лидеров в каждый рассмотренный год. Это Сахалинская область, Тюменская область, Чукотский автономный округ, город Москва, Магаданская область и Республика Саха — Якутия. Город Санкт-Петербург, занимавший в 2019 г. седьмое место по показателю «номинальный ВРП на душу населения» и восьмое место по показателю «реальный ВРП на душу населения», укрепил свои позиции к 2015 г. Ранее в перечень регионов-лидеров он не входил. Вологодская область, наоборот, потеряла свои позиции. На сегодня она занимает 26-е место по показателю «номинальный ВРП на душу населения» и 25-е — по показателю «реальный ВРП на душу населения». В перечень лидеров этот регион попал исключительно по причине восьмого места по показателю реального ВРП на душу населения в 2005 г. Во все остальные годы регион никак не может быть назван «регионом-лидером».

С регионами-аутсайдерами ситуация аналогичная, но они несколько более мобильны внутри своей группы. В течение анализируемого периода они демонстрируют менее статичные места. Из восьми регионов «антитопа» только три региона — Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика, Ивановская область — стабильно попадают в восьмёрку аутсайдеров. Некоторые регионы попали в перечень аутсайде-

ров лишь в некоторые годы. Например, Брянская область лишь дважды (в 2010 и 2019 гг.) попала в этот список, причём только по уровню реального ВРП на душу населения. Это свидетельствует о том, что рост цен за рассматриваемый период в Брянской области превысил аналогичные значения в других регионах-аутсайдерах. И действительно, цены в Брянской области выросли в 6,29 раза, в то время как в Ивановской области — в 6,19 раза, Карачаево-Черкесской Республике — в 5,78 раза, в Республике Ингушетия — в 5,36 раза¹.

В табл. 2 приведён перечень регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров с указанием места в рейтинге и значениями номинальной начисленной заработной платы по полному кругу организаций и также значениями заработной платы, рассчитанной автором в фиксированных ценах (ценах 2001 г.) с учётом региональных дефляторов (индексов потребительских цен). В части того, что в восьмёрку лидеров входят пять регионов, являющихся бессменными лидерами, здесь ситуация аналогичная той, что мы наблюдали в табл. 1. Состав лидеров практически стабилен. Чукотский автономный округ, Магаданская область, Сахалинская область, Камчатский край и Тюменская область — те регионы, которые по показателям номинальной и реальной заработной платы в каждый рассмотренный год попали в перечень регионов-лидеров. Наибольшую мобильность показали Республика Саха — Якутия и Омская область, которые из года в год не демонстрируют стабильно лидерских позиций. Если в 2001 г. Омская область занимала аж 50-е место, то к 2020 г. по уровню реальной заработной платы область попала на 7-е место. Республика Саха — Якутия, наоборот, сдала свои позиции: с 4-го места в 2001 г. регион переместился на 20-е место по размеру номинальной заработной платы и 26-е место — по размеру реальной заработной платы в 2020 г.

Опять же среди аутсайдеров перемещение регионов внутри антирейтинга является более динамичным, поэтому в таблицу попали 17 регионов, в какие-либо годы занимавшие одно из восьми мест. Только два региона как по номинальной, так и по реальной заработной плате попадали в восьмёрку худших в каждый рассмотренный год. Это Карачаево-Черкесская Республика и Кабардино-Балкарская Республика. Среди регионов-

¹ Рассчитано автором на основе индексов потребительских цен, опубликованных на официальном сайте Росстата.

аутсайдеров есть регионы, которые укрепили свои позиции в течение изучаемых двадцати лет, а есть регионы, которые, наоборот, демонстрируют отрицательную динамику. К первым можно отнести Пензенскую область и Республику Марий Эл. В 2001 г. Пензенская область занимала восьмое место с конца, а в дальнейшие годы ни разу не попала в перечень аутсайдеров — ни по значению номинальной, ни по значению реальной заработной платы. Республика Марий Эл, будучи 75-й в 2001 г. и 73-й по значению номинальной зарплаты в 2005 г., в последующие годы также в антирейтинг не попадала. Смоленская область, наоборот, потеряла свои позиции, причём именно по величине реальной заработной платы. В 2015 и 2020 гг. область занимала 72-е и 73-е места при том, что по размеру номинальной заработной платы она была на 55-м и 59-м местах соответственно. Это вновь свидетельствует о более высоком темпе роста цен в этом регионе в сравнении с другими регионами-аутсайдерами. В Смоленской области цены за двадцатилетний период выросли в 5,98 раза.

Если проводить сравнение по перечням регионов, попавших в табл. 1 и 2, то среди лидеров мы увидим совпадение по пяти регионам: Чукотский автономный округ, г. Москва, Сахалинская, Тюменская и Мурманская области представляют собой перечень регионов-лидеров как по значениям заработной платы (номинальной) в 2020 г., так и по значениям ВРП на душу населения (и номинального, и реального) в 2019 г. Среди аутсайдеров четыре региона попали в антирейтинг по тем же совпадениям. Это Республики Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Северная Осетия — Алания. Такая ситуация говорит о наличии связи между показателями: если регион является обеспеченным в отношении размера ВРП на душу населения, то с большой вероятностью в этом регионе и заработные платы будут выше, что вполне логично.

Стоит отметить, что размах значений внутри децильных групп достаточно высок. Так, например, в 2019 г. по размеру реального ВРП на душу населения уровень дифференциации (отношение значения региона, занимающего первое место, к региону, занимающему восьмое место) составил 2,98. Размах значений внутри последней децильной группы меньше — среди группы аутсайдеров аналогичное соотношение на ту же дату составило 1,85. Надо сказать, что уровень межрегиональной дифференциации по размеру реального ВРП в принципе за весь период 2001–2019 гг.

среди регионов-лидеров был выше, нежели среди регионов-аутсайдеров. Максимальный уровень дифференциации среди регионов-лидеров был отмечен в 2005 г. и составил 4,36 раза, минимальный — в 2016 г. — 2,69. Среди регионов-аутсайдеров не наблюдается даже трёхкратной разницы: все годы демонстрируют меньшие значения, за исключением 2002 г., когда соотношение составило 3,21. Минимальный размах пришёлся на 2014 г. и составил 1,49 раза. Среднее значение такого соотношения за весь период для регионов-лидеров составило 3,33 раза, для регионов-аутсайдеров — 2,12.

В части аналогичного соотношения по уровню реальной заработной платы размах как среди лидеров, так и среди аутсайдеров оказался существенно ниже: 1,22 — среди аутсайдеров, 1,83 — среди лидеров. Причём среди регионов-лидеров можно наблюдать тенденцию к сокращению уровня дифференциации: в 2001 г. размах составлял 1,5 раза, в 2020 г. значение составило 1,17. И это чётко выраженная тенденция — постепенно за весь период значение сокращается. Среди лидеров такой тенденции нет. Можно сказать, что такое соотношение развивается по параболе: в 2001 г. размах составил 2 раза, далее идёт тенденция к его сокращению к 2009–2010 гг., а после 2010 г. размах опять нарастает и в 2020 г. резко поднимается до 4,46 раза.

Далее проведём оценку уровня межрегиональной дифференциации по методике, предложенной на рис. 1. На рис. 2–6 приведена динамика индикаторов, рассчитанных по показателю «реальный ВРП на душу населения». На рис. 2 отображена динамика минимального значения показателя среди 10 % регионов-лидеров и максимального значения — среди 10 % регионов-аутсайдеров. Расстояние между кривыми свидетельствует о размахе вариации (по версии 2). Расстояние растёт, что, казалось бы, говорит о нарастающей дифференциации. Но значение размаха (приведено на рис. 4) измеряется в абсолютных единицах — рублях, а потому нельзя здесь однозначно заявлять о нарастающей дифференциации. Если предположить, что темп роста всех регионов приблизительно равный, то большие значения при тех же темпах будут расти в абсолютном выражении на большую сторону, нежели малые значения. В относительном измерении — что видно на рис. 5 — коэффициент дифференциации (версия 2) за весь исследуемый период не растёт. Он нестабильно колеблется год от года, но всегда остаётся в коридоре значений от 3,05 до 3,78.

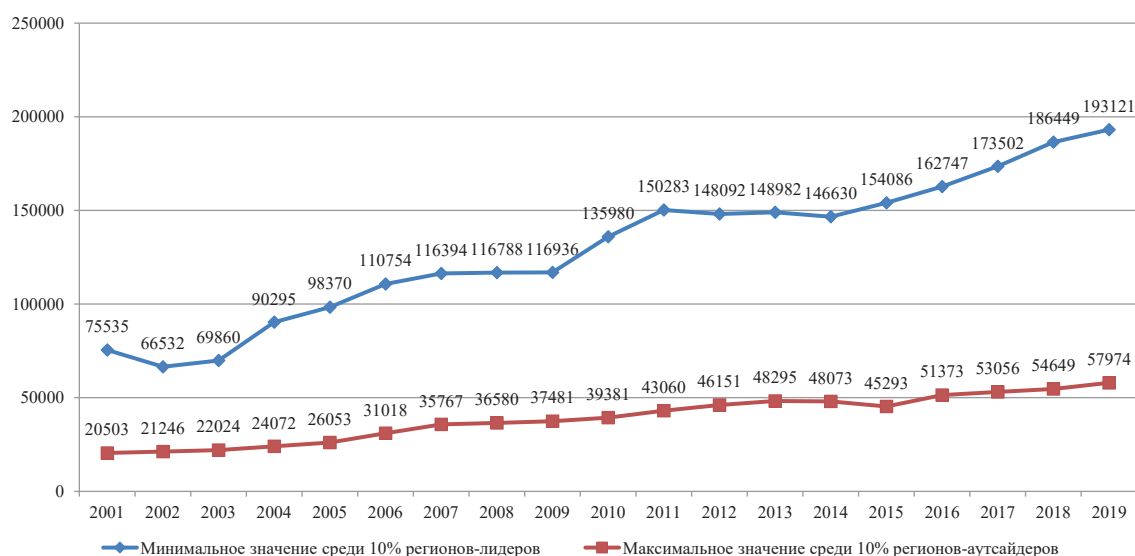

Рис. 2. Динамика минимального значения среди 10 % регионов-лидеров и максимального значения среди 10 % регионов-аутсайдеров объёмов реального ВРП на душу населения (в ценах 2001 г.), р. Здесь и далее рассчитано автором по данным Росстата.

Fig. 2. Dynamics of the minimum value among 10% of the leading regions and the maximum value among 10% of the outsider regions of the volume of real GRP per capita (in 2001 prices), rubles. Here and further calculated by the author according to Rosstat.

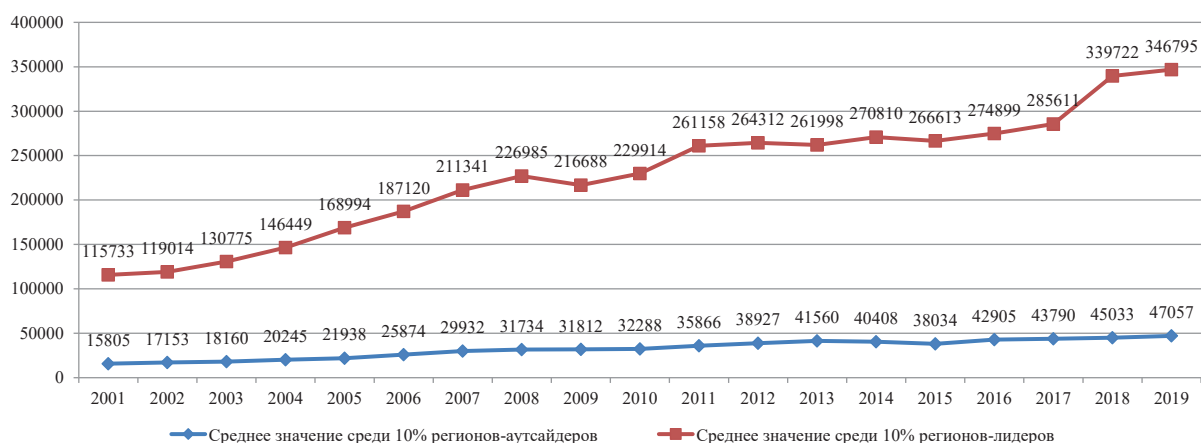

Рис. 3. Динамика средних значений объёмов реального ВРП на душу населения первой и десятой децильных групп (в ценах 2001 г.), р.

Fig. 3. Dynamics of average values of real GRP per capita of the first and tenth decile groups (in 2001 prices), rubles

В долгосрочном периоде можно констатировать, что дифференциация даже падает.

Самый наибольший размах вариации (рис. 4) можно наблюдать по версии 1. И рост этого размаха является также наибольшим — в сравнении с версиями 2 и 3. Опять же такой рост вполне логичен и в явном виде не говорит о нарастающей межрегиональной дифференциации. Объясняется это двумя причинами: во-первых, в этом случае размах вариации рассчитывается по самым крайним регионам (разность между лидером и аутсайдером), во-вторых, топ лидеров со своими боль-

шими числами в принципе статистически выбирается из всей выборки. На рис. 5 видно, что коэффициент дифференциации (версия 1) существенно падает. За последние пять лет он несколько подрос, но долгосрочный тренд явно фиксирует падение (особенно с 2005 г., когда он составлял 41,53). В 2019 г. лидер опережает аутсайдера по показателю ВРП на душу населения в ценах 2001 г. в 18,4 раза. За период с 2001 по 2011 г. соотношение было выше, а в ряде лет существенно выше.

Если же мы обратимся к индикаторам по версии 3, то здесь растёт размах вариации (рис. 3

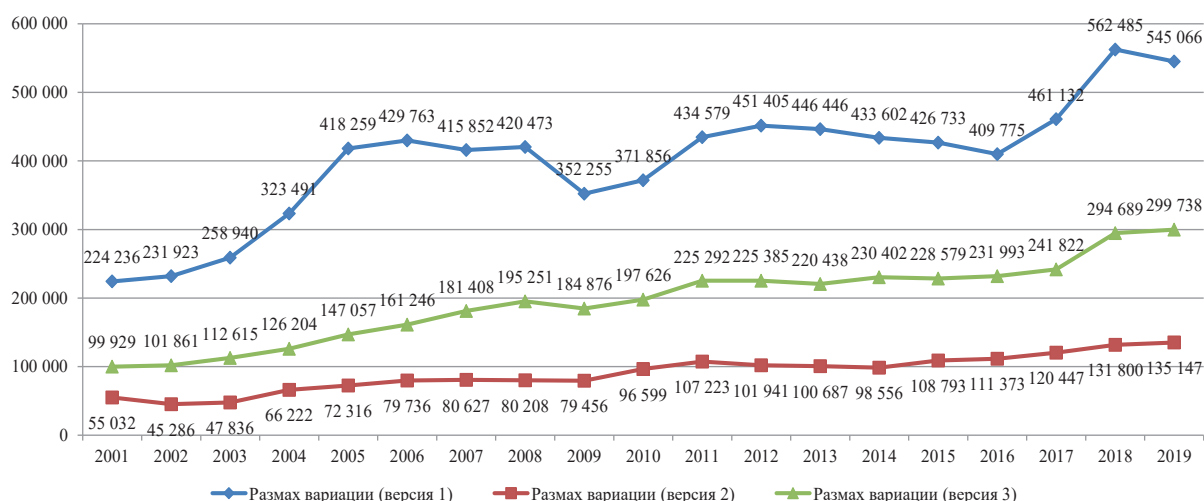

Рис. 4. Динамика размаха вариации объёмов реального ВВП на душу населения (в ценах 2001 г.), р.
 Fig. 4. Dynamics of the scale of variation in the volume of real GRP per capita (in 2001 prices), rubles

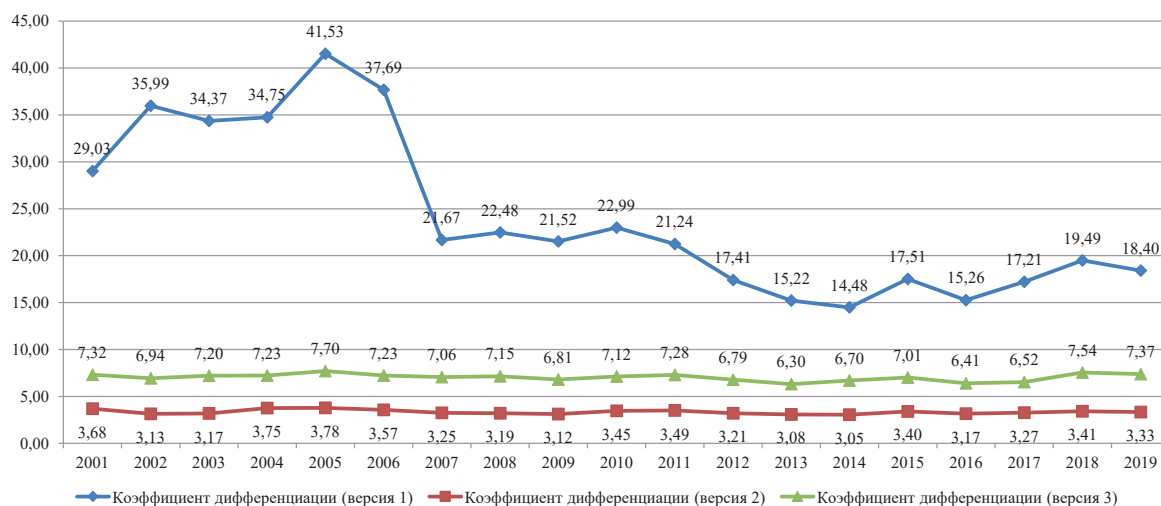

Рис. 5. Динамика коэффициентов дифференциации по уровню реального ВВП на душу населения (в ценах 2001 г.)
 Fig. 5. Dynamics of differentiation coefficients by the level of real GRP per capita (in 2001 prices)

и 4) как в абсолютном выражении, так и коэффициент дифференциации (рис. 5) в относительном измерении, хотя последний вырос очень несущественно. Это говорит о том, что средние значения между децильными группами несколько отдаляются друг от друга. Коэффициент дифференциации (версия 3) выше коэффициента дифференциации (версия 2), но в части динамики также ведёт себя нестабильно и практически не растёт. Коэффициент изменяется в диапазоне 6,30–7,54. Здесь можно сказать лишь о том, что за два последних года значения несколько выше, чем за предыдущие 12 лет.

Относительно коэффициентов осцилляции (рис. 6), здесь можно констатировать несколько сложившихся тенденций. В долго-, средне-

и краткосрочной перспективах динамики несколько разнятся. В долгосрочном периоде (если брать весь исследуемый период 2001 г.) уровень межрегиональной дифференциации по этому индикатору падает — во всяком разе, точно не растёт. По версии 1 мы видим чётко выраженный снижающийся тренд с 2005 г. Размах вариации, приходящийся на значение среднестатистического российского региона, только падает. В относительно краткосрочной перспективе дифференциация нарастает (с 2017 г.). С другой стороны, значение 2019 г. примерно равно тем значениям, которые в среднесрочной перспективе наблюдались с 2009 г.

Не всё однозначно и с динамикой коэффициентов осцилляции по версиям 2 и 3. В долгосрочной

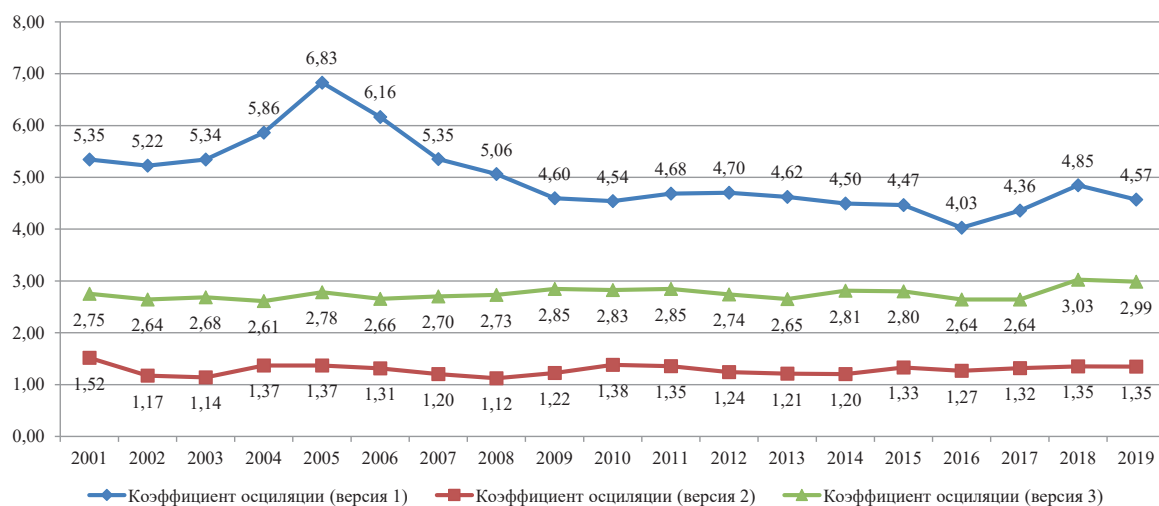

Рис. 6. Динамика коэффициентов осцилляции по уровню реального ВРП на душу населения (в ценах 2001 г.)

Fig. 6. Dynamics of oscillation coefficients by the level of real GRP per capita (in 2001 prices)

перспективе коэффициент осцилляции по версии 2 падает. Но это происходит, если мы анализируем крайние значения — 2019 г. сопоставляем с 2001 г. Видно, что значение 2001 г. несколько выбивается из всей выборки. И если сократить исследуемый диапазон до периода 2002–2019 гг., то ситуация становится противоположной, коэффициент то падает, то растёт, но в общем смысле тренд всё же растущий. По версии 3 коэффициент осцилляции также является растущим. Самые большие значения в принципе приходятся на 2018 и 2019 гг.

Аналогичное исследование по тому же перечню индикаторов автор провёл и в отношении показателя «реальная заработная плата». Результаты расчётов приведены на рис. 7–11. Размах вариации к 2020 г. вырос по всем трём вариантам (версиям) расчёта (рис. 9). Но важно понимать, что в 2020 г. Чукотский автономный округ показал очень высокое значение реальной заработной платы, поэтому среднее значение среди 10 % регионов-лидеров оказывается завышенным. В связи с этим результаты, которые мы получаем по итогам расчётов индикаторов по версиям 1 или 3, оказываются несколько искажёнными вследствие такого статистического «выброса». По версии 1 Чукотский автономный округ искажает значение в связи с тем, что именно он и явился лидером по состоянию на 2020 г. И по версии 3 он также попадает в выборку. Так, например, если рассчитать среднее значение реальной заработной платы в 2020 г. по выборке 10 % лидеров, то есть с учётом указанного округа, то это значение на 33 % будет превышать среднее значение по выборке восьми лидеров, но исключаяющей Чукотский ав-

тономный округ. По этой причине размах вариации по версиям 1 и 3, динамика которых представлена на рис. 9, в 2020 г. так существенно возрастает. И на рис. 8 виден рост среднего значения показателя 10 % лидеров к 2020 г.

Если исключить из анализа 2020 г., то долгосрочный тренд коэффициента дифференциации по версии 1 имеет устойчивую тенденцию к снижению. И нужно сказать, что и два других коэффициента дифференциации (версии 2 и 3) в долгосрочной перспективе также снижаются. Коэффициент дифференциации (версия 2) имеет два, даже три ярко выраженных цикла (рис. 10). Первый приходится на период с 2001 по 2007 г. Внутри этого периода уровень межрегиональной дифференциации снижается. Следующий цикл приходится на 2008–2018 гг. Внутри этого периода коэффициент также устойчиво снижается. С 2016 по 2019 г. можно увидеть обратную тенденцию — к росту. Вероятно, это третий цикл, но полное понимание растущего тренда станет очевидно позднее. Ровно те же три цикла — три тренда — можно увидеть и по динамике коэффициента осцилляции (версия 2), что представлена на рис. 11. Опять же в долгосрочной перспективе все три коэффициента осцилляции снижаются. Но в циклическом смысле ведут себя несколько по-разному. Коэффициент по версии 3 имеет примерно ту же динамику, что и коэффициент по версии 2. А вот что касается коэффициента по версии 1, то здесь можно выделить два других явно выраженных цикла — с другой длительностью (2001–2010 и 2010–2017 гг.). До 2010 г. значение коэффициента падает, причём устойчиво, а далее до 2017 г. растёт, после чего несущественно,

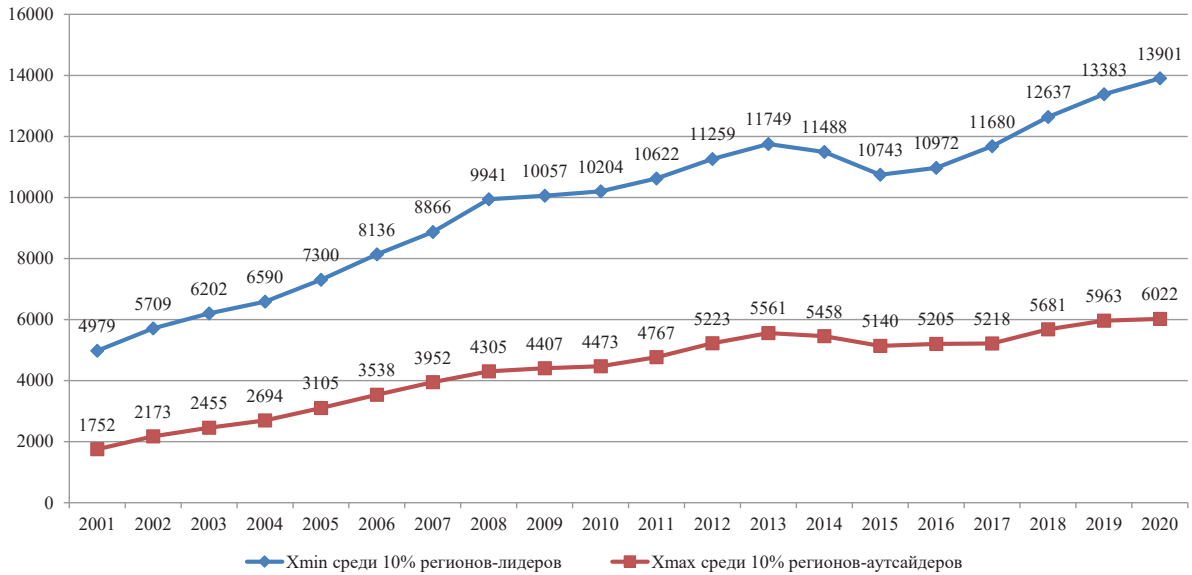

Рис. 7. Динамика минимального значения среди 10 % регионов-лидеров и максимального значения среди 10 % регионов-аутсайдеров размера реальной (в ценах 2001 г.) заработной платы, р.

Fig. 7. Dynamics of the minimum value among 10% of the leading regions and the maximum value among 10% of the outsider regions of the size of real wages (in 2001 prices), rubles

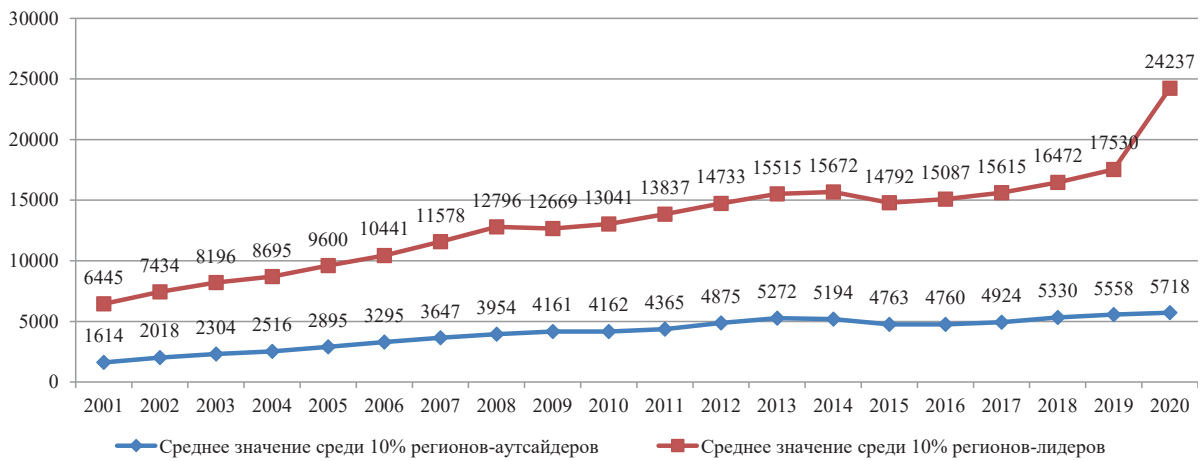

Рис. 8. Динамика средних значений размеров реальной заработной платы первой и десятой децильных групп (в ценах 2001 г.), р.

Fig. 8. Dynamics of average values of real wages of the first and tenth decile groups (in 2001 prices), rubles

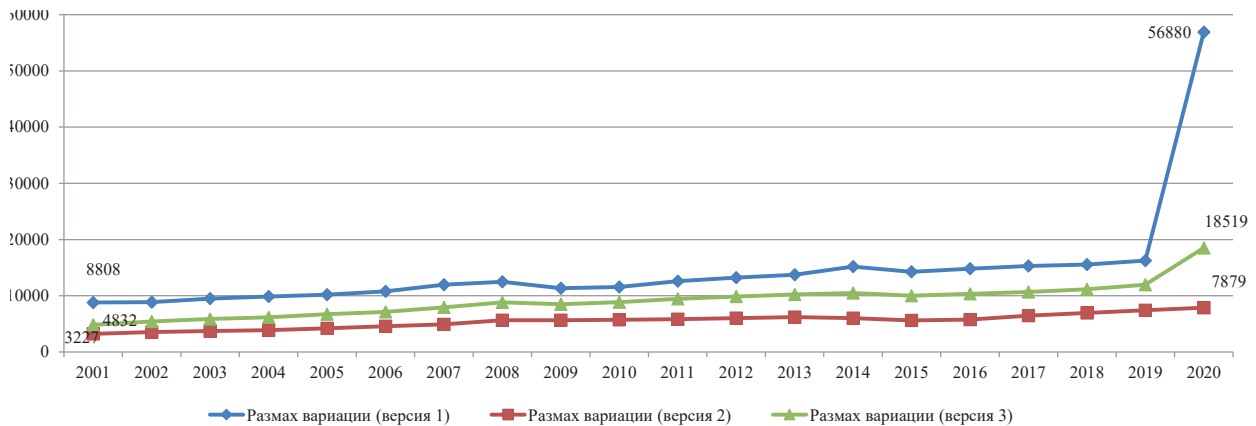

Рис. 9. Динамика размаха вариации размеров реальной заработной платы (в ценах 2001 г.), р.

Fig. 9. Dynamics of the scale of variation in the size of real wages (in 2001 prices), rubles

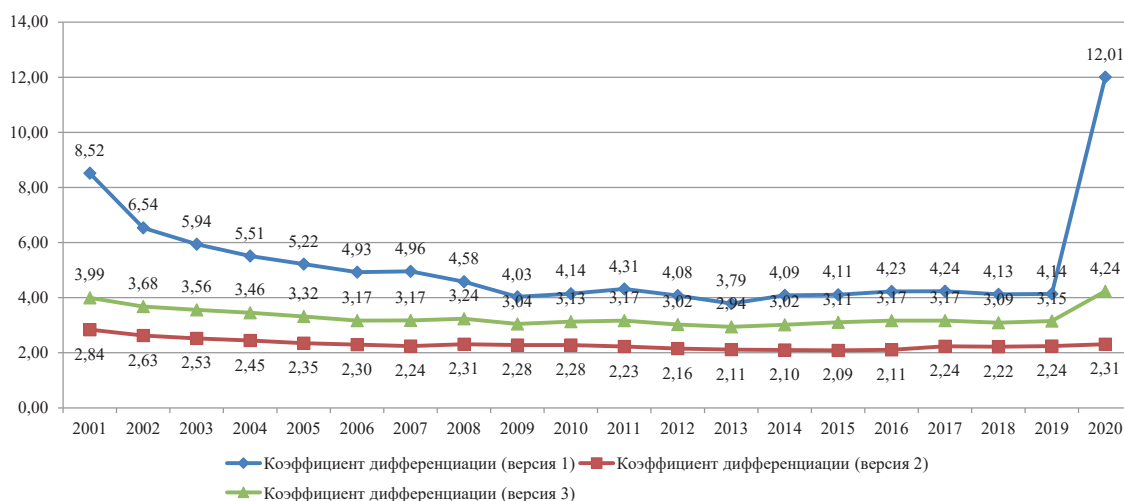

Рис. 10. Динамика коэффициентов дифференциации по уровню реальной заработной платы (в ценах 2001 г.)
 Fig. 10. Dynamics of differentiation coefficients by the level of real wages (in 2001 prices)

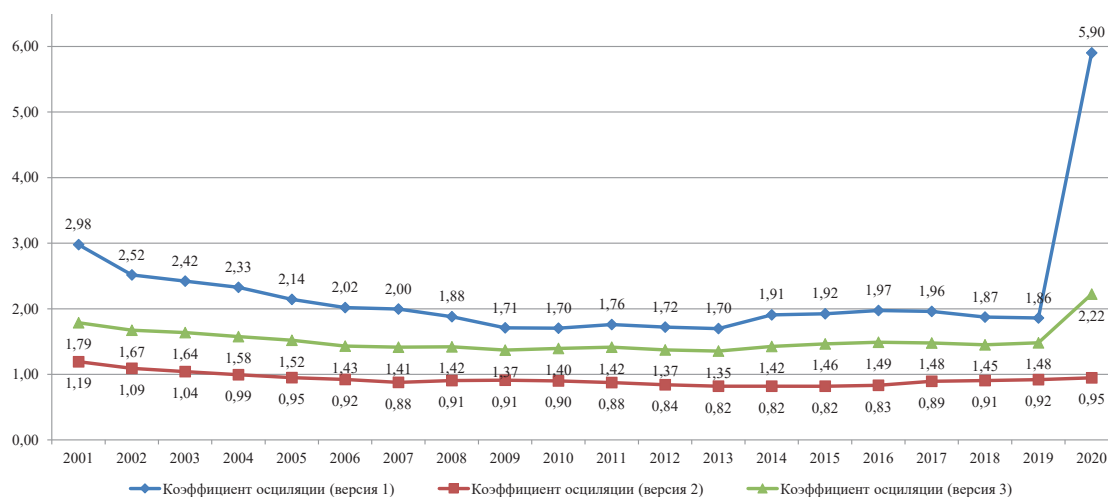

Рис. 11. Динамика коэффициентов осциляции по уровню реальной (в ценах 2001 г.) заработной платы
 Fig. 11. Dynamics of oscillation coefficients by the level of real wages (in 2001 prices)

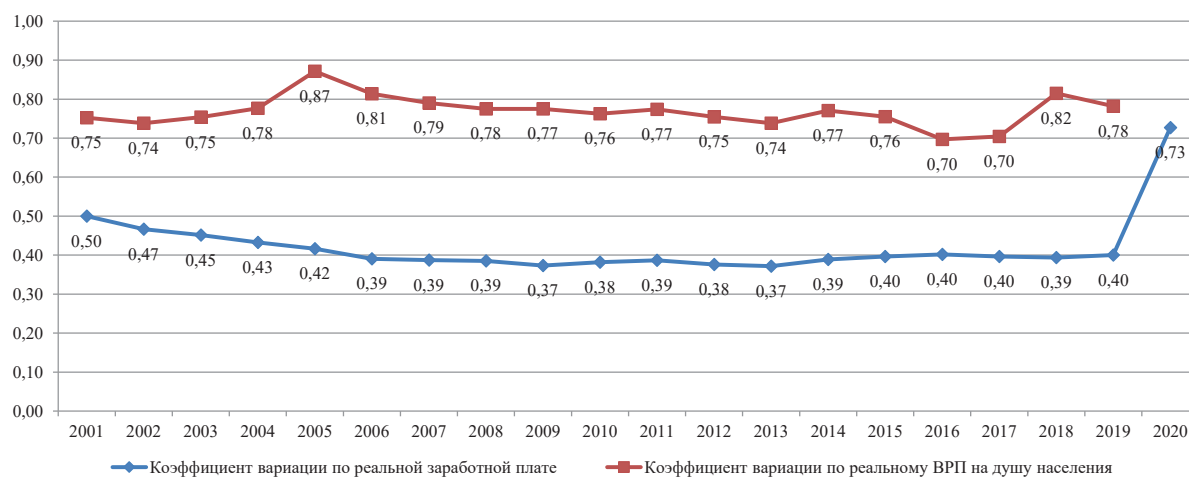

Рис. 12. Динамика коэффициентов вариации по уровню реального ВРП на душу населения и реальной заработной платы (в ценах 2001 г.)
 Fig. 12. Dynamics of coefficients of variation in terms of real GRP per capita and real wages (in 2001 prices)

но всё же опять снижается. В 2020 г. резко растёт — причина этому выше уже озвучена.

Что касается коэффициентов вариации (рис. 12), то коэффициент вариации по реальной заработной плате повторяет ровно те же циклы, что и коэффициент осцилляции по заработной плате по версиям 2 и 3. Стандартное отклонение, которое представляет собой числитель коэффициента вариации, рассчитано автором по всей генеральной выборке, то есть без учёта децильных групп. Коэффициенты осцилляции по версиям 2 и 3 учитывают значения децильных групп. Тем не менее геометрия этих трёх индикаторов повторяет друг друга. Поэтому можно предположить, что коэффициент вариации, несмотря на учёт в выборке как всех лидеров, так и всех аутсайдеров, можно назвать индикатором, вполне репрезентативно отражающим уровень межрегиональной дифференциации.

Коэффициент вариации, рассчитанный по реальному ВРП на душу населения, имеет иную геометрию. Устойчивый рост межрегиональной дифференциации по этому показателю наблюдается с 2002 по 2005 г., далее до 2010 г. можно видеть устойчивое снижение. Минимальное значение индикатор принимает в 2016 и 2017 гг. Если говорить про долгосрочный тренд — то явно выраженный тренд отсутствует. Усреднённо можно констатировать некое постоянство значения.

Заключение

Проведённые расчёты лишней раз доказали сомнения некоторых авторов в отношении устойчиво выраженных динамик усиления или же ослабления межрегиональной дифференциации [7; 8], а также результаты исследования тех авторов, кто констатирует тенденции сглаживания межрегиональных различий [16].

Проведя оценку межрегиональной дифференциации по выборочным показателям, можно сделать следующие выводы. Во-первых, однозначного тренда в отношении уровня межрегиональной дифференциации нет. Причём это касается как показателя «реальный ВРП на душу населения», так и показателя «реальная начисленная заработная плата по полному кругу организаций». С полной уверенностью можно говорить о том, что межрегиональная дифференциация не усиливается. Если бы регионы-лидеры росли быстрее регионов-аутсайдеров, это увеличивало бы разрыв между ними. Но ситуация явно противоположная. В частности, по показателю реального ВРП на душу населения «худший» лидер (среди 10 % лидеров) растёт медленнее «лучшего аутсайде-

ра» (среди 10 % аутсайдеров) — рост 2,55 против 2,83 раза, а разница между ростом «лучшего» лидера и «худшего» аутайдера ещё больше: 2,48 против 3,9 раза. Что касается неких средних значений, то здесь и вовсе наблюдается равенство. «Средний» лидер по показателю реального ВРП на душу населения за период 2001–2019 гг. вырос в 2,99 раза. «Средний» аутсайдер — в 2,98 раза. Такие цифры никак не могут ориентировать в сторону роста дифференциации регионов.

Относительно показателя реальной заработной платы здесь несколько другие цифры роста, но они свидетельствуют даже о сокращении межрегиональных разрывов. «Лучший» аутсайдер за период 2001–2020 гг. растёт куда быстрее «худшего» лидера — 3,44 раза против 2,79, хотя «средний» лидер растёт всё же быстрее (3,76) «среднего» аутайдера (3,54). Но последние цифры не являются показательными, опять же вследствие присутствия Чукотского автономного округа, который в 2020 г. увеличил среднюю величину реальной заработной платы. Если же исключить из анализа 2020 г., то рост показателя за период 2001–2019 гг. составил 2,72 раза — это динамика «среднего» лидера, в то время как «средний» аутсайдер демонстрирует рост в 3,44 раза.

Во-вторых, уровень цен в регионах хотя и различен, но существенно не влияет на индикаторы межрегиональной дифференциации. Соотношение сил как в отношении номинальных показателей, так и в отношении реальных, примерно одинаково. Разрыв в индексах потребительских цен существует, но он не столь критичен. Так, например, к 2020 г. ИПЦ к базовому 2001 г. в Саратовской области показывает минимальное значение, равное 4,14 раза, в Еврейской автономной области максимальное — 5,81 раза.

С одной стороны, казалось бы, есть связь между значением индекса цен и рейтингом региона. Например, три региона — Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская республики и Ивановская область входят в топ-15 регионов с наибольшим значением индекса цен. И эти же регионы попали в группу «худших». Но по факту такой связи (чем больший рост цен показывает регион, тем ниже по рейтингу исследуемых показателей он расположен) не выявлено. Некоторые из регионов (Магаданская область, г. Санкт-Петербург), где цены также выросли существенно, попали в группу лидеров, причём как по номинальной, так и по реальной заработной плате. Корреляция между индексом потребительских цен и исследуемыми показателями близка к нулю.

В-третьих, если и можно говорить об относительном росте уровня межрегиональной дифференциации, то только в отношении коэффициента вариации, рассчитанного по номинальным значениям ВРП на душу населения. Даже в отношении реального значения, по которому нет явно выра-

женного тренда (рис. 12), можно сказать, что явного углубления межрегиональной дифференциации всё же нет.

В-четвёртых, в отношении реальной заработной платы можно констатировать даже ослабление межрегиональной дифференциации.

Список источников

1. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145.
2. Крюков В. А., Коломак Е. А. Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 227, № 1. С. 92–114.
3. Минакир П. А. «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 8–20.
4. Бенц Д. С. Эффективность пространственного развития территории как индикатор оценки деятельности региональной власти: кейс Челябинской области // Управленец. 2021. Т. 12, № 6. С. 49–66.
5. Бархатов В. И., Капкаев Ю. Ш., Плетнёв Д. А. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65–82.
6. Pletnev D., Barkhatov V. Life quality in the Center and Periphery of the Urals and the Volga regions // E3S Web Conf. 2021. Vol. 258. DOI: 10.1051/e3sconf/202125807044
7. Бухвальд Е. М. «Саморазвитие» регионов и приоритеты регулирования пространственной структуры российской экономики // Федерализм. 2018. № 2 (90). С. 32–45.
8. Бахтизин А. Р., Бухвальд Е. М., Кольчугина А. В. Выравнивание регионов в России: иллюзии программы и реалии экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 1. С. 76–91.
9. Баранов С. В., Самарина В. П., Шаталова Т. А. Территориальная политика Российской Федерации и неравномерность пространственного развития // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–1. С. 280.
10. Ворошилов Н. В., Губанова Е. С. Дифференциация территорий и механизм её снижения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 6. С. 57–72.
11. Гришина Е. Е., Казакова Ю. М., Ляшок В. Ю. Дифференциация заработной платы в России: региональный и профессиональный аспекты // Вопросы статистики. 2016. № 11. С. 45–52.
12. Жаромский В. С., Мигранова Л. А., Токсанбаева М. С. Социально-экономическое неравенство в России: динамика и методы оценки // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 79–95.
13. Кривошлыков В. С., Жахов Н. В., Фомичёва Л. М. Экономика и управление межрегиональной дифференциацией с позиций экономической безопасности // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2017. Т. 17, № 2. С. 27–30.
14. Малкина М. Ю. Исследование факторов межрегиональной конвергенции/дивергенции реальных доходов и «социального благополучия» регионов РФ // Journal of Economic Regulation. 2015. Т. 6, № 4. С. 111–119.
15. Малкина М. Ю. Социальное благополучие регионов Российской Федерации // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 1. С. 49–62.
16. Кривошлыков В. С., Жахов Н. В. Экономика и управление межрегиональной дифференциацией // Вестник НГИЭИ. 2017. № 1 (68). С. 119–129.
17. Перевышин Ю. Н., Синельников-Мурылев С. Г., Трунин П. В. Факторы дифференциации цен в российских регионах // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21, № 3. С. 361–384.

References

1. Zubarevich NV. Strategiya prostranstvennogo razvitiya: priority i instrumenty. *Voprosy Ekonomiki = Economic issues*. 2019;(1):135-145. (In Russ.).
2. Kryukov VA, Kolomak EA. Prostranstvennoye razvitiye Rossii: osnovn-yye problemy i podkhody k ikh preodoleniyu. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2021;(227):92-114. (In Russ.).
3. Minakir PA. “Strategiya prostranstvennogo razvitiya” v inter'yere kontseptsiiy prostranstvennoy organi-

zatsii ekonomiki. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. 2018;(4):8-20. (In Russ.).

4. Bents DS. The effectiveness of a territory's spatial development as an indicator of the regional authorities performance: The case of Chelyabinsk oblast. *Upravlenets — The Manager*. 2021;12(6):49-66. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-6-4. (In Russ.).

5. Barkhatov VI, Pletnev DA, Kapkaev IuSh. The Ural and Volga regions' centers and periphery in the context of "new normality". *Socium i vlast' = Society and Power*. 2019;(5):65-83. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-65-83. (In Russ.).

6. Pletnev D, Barkhatov V. Life quality in the Center and Periphery of the Urals and the Volga regions. E3S Web Conf. 2021;258. DOI: 10.1051/e3sconf/202125807044

7. Bukhvald E. "Self-development" of regions and priorities for regulating the spatial structure of the Russian economy. *Federalism*. 2018;(2):32-45. (In Russ.).

8. Bakhtizin AR, Bukhvald EM, Kolchugina AV. Alignment of regions in Russia: illusions of the program and reality of the economy. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2016;(1):76-91. (In Russ.).

9. Baranov SV, Samarina VP, Shatalova TA. Territorial politics of Russian Federation and unevenness of spatial development. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*. 2015;(2-1):280. (In Russ.).

10. Voroshilov NV, Gubanova ES. Territorial Differentiation and Mechanism for its Reduction. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2018;11(6):57-72. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.4 (In Russ.).

11. Grishina EE, Kazakova YM, Lyashok VY. Wage inequality in Russia: regional and occupational aspects. *Voprosy statistiki*. 2016;(11):45-52. (In Russ.).

12. Zharomsky VS, Migranova LA, Toksanbaeva MS. Socio-economic inequality in Russia: dynamics and estimation method. *Narodonaselenie = Population*. 2018;21(4):89-95. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-08 (In Russ.).

13. Krivoshlykov VS, Zhahov NV, Fomicheva LM. Economics and management interregional differentiation from the point of economic security. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta = Vestnik KRSU*. 2017;17(2):27-30. (In Russ.).

14. Malkina MUy. Study of the factors of interregional convergence / divergence in real incomes and «social well-being» of Russian regions. *Journal of Economic Regulation*. 2015;6(4):111-119. (In Russ.).

15. Malkina MUy. Social Well-Being of the Russian Federation Regions. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2017;13(1):49-62. (In Russ.).

16. Krivoshlykov VS, Zhahov NV. Economics and management of interregional differentiation. *Vestnik NGIEI = Bulletin NGIEI*. 2017;(1):119-129. (In Russ.).

17. Perevyshin YN, Sinelnikov-Murylev SG, Trunin PV. Determinants of Price Differentiation across Russian Regions. *Ekonomicheskiy zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki = HSE Economic Journal*. 2017;21(3):361-384. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. С. Бенц — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

D. S. Benz — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 26.02.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 26.02.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330.1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10407

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19: КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В СРАВНЕНИИ С УРАЛЬСКИМ ФЕДЕРАЛЬНЫМ ОКРУГОМ И РОССИЕЙ

**Артём Аркадьевич Саламатов^{1✉}, Алексей Юрьевич Даванков²,
Никита Валерьевич Малыгин³**

^{1,2,3} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

^{1,2} Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия

¹salamatov79@mail.ru[✉], ORCID 0000-0002-3070-9753

² iserp@csu.ru

³ malygin_97@mail.ru

Аннотация. Продолжающаяся пандемия COVID-19 негативно сказалась на большинстве показателей качества жизни населения в 2020–2021 гг. В настоящее время остро стоит вопрос поиска возможностей эффективного ответа общества на вызовы пандемии COVID-19, реагирования на её последствия, прежде всего для системы социальной сферы, регулирования миграции, реализации демографической политики, институтов стимулирования занятости и т. д. Высокий уровень дифференциации субъектов Российской Федерации по последствиям его влияния на качество жизни населения предопределяет необходимость выявления факторов, оказавшихся наиболее значимыми в период пандемии COVID-19. В результате исследования на основе статистических данных проведён анализ динамики ключевых социально-экономических показателей Челябинской области в сравнении с аналогичными показателями Уральского федерального округа и Российской Федерации в целом. Было установлено, что низкий уровень спроса со стороны домашних хозяйств являлся и до сих пор является одним из ключевых ограничений экономического развития, в целом препятствуя выходу российской экономики из стагнационного режима, тем более после её падения в условиях пандемии. Именно поэтому повышение качества жизни населения относится к числу наиболее приоритетных задач при определении направлений социально-экономической политики. Увеличение доходов наименее обеспеченных групп населения имеет не только социальные обоснования, но и прямо влияет на темпы роста экономики.

Ключевые слова: показатели социально-экономического развития, качество жизни населения, пандемия COVID-19, Челябинская область, Уральский федеральный округ, Российская Федерация

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07209.

Для цитирования: Саламатов А. А., Даванков А. Ю., Малыгин Н. В. Социально-экономические последствия пандемии COVID-19: качество жизни населения в Челябинской области в сравнении с Уральским федеральным округом и Россией // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 72–80. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10407

Original article

SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE COVID-19 PANDEMIC: THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION IN THE CHELYABINSK REGION IN COMPARISON WITH THE URAL FEDERAL DISTRICT AND RUSSIA

Artem A. Salamatov[✉], Alexey Yu. Davankov², Nikita V. Malygin³

^{1,2,3} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

^{1,2} Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia

© Саламатов А. А., Даванков А. Ю., Малыгин Н. В., 2022

¹salamatov79@mail.ru[✉], ORCID 0000-0002-3070-9753

²iserp@csu.ru

³malygin_97@mail.ru

Abstract. The ongoing COVID-19 pandemic has a negative impact on most indicators characterizing the quality of life of the population in 2020–2021. Currently, there is an urgent question of finding ways for society to respond effectively to the challenges of the COVID-19 pandemic, primarily for the social sphere system, employment promotion institutions, migration regulation, demographic policy implementation, etc. The high level of differentiation of the subjects of the Russian Federation in terms of the consequences of its impact on the quality of life of the population determines the need to identify the factors that turned out to be the most significant during the COVID-19 pandemic. As a result of the study, based on statistical data, the dynamics of key socio-economic indicators of the Chelyabinsk region was analyzed in comparison with similar indicators of the Ural Federal District and the Russian Federation as a whole. It was found that the low level of demand from households was one of the key constraints on economic development, generally hindering the exit of the Russian economy from the stagnation regime, especially after its collapse in a pandemic. That is why improving the standard of living of the population is among the most priority tasks in determining the directions of socio-economic policy. An increase in the incomes of the least affluent groups of the population has not only social justifications, but also directly affects the growth rate of the economy.

Keywords: indicators of socio-economic development, quality of life of the population, COVID-19 pandemic, Chelyabinsk region, Ural Federal District, Russian Federation

Acknowledgments: the study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 19-29-07209.

For citation: Salamatov AA, Davankov AYu, Malygin NV. Socio-economic consequences of the COVID-19 Pandemic: the quality of Life of the Population in the Chelyabinsk Region in comparison with the Ural Federal District and Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):72-80. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10407

Введение

Социально-экономическое положение регионов России в 2020–2021 гг. неотделимо от пандемии коронавируса, которая сама по себе и связанные с ней ограничения в большинстве своём негативно сказались практически на всех важных показателях качества жизни населения. В настоящее время остро стоит вопрос поиска возможностей эффективного ответа общества на вызовы пандемии COVID-19, реагирования на её последствия, прежде всего для системы социальной сферы, регулирования миграции, реализации демографической политики, институтов стимулирования занятости и т. д.

Высокий уровень дифференциации субъектов Российской Федерации по последствиям его влияния на качество жизни населения предопределяет необходимость выявления факторов, оказавшихся наиболее значимыми в период пандемии COVID-19. Уральский федеральный округ представляет собой масштабный по площади комплекс, включающий в себя Свердловскую, Тюменскую (с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами), Курганскую и Челябинскую области. Каждый из входящих в состав Уральского федерального округа регионов имеет свои особенности, которые определяют различия в значениях основных социально-экономических

показателях, характеризующих качество жизни населения в данных регионах [10].

Материалы и методы исследования

Исследование на основе официальных статистических данных представляет оперативный сопоставительный анализ процессов, происшедших в 2019–2021 гг. в Российской Федерации, Уральском федеральном округе и Челябинской области: анализируется текущая ситуация (в том числе в разрезе отдельных субъектов Российской Федерации), даётся предварительная оценка принимаемым мерам поддержки, описываются направления наиболее вероятных изменений.

Внимание уделено значительному числу компонентов макрорегионального социально-экономического комплекса, однако в связи со сложившимися особенностями ведения статистического учёта не все представляющие на данный момент интерес показатели отображаются в оперативно обновляемой информации, что в некоторой степени ограничивает проведение полноценного комплексного исследования затрагиваемых в рамках анализа аспектов качества жизни населения.

Результаты

Сопоставление результатов, достигнутых по итогам допандемийного 2019 г. и пандемийных 2020–2021 гг., со средними по УрФО и Российской Федерации, позволяет сделать вывод, что

Челябинская область не уступает по параметрам, характеризующим уровень жизни населения, развитие рынка труда, торговли и сферы услуг (табл. 1). При этом, несмотря на то, что данные за 2021 г. являются предварительными и могут быть незначительно скорректированы, они позволяют в целом судить о динамике происходящих процессов в социально-экономическом развитии регионов России.

Демографические процессы в Челябинской области в целом демонстрируют отрицательную динамику, и к концу 2021 г. в области наблюда-

лась убыль населения. Показатели рождаемости сохраняются на уровне общероссийских, но коэффициент смертности населения выше общероссийского показателя, а миграционный прирост вернулся к показателям 2019 г. (табл. 2, 3).

Анализируя демографические процессы, необходимо отметить, что ещё в 2016 г. в России началась так называемая вторая волна депопуляции [7]. В то время как с 2008 по 2015 г. в Российской Федерации наблюдался естественный прирост населения, именно с 2016 г. отмечен рост такого показателя, как естественная убыль

Таблица 1
Table 1

Основные показатели социально-экономического развития Челябинской области в сопоставлении с показателями Уральского федерального округа и Российской Федерации за 2019–2021 гг.¹

The main indicators of socio-economic development of the Chelyabinsk region in comparison with the indicators of the Ural Federal District and Of the Russian Federation for 2019-2021¹

Показатель	Челябинская область			Уральский федеральный округ			Российская Федерация		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Численность населения, тыс. чел.	3 466,3	3 442,8	3 416,6	12 360,7	12 329,5	12 290,1	146 700	146 200	145 478
Естественный прирост населения, чел. на 1 тыс.	-3,2	-6,4	-8,0	-0,8	-3,3	-5,2	-2,2	-4,7	-7,2
Миграционный прирост, чел.	1 713	-905	1 865	19 439	11 615	23 024	285 792	106 496	268 215
Среднедушевые денежные доходы населения, р.	25 425	26 628	27 152	36 855	37 204	37 929	35 338	36 073	37 016
Среднедушевые потребительские расходы населения, р.	19 500	20 457	22 621	28 437	27 217	30 239	28 586	26 906	30 787
Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, р.	37 433	39 349	42 283	51 092	54 603	58 145	47 867	51 344	54 447
Назначенные пенсии, р.	14 788	15 618	15 733	16 087	17 096	17 231	14 904	15 745	15 851
Уровень безработицы, %	5,1	6,8	7,8	3,9	5,0	3,8	4,6	5,8	4,3
Индекс промышленного производства, %	101,0	99,3	109,9	106,4	97,6	105,5	103,4	97,3	104,7
Оборот розничной торговли в расчёте на душу населения, р.	158 480	173 367	142 382	230 605	229 110	184 770	228 373	228 632	192 553
Индексы потребительских цен (тарифов) на товары и услуги, %	103,1	104,6	104,4	103,1	104,2	104,3	103,0	104,9	105,3

¹ Социально-экономическое положение федеральных округов. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260> (дата обращения 17.02.2022); Федеральная служба государственной статистики РФ. Региональная статистика. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (дата обращения 17.02.2022).

Таблица 2

Table 2

**Показатели естественного движения населения в Челябинской области,
Уральском федеральном округе и Российской Федерации в 2019–2021 гг.
(на 1000 чел. населения)¹**

**Indicators of natural population movement in the Chelyabinsk Region, the Ural Federal District
and Of the Russian Federation in 2019-2021 (per 1000 people)¹**

Субъект	Родившиеся			Умершие			Естественный прирост (убыль)		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Челябинская область	9,9	9,5	9,7	13,1	15,9	17,7	-3,2	-6,4	-8,0
УрФО	10,9	10,6	10,5	11,7	13,9	15,7	-0,8	-3,3	-5,2
Российская Федерация	10,1	9,8	9,6	12,3	14,5	16,8	-2,2	-4,7	-7,2

Таблица 3

Table 3

**Показатели миграции населения в Челябинской области, Уральском федеральном округе
и Российской Федерации, чел.¹**

**Indicators of population migration in the Chelyabinsk Region, the Ural Federal District
and Russian Federation, people¹**

Субъект ¹	Число прибывших			Число выбывших			Миграционный прирост (убыль)		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Челябинская область	99 266	87 387	67 629	97 553	88 292	65 764	1 713	-905	1 865
УрФО	412 893	372 494	287 216	393 454	360 879	264 192	19 439	11 615	23 024
Российская Федерация	4 743 373	4 120 743	3 219 675	4 457 581	4 014 247	2 951 460	285 792	106 496	268 215

¹ Федеральная служба государственной статистики РФ. Региональная статистика. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (дата обращения 17.02.2022).

населения, составивший в том году 2,3 тыс. человек. В 2017 г. убыль составила 134,4, в 2018 г. — 218,4, в 2019 г. — 316 тыс. человек. Сегодняшний этап депопуляции характеризуется новым витком сокращения рождаемости вследствие истощения резервов отложенных рождений, обусловленных действием материнского капитала с 2007 г., а также углубления негативных изменений возрастной структуры населения, вызванных «наследием» 1990-х гг. Пандемия новой коронавирусной инфекции стала новым фактором снижения количества населения в России, как в плане естественного движения населения, так и в миграционном аспекте, оказавшем значительное влияние прежде всего из-за роста смертности и снижения миграционной активности населения. При этом новая волна депопуляции в Российской Федерации происходит под давлением двух групп факторов: с одной стороны, это продолжающие оказывать с 2017 г. негативное влияние традиционные факторы изменения демографических тен-

денций, а с другой стороны, экстремальное действие новых факторов экономического и социального характера, возникших вследствие пандемии COVID-19 и оказавших значительное влияние не только на микро- и макроуровне, но и на глобальном уровне.

Ограничения, которые были введены на осуществление экономической деятельности в связи с новой коронавирусной инфекцией, весьма сильно ударили по рынку труда Челябинской области. В целом по России уровень безработицы с 2019 г. сначала рос, но затем упал в 2021 г. на 1,5 %, по Уральскому федеральному округу наблюдается похожая динамика. Однако в Челябинской области с 2019 г. уровень безработицы только растёт.

Социально-экономическая компонента качества жизни оценивается с позиции сопоставления доходов и расходов населения в номинальном и реальном выражении. При этом заработная плата и пенсионные начисления составляют

Таблица 4

Table 4

Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций Челябинской области, Уральского федерального округа и Российской Федерации в 2021 г., р.
Average monthly accrued wages of employees of organizations of the Chelyabinsk region, the Ural Federal District and Of the Russian Federation in 2021, rubles

Субъект	Номинальная	Номинальная, % к 2020 г.	Реальная, % 2020 г.
Челябинская область	42 283	107,4	102,8
УрФО	58 145	106,5	102,1
Российская Федерация	54 447	106,0	100,7

Таблица 5

Table 5

Назначенные пенсии в Челябинской области, Уральском федеральном округе и Российской Федерации в 2021 г., р.
Assigned pensions in the Chelyabinsk Region, the Ural Federal District and of the Russian Federation in 2021, rubles

Субъект	Средняя	Средняя, % 2020 г.	Реальная, % к 2020 г.
Челябинская область	15 733	100,7	96,4
УрФО	17 231	100,8	96,6
Российская Федерация	15 851	100,7	95,6

значительный объём среднедушевых денежных доходов подавляющей части населения Российской Федерации. По представленным на сегодняшний день данным Росстата, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в 2021 г. составила в УрФО 58,1 тыс. р., что выше среднероссийского уровня на 6 %. Рост номинальной заработной платы в Челябинской области относительно аналогичного периода предыдущего года составил 7 %, однако реальная заработная плата выросла всего на 2,8 % (табл. 4), что вместе с тем выше показателей по УрФО и РФ (на 2,1 и 0,7 % соответственно).

Средний размер назначенных пенсий в Челябинской области вырос по сравнению с 2020 г. на 0,7 % и составил 15 733 р., реальный размер назначенных пенсий снизился на 3,6 % (табл. 5)¹.

Негативным сигналом снижения качества жизни населения также является сокращение потребительских расходов домохозяйств. По данным аналитической службы международной аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza, расходы российских семей во втором квартале 2020 г. сократились относительно аналогичного периода в 2019 г. почти на 13 %, до 16,5 тыс. р. С учётом инфляции реальные расходы на тот момент

¹ Федеральная служба государственной статистики РФ. Региональная статистика. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (дата обращения 17.02.2022).

опустились до тринадцатилетнего минимума — меньше россияне тратили лишь в 2007 г.² Однако в 2021 г. потребительские расходы населения и Челябинской области, Уральского федерального округа и Российской Федерации в целом снова начали расти, что свидетельствует о своевременности, правильности и эффективности предпринятых в 2021 г. шагов по восстановлению экономики до допандемийного уровня и повышению доверия населения к предпринимаемым действиям.

В Челябинской области потребительские расходы выросли по сравнению с 2020 г. на 10,65 %, по УрФО — на 11,1 %, в целом по России — на 14,4 %³. Сокращение потребительских расходов в 2020 г. было связано как со снижением благосостояния людей (многим домохозяйствам пришлось вынужденно урезать расходы из-за невозможности позволить себе прежний уровень потребления на текущие доходы), так и в связи с ограничениями, введёнными в условиях пандемии (ограничения в посещении заведений общественного питания, в развлекательном и культурном досуге вне дома и т. д.). Кроме

² Расходы российских семей упали до минимума за 13 лет. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2020/raskhody-rossiyskikh-semey-upali/>

³ Социально-экономическое положение федеральных округов. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260> (дата обращения 17.02.2022).

этого, часть людей сознательно пошла на снижение расходов, совершенно логично ощутив важность наличия некоторой подушки безопасности. Именно это было подтверждено впоследствии увеличением сбережений населения. Таким образом, сокращение потребительских расходов в 2020 г. было вызвано не столько снижением доходов населения, сколько отсутствием возможностей сохранять привычную модель потребительского поведения (прежде всего в секторе услуг) в связи с «коронавирусными» ограничениями.

Обсуждение

В отношении механизма формирования рынка труда пандемия COVID-19 может быть определена как отрицательная экстерналия, а результат её воздействия как провал рынка в целом и рынка труда в частности, в отношении которого COVID-19 следует оценивать в функциональной взаимосвязи социально-экономических факторов. Подобная специфическая форма провала рынка труда привела к таким последствиям, как рост трансакционных издержек найма и занятости, формирование и усиление специфической формы структурной безработицы, рост и трансформация скрытой занятости, рост потерь мёртвого груза, усиление структурной инфляции трудовых доходов, что, в свою очередь, нарушает достигнутое равновесие на рынке труда и усугубляет существующие диспропорции занятости и качества рабочей силы в различных секторах экономики [2; 5; 9; 13].

В рекомендациях Международной организации труда излагается стратегический подход к кризисному реагированию для обеспечения восстановления и повышения устойчивости мирового и национальных рынков труда, которые могут быть учтены в стратегиях социально-экономического развития регионов [1; 6; 11; 12].

В сфере миграции в настоящее время возможно выделить ряд основных рисков, обусловленных принятыми мерами по предотвращению распространения коронавирусной инфекции: 1) закрытие государственных границ и лимитирование мобильности привели к невозможности выехать в страну назначения, вследствие чего отмечается снижение показателя трудовой миграции, или, напротив, возвратиться на родину; 2) приостановка или ограничение деятельности некоторых госучреждений, в чьей ответственности находятся вопросы документооборота, связанного с получением и продлением разрешительных документов мигрантами, поставили в уязвимое положение тех из них, сроки действия документов которых

пришлись на ту или иную волну пандемии; 3) изменения в условиях труда и местного населения, и трудовых мигрантов привели к повышению вероятности потери работы или существенного сокращения доходов, необходимости переориентации на другие формы занятости, а также оказали значительное влияние на рост доли мигрантов в теневом секторе экономики и связанные с этим риски трудовой эксплуатации; 4) весомое сокращение объёмов денежных переводов трудовых мигрантов в их родные страны повлекло за собой негативные последствия для национальных экономик этих государств: снижение денежных доходов домохозяйств, возрастание волатильности национальных валют, появление необходимости пересмотра структуры государственных расходов в пользу перераспределения бюджетных средств для материальной поддержки населения с низким уровнем дохода или живущих за чертой бедности; 5) отъезд части трудовых мигрантов на родину в период пандемии обострил проблему высокого уровня безработицы, в том числе молодёжной, в странах происхождения мигрантов (при этом чаще всего это развивающиеся страны с прогрессивной демографической структурой, то есть страны с высоким уровнем рождаемости и большой долей молодого населения, в которых темпы роста численности населения значительно опережают темпы создания новых рабочих мест) [4].

Сегодня Российская Федерация, в силу сложившихся условий, является привлекательной в миграционном плане страной на Евразийском пространстве. С одной стороны, это этнические русские и желающие переселиться в Российскую Федерацию из бывших советских республик, потенциал миграции которых ещё не исчерпан. В рамках разрешения данной проблемы была разработана «Программа возвращения соотечественников», а также проводится ряд других мероприятий. С другой стороны, ряд регионов и отраслей хозяйства нуждаются в дополнительных трудовых ресурсах всех категорий временных и постоянных мигрантов: трудовые мигранты, высококвалифицированные специалисты, иностранные студенты. В настоящее время Россия (и, в первую очередь, её приграничные регионы) ещё может использовать близкие нам миграционные ресурсы стран бывшего Советского Союза, однако они не бесконечны и без соответствующей активной миграционной политики могут переориентироваться на новые направления. Поэтому перед государством стоит постоянная задача повышения миграционной привлекательности

страны, достичь которую можно путём внесения изменений в текущее миграционное законодательство, упрощающих оформление документов, а также создание благоприятных условий пребывания и осуществления трудовой деятельности мигрантов на территории России. Миграционная политика России должна быть адекватной стратегии социально-экономического и демографического развития.

Повышение качества жизни населения является одной из наиболее важных задач при определении направления развития в рамках реализации социально-экономической политики [3]. Сокращение реальных доходов домашних хозяйств и соответствующее падение расходов в условиях возникшего глобального кризиса затрагивает в первую очередь группы населения с наименьшим уровнем дохода и почти не касается населения в высоком уровне дохода. Данное обстоятельство является дополнительным аргументом в пользу тезиса о несовершенстве существующей системы перераспределения доходов в российской экономике. В период пандемии и ближайшее постпандемийное время она должна стать ещё более социально ориентированной. Снижение дифференциации доходов (даже если их общий уровень остаётся неизменным) способно повысить потребительский спрос в стране и в силу

особенностей потребления низкодоходных групп населения (прежде всего, это продукты питания, одежда и обувь, топливо, бытовая химия, услуги и т. п. — и всё это в основном отечественного производства) повышает темпы роста ВРП и ВВП.

Выводы

Приоритетный рост уровня доходов наименее обеспеченных домашних хозяйств может быть обеспечен только в условиях целенаправленных усилий государства. К таким действиям можно отнести введение необлагаемого минимума дохода по налогу на доходы физических лиц (ведь в идеале налог должен взиматься только с дохода, превышающего минимальные расходы, необходимые, чтобы его заработать; кстати, именно такой подход применяется в отношении юридических лиц и ИП), дальнейшее развитие прогрессивной шкалы налогообложения, опережающую индексацию пенсий, рост зарплат отдельных групп работников бюджетной сферы [8]. Очевидно, что в настоящее время назрела необходимость системной разработки региональных моделей управления качеством жизни населения, учитывающей отрицательные экстерналии пандемии COVID-19 и позволяющей при формулировании целей регионального управления определить потенциальные механизмы и инструменты минимизации её последствий [14; 15].

Список источников

1. Головнин М. Ю., Никитина С. А. Каналы воздействия пандемии COVID-19 на экономику России // Вестник Института экономики РАН. 2020. № 5. С. 9–23.
2. Калякина И. М., Аванесян Э. А., Сайфуллин А. С. Влияние COVID-19 на экономику России // Московский экономический журнал. 2020. № 6. С. 234–240.
3. Качество жизни и региональная трансформация экономики: региональный аспект : монография / О. В. Артемова, А. Ю. Даванков, Н. М. Логачева, Т. Ю. Радилловская, А. Н. Савченко, А. А. Саламатов, А. О. Ужegov. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2021. 210 с.
4. Курюкин А. Н. COVID-19 как вызов экономике, социуму, политике // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. № 3. С. 250–265.
5. Левшукова О. А., Матвеев А. С., Позоян Д. П. Возможные последствия пандемии COVID-19 на развитие экономики России // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 3 (29). С. 191–194.
6. Маркина А. Н. Государственное регулирование экономики в условиях борьбы с COVID-19 // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 6. С. 191–194.
7. Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие : монография / А. В. Торкунов, С. В. Рязанцев, В. К. Левашов и др. М. : Аспект Пресс, 2021. 248 с.
8. Саламатов А. А. Социально-экономические последствия пандемии в Челябинской области // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. 2020. № 4 (41). С. 43–48.
9. Солдатова С. С., Пивкина К. Р. Экономические последствия пандемии «COVID-19» для России // StudNet. 2020. № 2. С. 260–265.
10. Уральский федеральный округ: полгода в условиях пандемии / под общ. ред. Ю. Г. Лавриковой. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2020. 86 с.
11. Ryabchuk P., Salamatov A., Gordeeva D., Gnatyshina E., Fedoseev A., Korneev D., Borisenko Y., Bazavlutskaia

L., Yakupov V. Eco-Economic Security of the Region: Expanding the Management System for Assessing the State of Development // *International Journal of Supply Chain Management*. 2018. Vol. 7, № 6. P. 634–643.

12. Salamatov A. A., Gnatyshina E. A., Gordeeva D. S. The concept of sustainable environmental and economic development in the transition to the digital economy // *Advances in Economics, Business and Management Research*. 2019. Vol. 105. P. 857–862.

13. Truszkowska A., Behring B., Hasanyan J., Zino L., Butail S., Caroppo E., Jiang Z-P., Rizzo A., Porfiri M. High-Resolution Agent-Based Modeling of COVID-19 Spreading in a Small Town // *Advanced Theory And Simulation*. 2021. P. 2000277.

14. Yin K., Wang R., An Q., Yao L., Liang J. Using eco-efficiency as an indicator for sustainable urban development: A case study of Chinese provincial capital cities // *Ecol. Indic.* 2014. № 36. P. 665–671.

15. Zhang G., McAdams D.A., Shankar V., Darani M. M. Modeling the evolution of system technology performance when component and system technology performances interact: Commensalism and Amensalism // *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. Vol. 125. P. 116–124.

References

1. Golovnin MYu, Nikitina SA. Channels of the impact of the COVID-19 pandemic on the Russian economy. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2020;(5):9-23. (In Russ.).

2. Kalyakina IM, Avanesyan EA, Saifullin AS. The impact of COVID-19 on the Russian economy. *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal = Moscow Economic Journal*. 2020;(6):234-240. (In Russ.).

3. Quality of life and regional transformation of the economy: regional aspect: monograph. Yekaterinburg, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2021. 210 p. (In Russ.).

4. Kuryukin AN. COVID-19 challenge as economy, society, politics. *MIR (Modernizaciya. Innovacii. Razvitiye) = MIR (Modernization. Innovation. Development)*. 2020;(3):250-265. (In Russ.).

5. Levshukova OA, Matveev AS, Pozoyan DP. Possible consequences of the pandemic COVID-19 on the economy of Russia. *Estestvennye i gumanitarnye issledovaniya = Natural sciences and humanities research*. 2020;(3):191-194. (In Russ.).

6. Markin AN. State regulation of the economy in the fight against COVID-19. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: theory and practice*. 2020;(6):191-194. (In Russ.).

7. The COVID-19 pandemic: Challenges, consequences, counteraction: monograph. Moscow, Aspect Press Publishing House; 2021. 248 p. (In Russ.).

8. Salamatov AA. Socio-economic consequences of the pandemic in the Chelyabinsk region. *Professional'nyj proekt: idei, tekhnologii, rezul'taty = Professional project: ideas, technologies, results*. 2020;(4):43-48. (In Russ.).

9. Soldatova SS, Pivkina KR. Economic consequences of the COVID-19 pandemic for Russia. *StudNet*. 2020;(2):260-265. (In Russ.).

10. Ural Federal District: six months in a pandemic. Yekaterinburg, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2020. 86 p. (In Russ.).

11. Ryabchuk P, Salamatov A, Gordeeva D, Gnatyshina E, Fedoseev A, Korneev D, Borisenko Yu, Bazavlutskaya L, Yakupov V. Ecological and economic security of the region: expansion of the management system to assess the state of development. *International Journal of Supply Chain Management*. 2018;7(6):634-643.

12. Salamatov AA, Gnatyshina EA, Gordeeva DS. The concept of sustainable ecological and economic development in the conditions of transition to the digital economy. *Achievements in the field of economics, business and management research*. 2019;105:857-862.

13. Trushkovska A, Bering B, Hasanyan J, Zino L, Butail S, Karoppo E, Jiang ZP, Rizzo A, Porfiri M. Agent modeling of COVID-19 spread in a small city with high resolution. *Advanced theory and Modeling*. 2021:2000277.

14. Yin K, Wang R, An Q, Yao L, Liang J. Using eco-efficiency as an indicator for sustainable urban development: A case study of Chinese provincial capital cities. *Ecol. Indic.* 2014;36:665-671.

15. Zhang G, McAdams DA, Shankar V, Darani MM. Modeling the evolution of system technology performance when component and system technology performances interact: Commensalism and Amensalism. *Technological Forecasting and Social Change*. 2017;125:116-124.

Сведения об авторах

А. А. Саламатов — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и регионального развития (Челябинский государственный университет); ведущий научный сотрудник.

А. Ю. Даванков — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и регионального развития (Челябинский государственный университет); ведущий научный сотрудник.

Н. В. Малыгин — аспирант кафедры экономической теории и регионального развития.

Information about the authors

A. A. Salamatov — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, head of Department of economic theory and regional development (Chelyabinsk State University); leading researcher.

A. Yu. Davankov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics and regional development (Chelyabinsk State University); leading researcher.

N. V. Malygin — Postgraduate student of the Department of Economic Theory and Regional Development.

Статья поступила в редакцию 24.02.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 24.02.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330.322.54

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10408

ПРОЕКЦИЯ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ НОРВЕГИИ НА РОССИЮ

Ирина Владимировна Резвякова^{1✉}, Анна Тудоровна Лиленко²

^{1,2} Орловский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Орёл, Россия

¹ rezvirina@yandex.ru✉

² efftaan@gmail.com

Аннотация. В условиях активной цифровизации мировой экономики процедура формирования государственного бюджета становится наиболее актуальной темой для поддержания активного взаимодействия между государственными представителями и гражданами. Конструктивность данного диалога заключается в создании гражданского общества, осознающего процесс правового становления государства, а также специфику государственных процессов, основанную на достижении стратегических государственных финансовых целей. Так как своевременное проведение бюджетной политики в стране может предотвратить экономический дефолт, то проведение и контроль финансовой тактики государства является основной задачей управления. Важно также уделить должное внимание особому влиянию на экономические системы и этапы их развития со стороны вирусной инфекции COVID-19. В ходе активного влияния данного вируса на деятельность экономической сферы особенно важным стал процесс переосмысления предназначения и процедуры использования бюджетных инструментов регулирования. Целью исследования является: изучение бюджетной политики Норвегии и России на федеральном уровне, а также анализ влияния проекции бюджетной политики Норвегии на Россию. На примере проекции бюджетной политики Норвегии на Россию сделан вывод о том, что заимствование зарубежного опыта построения структуры бюджетной политики «Пенсионного фонда Норвегия» оказывает положительное влияние на процесс становления «Фонда Национального благосостояния России».

Ключевые слова: Норвегия, Россия, бюджетная политика, бюджет, бюджетные инструменты, финансовая сфера

Для цитирования: Резвякова И. В., Лиленко А. Т. Проекция бюджетной политики Норвегии на Россию // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 81–89. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10408

Original article

PROJECTION OF NORWAY'S BUDGET POLICY ON RUSSIA

Irina V. Rezvyakova^{1✉}, Anna T. Lilenko²

^{1,2} Orel branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Orel, Russia

¹ rezvirina@yandex.ru✉

² efftaan@gmail.com

Annotation. In the conditions of active digitalization of the world economy, the procedure for forming the state budget is becoming the most relevant topic for maintaining active interaction between government representatives and citizens. The constructiveness of this dialogue lies in the creation of a civil society that is aware of the process of legal formation of the state, as well as the specifics of state processes based on the achievement of strategic state financial goals. Since the timely implementation of fiscal policy in the country can prevent an economic default, the implementation and control of the financial tactics of the state is the main task of management. It is also important to pay due attention to the special impact on economic systems and stages of their development from the COVID-19 virus infection. During the active influence of this virus on the activities of the economic sphere, the process of rethinking the purpose and procedure for using budgetary regulatory instruments has become especially important. The purpose of the study is: to study the budget policy of Norway and Russia at the federal level, as well

as to analyze the impact of the projection of the budget policy of Norway on Russia. It is concluded, using the example of the projection of Norway's budget policy on Russia, that the borrowing of foreign experience in building the structure of the budget policy of the Pension Fund Norway has a positive impact on the process of formation of the National Welfare Fund of Russia.

Keywords: Norway, Russia, budget policy, budget, budget instruments, financial sphere

For citation: Rezvyakova IV, Lilenko AT. Projection of Norway's budget policy on Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):81-89. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10408

Введение

Основным финансовым планом любого государства является бюджет, который определяет конкретные экономические цели для власти. Федеральный бюджет, бюджет субъектов и его органов местного самоуправления — финансовые инструменты, позволяющие проводить экономическую и социальную политику в стране на разных уровнях. Государственный бюджет является основным звеном финансовой системы каждой страны, что подтверждается его влиянием на экономическую, политическую и социальную сферы. Бюджет, как важная часть общегосударственных финансов, существует и действует там, где есть государство и развиты товарно-денежные отношения [1].

Основу финансовой деятельности правительства любого государства составляет «план распределения финансовых средств» — бюджет государства. Согласно мнению В. Д. Камаева, М. З. Ильчикова, Т. А. Борисовской, бюджетная политика — это единый государственный финансовый план, основанный на подотчётном контроле поступлений денежных средств в форме налоговых платежей от граждан и различных объединений, с одной стороны, и распределении совокупных бюджетных ресурсов, исходя из государственных потребностей, с другой [2].

Состояние финансовой среды, уровень развития и качество применяемых здесь инструментов регулирования деятельности субъектов экономики в ходе проведения своевременной бюджетной политики напрямую влияют на процесс развития стабильности государства. Основным направлением деятельности государственных политологов и экономистов, в случае экономической неопределённости и возможности дефолта, выступает детальная разработка бюджетного управления ресурсами [3].

Наиболее актуальное определение бюджетной политики как процесса описывается в книге «Финансовое право» В. А. Мальцева, согласно мнению которого бюджетная политика государства — это процесс, направленный на рациональное распределение денежных источников

и ресурсов, в ходе проведения различных государственных национальных программ. Также необходимо отметить, что проведение бюджетной политики государства имеет прямую зависимость от уровня мирового развития и форс-мажорных обстоятельств мирового масштаба [4].

Согласно мнению Т. М. Ковалёвой, автора книги «Бюджетная политика и бюджетное планирование в Российской Федерации», основой финансовой политики любого государства является его бюджетная политика. Также, по его мнению, в процессе государственного финансового регулирования особую роль играют бюджетная политика и бюджетное планирование, поскольку в ходе их разработки определяются основные цели и задачи, отличающиеся особой актуальностью для финансового устройства конкретного государства [5].

Процесс культивирования устройства бюджета страны является индивидуальной разработкой, поскольку необходимо учитывать экономику государства и возможности использования ресурсов. Согласно мнению О. В. Макашиной, автора книги «Технологии управления государственными и муниципальными финансами», «бюджетное устройство — это принцип построения бюджетной системы, взаимоотношения между её отдельными звеньями, описание состава и структуры бюджета, процедуры формирования и использования бюджетных средств» [6]. Также по мнению О. В. Макашиной, бюджет Российской Федерации подразумевает следующие уровни:

- **первый уровень:**

- федеральный бюджет;
- бюджеты государственных внебюджетных фондов РФ;

- **второй уровень:**

- бюджеты субъектов РФ;
- бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов;

- **третий уровень:**

- местные бюджеты:
 - бюджеты городских и сельских поселений;
 - бюджеты муниципальных районов и т. д.

Основным направлением культивирования процесса проведения бюджетной политики

в стране является не только целевое распределение финансовых ресурсов, но и развитие обязательств, направленных на увеличение как источников финансирования, так и на повышение рентабельности их использования. Развитие экономики в стране, улучшение условий жизни граждан и реализация своевременного выполнения национальных государственных проектов характеризуют верную процедуру контроля госбюджета [2].

Осуществление контроля над финансовыми потоками в Российской Федерации происходит с помощью инструмента регулирования экономической деятельности, то есть государственного бюджета. Регулирование этапов стимулирования экономической сферы и поэтапное развитие бюджетного процесса каждой страны регламентируется актуальным законодательством [7].

Функциями культивирования процесса проведения бюджетной политики в стране выступают:

1. Перераспределение национального дохода.
2. Вмешательство в процесс производства.
3. Осуществление внутренней и внешней безопасности.
4. Осуществление государственной социальной политики.
5. Содержание аппарата управления¹.

Несмотря на существенные качественные различия в бюджетных системах стран, сущность государственной бюджетной политики остаётся неизменной. Примером качественных различий выступают²:

- 1) тип государства;
- 2) уровень развития производительных сил;
- 3) характер производственных отношений;
- 4) экономический потенциал страны;
- 5) территориальные, природные и другие особенности.

По мнению М. А. Абрамова, автора книги «Бюджетно-налоговые и денежно-кредитные инструменты достижения финансовой стабильности и обеспечения экономического роста», актуальность задачи выбора инструментов регулирования бюджета основана на желании со стороны

¹Регламент бюджетирования и организация системы бюджетирования. Основы бюджетирования // Финансист финансовые программы. URL: <https://www.1cashflow.ru/polozhenie-o-byudzhetrovaniireglament-i-metodologiya-vnedreniya> (дата обращения: 13.10.2021).

²Бюджетная система РФ. URL: <http://profkval.ru/upload/Тема%20%20Учебное%20пособие%20Бюджетная%20система%20РФ.pdf> (дата обращения: 13.10.2021).

управленческого аппарата в условиях конечности капитала бюджетных средств обеспечить целевое использование средств государственного бюджета и сохранить потенциал воздействия на социально-экономические процессы.

Также М. А. Абрамов выделяет основные бюджетные инструменты³:

- бюджетные инвестиции;
- программно-целевое планирование и финансовые расходы бюджета;
- государственные задания;
- нормативное финансирование затрат на оказание государственных (муниципальных) услуг (выполнение работ) физическим и юридическим лицам.

Материалы и методы исследования

В качестве исследовательского метода выступил метод классификации. Материалами для проведения исследования послужили открытые данные, интернет-ресурсы.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведение бюджетной политики в государстве оказывает огромное влияние на процесс развития экономической сферы, что говорит об актуальности своевременных исправлений в бюджетной тактике с целью избегания форс-мажорных обстоятельств, приводящих к дефолту. Анализируя бюджетное устройство Норвегии, важно отметить, что это государство Северной Европы, с численностью 5 391 369 чел.⁴ Согласно данным аналитического центра Take-profit.ru, выбранное государство находится на лидирующих позициях по экономическим показателям прироста ВВП, поскольку средний прирост 2018 г. составил — 5,6 условных единиц по отношению к предыдущему, в 2020 г. — 6,3 усл. ед., в 2021 г. — 7,8 усл. ед.⁵ По данным на IV квартал 2021 г., экономическое состояние Норвегии можно охарактеризовать как «стремительно экономически развивающееся государство», несмотря на уменьшение ВВП с 404,5 млрд долл. до 366 млрд долл.⁶

³Бюджетно-налоговые и денежно-кредитные инструменты достижения финансовой стабильности и обеспечения экономического роста. URL: <https://book.ru/book/939115> (дата обращения: 13.10.2021).

⁴Население Норвегии // Статистика и показатели региональные и федеральные. URL: <https://rosinfostat.ru/naselenie-norvegii/> (дата обращения: 13.10.2021).

⁵Индекс дефлятора ВВП в Норвегии // TAKE-PROFIT.ORG URL: <https://take-profit.org/statistics/gdp-deflator/norway/> (дата обращения: 13.10.2021).

⁶Экономический прогноз Норвегии на 2021 год: что будет дальше // Мир финансов. Капитал. Ин-

Лидирующие позиции по экономическим индексам Норвегии обеспечивают территориально выгодное расположение государства, наличие колоссальных запасов углеводородов в шельфе Северного и Норвежского морей. Стремительный рост цен на нефть в 1980–1990-х гг. предоставил возможность правительству Норвегии формировать профицитные запасы дохода от её экспорта, которые в свою очередь помогли создать фонд Норвегии, превратившийся во владельца мировых инвестиций¹.

На конец I квартала 2022 г. суммарная стоимость фонда Норвегия составляет 11 360 159 089 норвежских крон (148 136 474 584 р.). Основной целью существования данного фонда является обеспечение работоспособности долгосрочного управления активами от доходов экспорта нефти и газа Норвегии с целью улучшения социальных условий жизни граждан. Высокий уровень жизни норвежцев подтверждается отсутствием необходимости значительных социальных расходов государственного потребления, несмотря на сложности ведения экономического развития, вызванные появлением вирусной инфекции COVID-19: в 2020 г. лишь 22 % от выделенной суммы, 2021 г. — 22,3 % доля государственного потребления². Необходимо уточнить, что государственное потребление включает в себя: 1) охрану здоровья; 2) социальное обеспечение; 3) поддержку социального порядка³.

В Норвегии существует двухуровневая система контроля социально-экономического обеспечения граждан. Первым выступает Счётная палата, занимающаяся культивированием и планированием целевой деятельности второго — Сторинга, полномочия которого распространяются на определение сумм с целью удовлетворения необходимых государственных расходов⁴.

Необходимо также уточнить особенности про-
вестиции. Технологии. URL: <https://wfin.kz/novosti/ekonomika/43192-ekonomicheskij-prognoz-norvegii-na-2021-god-chto-budet-dalshe.html> (дата обращения: 13.10.2021).

¹ Фонд // NORGES BANK INVESTMENT MANAGEMENT URL: <https://www.nbim.no/> (дата обращения: 13.10.2021).

² Норвегия — ставка социального страхования // TRADING ECONOMICS URL: <https://ru.tradingeconomics.com/norway/social-security-rate> (дата обращения: 13.10.2021).

³ Финансовая система Норвегии. URL: https://studbooks.net/808162/finansy/finansovaya_sistema_norvegii (дата обращения: 13.10.2021).

⁴ Сторинг // NORGE.RU. URL: <http://www.norge.ru/stortinget> (дата обращения: 13.10.2021).

ведения бюджетной политики Норвегии, которые заключаются не в расходовании финансовых ресурсов, а наоборот, в увеличении с помощью инвестирования в биржевые фондовые активы. По состоянию на конец IV квартала 2021 г. счёт активов фонда достиг рекордного значения — 1,4 трлн долл. США. Доход фонда Норвегия складывается из профицита от экспорта нефти и газа другим странам, налоговых сборов и дивидендной политики инвестируемых компаний⁵.

Несмотря на возникшие из-за появления вирусной инфекции COVID-19 сложности в развитии экономики Норвегии и значительные потери стоимости акций, а именно совокупная стоимость фонда снизилась на 14,6 % от всей суммы, нефтегазовая промышленность обеспечила 25 % ВВП Норвегии в конце 2021 г., а доля доходов от экспорта нефти и газа составляет 45 % всего дохода страны, что помогло сдержать рост убытков инвестирования⁶. Благодаря верно выбранной территориальной политике государство выгодно и своевременно увеличивает и без того профицитный доход от экспорта ресурсов. Сейчас Норвегия является богатейшей страной мира, где оценка ВВП на душу населения составляет 63 586 долл. США⁷.

В течение 32 лет существования фонда Всеобщего благоденствия (сейчас Пенсионный фонд Норвегии) государство проинвестировало в фонд свыше 11 360 159 089 NOK, что при конвертации в рубли составляет 148 136 474 584 р. Лишь в 2021 г. инвестиции в фонд Норвегия составила 147 млрд норвежских крон (17,02 млрд долл. США). Значительный уровень денежных активов, вкладываемых в развитие фонда, обусловлен высокими налогами от граждан и профицитным доходом от продаж нефти, которые в свою очередь составляют 55 % всего дохода от основной деятельности⁸.

⁵ Крупнейший в мире пенсионный фонд заработал \$112 млрд за полгода // РБК. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/61lccd499a794709399bb85f> (дата обращения: 13.10.2021).

⁶ Крупнейший в мире резервный фонд потерял рекордно много денег // РАМБЛЕР/ФИНАНСЫ. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/43953504-krupneyshiy-v-mire-rezervnyy-fond-poteryal-rekordno-mnogo-deneg/> (дата обращения: 13.10.2021).

⁷ Нефтяной фонд Норвегии в первом полугодии 2020 года потерял около 18 млрд евро // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9225647> (дата обращения: 13.10.2021).

⁸ Норвегия получила рекордные доходы от нефтегазовой отрасли в 2021 г. за счёт роста цен на газ // Neftegaz.

Необходимо упомянуть и тот факт, что фонд Норвегия занимается грамотным инвестированием в акции на фондовой бирже крупных компаний, таких как APPLE — 5,3 %, Shell — 3,5 %, ExxonMobil — 1,7 %, русские активы: «Газпром нефть» — 0,2 %, «Башнефть» — 0,21 % и т. д.¹ Также фонд инвестирует в государственные ОФЗ различных стран: 50–60 % в Европу, 20–40 % в США, 10–30 % в Азию и Океанию, дивиденды которых в 2020 г. превысили 3 млрд долл.²

Нельзя не уточнить, что более 38 % внутреннего дохода бюджета занимают государственные сборы с граждан Норвегии. В свою очередь, благодаря высокому уровню жизни и достойной оплате труда жители готовы оплачивать большое количество налогов, достигающих почти 54 % всего из достатка. Физические лица уплачивают суммарно 54 % от своего достатка в пользу налогообложения, а юридические лица дополнительно 28 % с осуществления целевой деятельности объединения³.

В сравнении с бюджетной политикой Норвегии, рассматривая бюджетное развитие Российской Федерации, необходимо обратить внимание на главный свод законов о регламенте бюджетной политики РФ — «Бюджетное послание Президента Российской Федерации»⁴. Исходя из данного документа можно выделить основные принципы⁵

RU. URL: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/720671-norvegiya-poluchila-rekordnye-dokhody-ot-neftegazovoy-otrasli-v-2021-g-za-schet-rosta-tsen-na-gaz/> (дата обращения: 13.10.2021).

¹ Суверенный фонд Норвегии продаст акции компаний без целей по сокращению выбросов CO₂ // THE BELL. URL: <https://thebell.io/suverennyj-fond-norvegi-prodast-aktsii-kompanij-bez-tselej-po-sokrashheniyu-vybrosov-co> (дата обращения: 13.10.2021).

² Куда фонд Норвегии инвестирует сверхдоходы от нефти и газа // ИНВЕСТИЦИИ. ДОХОДЧИВО. URL: <https://dokhodchivo.ru/kuda-fond-norvegi-investiruet-sverkhdochody-ot-nefti-i-gaza> дата обращения: 13.10.2021).

³ Бухгалтерия в стране викингов // Бухгалтерия. ru URL: <https://www.buhgalteria.ru/article/bukhgalteriya-v-strane-vikingov>. (дата обращения: 13.10.2021).

⁴ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021–2022 гг. // Министерство финансов Российской Федерации URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/10/main/ONBNiTTP_2020-2022.pdf (дата обращения: 13.10.2021).

⁵ Составлено автором на основе данных доклада Министерства финансов РФ «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» (https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/10/main/ONBNiTTP_2020-2022.pdf)

создания эффективной бюджетной системы Российской Федерации [10; 11]:

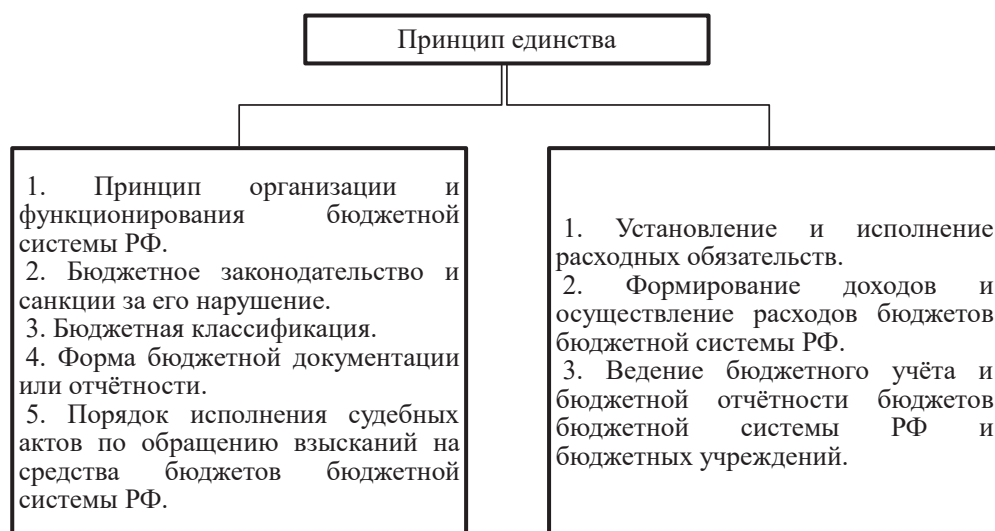
- Единство бюджетной системы РФ.
- Разграничение доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов между бюджетами бюджетной системы РФ.
- Самостоятельность бюджетов.
- Равенство бюджетных прав субъектов РФ, муниципальных образований.
- Полнота отражения доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов.
- Сбалансированность бюджета.
- Результативность и эффективность использования бюджетных средств.
- Общее (совокупное) покрытие расходов бюджетов.
- Прозрачность (открытость).
- Достоверность бюджета.
- Адресность и целевой характер бюджетных средств.
- Подведомственность расходов бюджета.
- Единство кассы.

Основой проведения процедуры бюджетной политики на территории РФ выступает «принцип единства бюджетной системы Российской Федерации», существующий лишь на территории РФ и актуальный в определённом правовом пространстве. Лишь при соблюдении двух вышеописанных условий возможно создать стабильное государственное устройство и обеспечить равные условия для реализации расходных обязательств на государственной территории (рисунок)⁶.

Согласно «Основным направлениям бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и плановый период 2021 и 2022 годов», процедура проведения бюджетной политики РФ основывается на описанном в документе регламенте. По состоянию на середину I квартала 2022 г., российское правительство находится на стадии реализации огромного количества национальных проектов, созданных с целью развития экономики и преодоления возникающих форс-мажорных обстоятельств. Россия является лидирующим экспортёром нефти, что оказывает прямое влияние на рост ВВП страны. По данным сайта «Нефть-газ-ископаемые.рф», 56 % ВВП на конец IV квартала 2021 г. занимал экспорт нефти⁷. По данным на начало 2022 г., согласно

⁶ Бюджетная система Российской Федерации URL: <https://www.book.ru/book/934067> (дата обращения: 13.10.2021).

⁷ Запасы нефти и газа в России на 2020 // Нефть-газ-ископаемые. рф. URL: <https://www.нефть-газ->

*Основной принцип эффективной бюджетной системы Российской Федерации
(Составлено авторами на основе книги Г. И. Золотарёва, Н. И. Смородинова
«Бюджетная система Российской Федерации» (<https://www.book.ru/book/934067>))*

*The basic principle of the effective budget system of the Russian Federation
(Source: compiled by the author on the basis of the book G. I. Zolotarev, N. I. Smorodinov
“The budget system of the Russian Federation” (<https://www.book.ru/book/934067>))*

международным рейтингам, добыча нефти составила 524 млн т, что превышает декабрь 2020 г. на 108 %¹. Также наблюдается положительная динамика ВВП на душу населения в РФ: 2017 г. — 91 843,2 млрд р., 2019 г. — 109 193,2 млрд р., 2021 г. — 130 795,3 млрд р.²

Из-за появления вирусной инфекции COVID-19 в конце 2019 г. возник нефтяной дефицит в размере 7 % ВВП³. С того момента Россия как лидирующий экспортёр нефти разработала основной национальный проект, направленный на стабилизации нефтяной ситуации страны. Основной целью национальных проектов РФ стала его стабилизация⁴.

ископаемые.рф/zapasi-nefti-i-gaza-v-rossii (дата обращения: 13.10.2021); Федеральный бюджет на 2020 год и плановый период 2021–2022 гг. Инфографика // ФЕДЕРАЛЬНЫЙ АИФ. URL: https://aif.ru/money/economy/federalnyy_byudzhet_na_2020_god_i_planovyy_period_2021-2022_gg_infografika (дата обращения: 13.10.2021).

¹ О рынке нефти в 2021 году. Добыча и экспорт нефти сырой, включая газовый конденсат природный. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/27_23-02-2022.html (дата обращения: 13.10.2021).

² ВВП России по годам: 1991–2021 // iFinance. URL: <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/> (дата обращения: 13.10.2021).

³ Росстат впервые рассчитал долю нефти и газа в российском ВВП. Она оказалась гораздо ниже доли нефтегазовых доходов в бюджете и экспорте России // РБК URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/07/2021/60ec40d39a7947f74aeb2aae> (дата обращения: 13.10.2021).

РФ заинтересована в снижении индекса зависимости ВВП от нефтегазовых доходов в 2021 г. на 6 %. Однако из-за политических сложностей начала 2022 г. данный национальный проект не выполнен; исходя из данных сайта «Russian.rt.com» доля нефтегазового сектора ВВП возросла до 15 %⁵.

Драйвером роста зависимости ВВП от нефтегазового экспорта послужила политическая обстановка в мировой экономике начала 2022 г., которая привела к наложению огромного количества санкций против целевого экспорта России и её экономического развития. Это вызвало скачок цен на газ — 3200 долл. за 1 м³, нефть — 135 долл. за баррель на американском рынке. Несмотря на значительное повышение цен, для экспорта нефти и газа были прерваны прямые поставки из РФ в другие страны указанных ресурсов, что приводит к уменьшению привлечения активов в бюджет стран⁶.

⁴ Куда мы слезем с нефтяной иглы // НОВАЯ ГАЗЕТА. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/18/kuda-my-slezem-s-neftianoi-igly> (дата обращения: 13.10.2021).

⁵ Сырьевой сброс: доля нефтегазового сектора в ВВП России сократилась до 15 % // RT. URL: <https://russian.rt.com/business/article/884848-rossiya-vvp-neft-gaz> (дата обращения: 13.10.2021).

⁶ Нефть — \$135, газ — \$3200: «Мир оказался на пороге мирового энергокризиса хуже 70-х» // EurAsia Daily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/03/07/>

В процессе выполнения национального проекта, направленного на улучшение качества жизни граждан и уменьшение зависимости роста ВВП от экспорта нефти и газа, важным является то, что основными источниками финансирования по регламенту проекта должны были выступить экспортоориентированные отрасли обрабатывающей промышленности: химический комплекс, пищевая промышленность и машиностроение, которые в начале 2022 г. приостанавливают свою деятельность из-за санкций¹.

Согласно данным на конец 2021 г., бюджет РФ состоит из двух частей: налоговые и неналоговые доходы (таблица). Министерство финансов РФ указывает суммарное поступление неналоговых и налоговых доходов на конец 2021 г. в размере 25 980 279,4 р., безвозмездно принято — 54 782 тыс. р.²

По данным Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, на конец 2020 г., доходы консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов составили 37 856,7 млрд р., налоговые доходы — 23 633,4 млрд р., а неналоговые и прочие — 6 150,7 млрд р.³

Исходя из политической ситуации в мировой экономике, расходная часть государственного бюджета РФ стремительно увеличивается с каждым днём вопреки неопределённости последствий экономического состояния государства. Очевидным примером выступают расходы на восстановление экономики РФ от последствий выполнения спецоперации и адаптации к санкционным мерам со стороны иных государств. Несмотря на это, приоритетом выполнения национального проекта, согласно Федеральному закону «О федеральном бюджете на 2020 год и плановый период 2021–2022 гг.», является достижение целей по улучшению условий и уровня жизни граждан, а также увеличение активов бюджета РФ. Согласно планам, озвученным в 2020 г., рассчитано

neft-135-gaz-3200-mir-okazalsya-na-poroge-mirovogo-energokrizisa-huzhe-70-h (дата обращения: 13.10.2021).

¹ Bank of America предсказал нефть по \$120 к середине 2022 года // Forebs. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/444777-bank-of-america-predskazal-neft-po-120-k-seredine-2022-goda> (дата обращения: 13.10.2021).

² Федеральный бюджет на 2021 год // МИНФИН РОССИИ. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/roadmap/2021/> (дата обращения: 13.10.2021).

³ Анализ тенденций в бюджетно-налоговой сфере России. URL: [https://www.rea.ru/ru/SiteAssets/Pages/analiz-tendencij-v-budzhetno-nalogovoj-sfere-rossii/Budzet_итог_2020_1_%20\(1\).pdf](https://www.rea.ru/ru/SiteAssets/Pages/analiz-tendencij-v-budzhetno-nalogovoj-sfere-rossii/Budzet_итог_2020_1_%20(1).pdf) (дата обращения: 13.10.2021).

увеличение расходов на выполнение различных нацпроектов. В 2020 г. было выделено и потрачено 2 трлн р., а к концу 2022 г. запланировано потратить 2,7 трлн р., что сейчас неактуально в сложившейся экономической ситуации⁴.

Главными целями госпрограмм 2021 г., финансируемыми из бюджета РФ, являются⁵:

- Новое качество жизни (10 программ).
- Инновационное развитие и модернизация экономики (19 программ).
- Обеспечение национальной безопасности (5 программ).
- Сбалансированное региональное развитие (6 программ).
- Эффективное государство (3 программы).

Важным является и то, что в процессе завершения всех национальных проектов РФ, направленных на развитие экономики страны, главной целью является увеличение закрытой части бюджета РФ. По состоянию на конец 2021 г. она составляет 3,7 трлн р.⁶ Однако в планах к 2022 г., увеличить её до 4,45 трлн р., что сейчас является невозможным из-за политического влияния на экономическое состояние страны⁷.

Выводы

Можно сделать вывод о том, что проведение своевременной и актуальной государственной индивидуальной бюджетной политики оказывает огромное влияние на процесс развития экономики государства, поскольку бюджет выступает основой функционирования экономики в целом. Независимо от различных территориальных возможностей страны и политических условий выстраивания экспортных взаимоотношений общеизвестность индивидуализации системы построения бюджета отдельных стран остаётся наиболее актуальной. Также можно предположить, что проекция системы бюджетной стратегии Норве-

⁴ Бюджет для граждан // МИНФИН РОССИИ. URL: <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2020/12/main/2021-2023.pdf> (дата обращения: 13.10.2021).

⁵ Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2020 год (предварительные итоги) // Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2021/03/main/Ispolnenie_2020_god.pdf (дата обращения: 13.10.2021).

⁶ Бюджет России на 2021 год в цифрах — изучаем бухгалтерию государства // РАМБЛЕР/ФИНАНСЫ. URL: <https://finance.rambler.ru/realty/44959681-byudzh-et-rossii-na-2021-god-v-tsifrah-izuchaem-buhgalteriyu-gosudarstva/> (дата обращения: 13.10.2021).

⁷ Что нужно знать о бюджете на 2021 год. Разбираемся в цифрах // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9588585> (дата обращения: 13.10.2021).

Структура бюджета РФ в 2021 г. The structure of the budget of the Russian Federation un 2021

Налоговый доход	Неналоговый доход
Федеральные налоги и сборы, перечень и ставки которых определяются налоговым законодательством	Доходы от использования имущества, находящегося в государственной собственности, от внешнеэкономической деятельности. Прибыль Банка России, остающаяся после уплаты налогов и иных обязательных платежей. Безвозмездные и безвозвратные поступления

Составлено автором на основе данных сайта Skysmart. «Части государственного бюджета». URL: <https://skysmart.ru/articles/obshchestvoznaniye/gosbyudzhetyeto>

гии окажет положительное влияние на состояние федерального бюджета России.

Стратегия Пенсионного фонда Норвегии основывается не на составлении смет о расходах из государственного бюджета, а направлена на увеличение рентабельности источников финансирования ресурсов, как финансовых, так и нефтегазовой промышленности. Фонд стратегически занимается инвестированием в фондовые активы иностранных крупных организаций и ОФЗ различных стран. Благодаря верному регламентированию процесса проведения финансово-бюджетной политики в Норвегии фонд увеличивает свои доходы каждый год минимум на 4,5 %, а профицит распределяет на отведённую «Пенсионную программу» и развитие альтернативных источников энергии, не иссушая нефтяные запасы, избегая превышений расходов над профицитными статьями. Главным правилом процедуры проведения бюджетной политики в Норвегии, относительно распределения профицита от целевой деятельности, является то, что лишь 4 % от суммы используется на социально-экономические нужды страны каждый год. Пока фонд продолжает возвращать более 4 % годовых, и до тех пор, пока доходы от продажи нефти пополняют бюджет, экономика страны будет находиться на стадии подъёма. Фонд национального благосостояния России выполняет иные государственные задачи: регулирование процесса погашения госдолга и обеспечение процедуры экспорта нефти. Ресурсы ФНБ не могут быть направлены на улучшение уровня жиз-

ни граждан и развитие экономики РФ в сложившейся в начале 2022 г. политической ситуации. По достижении уменьшения госдолга и выхода из санкционного и экономического давления, Фонд национального благосостояния сможет направить свободные ресурсы на реализацию нацпроектов РФ, благодаря продаже нефти и развитию инвестирования в нефтяные компании, подобно действиям Пенсионного фонда Норвегии. Применяя тонкости бюджетной политики Норвегии, Россия успешно увеличит резервы ФНБ и добьётся выполнения главных государственных целей, сохраняя нефтяные запасы.

Подводя итог, необходимо сказать, что проведение своевременной бюджетной политики в любом государстве, согласно всем территориальным и политическим особенностям страны, оказывает огромное влияние на экономическое развитие страны. Верно выбранная тактика проведения бюджетной политики поможет государству добиться основных целей при рациональном использовании имеющихся ресурсов, а также повысит уровень жизни граждан. В процессе создания бюджетной политики государства особенно важным является заимствование зарубежного опыта бюджетной политики иных государств. В ходе сравнения бюджетных политик Норвегии и России выявлено, что проекция тактики Пенсионного фонда Норвегии окажет положительное влияние на процесс развития Фонда национального благосостояния России.

Список источников

1. Кришталева Т. И. Внутренний контроль расчётов по налогам и его информационное обеспечение в организациях бюджетной сферы : монография. М. : Русайнс, 2020. 242 с.
2. Камаев В. Д. Экономическая теория. Краткий курс : учебник. М. : КноРус, 2014. 383 с.
3. Мацкуляк И. Д. Финансовая экономика : монография. М. : Русайнс, 2021. 382 с.
4. Мальцев В. А. Финансовое право: учебник. М. : КноРус, 2021. 237 с.

5. Ковалёва Т. М. Бюджетная политика и бюджетное планирование в Российской Федерации : учебное пособие. М. : КноРус, 2021. 128 с.
6. Макашина О. В. Технологии управления государственными и муниципальными финансами : учебное пособие. М. : КноРус, 2022. 171 с.
7. Дмитриев Ю. А. Региональная экономика: учебник. М. : КноРус, 2021. 263 с.

References

1. Krishtaleva TI. Internal control of tax settlements and its information support in public sector organizations: monograph. Moscow; 2020. 242 p. (In Russ.).
2. Kamaev VD. Economic theory. Short course: textbook. Moscow; 2014. 383 p. (In Russ.).
3. Matskulyak ID. Financial economics: monograph. Moscow; 2021. 382 p. (In Russ.).
4. Maltsev VA. Financial law: textbook. Moscow; 2021. 237 p. (In Russ.).
5. Kovaleva TM. Budget policy and budget planning in the Russian Federation: textbook. Moscow; 2021. 128 p. (In Russ.).
6. Makashina OV. Technologies of management of state and municipal finances: study guide. Moscow; 2022. 171 p. (In Russ.).
7. Dmitriev YuA. Regional economy: textbook. Moscow; 2021. 263 p. (In Russ.).

Информация об авторах

И. В. Резвякова — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и менеджмент».

А. Т. Лиленко — студентка.

Information about the authors

I. V. Rezvyakova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management.

A. T. Lilenko — a student.

Статья поступила в редакцию 13.12.2021; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 13.12.2021; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 90–101. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(4(462):90-101. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 338.984

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10409

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ 2022 ГОДА

Дмитрий Александрович Плетнёв¹✉, Евгений Александрович Степанов², Нгуен Хан Буй³, Елена Викторовна Козлова⁴, Ксения Андреевна Наумова⁵, Максим Сергеевич Казадаев⁶

^{1, 4, 5, 6} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ pletnev@csu.ru✉, ORCID 0000-0002-6494-572X

² Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, stepanovea@susu.ru, ORCID 0000-0002-7078-503X

³ Высшая академия социальных наук, Ханой, Вьетнам, kxanhlaw75@yahoo.com

⁴ kozlova@csu.ru, ORCID 0000-0002-5884-5896

⁵ naumova@csu.ru, ORCID 0000-0001-9819-5157

⁶ max6r@mail.ru, ORCID 0000-0003-0498-322X

Аннотация. Исследованы драйверы формирования и реализации стратегий хозяйствующих субъектов, актуальных для 2022 г. Этот год, с одной стороны, должен был стать годом выхода из пандемии, но войдёт в историю другим — годом качественных изменений мирового порядка, обновления хозяйственных связей и новых форм экономического взаимодействия. Цель статьи — выделить актуальные в 2022 г. факторы формирования и реализации стратегий компаний. Особое внимание уделено санкциям как инструменту экономической политики, пронизывающей все уровни экономики, ESG-повестка современных компаний, цифровизация, культура отмены применительно к компаниям, новые каналы продвижения продукции, Vision Zero и культура соучастия. Обоснована необходимость критического анализа и учёта в работе предприятий разных стран выделенных факторов, а также необходимость их использования в разработке стратегий хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: стратегия фирмы, Россия, ESG, санкции, человеческий капитал, vision Zero

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 20-510-92006.

Для цитирования: Плетнёв Д. А., Степанов Е. А., Буй Н. Х., Козлова Е. В., Наумова К. А., Казадаев М. С. Факторы формирования и реализации стратегий компаний в условиях 2022 года // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 90–101. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10409

Original article

DRIVERS OF THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF FIRM STRATEGIES IN 2022

Dmitri A. Pletnev¹✉, Evgenij A. Stepanov², Nguyen K. Bui³, Elena V. Kozlova⁴, Kseniia A. Naumova⁵, Maxim S. Kazadayev⁶

^{1,4,5,6} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ pletnev@csu.ru✉, ORCID 0000-0002-6494-572X

² South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, stepanovea@susu.ru, ORCID 0000-0002-7078-503X

© Плетнёв Д. А., Степанов Е. А., Буй Н. Х., Козлова Е. В., Наумова К. А., Казадаев М. С., 2022

³ Graduate Academy of Social Science, Hanoi, Vietnam, khanhlaw75@yahoo.com

⁴ kozlova@csu.ru, ORCID 0000-0002-5884-5896

⁵ naumova@csu.ru, ORCID 0000-0001-9819-5157

⁶ max6r@mail.ru, ORCID 0000-0003-0498-322X

Abstract. The paper presents an overview of the drivers for the development and implementation of business entity strategies that are relevant for 2022. This year, on the one hand, was supposed to be the year of the exit from the pandemic, but it will go down in history in a different way. It became the year of qualitative changes in the world order, the renewal of economic ties, and new forms of economic interaction. The purpose of the paper is to highlight the factors that are relevant in 2022 in the development and implementation of firm strategies. Particular attention is paid to sanctions as an instrument of economic policy penetrating all levels of the economy, the ESG agenda of modern companies, digitalization, the cancel culture in relation to firms, new channels for product promotion, Vision Zero and the culture of participation. We provide the necessity of critical analysis and consideration of the selected factors in the work of enterprises in different countries, as well as the need to use them in the development of strategies for economic entities.

Keywords: firm strategy, Russia, ESG, sanctions, human capital, vision Zero

Funding: The reported study was funded by RFBR and VASS, project number 20-510-92006.

For citation: Pletnev DA, Stepanov EA, Bui NK, Kozlova EV, Naumova KA, Kazadayev MS. Drivers in the development and implementation of firm strategies in 2022. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462)):90-101. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10409.

Введение

Пандемия COVID-19 и сопровождающие её трансформации экономической жизни (гиперцифровизация, революция в торговле с победой онлайн) предъявили новые требования к разработке и реализации стратегий хозяйствующих субъектов. И только бизнес-мир стал осознавать и оценивать усилия компаний к трансформации бизнеса, как 2022 год принёс новые вызовы, ещё больше усложнившие работу по формированию и реализации стратегий. Возникают новые тренды, новые ограничения и новые возможности, и современная компания, выстраивая свою линию поведения, должна учитывать их в своей деятельности. Цель статьи — выделить актуальные в 2022 г. факторы формирования и реализации стратегий компаний.

Теоретической базой для анализа этих факторов выступили классические работы Г. Минцбурга и Дж. А. Уотерса [1], Р. Майлса и К. Сноу [2], М. Ривза, К. Лава, П. Тиллманнса [3], Г. Б. Клейнера [4], И. Б. Гуркова [5], современные исследования российских учёных — Р. И. Акмаевой, А. В. Бабкина, Н. Ш. Елифановой [20], Л. А. Горшковой, С. Б. Сандуляка [21], а также более ранние работы Е. В. Николаевой, Д. А. Плетнёва, Е. В. Козловой [6–8].

Санкции

Под санкциями мы будем понимать фактор, представляющий собой экономические и политические меры ограничительного характера, введённые страной (группой стран) в отноше-

нии другой страны (группы стран), и влияющий на внешнеэкономическую составляющую стратегии предприятия. Поэтому для того, чтобы рассмотреть этот фактор, мы будем исследовать санкции как в отношении России, так и России в отношении стран мировой экономики начиная с 2014 г. Список санкций в отношении групп товаров и крупных корпораций представлен в табл. 1.

Санкционный фактор повлиял как на экспортную, так и на импортную составляющие внешнеэкономической стратегии российских корпораций, и он ещё больше усилился после начала военной операции на Украине в феврале 2022 г.

Корпорация «ЛУКОЙЛ» из-за санкций была вынуждена сократить инвестиционную программу, её чистая прибыль в третьем квартале 2014 г. сократилась наполовину по сравнению с аналогичным периодом 2013 г. Корпорация «Роснефть» обратилась к государству с просьбой об оказании финансовой помощи в размере 1,5 трлн р. для поддержания своей ликвидности. Корпорация «Газпром» приняла стратегию оптимизации ценовой политики и географической диверсификации рынков своего экспорта. Компания также пострадала от эмбарго стран ЕС на импорт в Россию высоких технологий, которые ей были необходимы для ведения добычи нефти на арктическом континентальном шельфе.

Введение санкций в отношении России послужило катализатором стратегии импортозамещения корпораций космической отрасли. Их стратегия сконцентрировалась на создании соб-

Хронология введения санкций ЕС и России
Chronology of the introduction of EU and Russian sanctions

№	Санкции в отношении России	Российские санкции в отношении стран мира
1	31.07.2014. Введение ЕС эмбарго на импорт и экспорт оружия в Россию; эмбарго на экспорт товаров двойного назначения и технологий для военного использования; эмбарго на экспорт высокотехнологического оборудования для добычи нефти в Арктике, на глубоководном шельфе и сланцевой нефти	6.08.2014. Введение в России эмбарго на импорт сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются Соединённые Штаты Америки, страны Европейского союза, Канада, Австралия, Королевство Норвегия, Украина, Республика Албания, Черногория, Республика Исландия и Княжество Лихтенштейн. В перечень товаров, запрещённых к ввозу на территорию России, вошли: живые животные, мясо и пищевые мясные, рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные, молочная продукция, овощи и некоторые корнеплоды, фрукты и орехи, жир свиной, крупнорогатого скота и птицы, колбасы и аналогичные продукты из мяса, пищевые или готовые продукты, соль
2	12.09.2014. Запрет ЕС организации долгового финансирования трёх топливно-энергетических компаний России: «Роснефть», «Транснефть», «Газпром нефть»	18.04.2019. Запрет экспорта на Украину сырой нефти и нефтепродуктов, битума и других материалов, необходимых для дорожных покрытий
3	12.09.2014. Запрет ЕС организации долгового финансирования трёх оборонных концернов России: «Уралвагонзавод», «Оборонпром», «Объединённая авиастроительная корпорация»	1.07.2019. Запрет на импорт из Украины продукции машиностроения, лёгкой промышленности и металлообработки
4	13.03.2022. Запрет ЕС на импорт стали	12.03.2022. Эмбарго на экспорт сахара, зерна и муки

ственных производств ракетносителей, разгонных блоков, космических аппаратов. Импортная составляющая их внешнеэкономической стратегии стала заключаться в переориентации импорта недостающих микроэлектронных компонентов и станков у надёжных поставщиков из Китая, Южной Кореи, Индии, Сингапура и других азиатских стран.

Введение санкций стран Запада в отношении России повлияло на географическую структуру экспорта российских предприятий продовольственного и сельскохозяйственного сектора. Сельскохозяйственные предприятия России изменили географию экспорта стран, которые предъявляют спрос на российское масло и сахар. Увеличились продажи сои, масла и воска в Китай и Индию, подсолнечного масла — в Иран, сахара — в страны Средней Азии и Азербайджан. Таким образом, в результате санкционной политики развитых стран Запада и контрмер России, во-первых, произошла переориентация экспортных потоков с Запада на Восток, прежде всего на Индию, Китай, Сингапур и Вьетнам. Во-вторых, стратегия российских сельскохозяйственных предприятий была нацелена на рост объёмов производства и экспорта продоволь-

ственных товаров и сельскохозяйственного сырья (табл. 2).

ESG-повестка

Западный мир выступает как лидер идей в сфере стратегического управления, с завидной регулярностью обновляя «линейку» прогрессивных методов корпоративного управления и стратегирования в целом. Ранее это были корпоративная социальная ответственность, стратегическое планирование, управление проектами, устойчивое развитие, декарбонизация. Каждый раз за новой идеей стоят крупные консалтинговые фирмы, которые стандартизируют эту область и затем сертифицируют всех желающих. Сегодня модным трендом стало ESG-инвестирование. Особенности внедрения в экономику ESG-тематики уделяют внимание С. К. Удалых [12], Д. Р. Стоцкая, Р. Р. Муратов [13] и другие. О. В. Ефимова, М. А. Волков, Д. А. Королёвас [14] проверили взаимосвязь между следованием компаний ESG-принципам и их рыночной доходности, С. С. Галазова осветила влияние на финансовую результативность компаний [15].

За благой по сути идеей ESG-принципов скрывается всё те же рутинные процессы, приводящие к перераспределению создаваемой компаниями

Стоимость и объём экспорта российского продовольствия и сельского хозяйства до и после введения санкций в 2013 и 2017 гг. соответственно
The value and volume of exports of Russian food and agriculture before and after the imposition of sanctions in 2013 and 2017 respectively

№	Товарная группа	2013		2017		Индекс за 2013–2017 гг.	
		Стоимость, млрд долл. США	Объём, млрд т	Стоимость, млрд долл. США	Объём, млрд т	Индекс стоимости	Индекс объёма
1	Мясо	7 700	1 203	14 449	2 545	1,88	2,11
2	Овощи	245	588	490	1560	2,00	5,60
3	Пшеница	3 482	13 796	5 791	33 026	1,66	2,39
4	Жиры и масла	390	225	2 774	2 111	7,10	9,35
5	Сахар	63,7	453,9	341,7	1 301,5	5,36	2,87

Источник: данные ФТС России, www.customs.ru.

добавленной стоимости в пользу внешних, непричастных к ней агентов — консалтинговых фирм. Создание стандарта, выявление несоответствий, исправление, контроль — и на каждом этапе — внушительное финансирование. И выходящие на зарубежные рынки капитала компании волей-неволей должны приспосабливаться к этим стандартам, соответствовать им. И к 2021 г. большинство российских лидеров, чтобы лучше выглядеть в глазах потенциальных инвесторов и получать доступ к более выгодным для них вариантам финансирования, приняли активное участие в формировании ESG-профиля¹(табл. 3).

Рейтинг ESG-прозрачности опирается на четыре критерия оценивания, отражающих разные аспекты действия компаний. Лидерами рейтинга являются крупнейшие добывающие компании России (нефтегазовая отрасль, чёрная металлургия, золото- и угледобыча и т. д.). Все компании первой группы имеют максимальное значение (2,0) по двум из четырёх оцениваемых критериев, а именно за раскрытие воздействия на окружающую среду и раскрытие в области корпоративного управления. Во второй группе присутствуют преимущественно генерирующие и добывающие компании и банки. У данной группы фирм примерно одинаковые средние значения (чуть выше 1,8) по первым трём критериям оценивания: раскрытие воздействия на окружающую среду, раскрытие воздействия на общество и раскрытие в области корпоративного

управления. Но средняя отметка за стандарты раскрытия составляет лишь 1,1. Третья группа компаний включает в себя компании разных отраслей, но можно выделить высокую концентрацию компаний сферы транспорта и инфраструктуры. Больше всего у компаний третьей группы «страдают» стандарты раскрытия (в среднем лишь 0,26), однако достаточно хорошо раскрыты стандарты корпоративного управления (в среднем 1,61).

Однако, помимо отрицательного финансового эффекта от такого рода стандартизации, для российских компаний в современных условиях очевидным является и геополитическая, стратегическая ошибочность следования западным требованиям. На сегодняшний день западные рынки закрыты, а на других рынках критерий ESG для банков и прочих инвесторов не важен. При этом сама идея учёта интересов окружающей среды, прав и благополучия работников и интересов акционеров выглядит абсолютно здоровой. И её можно и нужно реализовывать во всех корпорациях, но не через западные сомнительные стандарты, а на основе национальной системы и, что самое важное, реализации заложенных в Конституции принципов уважения к человеку труда и заботы об окружающей среде. А форма контроля вторична. Западная же модель ESG, напротив, ставит форму на первый план, и по этой причине столь часты злоупотребления ею. Таким образом, современные реалии требуют от компаний ориентации на базовые ценности в области защиты окружающей среды и уважения к работникам, а не на красивые отчёты в соответствии

¹ ESG-прозрачность российских компаний: равнение на экспортёров. URL: https://www.raexpert.ru/researches/sus_dev/esg_transparency_2021/

Распределение российских компаний и банков по ранкингу ESG-прозрачности
Distribution of Russian companies and banks by ESG transparency rating

Значения ESG-рейтинга	Реферальные значения	Средний балл	Представители (первые 20 фирм из группы)
Высокие	1,9–2,0	1,96	ММК, Еп+ GROUP PLC, Лукойл, НЛМК, Северсталь, Сибур-Холдинг, АФК «Система», НОВАТЭК, Металлоинвест, Алроса, Норильский никель, Газпром нефть, МТС, Роснефть, Полиус, Ростелеком, РусГидро, СУЭК, Группа ЛСР, Интер РАО
Средние	1,4–1,89	1,71	Полиметалл, X5 Retail Group, Уралкалий, Русал, Россети, Petropavlovsk, ВТБ, Московская биржа, Энел Россия, ФСК ЕАС, Сетевая компания, EVRAZ, Сегежа Групп, Московский кредитный банк, ГК Пик, Sakhalin Energy Investment Company, Транснефть, ОГК-2, МОЭК, ТГК-1
Низкие	0–1,39	1,06	ТМК, ВымпелКом, Черкизово, Mail.ru Group, РКС-Холдинг, Детский мир, Банк ГПБ, НОВОГОР-Прикамье, Трансконтейнер, Тинькофф Банк, РЖД, М.видео, МРСК Урала, ЧТПЗ, Селигдар, ЕвроХим, ГТЛК, Россети Сибирь, РуссНефть, ПГК

с изменчивыми западными стандартами. Действовавший ранее отчёт об устойчивом развитии вполне может стать прообразом той формы, в которой будут отражены успехи компании в сфере гармоничного развития.

Развитие информационных технологий

Важной частью стратегии современной корпорации является разработка ИТ-стратегии, включающей план внедрения и развития информационных технологий в компании, а также цели и задачи, достигаемые с их помощью. Своеобразная дань моде на внедрение новейших технологий без учёта реальной потребности в них является дорогостоящим мероприятием и сопровождается дополнительными рисками. ИТ-стратегия является неотъемлемой частью основной стратегии компании и в первую очередь должна быть направлена на достижение её ключевых целей. Неравномерный уровень цифровизации российских компаний приводит к повышению значимости цифровой трансформации в ближайшее время. Пандемия коронавируса в 2020 г. стала мощнейшим стимулом для развития и активного внедрения цифровых технологий во всех сферах. Глубинная технологическая трансформация в условиях вводимых ограничений затронула все уровни взаимоотношений и сместила технологические приоритеты большинства российских компаний. Возросшая роль цифровых технологий обусловила необходимость ускорить цифровую трансформацию и внедрить ИТ-решения для достижения стратегических целей компаний.

По данным опроса 318 компаний, работающих в России, 57 % компаний скорректировали свою ИТ-стратегию в ответ на пандемию, причём только 8 % из них вынуждены были сократить бюджеты на ИТ-проекты¹. Частичный или полный переход на дистанционный формат работы значительно легче прошёл для компаний, которые провели цифровизацию процессов до карантинных ограничений. Сокращение доходов компаний в период пандемии привело к пересмотру подходов к выбору ИТ-решений в пользу возможности оценки скорости внедрения и их экономической эффективности.

Оценка цифровой зрелости российских компаний, проведённая Deloitte и SAP², выявила наиболее цифровизованные отрасли — банковский сектор и компании сферы торговли. Высокая доля онлайн-процессов, постоянный поиск новых каналов взаимодействия с клиентами, необходимость работать с большими объёмами данных приводит к более высокой цифровой зрелости по сравнению с другими отраслями (табл. 4).

Пандемия указала большинству российских компаний на их слабые стороны в области информационных технологий. Несмотря на активное развитие ИТ-сферы в последние несколько

¹ Итоги 2020 года: как изменились технологические приоритеты российского бизнеса // ABBYY. URL: https://digital.abbyy.com/hubfs/content/ABBYY_itogi_2020.pdf

² Исследование SAP и «Делойта»: как повысится уровень цифровой зрелости — от стратегии до внедрения // URL: <https://news.sap.com/cis/2021/03/исследование-sap-и-делойта-как-повысит/>

Таблица 4

Table 4

Оценка цифровой зрелости по отраслям
Assessment of digital maturity by industry

Отрасль	Количество баллов (из 5 возможных)
Банки	3,4
Торговля	2,7
Потребительские товары	2,6
Телекоммуникации	2,6
Автомобилестроение	2,6
Топливо-энергетический комплекс	2,5
Металлургия и добыча полезных ископаемых	2,4
Медицина и фармацевтика	2,1
Машиностроение	1,6

лет некоторые компании не решили первичные вопросы цифровизации (например, полностью не перешли на электронный документооборот). Роль информационных технологий постоянно растёт, а автоматизация процессов, роботизация, глубокий анализ данных, новые способы взаимодействия с партнёрами и клиентами позволяют существенно повысить эффективность деятельности компании. Среди ключевых барьеров на пути к цифровизации можно выделить некомпетентность сотрудников, медленную отдачу от инвестиций, внутреннее сопротивление внутри компании и недостаточное финансирование. Бюджеты российских компаний на цифровую трансформацию находятся в пределах от 3 до 10 % годовой выручки¹.

Безусловно, цифровая трансформация должна быть включена в общую стратегию развития организации. Разработка и реализация ИТ-стратегии должна учитывать технологические возможности и ключевые стратегические задачи компании в кратко- и долгосрочной перспективе. Сопротивление технологическим изменениям способствует потере позиций компании на глобальном и локальном рынках, снижению показателей эффективности деятельности, проблемам с информационной безопасностью.

«Новая этика», или Культура отмены (cancel culture)

Каждое действие компании и её сотрудников находится под прицельным вниманием обще-

ственности. С активным развитием социальных сетей любые методы ведения бизнеса компании получают оценку со стороны потребителей. Таким образом, интересы компании могут быть подчинены внешним обстоятельствам, в том числе тем, что основаны на моральных и этических убеждениях потребителей и ответственности в целом, включая запрет на работу с определёнными личностями (знаменитостями), странами, регионами и т. д. Компании становятся несвободными с точки зрения реализации своих интересов, а подчиняются внешним обстоятельствам в виде общественного течения культуры отмены. Культура отмены — современная форма остракизма, то есть способ привлечь к ответственности за правовые, социальные, этические нарушения отдельной личности или компании. Методы общественного порицания включают в себя призывы к бойкоту, увольнению и изменению продукта. Многие эксперты сходятся во мнении, что культура отмены как новый институт общественного порицания является следствием культуры осознанных призывов к ответственности. Считается, что культура отмены влияет больше на личные бренды, чем на бренды компании, потому как персональная ответственность имеет больший эмоциональный отклик у потребителей. Однако последние события в мире доказывают, что культура отмены стала значимым социальным институтом. Теперь «отмене» подверглась не отдельная персона или компания, а страна. В ходе реализации стратегии компании подвержены трём группам риска отмены: неэтичные методы ведения бизнеса, жестокое обращение с сотрудниками, неа-

¹ Цифровая трансформация в России — 2020: Обзор и рецепты успеха // Аналитический отчёт на базе опроса представителей российских компаний. KMDA. URL: https://komanda-a.pro/projects/dtr_2020

декватное поведение руководителей. К первой группе риска относится как некачественное исполнение или информирование о товаре, отказ от ответственности и ненадлежащий клиентский сервис, сомнительный маркетинг, нарушение конфиденциальности, так и сомнительные методы производства (привлечение детского труда, рабского труда, тестирование на животных и другое). Так, среди российских кейсов можно отметить отстранение от должности главы SMM-отдела сети ресторанов «Тануки» Андрея Фрольченкова за агрессивный маркетинг с применением формулировок, носящих расистских подтекст¹, а сам владелец сети Александр Орлов не раз попадал в заголовки СМИ с ксенофобными высказываниями. Ко второй группе рисков относятся как экономические вопросы, так и моральные аспекты взаимодействия с сотрудниками (эмоциональное давление, харрасмент и т. д.). Примерами среди российских компаний могут служить обвинения в сторону шеф-редактора «МБХ-медиа» Сергея Простакова, сотрудников Сбербанка Сергея Миненко и Руслана Гафарова, журналиста «Дождя» Павла Лобкова и др. Исследование показывает, что более половины респондентов готовы бойкотировать бренд за неэтичную деловую практику или жестокое обращение со своими сотрудниками, но лишь 40 % пользователей готовы «отменить» бренд за неэтичное поведение руководства компании².

Таким образом, компания вынуждена учитывать актуальные общественные тренды и просчитывать реакцию потребителей на будущий продукт [9]. Показательной является ситуация вокруг бренда H&M, когда неудачный принт на одежде и выбор модели привели к массовым обвинениям в расизме и погромам физических магазинов сети. Компании, порой вопреки целям максимизации прибыли, должны всё большее внимание уделять вопросам экологичности продукта. На данный момент позиционирование некоторой продукции на отдельных рынках как экологически чистой (eco-friendly), не тестируемой на животных (cruelty free), и прочее может стать конкурентным преимуществом на отдельных рынках.

¹ Что такое «культура отмены». URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5f141f629a7947a2dd971850>

² Cancel Culture Is Loud, But For Most Brands, It's Just Noise. URL: <https://www.forrester.com/report/cancel-culture-is-loud-but-for-most-brands-its-just-noise/RES176979>

Необходимость включения в стратегии новых каналов продвижения

В условиях изобилия однородных товаров на рынке покупатель находится в замешательстве, стараясь выбрать оптимальный продукт. В поисках открытости и доверительного отношения компании пришли к D2C-модели в общении с покупателями. D2C-модель (direct to customer) построена на коммуникации между компанией и потребителем без посредников. Компания не использует маркетплейсы и площадки ритейлеров, а напрямую общается с клиентами через собственные площадки (онлайн-магазин, сайт, социальные сети и т. д.). Такая форма коммуникации позволяет добиться лояльной и преданной аудитории. Особенно успешны компании, создающие целую экосистему — единое пространство с большим количеством сервисов внутри и с доступом через одно приложение³.

Результаты исследования [10] подтверждают, что важность вовлечения бренда в коммуникацию и взаимодействие с конечными клиентами возрастает. Для реализации прямых онлайн-продаж появились три стратегии, которые позволяют избежать или, по крайней мере, свести к минимуму конфликты с традиционными партнёрами по продажам: чистая стратегия прямых онлайн-продаж, стратегия с несколькими точками контакта и платформенная стратегия. Примером успешной смены стратегии в пользу D2C служит опыт компании Nike. В 2017 г. компания начала эксперимент с продажами на Amazon, а также инвестировала значительные средства в развитие своего сайта и программу членов клуба NikePlus. Через два года Nike отказалась от маркетплейса с формулировкой, что желает сосредоточиться на «улучшении качества обслуживания за счёт более прямых, личных отношений»⁴. Успешным российским примером выступает компания «Аскона» — производитель матрасов. Большая часть оборота «Асконы» (выручка в 2021 г. составила почти 50 млрд р., что на 32 % больше аналогичного показателя за 2020 г.) генерируется прямыми D2C-продажами через собственную сеть магазинов, сеть франчайзи и сайт компании⁵.

³ Тренды маркетинга 2022, которые повлияют на бизнес. URL: <https://vc.ru/marketing/337589-trendy-marketinga-2022-kotorye-povliyayut-na-biznes>

⁴ Модель D2C-продаж наиболее выгодна бизнесу. Разбираем почему. URL: <https://rb.ru/opinion/model-d2c>

⁵ D2C-продажи от бренда потребителю в России и в мире: цифры, преимущества и 6 успешных

Традиционная реклама малоэффективна для поколения Z и Y. Всё более высокие позиции и мире маркетинга в последние годы набирает маркетинг влияния (Influencer Marketing). Influencer Marketing — это способ продвижения товаров и услуг через лидеров мнений. Особенность данного инструмента заключается в том, что в виде рекомендаций блогер может разместить нативную рекламу. Так, по оценкам лишь 0,7 % рекламы в России маркируется как рекламный контент, а в Великобритании, например, этот показатель достигает примерно 20 %¹. Также трендом являются коллаборации в выпуске продукта с известными блогерами. «Такие кампании работают на максимально “тёплую” аудиторию блогеров: не просто на их подписчиков, а на текущих клиентов, уже совершивших покупку»². Примером лидера в косметической отрасли, активно прибегающим к коллаборациям с блогерами и лидерами мнений, является ООО «Первое решение» (выпускает известные бренды Natura Siberica, «Рецепты бабушки Агафьи», Organic Shop, Planeta Organica и т. д.). Также выгодно отличается на рынке коллабораций «Альфа-банк», который выпускает карты и другие продукты с уникальным дизайном или предложением в объединении с блогерами. Таким образом, вовлечение лидеров мнений позволяет сформировать и завоевать лояльную, доверительную аудиторию для брендов. Потребители живут в перенасыщенном контентом и рекламой мире. Многие из них формируют своё мнение, доверяя отзывам и мнениям блогеров и знаменитостей, за жизнью и деятельностью которых они следят.

Более того, эти каналы должны развиваться как трансплатформенные, с учётом меняющейся политики разных платформ и нарушения ими национальных законодательств. Например, политика Instagram и Facebook привела к их запрету в России, и инвестиции компаний в развитие своих аккаунтов на этих платформах (порой — очень существенные) оказались обесцененными.

Vision Zero

Несчастные случаи на производстве (в том числе и с летальным исходом), получение травм на производстве, заболевания профессионально-
примеров. URL: <https://vc.ru/marketing/103597-d2c-prodazhi-ot-brenda-potrebitelyu-v-rossii-i-v-mire-cifry-preimushchestva-i-6-uspeshnyh-primerov>

¹ 10 трендов в сфере маркетинга влияния в 2022 году. URL: <https://trends-rbc-ru.turbopages.org/trends.rbc.ru/s/trends/social/620f48f59a79475e91ae707f>

го характера не являются чем-то неестественным: скорее они предопределяются политикой компании в области охраны труда и здоровья. От того, насколько компания тщательно контролирует риски, насколько точный контроль проводит по данным аспектам, во многом и зависит уровень производственного травматизма определённого предприятия. Именно поэтому актуальной проформой такого рода «контроля» стала программа Vision Zero, («Цель ноль»), вошедшая в мировую практику благодаря исследованию Международной ассоциации по социальному обеспечению в контексте эффективных мер по предотвращению частоты несчастных случаев в 2017 г. Эта программа представляет собой синергию безопасности, гигиены труда и обеспечения благополучия на предприятии, в конечном счёте выливаясь в определённую стратегию по предотвращению несчастных случаев и снижению рисков в данном контексте, в результате формируя определённый свод правил на предприятии (таких, как контроль рисков, разработка эффективных мер по предотвращению аварий и новых стандартов, обеспечение гигиены, инвестиции в профессиональные компетенции своих работников в этом аспекте, а также их включённость в «всеобщее дело»)². Способы снижения производственных рисков и повышения условия труда с помощью концепции нулевого травматизма в разных отраслях промышленности представлены в работах Е. Е. Галкиной, М. И. Дайнова, А. С. Ханецкого, А. Е. Сорокина [16], В. Ю. Комиссаровой, Н. В. Матюшевой [17], С. А. Донцова, Л. Ф. Дроздовой [18], И. А. Минаевой, В. Р. Газизова [19] и других.

Так, например, в подтверждение этому Р. Дашков, главный исполнительный директор компании «Сахалин Энерджи», выделяет в качестве одного из важнейших принципов компании «Цель ноль» не только обеспечение производственной и экологической безопасности через следование разработанной на предприятии программе, включающей комплекс мер по предотвращению рисков возникновения несчастных случаев, но и прежде всего и человеческий фактор, обеспечивая осведомлённость сотрудников в подобные процессы и прежде всего постоянный процесс инвестирования с целью повышения их компетенций в этой области³.

² Vision Zero — «цель ноль». URL: <https://www.yamnuskasafety.com/vision-zero>

³ Наш важнейший принцип — «цель ноль». URL: <https://plus.rbc.ru/news/59ad81687a8aa95ba646a91b>

Многие компании всё чаще прибегают к подобной тенденции («Газпром», «Сахалин Энерджи», «Татнефть», АК «Алроса» и др.), разрабатывая на базе своих площадок по сути уникальный продукт «Цель ноль», включающий не только принципы управления охраной труда и здоровья на предприятии, но и находящий своё отражение прежде всего в стратегии развития той или иной компании, во многом определяя положения или моменты, соответствующие мировым практикам и тенденциям. При этом стоит отметить, что практика внедрения принципа «Цель ноль» укоренилась в российской экономике относительно недавно — с начала 2018 г. Однако на сегодняшний день компании всё чаще обращаются к этой мировой тенденции, что прежде всего отражается в охвате использования и создания подобного продукта на своих площадках, всецело понимая и осознавая необходимость внедрения подобной практики на собственном производстве (на сегодняшний день подобные принципы фигурируют в стратегиях развития компаний многих отраслей: металлургии, электроэнергетики, нефтегазовой отрасли, медицины и фармацевтики и др.).

Культура соучастия

Развитие современных технологий так или иначе приносит в компании да и общество в целом не только определённые изменения, но и ряд своеобразных проблем, с которыми организация (руководители, топ-менеджеры, работники) не в силах справиться самостоятельно. Ответом на подобного рода проблемы становится партиципация, или же принцип культуры соучастия, в ходе которой потребитель становится наиболее приближён к производителю, привнося в производство продукта в некотором роде свои идеи и своё видение на этот счёт, так или иначе меняя то, что в конечном итоге представляется обществу [11].

В качестве примера подобного мышления можно привести опыт компаний Microsoft, Apple и Nike, активно продвигающих культуру соучастия на своих площадках. Microsoft, наблюдая то, что старый подход к инновациям методом «сверху вниз» теряет свою эффективность, создаёт на базе своей компании центр The Garage, призванный объединить идеи сотрудников и позволить последним их так или иначе реализовать. В результате внедрения этой инновации, уникального продукта компании, к нему также стали подключаться и локальные сообщества, в какой-то степени меняющие облик конечного продукта

фирмы. Nike же, в свою очередь, создала площадку, на которой потребитель способен изменять дизайн обуви: от цвета материала до подкладки шнурков (и не только, в качестве примера можно привести участие аудитории в рекламной кампании Nike, активно использующей мнение своих пользователей в последние годы); Apple, подключая принцип соучастия, предоставила пользователям самим осуществлять выбор параметров при покупке собственных продуктов¹.

Принцип партиципации постепенно внедряется во многие сферы и отрасли экономики (от отрасли медицины, где качественно меняется уровень отношений между пациентами и врачом до сферы IT-технологий), во многом определяя политику компании в области своего стратегического развития и отношения к заинтересованным сторонам. Культура соучастия прежде всего предоставляет доступ к «коллективному разуму», позволяя компании сформировать свои цели и задачи, основываясь на обратной связи от заинтересованных сторон.

Впрочем, можно сказать, что в российскую экономику подобная культура пришла относительно недавно, получив широкий охват в большей степени в период пандемии, когда многие компании стали обращаться к своим потребителям через различные средства коммуникации (социальные сети ВКонтакте, TikTok, Instagram). На сегодняшний день многие компании, так или иначе следуя общественным трендам, имеют официальные верифицированные страницы в данных сообществах посредством различных опросов и обсуждений, получая мнения или же отзывы о своих продуктах, в конечном итоге модифицируя их под потребности потребителя, что только усиливает роль партиципации в современной экономике и в построении компаниями своих стратегий развития.

Заключение

Приведённый анализ актуальных факторов формирования и реализации стратегий в 2022 г. не является исчерпывающим, но заставляет вспомнить модель 5P: стратегия — это далеко не только план, но и уловка, и перспектива, и поведенческий паттерн. И выделенные факторы могут использоваться в разных ипостасях стратегий, как маскируя реальные намерения, так и служа целям привлечения как в качестве работ-

¹ Партиципация как инновация: почему культура соучастия — ключ к будущему. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/61c5800f9a7947472f14d545?from=infinityscroll>

ников, так и преданных клиентов, представителей молодого поколения. И те компании, которые раньше поймут, как правильно использовать эти факторы себе во благо, станут лидерами завтра.

Список источников

1. Mintzberg H., Waters J. A. Of Strategies, Deliberate and Emergent // *Strategic Management Journal*. 1985. № 6 (3). P. 257–272. URL: <https://doi.org/10.1002/smj.4250060306>.
2. Miles R., Snow C. *Organizational strategy, structure and process*. New York : McGraw-Hill, 1978.
3. Reeves M., Love C., Tillmanns P. Your Strategy Needs a Strategy // *Harvard Business Review*. 2012.
4. Клейнер Г. Б. *Стратегия предприятия*. М. : Дело, 2008.
5. Гурков И. Б. *Стратегия корпорации*. М. : Дело, 2006. 316 с.
6. Николаева Е. В., Плетнёв Д. А., Козлова Е. В. Идентификация стратегий российских корпораций: маркеры и результаты // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2021. Т. 14, № 3. С. 73–85.
7. Николаева Е. В. Пространство стратегий предприятия // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. № 3 (449). С. 46–53.
8. Плетнёв Д. А., Николаева Е. В., Козлова Е. В. Типология официальных стратегий крупных российских корпораций // *Устойчивое развитие цифровой экономики и кластерных структур: теория и практика : монография*. СПб. : С.-Петерб. политех. ун-т Петра Великого, 2020. С. 300–321.
9. Saldanha N., Mulye R., Rahman K. Cancel culture and the consumer: A strategic marketing perspective // *Journal of Strategic Marketing*. 2022. URL: <https://doi.org/10.1080/0965254X.2022.2040577>
10. Leimstoll U., Wölflle R. Direct to Consumer (D2C) E-Commerce: Goals and Strategies of Brand Manufacturers // *New Trends in Business Information Systems and Technology. Studies in Systems, Decision and Control*. 2021. Volю 294. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-48332-6_16
11. Миловидов С. В. Партисипаторные возможности трансмедийного повествования // *Обсерватория культуры*. 2015. № 4. С. 40–45.
12. Удалых С. К. Креативное развитие российского бизнеса на основе внедрения ESG-тематики // *Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона: материалы Третьей региональной научно-практической конференции, Иркутск, 19 мая 2021 года*. Иркутск : Репроцентр А1, 2021. С. 48–56.
13. Стоцкая Д. Р., Муратов Р. Р. ESG-инвестирование и как оно набирает популярность // *Наука через призму времени*. 2020. № 12 (45). С. 69–72.
14. Ефимова О. В., Волков М. А., Королева Д. А. Анализ влияния принципов ESG на доходность активов: эмпирическое исследование // *Финансы: теория и практика*. 2021. Т. 25, № 4. С. 82–97.
15. Галазова С. С. Влияние ESG-факторов на устойчивое развитие компаний и финансовую результативность корпоративного сектора // *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. 2018. № 4 (64). С. 81–86.
16. Галкина Е. Е., Дайнов М. И., Ханецкий А. С., Сорокин А. Е. Пути снижения производственных рисков на предприятиях авиакосмического комплекса // *Качество и жизнь*. 2018. № 4 (20). С. 22–27.
17. Комиссарова В. Ю., Матюшева Н. В. Совершенствование условий труда работников производства с помощью концепции «vision zero», или «Нулевой травматизм» // *Вестник Студенческого научного общества*. 2019. Т. 10, № 2. С. 123–125.
18. Донцов С. А., Дроздова Л. Ф. Оценка и внедрение культуры безопасности нулевого травматизма на машиностроительных предприятиях // *Вестник Ростовского государственного университета путей сообщения*. 2019. № 1 (73). С. 14–20.
19. Минаева И. А., Газизов В. Р. Формирование эффективной культуры безопасности как направление совершенствования системы охраны труда на предприятиях нефтегазовой отрасли // *Безопасность труда в промышленности*. 2018. № 8. С. 48–52.
20. Акмаева Р. И., Бабкин А. В., Епифанова Н. Ш. О стратегиях восстановления российских организаций после COVID-19 // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. 2020. Т. 13, № 3. С. 115–128. URL: <https://doi.org/10.18721/JE.13309>
21. Горшкова Л. А., Сандуляк С. Б. Комплексная система детерминант стратегии развития и оценки устойчивости бизнеса // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. 2020. Т. 13, № 4. С. 109–122. URL: <https://doi.org/10.18721/JE.13409>.

References

1. Mintzberg H, Waters JA. Of Strategies, Deliberate and Emergent. *Strategic Management Journal*. 1985;6(3):257-272. Available from: <https://doi.org/10.1002/smj.4250060306>.
2. Miles R, Snow C. Organizational strategy, structure and process. New York; McGraw-Hill, 1978.
3. Reeves M, Love C, Tillmanns P. Your Strategy Needs a Strategy. Boston; Harvard Business Review, 2012.
4. Kleiner GB. Enterprise strategy. Moscow; Delo, 2008. (In Russ.).
5. Gurkov IB. Corporation strategy. Moscow; Delo, 2006. 316 p. (In Russ.).
6. Nikolaeva EV, Pletnev DA, Kozlova EV. Identification of strategies of Russian corporations: markers and results. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskkiye nauki = Scientific and technical bulletin of the St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences*. 2021;14(3):73-85. (In Russ.).
7. Nikolaeva EV. Space of enterprise strategies. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(3(449):46-53. (In Russ.).
8. Pletnev DA, Nikolaeva EV, Kozlova EV. Typology of official strategies of large Russian corporations. Sustainable development of the digital economy and cluster structures: theory and practice: monograph. St. Petersburg: St. Petersburg. polytechnic University of Peter the Great; 2020. P. 300–321. (In Russ.).
9. Saldanha N, Mulye R, Rahman K. Cancel culture and the consumer: A strategic marketing perspective. *Journal of Strategic Marketing*. 2022. Available from: <https://doi.org/10.1080/0965254X.2022.2040577>
10. Leimstoll U, Wölfle R. Direct to Consumer (D2C) E-Commerce: Goals and Strategies of Brand Manufacturers. *New Trends in Business Information Systems and Technology. Studies in Systems, Decision and Control*. 2021;294. Available from: https://doi.org/10.1007/978-3-030-48332-6_16
11. Milovidov SV. Participatory possibilities of transmedia storytelling. *Observatoriya kul'tury = Observatory of Culture*. 2015;(4):40-45. (In Russ.).
12. Udalykh SK. Creative development of Russian business based on the introduction of ESG topics. *Kreativnyye strategii i kreativnyye industrii v ekonomicheskom, sotsial'nom i kul'turnom prostranstvakh regiona = Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region*. 2021. P. 48–56. (In Russ.).
13. Stotskaya DR, Muratov RR. ESG investment and how it is gaining popularity. *Nauka cherez prizmu vremeni = Science through the prism of time*. 2020;(12):69-72. (In Russ.).
14. Efimova OV, Volkov MA, Koroleva DA. Analysis of the influence of ESG principles on the return on assets: an empirical study. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: theory and practice*. 2021;25(4):82-97. (In Russ.).
15. Galazova SS. Influence of ESG factors on the sustainable development of companies and the financial performance of the corporate sector. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKH) = Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH)*. 2018;(4):81-86. (In Russ.).
16. Galkina EE, Dainov MI, Khanetsky AS, Sorokin AE. Ways to reduce production risks at the enterprises of the aerospace complex. *Kachestvo i zhizn' = Quality and life*. 2018;(4):22-27. (In Russ.).
17. Komissarova VYu, Matyusheva NV. Improving the working conditions of production workers using the concept of “vision zero”, or “zero injuries”. *Vestnik Studencheskogo nauchnogo obshchestva = Bulletin of the Student Scientific Society*. 2019;10(2):123-125. (In Russ.).
18. Dontsov SA, Drozdova LF. Evaluation and implementation of a safety culture of zero injuries at machine-building enterprises. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya = Bulletin of the Rostov State University of Communications*. 2019;(1):14-20. (In Russ.).
19. Minaeva IA, Gazizov VR. Formation of an effective safety culture as a direction for improving the labor protection system at oil and gas enterprises. *Bezopasnost' truda v promyshlennosti = Labor safety in industry*. 2018;(8):48-52.
20. Akmaeva RI, Babkin AV, Epifanova NSh. On strategies for the recovery of Russian organizations after COVID-19. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskkiye nauki = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economic sciences*. 2020;13(3):115-128. Available from: <https://doi.org/10.18721/JE.13309>
21. Gorshkova LA, Sandulyak SB. Complex system of determinants of development strategy and assessment of business sustainability. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskkiye nauki = St. Petersburg*

Информация об авторах

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Е. А. Степанов — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела.

Н. Х. Буй — Высшая академия социальных наук.

Е. В. Козлова — старший преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков.

К. А. Наумова — младший научный сотрудник кафедры экономики отраслей и рынков.

М. С. Казадаев — старший лаборант учебно-научной лаборатории инновационного бизнеса и предпринимательства института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the authors

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

E. A. Stepanov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Customs Affairs (national research university).

N. X. Buy — Graduate Academy of Social Science.

E. V. Kozlova — Senior Lecturer of the Department of Industry and Market Economics.

K. A. Naumova — Junior researcher of the Department of Industry and Market Economics.

M. S. Kazadaev — Senior laboratory assistant of the training and research laboratory of innovative business and entrepreneurship of the Institute of Economics of Industries, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 05.03.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 05.03.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 69:338.45(04)

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10410

АЛГОРИТМ ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРОЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Валерий Павлович Грахов¹, Юлия Геннадьевна Кислякова²,
Ульяна Феликсовна Симакова³✉

^{1,2,3} Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия

¹kafedra.pgs@mail.ru, ORCID 0000-0002-4783-9044

²yulya-julia-happy@mail.ru, ORCID 0000-0003-3167-1344

³kafedra.pgs@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-4499-4380

Аннотация. В условиях современной рыночной экономики добиться успеха в бизнесе помогает эффективное управление собственными ресурсами и возможностями, иными словами, анализ внутренней среды хозяйствующего субъекта и целевых рынков. Экспертиза инвестиционного потенциала предприятий должна способствовать достоверной оценке собственных ресурсов и возможностей, определению приоритетов экономической политики организации. Подтверждением актуальности исследуемой проблемы оценки инвестиционного потенциала является активизация дискуссий, определяющих теоретико-методологические аспекты измерения и оценки потенциала организаций. Цель настоящего исследования — разработать алгоритм оценки инвестиционного потенциала предприятия, сформировать систему показателей. В ходе работы также предложено решение, способное повысить эффективность управления инвестиционными ресурсами компании за счёт развития системы оценки. Предлагаемая методика позволяет оценить инвестиционный потенциал на основе сформированной системы критериев. Исполнение предложенного алгоритма осуществлено в крупной проектной организации ООО «Технология» (Российская Федерация, г. Ижевск), которая занимается проектированием объектов промышленного, гражданского, сельскохозяйственного назначения, а также объектов электроэнергетики. В ходе расчёта интегрального показателя и оценки инвестиционного потенциала предприятия были выявлены сильные и слабые стороны, а также предложены пути повышения эффективности деятельности компании. Результаты работы и предложения можно использовать для оценки инвестиционного потенциала проектных организаций в целях эффективного управления деятельностью данных организаций. Кроме того, предлагаемую методику можно применить при составлении рейтинга для сравнения оцениваемой компании с конкурентами.

Ключевые слова: инвестиционный потенциал, стратегия организации, интегральный показатель, проектные организации, алгоритм оценки, эффективное управление, методика анализа

Для цитирования: Грахов В. П., Кислякова Ю. Г., Симакова У. Ф. Алгоритм оценки инвестиционного потенциала проектной организации // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 102–112. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10410

Original article

ALGORITHM FOR ASSESSMENT OF INVESTMENT POTENTIAL PROJECT ORGANIZATION

Valery P. Grakhov¹, Yuliya G. Kislyakova², Ulyana F. Simakova³✉

^{1,2,3} Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia.

¹ kafedra.pgs@mail.ru, ORCID 0000-0002-4783-9044

² yulya-julia-happy@mail.ru ORCID 0000-0003-3167-1344

³ kafedra.pgs@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-4499-4380

Abstract. In the current economic situation, effective management of your own resources and capabilities allows you to succeed in business, in other words the analysis of the economic development's internal environment and

© Грахов В. П., Кислякова Ю. Г., Симакова У. Ф., 2022

real markets. Investment potential expertise of enterprises should contribute to a reliable assessment of their own resources and capabilities, and definition of priorities for the organization's economic policy. Confirmation of the relevance of considering the problem of assessing investment potential is the intensification of discussions that determine the theoretical and methodological aspects of measuring and assessing the potential of organizations. The purpose of this study is to develop an algorithm for assessing the investment potential of an enterprise, to form a system of indicators. In the course of the work, a solution was also proposed that can improve the efficiency of managing the company's investment resources through the development of an assessment system. The proposed methodology based on the established system of criteria makes it possible to evaluate the investment potential. The implementation of the proposed algorithm was carried out in a large design organization LLC Tekhnologiya (Russian Federation, Izhevsk), which is engaged in the design of industrial, civil, agricultural facilities, as well as electric power facilities. In the course of calculating the integral indicator and assessing the investment potential of the enterprise, were identified strengths and weaknesses, and were proposed the ways to improve the company efficiency. The results of the work and proposals can be used to assess the investment potential of design organizations in order to effectively manage the activities of these organizations. In addition, the proposed methodology can be applied when compiling a rating to compare the assessed company with competitors.

Keywords: investment potential, organization strategy, integral indicator, design organizations, assessment algorithm, effective management, analysis method

For citation: Grakhov VP, Kislyakova YuG, Simakova UF. Algorithm for assessment of investment potential project organization. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):102-112. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10410

Введение

В современном цифровом мире грамотное управление ресурсами любой промышленной организации является важным фактором её развития. Оценка ресурсов и возможностей предприятия, а также рациональное управление ими позволяет достигать поставленных целей.

Однако стремление промышленных предприятий к успешной хозяйственной деятельности и экономическому росту создаёт необходимость совершенствования инструментов оценки, анализа, контроля и планирования инвестиционного потенциала (ИП) хозяйствующего субъекта. В последнее время в научной среде наблюдается активное обсуждение вопросов, связанных с определением теоретико-методологических аспектов оценки и измерения ресурсного потенциала организаций, что указывает на актуальность данной проблемы [2].

Осуществление инвестиционной деятельности требует больших капиталовложений и, соответственно, характеризуется большими рисками. Анализ инвестиционного потенциала промышленных предприятий должен способствовать достоверной оценке собственных ресурсов и возможностей, определению приоритетов экономической политики организации. Наиболее важно оценивать свои имеющиеся и потенциальные ресурсы, а также возможности в период неустойчивости экономической среды.

Цель исследования заключается в определении алгоритма оценки возможностей организации, что в свою очередь будет способствовать повы-

шению эффективности управления инвестиционным потенциалом предприятий.

Изучению и анализу инвестиционного потенциала организаций посвящены научные исследования В. В. Бочарова [2], В. Ю. Катасонова [5], О. Б. Казаковой [4], Е. С. Лбовой [6], И. Ю. Новиковой [10] и др.

В работах О. С. Олейник [11], Н. Н. Муравьевой [8], В. В. Мыльника [9], И. В. Федосеева [12] рассматриваются показатели, влияющие на эффективность деятельности строительных организаций.

Различные аспекты теории и практики управления инвестициями представлены работами зарубежных учёных: У. Ф. Шарпа [11], Г. Дж. Александера, Дж. В. Бейли [17; 20], И. Ансоффа [1], С. Майерса [7], Д. Нортон [19], Р. С. Каплана [18] и др.

В научной литературе инвестиционный потенциал предприятия чаще всего рассматривается с точки зрения ресурсного подхода [16]. Также существует понимание инвестиционного потенциала с позиций ресурсно-ограничительного подхода (Р. А. Кармов и др.), в рамках которого рассматривают совокупность только лишь внутренних ресурсов хозяйствующих субъектов. В рамках ресурсно-расширительного подхода (Р. Н. Малышев и др.) кроме ресурсов организации учитываются ключевые макроэкономические показатели отрасли.

Вследствие того, что разные авторы придерживаются различных убеждений по поводу понятия инвестиционного потенциала, мы наблюдаем

отсутствие единой структуры, определяющей данную экономическую категорию, и соответственно отсутствие единой методики оценки.

Можно выделить несколько проблемных вопросов, возникающих при оценке инвестиционного потенциала организации:

1) определение термина «инвестиционный потенциал» трактуется по-разному;

2) существуют различные понятия о структуре инвестиционного потенциала организации;

3) методика анализа и оценки инвестиционного потенциала организации не является единой;

4) сложность группировки факторов и выбора наиболее важных;

5) сложность в определении необходимого количества факторов при оценке частных потенциалов;

6) проблема обобщения разноразмерных показателей;

7) субъективность определения коэффициентов весомости для показателей;

8) необходимость оценки инвестиционного потенциала в динамике, то есть за несколько периодов хозяйственной деятельности организации, что нельзя применить для вновь образованных организаций;

9) отсутствие статистических данных о предприятиях-аналогах, утверждённых документов и нормативных данных, для оценки уровня потенциала компании;

10) в настоящее время отсутствует опыт международной оценки инвестиционного потенциала применительно к Российской Федерации.

Таким образом, проведя анализ научной литературы, изучив различные точки зрения о понятии «инвестиционный потенциал», мы дали своё определение: инвестиционный потенциал предприятия следует понимать как совокупность внешних и внутренних ресурсов, которые накоплены в организации для реализации стратегических целей компании при имеющихся возможностях. Инвестиционный потенциал — движущая сила экономического субъекта, благодаря которой, при условии грамотного использования, достигаются запланированные результаты деятельности предприятия, повышается конкурентоспособность.

Методы определения инвестиционного потенциала предприятия

Оценку эффективности управления инвестиционным потенциалом предприятия, его ресурсами и способностями необходимо проводить в соответствии со следующими принципами: нацеленность, системность, целевая направленность,

объективность, регулярность, адаптивность, конкретность и измеримость планов, ориентированность во времени, обязательное исполнение, принципы комплексности, перспективность, целостность и эффективность.

Немаловажным моментом является определение критериев оценки, поскольку они должны учитывать специфические черты предприятия и особенности отрасли промышленности.

Как уже отмечалось, в настоящее время отсутствует единая методика, с помощью которой можно оценить инвестиционный потенциал организаций.

Наиболее оптимальной методикой для расчёта инвестиционного потенциала, по нашему мнению, является методика Е. С. Лбовой, которая даёт возможность проанализировать весь финансовый, инновационный потенциал с разных сторон, обобщить результаты и определить основные приоритеты развития предприятия. Для расчёта комплексного показателя инвестиционного потенциала предприятия предлагается использовать аддитивную модель, которая представляет собой алгебраическое суммирование частных показателей на основе их веса в составе обобщённого показателя.

Результативность деятельности — интегральный показатель качества бизнес-процессов компании. При управлении эффективностью деятельности экономических субъектов необходимо иметь представление о факторах, оказывающих влияние на их функционирование. Схема, описывающая такие факторы, представлена в табл. 1.

На эффективность функционирования предприятий оказывают влияния основные тенденции и особенности промышленной отрасли. При оценке инвестиционного потенциала хозяйствующего субъекта также следует принять во внимание, на каком этапе жизненного цикла предприятие находится в данный момент. На разных этапах развития организация ставит перед собой соответствующие цели в зависимости от текущего состояния.

На рис. 1 представлено изменение значения интегрального показателя инвестиционного потенциала организации на разных стадиях развития.

В связи с цифровой трансформацией всех отраслей промышленности крупные компании в настоящее время находятся в стадии реформы, что несколько усложняет анализ и оценку инвестиционного потенциала предприятия.

Поскольку на данный момент отсутствует единая установленная методика оценки, то суще-

Факторы, влияющие на деятельность экономических субъектов
Factors affecting the activities of economic entities

Характер факторов		Примеры факторов
1. Факторы внутренней среды		Производственные, технологические, финансово-экономические, кадровые, управленческие
2. Факторы внешней среды	2.1. Факторы микросреды	Отношения с заказчиками, подрядчиками, поставщиками, инвесторами, банками, партнёрами, конкурентами
	2.2. Факторы макросреды	Экономические, политические, социальные, правовые

Примечание: составлено авторами.

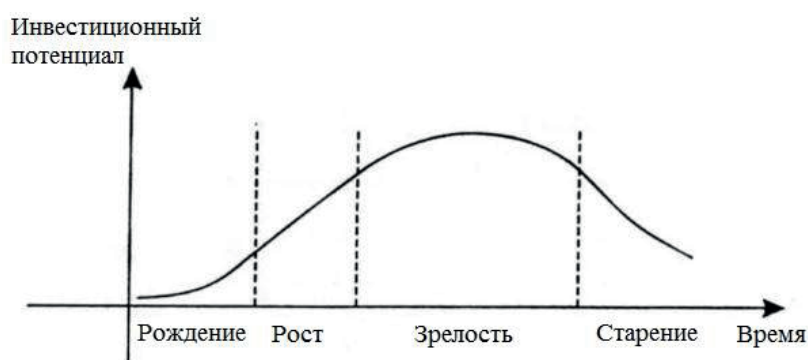

Рис. 1. Изменение значения интегрального показателя инвестиционного потенциала организации на разных стадиях жизненного цикла

(Составлено авторами на основе источника [13])

Fig. 1. Change in the value of the integral indicator of the investment potential of the organization at different stages of the life cycle

(Compiled by the authors based on the source [13])

ствует проблема выбора критериев для анализа и расчёта инвестиционного потенциала, куда обычно включают группы частных потенциалов (ЧП): финансовый, экономический, производственный, трудовой, инновационный, ресурсный. Иногда рассматриваются управленческий, потребительский, институциональный, рыночный и другие виды потенциалов.

Формирование системы показателей, рекомендуемой для оценки инвестиционного потенциала предприятия, было осуществлено на примере проектной организации с помощью метода экспертного опроса. Используя данный метод, мы получаем согласованные мнения экспертов, определяем степень важности и значимости показателей. Система показателей представлена в табл. 2. Также в таблице представлены формулы расчёта для каждого показателя, нормативные значения для финансово-экономических критериев, положительные тенденции и краткое описание.

Интегральный показатель инвестиционного потенциала формируется путём разбиения на группы более простых показателей, то есть

сначала в структуре выделяются частные потенциалы (ЧП), которые, в свою очередь, складываются из простых критериев, доступных для оценки. Структура разбиения интегрального показателя на более простые составляющие показана на рис. 2.

Интегральный показатель инвестиционного потенциала зависит от значений частных потенциалов. Данную зависимость отражает в общем виде формула (1):

$$\text{ИП} = f(\text{ЧП}_1, \text{ЧП}_2, \dots, \text{ЧП}_n), \quad (1)$$

где ИП — интегральный показатель инвестиционного потенциала;

$\text{ЧП}_1, \text{ЧП}_2, \dots, \text{ЧП}_n$ — значения частных потенциалов.

В свою очередь каждый частный потенциал определяется собственным набором критериев:

$$\text{ЧП} = f(a_1, a_2, \dots, a_n), \quad (2)$$

где a_1, a_2, \dots, a_n — значения критериев, определяющих частный потенциал.

Составим алгоритм оценки инвестиционного потенциала предприятия:

Индикаторы для оценки инвестиционного потенциала организации
Indicators for assessing the investment potential of an organization

Показатель	Формула для расчёта	Нормативное значение, направленность показателя	Характеристика показателя
Финансовый потенциал			
Коэффициент автономии	Собственный капитал / активы предприятия Формула по строкам бухгалтерского баланса: 1300/1600	$\geq 0,5$ Должен расти	Показывает степень независимости организации от кредиторов
Коэффициент финансовой устойчивости	(Собственный капитал + долгосрочные обязательства) / активы предприятия Формула по строкам бухгалтерского баланса: (1300 + 1500)/1600	$> 0,7$ Должен расти	Показывает часть активов, финансируемую за счёт устойчивых источников
Коэффициент соотношения заёмного и собственного капитала	Заёмный капитал / собственный капитал Формула по строкам бухгалтерского баланса: (1400 + 1500)/1300	≤ 1 Должен снижаться	Показывает, сколько приходится заёмных средств организации на 1 рубль собственных средств
Коэффициент текущей ликвидности	Оборотные активы / краткосрочные обязательства Формула по строкам бухгалтерского баланса: 1200/(1500 – 1530 – 1540)	$> 1,5$ Должен расти	Показывает платёжеспособность организации и способность погашать её текущие обязательства. Характеризует, в какой степени оборотные активы покрывают краткосрочные обязательства
Экономический потенциал			
Рентабельность продукции, %	Чистая прибыль / выручка Формула по строкам бухгалтерского баланса: 2400/2110	> 0 нет определённых значений Должен расти	Показывает величину чистой прибыли (убытка) организации на величину выручки
Рентабельность активов, %	Чистая прибыль / активы предприятия Формула по строкам бухгалтерского баланса: 2400/1600	> 0 нет определённых значений. Должен расти	Показывает прибыль от активов предприятия
Коэффициент общей оборачиваемости капитала	Выручка от продажи / средняя стоимость активов Формула по строкам бухгалтерского баланса: 2110/(1600н + 1600к)/2	> 0 определённых значений нет Должен расти	Показывает количество фаз обращения продукции за период анализа
Коэффициент реальной стоимости имущества	(Основные средства + производственные запасы + незавершённое производство) / Активы организации Формула по строкам бухгалтерского баланса: (1150 + 1210)/1600	$> 0,3$ Должен расти	Характеризует потенциал предприятия, обеспеченность производственного процесса средствами производства
Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности	Выручка от продажи / дебиторская задолженность Формула по строкам бухгалтерского баланса: 2110/1230	– Должен расти	Показывает скорость получения оплаты от покупателей за оказанные услуги
Коэффициент оборачиваемости кредиторской задолженности	Выручка от продажи / кредиторская задолженность Формула по строкам бухгалтерского баланса: 2110/1520	– Должен расти	Показывает количество оборотов для оплаты выставленных счетов
Производственный потенциал			
Рентабельность производственной деятельности	Чистая прибыль / сумма затрат	– Должен расти	Эффективность производственной деятельности
Коэффициент износа основных производственных фондов	Сумма износа основных фондов / первоначальная стоимость основных фондов на соответствующую дату	– Должен снижаться	Показывает, насколько изношены основные средства

Продолжение табл. 2
Table 2 (continued)

Показатель	Формула для расчёта	Нормативное значение, направленность показателя	Характеристика показателя
Фондоотдача	Выручка от продажи / стоимость основных средств Формула по строкам бухгалтерского баланса: $2110/(1150н + 1150к)/2$	– Должен расти	Показывает результат и отдачу на каждый вложенный рубль в основные средства
Доля госзаказов в общем числе проектов, %	Объём работ, выполненных по договорам государственного заказа / общий объём работ	– Должен расти	Показывает объём работ, выполненных по договорам государственного заказа
Объём работ, отдаваемых на субподряд, %	Объём работ, отдаваемых субподрядным организациям / общий объём работ	– Должен снижаться	Показывает, какую часть работ организация отдаёт на сторону
Средняя продолжительность задержек выполнения работ, недель	Средняя продолжительность задержек выполнения работ	– Должен снижаться	Отражает скорость выполнения работ
Объём производства, тыс. р.	Выручка	– Должен расти	Характеризует совокупный объём работ за рассматриваемый период
Эффективность управления, тыс. р. / чел.	Чистая прибыль / число административно-управленческого персонала	– Должен расти	Отражает вклад управления в результат работы организации
Уровень использования новых технологий	Объём работ, выполненных с использованием новых технологий / общий объём работ	0,5 Должен расти	Показывает, какая часть работ выполняется с применением инновационных технологий
Трудовой потенциал			
Рентабельность персонала	Чистая прибыль / сумма затрат на персонал	– Должен расти	Отражает сколько прибыли получает организация в соответствии с затратами на персонал (фонд оплаты труда и другие затраты, связанные с работниками)
Доля работников, имеющих высшее образование и работающих по специальности	Число работников с высшим образованием, работающих по специальности / общее число работников	– Должен расти	Характеризует уровень образования работников
Средний стаж работы по специальности, лет	Стаж работы по специальности по всем сотрудникам / Общее число сотрудников	– Должен расти	Показывает степень профессионализма сотрудников, их компетентность
Среднегодовая выработка продукции одним работником, тыс. р./чел.	Объём продукции / среднесписочное число работников	– Должен расти	Служит показателем производительности труда
Соотношение темпов роста производительности труда и заработной платы	Производительность труда / средняя величина заработной платы	– Должен расти	Показывает эффективность деятельности
Уровень квалификации персонала	Число работников, которые соответствуют требованиям / общее число работников	– Должен расти	Определяет, все ли сотрудники соответствуют требованиям к занимаемой должности
Коммерческий потенциал			
Конкурентная позиция	Оценка по пятибалльной шкале	– Должен расти	Определяет положение организации на рынке по сравнению с конкурентами

Показатель	Формула для расчёта	Нормативное значение, направленность показателя	Характеристика показателя
Наличие постоянных заказчиков	Оценка по пятибалльной шкале	– Должен расти	Характеризует наличие/отсутствие постоянной клиентской базы
Доля рынка, %	Объём продаж предприятия / объём продаж на рынке	– Должен расти	Показывает, какой объём продукции рынка производит оцениваемая организация
Узнаваемость организации	Оценка по пятибалльной шкале	– Должен расти	Характеристика имиджа предприятия
Доля заказов за пределами региона, %	Объём заказов за пределами региона (р.) / общий объём заказов (р.)	50 % Должен расти	Показывает способность организации расширять занимаемый сегмент рынка

Примечание: составлено авторами.

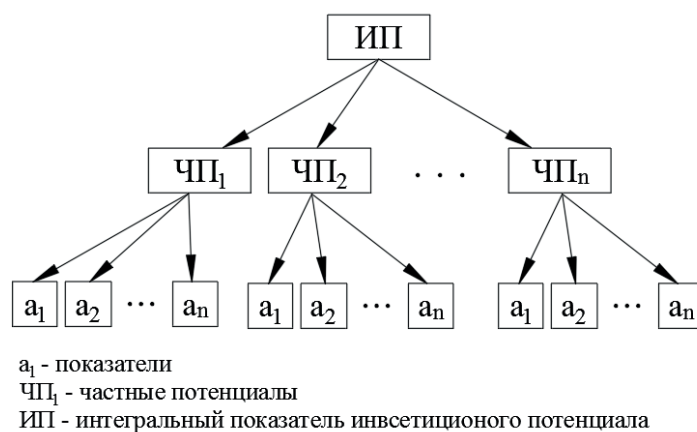

Рис. 2. Структура интегрального показателя инвестиционного потенциала
 (Составлено авторами на основе источника [13])

Fig. 2. Structure of the integral indicator of investment potential
 (Compiled by the authors based on the source [13])

1. Устанавливаем систему показателей, которые характеризуют инвестиционный потенциал предприятия, используя метод экспертной оценки, а также определяем значимость этих показателей.

2. Определяем эталонное значение для каждого из показателей, которое соответствует: нормируемому значению (для финансовых показателей); оптимальному показателю за проверяемый период деятельности предприятия (в случае, когда нет установленного нормируемого значения); для качественных показателей — значению по балльной шкале.

3. Рассчитываем индексы по каждому показателю. Если улучшению состояния организации соответствует увеличение значения индекса показателя, рассчитываем по формуле (3):

$$\begin{cases} Y_i = \frac{a_i}{\max a_i}, \\ Y_i \in [0,1] \end{cases} \quad (3)$$

где $\max a_i$ — эталонное значение i -го показателя;
 a_i — расчётное значение i -го показателя.

Если улучшению состояния организации соответствует уменьшение значения показателя, рассчитываем по формуле (4):

$$\begin{cases} Y_i = \frac{\max a_i}{a_i}, \\ Y_i \in [0,1] \end{cases} \quad (4)$$

4. Вычисляем значения частных показателей инвестиционного потенциала (финансового, экономического, производственного, трудового, коммерческого) по формуле (5):

$$ЧП_i = \sum_{i=1}^n (b_i \cdot Y_i), \quad (5)$$

где b_i — весовой коэффициент i -го показателя (определяется экспертно на первом этапе алгоритма, $0 \leq b_i \leq 1$);

Y_i — индекс i -го показателя;

n — количество показателей, входящих в состав частного потенциала.

5. Интегральный показатель ИП организации рассчитываем по формуле (6) [15]:

$$\begin{cases} ИП = \sum_{i=1}^n (c_i \cdot ЧП_i) \\ ИП \in [0, 1] \\ ИП \rightarrow 1 \end{cases} \quad (6)$$

где c_i — весовой коэффициент i -го частного потенциала (определяется экспертно на первом этапе алгоритма, $0 \leq c_i \leq 1$);

$ЧП_i$ — расчётное значение i -го частного потенциала;

n — число частных потенциалов, входящих в состав инвестиционного потенциала.

6. Проводим анализ уровня инвестиционного потенциала организации.

Величина интегрального показателя инвестиционного потенциала варьирует в пределах от 0 до 1, причём чем ближе значение к единице, тем выше уровень инвестиционного потенциала.

Уровень оценки инвестиционного потенциала (на примере проектной организации) предлагается определять согласно табл. 3.

7. Сравниваем значение инвестиционного потенциала с аналогичными значениями по результатам предыдущих периодов деятельности организации. Анализ инвестиционного потенциала в динамике позволяет выявить тенденции его изменения (увеличение, уменьшение, скачкообразное изменение во времени).

8. Выявляем сильные и слабые стороны, разрабатываем рекомендации по повышению уровня инвестиционного потенциала.

Результаты исследования

Предложенная методика оценки инвестиционного потенциала организации с помощью интегрального показателя адекватно отражает уровень результатов деятельности, позволяет рассчитать интегральный показатель инвестиционного потенциала, разработать рекомендации в целях принятия эффективных управленческих решений. При использовании данной методики можно сравнить отдельные показатели, частные потенциалы и интегральный инвестиционный потенциал компании в любой промежуток вре-

Шкала для определения уровня инвестиционного потенциала организации
The scale for determining the level of an organization's investment potential

Значение интегрального показателя инвестиционного потенциала	Уровень инвестиционного потенциала
$0 < ИП \leq 0,2$	очень низкий уровень ИП
$0,2 < ИП \leq 0,4$	низкий уровень
$0,4 < ИП \leq 0,6$	средний уровень
$0,6 < ИП \leq 0,8$	высокий уровень
$0,8 < ИП \leq 1$	очень высокий уровень

Примечание: составлено авторами.

мени.

Исходными данными для расчёта инвестиционного потенциала предприятия являются:

– информация из открытых источников (бухгалтерский баланс, отчёт о финансовых результатах);

– результаты производственной деятельности организации;

– характеристики кадрового состава.

Анализ инвестиционного потенциала позволяет своевременно предупреждать о возможности негативного влияния отдельных критериев оценки. Данная методика также позволяет оценить потенциал предприятия на основе сформированной системы критериев.

Алгоритм оценки инвестиционного потенциала организации представлен на рис. 3.

Выводы

Эффективное управление инвестиционным потенциалом промышленного предприятия, его своевременная оценка и постоянный анализ помогают выявить положительные и отрицательные факторы, влияющие на функционирование организации, чтобы направлять дальнейшую деятельность в сторону роста и развития компании [3].

Анализ инвестиционного потенциала способствует определению направлений инвестиционной политики организации, осуществлению долгосрочных инвестиционных целей, обеспечению эффективного использования инвестиций, выявлению конкурентных преимуществ оцениваемого предприятия в инвестиционной сфере и, как следствие, обеспечению устойчивого развития организации.

В ходе проведённого исследования разработан алгоритм оценки инвестиционного потенци-

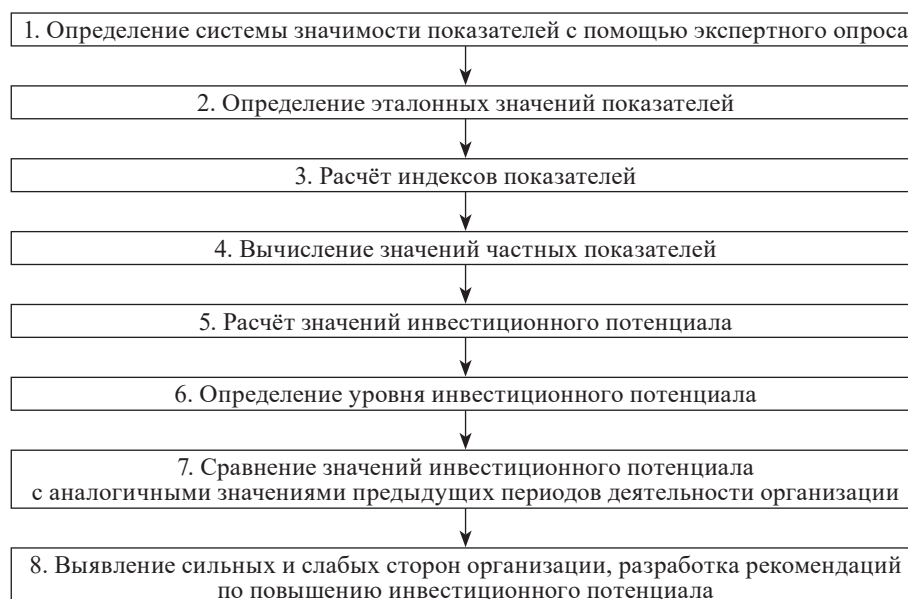

Рис. 3. Алгоритм оценки инвестиционного потенциала организации (Составлено авторами)

Fig. 3. Algorithm for assessing the investment potential of an organization (Compiled by the authors)

ала промышленных организаций, сформирована система показателей. Также предложено решение, способное повысить эффективность управления инвестиционными ресурсами предприятия за счёт развития системы оценки инвестиционного потенциала.

Исполнение предложенного алгоритма осуществлено в крупной проектной организации ООО «Технология» (Российская Федерация, г. Ижевск), которая занимается проектированием объектов промышленного, гражданского, сельскохозяйственного назначения, а также объектов электроэнергетики. В ходе расчёта интегрального показателя и оценки инвестиционного потенциала предприятия были выявлены сильные и слабые стороны, а также предложены пути повышения эффективности деятельности компании.

Таким образом, предлагаемая методика позволяет оценить инвестиционный потенциал предприятия на основе сформированной системы критериев. Для каждого показателя в этой систе-

ме определяется эталонное значение, с которым будет сравниваться фактическое (расчётное) значение с целью выявления индексов показателей, характеризующих тенденцию изменения факторов влияния. Сначала вычисляются значения для простых критериев, затем по формуле взвешенной суммы рассчитываются значения составных показателей, а в итоге — получаем значение инвестиционного потенциала. В рассматриваемом методе предложена шкала для оценки уровня инвестиционного потенциала организаций. Также представляется возможным сравнить значения текущего периода с предыдущими.

Данную методику и алгоритм оценки инвестиционного потенциала можно использовать в целях анализа хозяйственно-экономической деятельности компании по результатам прошлых периодов, а также в целях разработки прогнозов развития в будущем. Оценка инвестиционного потенциала рекомендуется проводить постоянно с определённой периодичностью.

Список источников

1. Ансофф И. Стратегическое управление. М. : Экономика, 2018. 519 с.
2. Бочаров В. В. Инвестиции. Инвестиционный портфель. Источники финансирования. Выбор стратегии. СПб. : Питер, 2018. 288 с.
3. Грахов В. П., Мохначев С. А., Кислякова Ю. Г., Симакова У. Ф. Специфика управления устойчивым развитием организаций строительного комплекса // Мировая экономика и бизнес-администрирование малых и средних предприятий : сборник. Минск, 2021. С. 23–25.
4. Казакова О. Б. Инвестиции в основной капитал как фактор технологического развития российской экономики // Экономика и управление. 2018. № 3 (141). С. 4–8.
5. Катасонов В. Ю. Инвестиционный потенциал экономики: механизмы формирования и использования. М. : Анкил, 2005. 328 с.

6. Лбова Е. С. Развитие методов оценки инвестиционного потенциала предприятия // Учёные заметки ТОГУ. 2015. Т. 6, № 4. С. 526–538.
7. Майерс С., Брейли Р. Принципы корпоративных финансов / пер. с англ. Н. Барышниковой. М. : Олимп-Бизнес, 2008. 1008 с.
8. Муравьева Н. Н. Разработка перспективных направлений повышения инвестиционного потенциала промышленного предприятия // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2016. № 2 (28). С. 65–72.
9. Мыльник В. В., Мыльник А. В., Зубеева Е. В. Резонансный эффект при осуществлении инновационно-инвестиционной деятельности в промышленности // Экономика и управление в машиностроении. 2016. № 4. С. 21–25.
10. Новикова И. Ю. Инвестиционный потенциал хозяйствующего субъекта в системе основных категорий инвестиций // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 5. DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(5).11.
11. Олейник О. С., Борисова И. В. Методика комплексной оценки финансовой устойчивости проектных организаций (на примере Волгоградской области) // Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика. Экология. 2019. Т. 21, № 2. С. 122–132. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2019.2.11>
12. Федосеев И. В., Чепаченко Н. В. Развитие методов измерения и оценки потенциала организаций строительного комплекса // Строительный комплекс: экономика, управление, инвестиции. 2019. № 1. С. 42–51.
13. Чаплыгина Е. В., Михайлов С. Н. Оценка уровня инвестиционной конкурентоспособности предприятий строительной отрасли // Проблемы современной экономики. 2011. № 3-39. С. 85–88.
14. Шарп У. Ф., Александер Г. Дж., Бейли Д. В. Инвестиции : пер. с англ. М. : Инфра-М, 2018. 1028 с.
15. Шкурина Л. В., Аппазов Ф. В. Теоретические аспекты оценки инвестиционной конкурентоспособности транспортной компании — собственника грузовых вагонов // Наука и техника транспорта. 2017. № 3. С. 70–77.
16. Boone N. M., Lubitz L. S. A review of difficult investment policy issues // Journal of Financial Planning. 2003. Vol. 16, no. 5. P. 56.
17. Gagne G., Morin J. F. The Evolving American Policy on Investment Protection: Evidence from Recent FTAs and the 2004 Model BIT // Journal of International Economic Law. 2006. Vol. 9, no. 2. P. 357–382.
18. Kaplan R. S., Norton D. P. 2004. The Strategy Focused Organization: How Balanced Scorecard Companies Thrive in the New Business Environment. Harvard Business School Press : Boston, MA. 2004.
19. Norton D. P., Kaplan R. S. Measuring the strategic readiness of intangible assets. Harvard Business Review. 2004. No. 82 (2). P. 52–63.
20. Tanaka J. Welfare analysis of a fiscal reconstruction policy in an overlapping generations economy with public investment // Journal of Economics. 2003. Vol. 79. P. 19–39.

References

1. Ansoff I. Strategic management. Moscow, Ekonomika; 2018. 519 p. (In Russ.).
2. Bocharov VV. Investments. Investment portfolio. Sources of financing. Choosing a strategy. St. Petersburg; 2018. 288 p. (In Russ.).
3. Grahov VP, Mohnachev SA, Kisljakova JuG., Simakova UF. The specifics of managing sustainable development of organizations in the construction industry. In: Mirovaya ekonomika i biznes-administrirovanie malyh i srednih predpriyatij = World Economy and Business Administration of Small and Medium Enterprises. 2021. P. 23–25. (In Russ.).
4. Kazakova OB. Investments in fixed capital as a factor in the technological development of the Russian economy. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2018;(3):4-8.
5. Katasonov VYu. Investment potential of the economy: mechanisms of formation and use. Moscow, Ankil; 2005. 328 p. (In Russ.).
6. Lbova ES. Development of methods for assessing the investment potential of an enterprise. *Uchenye zametki TOGU = Scientific notes of the PNU*. 2015;6(4):526-538. (In Russ.).
7. Majers S, Brejli R. Principles of corporate finance. Moscow, Olimp-Biznes; 2008. 1008 p. (In Russ.).
8. Murav'eva NN. Development of promising directions for increasing the investment potential of an industrial enterprise. *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: tendencii razvitiya = Economics and Management in the 21st Century: development trends*. 2016;(2):65-72. (In Russ.).

9. Myl'nik VV, Myl'nik AV, Zubeeva EV. Resonance effect in the implementation of innovation and investment activities in industry. *Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii = Economics and management in mechanical engineering*. 2016;(4):21-25. (In Russ.).
10. Novikova IYu. Investment potential of an economic entity in the system of main categories of investments. *Baikal Research Journal*. 2016;7(5). (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7\(5\).11](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7(5).11).
11. Olejnik OS, Borisova IV. Methodology for a comprehensive assessment of the financial sustainability of design organizations (on the example of the Volgograd region). *Vestnik VolGU. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya = Science Journal of VolsU. Series 3: Economy. Ecology*. 2019;21(2):122-132. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2019.2.11>.
12. Fedoseev IV, Chepachenko NV. Development of methods for measuring and assessing the potential of organizations in the construction industry. *Stroitel'nyj kompleks: ekonomika, upravlenie, investicii = Construction industry: economics, management, investments*. 2019;(1):42-51. (In Russ.).
13. Chaplygina EV, Mihajlov SN. Assessment of the level of investment competitiveness of enterprises in the construction industry. *Problemy sovremennoj ekonomiki = Problems of the modern economy*. 2011;(3-39):85-88. (In Russ.).
14. Sharp UF, Aleksander Dzh, Bejli DV. Investments. Moscow, Infra-M; 2018. 1028 p. (In Russ.).
15. Shkurina LV, Appazov FV. Theoretical aspects of assessing the investment competitiveness of a transport company — the owner of freight cars. *Nauka i tekhnika transporta = Science and technology of transport*. 2017;(3):70-77. (In Russ.).
16. Boone NM, Lubitz LS. A review of difficult investment policy issues. *Journal of Financial Planning*. 2003;16(5):56.
17. Gagne G, Morin JF. The Evolving American Policy on Investment Protection: Evidence from Recent FTAs and the 2004 Model BIT. *Journal of International Economic Law*. 2006;9(2):357-382.
18. Kaplan RS, Norton DP. The Strategy Focused Organization: How Balanced Scorecard Companies Thrive in the New Business Environment. Harvard Business School Press, Boston, MA; 2004.
19. Norton DP, Kaplan RS. Measuring the strategic readiness of intangible assets. *Harvard Business Review*. 2004;(82):52-63.
20. Tanaka J. Welfare analysis of a fiscal reconstruction policy in an overlapping generations economy with public investment. *Journal of Economics*. 2003;79:19-39.

Информация об авторах

В. П. Грахов — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры промышленного и гражданского строительства.

Ю. Г. Кислякова — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой промышленного и гражданского строительства.

У. Ф. Симакова — аспирант кафедры промышленного и гражданского строительства.

Information about the authors

V. P. Grakhov — Doctor of Economics Sciences, Professor, Professor of the Department of Industrial and Civil Engineering, Kalashnikov Izhevsk State Technical University.

Yu. G. Kislyakova — PhD in Education, Associate Professor, Head of the Department of Industrial and civil engineering, Kalashnikov Izhevsk State Technical University.

U. F. Simakova — PhD student of the Department of Industrial and Civil Engineering, Kalashnikov Izhevsk State Technical University.

Статья поступила в редакцию 03.12.2021; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 03.12.2021; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.984

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10411

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СТРАТЕГИЙ КРУПНЕЙШИХ РОССИЙСКИХ КОРПОРАЦИЙ В ВЕДУЩИХ ОТРАСЛЯХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Екатерина Владимировна Николаева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, kat_sa@mail.ru

Аннотация. Успешность реализации корпоративной стратегии зависит от большого числа факторов внутренней и внешней среды. Анализ влияния различных групп факторов (финансовых, операционных, внешних) посвящено исследованию, раскрытое в рамках данной статьи. В статье описаны различные подходы к определению ключевых факторов корпоративной стратегии. Анализируются крупнейшие компании металлургической, нефтяной и газовой промышленности с плановым и процессным типами стратегий. На основе методов математической статистики проводится анализ взаимосвязи между группами факторов и отдельными показателями эффективности стратегий компаний. Приводятся различия в показателях эффективности и уровне влияния факторов на компании с различными типами стратегий. Исследование реализуется с учётом оценки конгруэнтности формально заявленной и реализуемой на практике стратегии корпораций. Доказано более сильное влияние отдельных факторов на показатели эффективности в группе компаний, где реализуемая стратегия конгруэнтна официально заявленной.

Ключевые слова: стратегия, корпорация, факторы стратегии, показатели эффективности

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 20-510-92006.

Для цитирования: Николаева Е. В. Экономические факторы стратегий крупнейших российских корпораций в ведущих отраслях промышленности // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 113–122. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10411

Original article

ECONOMIC FACTORS OF THE LARGEST RUSSIAN CORPORATIONS STRATEGIES IN LEADING INDUSTRIES

Ekaterina V. Nikolaeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, kat_sa@mail.ru

Annotation. The success of the corporate strategy implementation depends on a large number of factors of the internal and external environment. The study disclosed in this article is devoted to the analysis of influence of various groups of factors (financial, operational, external). The article reveals various approaches to determining the key factors of corporate strategy. The largest companies in the metallurgical, oil and gas industries with planned and process types of strategies are analyzed. Based on the methods of mathematical statistics, an analysis of the relationship between groups of factors and individual indicators of the effectiveness of company strategies is made. Differences in performance indicators and the level of influence of factors on companies with different types of strategies are given. The study is carried out taking into account the assessment of the congruence of the formally declared and implemented in practice strategies of corporations. A stronger influence of individual factors on performance indicators in a group of companies where the implemented strategy is congruent to the officially declared one has been proven.

Keywords: strategy, corporation, strategy factors, performance indicators

Funding: The reported study was funded by RFBR and VASS, project number 20-510-92006.

For citation: Nikolaeva EV. Economic Factors of the Largest Russian Corporations Strategies in Leading Industries. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462)):113-122. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10411

Введение

Новые экономические условия в РФ и мире приводят к изменению моделей функционирования многих компаний, что особенно остро ощущается в сфере крупного бизнеса. Частичный разрыв экономических связей с Западом, как на уровне государства, так и на уровне отдельных экономических субъектов, требует смены парадигмы и совершенно иного подхода к формированию стратегии дальнейшего развития. Для компаний это означает пересмотр путей достижения намеченных ранее целей, корректировку основных бизнес-процессов, внедрение новых индикаторов реализации стратегий.

На современном этапе процесс разработки стратегии развития приобретает особую важность, но ещё более важен процесс её воплощения в жизнь. Стратегии компаний в современных условиях должны быть гибкими, пластичными, «близкими» и понятными и руководству, и работникам компании. Именно реализуемость и способность стратегии подстроиться под быстро меняющуюся внешнюю среду сейчас и в будущем будут характеризовать стратегию компании как наиболее успешную.

В то же время не менее актуальным остаётся вопрос создания на предприятии системы факторов (активов, финансового потенциала, масштаба деятельности, драйверов роста стоимости бизнеса и т. п.), которые будут способствовать реализации стратегических целей, а также могут служить рычагами повышения эффективности стратегии компаний.

Аналізу таких факторов и оценке их влияния на эффективность стратегий российских корпораций посвящено данное исследование.

Целью работы является изучение взаимосвязи внешних и внутренних факторов на показатели эффективности корпораций, реализующих различные типы стратегий.

Для решения поставленной цели в рамках исследования решаются следующие основные задачи:

– разработка системы экономических факторов стратегий российских корпораций, их группировка и оценка;

– анализ стратегий крупнейших российских корпораций металлургической, нефтяной и газовой отраслей как с точки зрения официальных источников, так и посредством организации опроса

работников на предмет оценки ими характера реализуемой компанией стратегии; сопоставление полученных результатов;

– оценка взаимосвязи выделенных факторов стратегий и показателей эффективности реализации стратегии в разрезе групп компаний с различными типами стратегий.

Материалы и методы исследования

В рамках исследования использовалась типология стратегий, разработанная авторами ранее, в основе которой лежат подходы к типологизации стратегий Г. Минцберга и Э. Уотерса [1], Р. Майлза и К. Сноу [2], М. Ривса, К. Лава и Ф. Тилманса [3], И. Гуркова [4]. Авторами выделены пять основных типов стратегий компаний в зависимости от характера планирования и условий внешней среды (классическая плановая, классическая процессная, классическая идеологическая, адаптивная, стратегия формирования). Для включённых в исследование корпораций были идентифицированы типы стратегий на основе двух источников информации: публичных данных и результатов опроса их работников. Подробно данная типология стратегий описана в работе Д. А. Плетнёва, Е. В. Николаевой, Е. В. Козловой [5].

Изучение факторов, влияющих на стратегии корпораций, позволило выделить классические модели и наиболее современные взгляды учёных и практиков в этом вопросе. Для разработки собственной системы факторов стратегий использованы результаты исследований относительно влияния различных параметров внутренней и внешней среды компании на показатели эффективности реализации стратегии (прибыльности, роста).

Факторы стратегий компаний раскрыты в работах как российских учёных, так и зарубежных представителей науки и практики (Е. В. Николаева, Д. А. Плетнёв, Е. В. Козлова [6], А. И. Алейникова, О. А. Лымарева [7], Б. Карлоф [8], Ж. Пейл [9]). Рассмотрим подробнее некоторые из них.

Одну их базовых моделей факторов, влияющих на стратегию компании, предложил Б. Карлоф в книге «Деловая стратегия» [8]. В работе выделено шесть основных групп факторов стратегии: миссия компании; конкурентные преимущества, особенность рынка и характер выпускаемой продукции; организационная структура и интеграционные процессы в компании; располагаемые ресурсы (материальные, трудовые, финансовые, информационные, интеллектуальные); потенциал

развития компании, способность её к адаптации и обучению; корпоративная культура и внутренний климат в компании. Несомненно, данная система факторов охватывает большую часть параметров любого бизнеса и в значительной степени влияет на характер стратегии компании и способность её реализации.

Однако в современных условиях, в эпоху «новой нормальности», новой картины мира акценты стратегического планирования в компании меняются. Ж. Пейл в книге «Реальная стратегия: как планировать только то, что можно воплотить» [9], опираясь на интервью, взятые у топ-менеджеров крупнейших мировых корпораций, выделил три основных фактора успешной реализации стратегии компаний в современных изменяющихся условиях хозяйствования: способность компании к инновационным трансформациям, гибкость компании, скорость её реагирования на внешние стимулы.

При этом один из наиболее распространённых — классический плановый тип стратегии, основанный на долгосрочном или среднесрочном планировании в условиях «новой нормальности», — всё больше теряет свою актуальность. Гибкость компании в отношении изменения и реализации своей стратегии выходит на первый план. Компания, способная быстро делать выводы и оперативно реагировать на стимулы среды, с высокой степенью вероятности, будет опережать в развитии тех, кто тщательно прорабатывает среднесрочный план действий и, не отклоняясь от выбранного курса, пытается достичь высокой эффективности. Данное утверждение подкрепляют современные результаты опроса журнала *The Economist*. Согласно его данным, 90 % опрошенных руководителей компаний выделяют стратегическую гибкость как важнейший критерий в достижении успеха их компании.

Кроме того, Ж. Пейл также говорит о необходимости наличия «мягкого» компонента в стратегии компании, который реализуется посредством вовлечённости руководителя компании в процесс реализации выбранной стратегии. Ещё одним важнейшим элементом эффективной стратегии в период рыночных трансформаций, вызванных пандемией и другими внешнеэкономическими шоками, по его мнению, являются цифровые инновации, которые каждая компания, стремящаяся к успеху, должна внедрять в свои внутренние процессы.

В научной литературе также есть ряд работ, посвящённых влиянию различных факторов

на стратегию компании. М. В. Джан Хан, М. Халике приводят результаты исследования взаимосвязи стратегического планирования и факторов внешней среды компании с показателями её эффективности [10]. Т. Чи, П. Д. Килдафф и В. Б. Гаргея приводят анализ взаимосвязи между такими факторами стратегии, как характеристика бизнес-среды, конкурентные преимущества, структура цепочки поставок и эффективность бизнеса компании [11]. Результаты их исследования указывают на наличие взаимосвязи между указанными параметрами.

В работе Р. Nguyen и N. T. Nguyen на основе математической модели определяются наиболее подходящие стратегические паттерны (показатели) по данным финансовой отчётности компаний. Прогнозирование эффективности компаний по предложенной модели авторами осуществляется в рамках теории серой системы [12].

Вовлечённость работников в процесс реализации стратегии компании и её инновационную активность рассматривается в работе Y. F. Badir, V. Frank, M. Vogers [13]. Авторы описывают, как сотрудники компании полагаются на внутренние и внешние знания для повышения эффективности своей инновационной деятельности.

Другие исследования взаимосвязи результатов реализации стратегий и факторов развития компаний раскрыты в работах Н. Амоо, Дж. Хиддлстон-Мамфорда, Дж. Рузибука [14], Т. Хернауса, В. Б. Вукшича [15], И. Гуркова [4].

В рамках данного исследования были проведены следующие этапы:

- оценка влияния трёх групп факторов (финансовых, операционных и внешних) на показатели эффективности корпораций с различными типами стратегий;
- сопоставление результатов в группах компаний с различными стратегиями, а также их сравнение с результатами выборки в целом;
- установление влияния соответствия заявленной и реализуемой стратегии на показатели эффективности корпораций, а также влияние указанных групп факторов на эффективность стратегий в корпорациях, где реальная и заявленная стратегии совпадают (для разных типов стратегий) на основе расчёта рангового коэффициента корреляции Спирмена.

В рамках предыдущих этапов исследования нами были выявлены стратегии крупнейших российских корпораций (из рейтинга Эксперт-600 по выручке за 2020 г.). Также был проведён опрос сотрудников этих компаний на пред-

мет выявления наличия и описания реализуемой стратегии. Далее были сопоставлены результаты этих двух этапов исследования и выявлены компании, у которых отмечаются совпадения и несоответствия по реальной и заявленной стратегиям.

Оценка эффективности корпораций и реализуемых ими стратегий проведена на основе трёх показателей: темп роста выручки от реализации в 2020 г., темп роста прибыли за 2020 г. и темп роста капитализации в 2020 г.

Исходная данные с показателями эффективности, типами стратегий компаний представлены в табл. 1.

В качестве факторов стратегий были выделены финансовые, операционные и внешние (общепромышленные) показатели, оказывающие влияние на реализацию стратегии компании.

В число финансовых факторов включены: общая оценка уровня рентабельности, ликвидности, деловой активности, финансовой устойчивости, кредитоспособности компании, уровень покрытия процентных выплат, размер материальных и нематериальных ресурсов (активы) у компании.

К операционным факторам стратегий отнесены: масштаб деятельности компании, доля рынка, динамика развития компании, наличие человеческих ресурсов.

В качестве факторов внешней среды (развития и рисков отрасли) рассматривались: финансовые

риски отрасли, значимость отрасли для экономики страны, темпы роста отрасли.

Во всех случаях (в рамках каждой группы факторов) проводилось сопоставление показателей либо со средними по соответствующему виду деятельности (коду ОКВЭД 2) — для групп финансовых и операционных факторов, либо со средними по экономике — в случае внешних (общепромышленных) факторов.

Оценка каждого из показателей осуществлялась балльно на основе присвоения значения от 0 до 10, где 0 — это самое низкое значение исследуемого показателя по сравнению со среднеотраслевым или средним по экономике, а 10 — наиболее высокое его значение. Данная методика основана на оценке рисков компаний, используемой информационно-рейтинговым агентством FIRA.PRO [18].

На данном этапе исследования определялась взаимосвязь между средним значением по группе факторов (финансовых, операционных, внешних) и показателями эффективности компаний. Вместе с тем интерес также представляет оценка взаимосвязи между отдельными показателями в рамках каждой из групп и эффективностью компании, что будет являться предметом дальнейшего изучения.

В ходе анализа было проведено многомерное исследование на выявление взаимосвязи между

Таблица 1
Table 1

**Показатели эффективности и типы стратегий компаний
металлургической, нефтяной и газовой отраслей
Performance indicators and types of strategies of companies
in metallurgical, oil and gas industries**

№	Компания	Стратегия заявленная	Стратегия реализуемая	Темп роста выручки в 2020 г.	Темп роста прибыли в 2020 г.	Темп роста капитализации в 2020 г.
1	ММК	плановая	плановая	0,9	0,8	1,3
2	НЛМК	процессная	плановая	1,0	1,0	1,5
3	Северсталь	плановая	плановая	0,9	0,7	1,4
4	ТМК	плановая	плановая	0,7	6,2	1,1
5	Лукойл	процессная	плановая	0,7	0,0	0,8
6	Татнефть	плановая	плановая	0,8	0,5	1,1
7	Норильский никель	процессная	процессная	1,3	0,7	1,2
8	Газпром	процессная	процессная	0,9	-1,0	0,8
9	Роснефть	процессная	процессная	0,7	0,2	1,0
10	Сургутнефтегаз	плановая	процессная	0,7	6,9	0,8
11	Транснефть	процессная	процессная	0,9	0,7	0,8
12	НОВАТЭК	процессная	формирования	0,8	0,1	1,0

показателями эффективности и ключевыми факторами стратегий (финансовыми, операционными, внешними) в нескольких группах компаний:

- в рамках общей выборки;
- сгруппированных по отраслям;
- сгруппированных по типу заявленной стратегии;
- сгруппированных по типу реализуемой стратегии;
- сгруппированных по соответствию заявленной и реализуемой стратегии.

Результаты, полученные в ходе исследования, указывают на значительные различия полученных показателей в каждой из указанных групп, на основе чего делается вывод о значимости тех или иных факторов для успешной реализации стратегии корпорации.

Результаты исследования и их обсуждение

Этап 1. Исследование влияния факторов на показатели эффективности реализации стратегии в рамках общей выборки.

Прежде чем оценить, как выбранные факторы влияют на успешность реализации того или иного типа стратегии корпораций, необходимо оценить данное влияние в общей группе без учёта типов реализуемых стратегий. Необходимо отметить, что все компании, которые находятся в данной выборке, имеют заявленную стратегию, кроме того сотрудники компании в ходе опроса указали на наличие у неё реальной, чётко прослеживаемой стратегии. Вместе с тем в ходе более ранних исследований нами было выявлено, что далеко не у всех, даже самых крупных компаний имеется стратегия [5].

Результаты проведённого анализа представлены в табл. 2.

Как следует из проведённых данных, в общей выборке компаний отсутствует существенная взаимосвязь между большинством факторов стратегии и показателями её эффективности. Наиболее тесная связь (ранговый коэффициент

корреляции равный $-0,70$) отмечается между отраслевыми факторами и темпом роста выручки от продаж компаний, причём эта связь отрицательная. То есть чем лучше факторы внешней среды, в которой работает компания, тем ниже уровень её роста. Частично это можно объяснить тем, что зачастую в наиболее развитой, стабильной среде показатели роста у компания невысоки. На данном этапе развития отрасли существенный прирост у отдельных игроков скорее исключение. Так же можно объяснить и отрицательную корреляцию (на уровне $-0,46$) между внешними факторами и ростом рыночной капитализации компаний.

По остальным группам факторов взаимосвязь с показателями эффективности невысока. Это ещё раз доказывает необходимость реализации данного исследования в рамках отдельных групп корпораций с различными типами стратегий.

Этап 2. Исследование влияния факторов на показатели эффективности реализации стратегии в разрезе отраслей.

Следующим этапом анализа является исследование взаимосвязи тех же показателей и факторов стратегий в разрезе отраслей, в которых действуют выбранные корпорации (табл. 3). Особенности отраслевого исследования стратегий российских корпораций описаны в работе Д. А. Плетнёва и Е. В. Николаевой [16].

В данном профиле исследования взаимосвязь между показателями эффективности и факторами стратегий более тесная, чем в общей выборке. Что позволяет сделать вывод о некотором влиянии на успешность реализации стратегии отраслевой специфики компаний.

Для металлургических компаний сильная положительная взаимосвязь показателей эффективности отмечена с группой финансовых факторов (коэффициент ранговой корреляции $0,71$). В то же время, как и на предыдущем этапе исследования, между внешними факторами и показателями

Таблица 2
Table 2

Матрица корреляций факторов стратегии и показателей её эффективности в общей выборке корпораций Correlation of strategy factors and indicators of its effectiveness in the general sample of corporations

Факторы	Темп роста выручки от продаж, 2020 г.	Темп роста чистой прибыли, 2020 г.	Темп роста капитализации, 2020 г.
Финансовые факторы	0,26	0,37	0,29
Операционные факторы	0,18	0,37	0,37
Внешние факторы	-0,70	-0,36	-0,46

Таблица 3

Table 3

**Матрица корреляций факторов стратегии и показателей её эффективности
у компаний в разрезе отраслей**
Correlations of strategy factors and indicators of its effectiveness for companies by industry

Отрасль / Факторы		Темп роста выручки от продаж, 2020 г.	Темп роста чистой прибыли, 2020 г.	Темп роста капитализации, 2020 г.
металлургия	Финансовые факторы	0,71	0,06	0,47
	Операционные факторы	0,50	-0,49	0,50
	Внешние факторы	0,12	-0,69	0,17
нефтяная и газовая промышленность	Финансовые факторы	-0,14	0,37	0,10
	Операционные факторы	-0,56	0,51	-0,04
	Внешние факторы	-0,86	0,26	0,24

эффективности наблюдается отрицательная зависимость — для металлургических компаний по показателю чистой прибыли (-0,69), для нефтяных и газовых компаний по показателю выручки (-0,86). С другими факторами высокой корреляции у показателей эффективности не выявлено.

Этап 3. Исследование влияния факторов на показатели эффективности реализации стратегии корпораций, сгруппированных по типу заявленной стратегии.

В рамках исследования проанализированы стратегии корпораций из двух источников — заявленные официально и описываемые работниками компании. В исследовании были проанализированы компании, заявленные стратегии которых были отнесены по типу либо к плановой, либо к процессной. Другие типы стратегий выявлены не были.

Первоначально исследование взаимосвязи факторов и показателей эффективности стратегий

проводилось в разрезе типов стратегий, официально заявленных в публичных источниках (как правило, официальные сайты компаний). Результаты представлены в табл. 4.

Интересно, что в группе компаний с заявленной плановой стратегией отсутствует высокая корреляция между показателями эффективности и факторами стратегий для всех групп факторов. Вероятно, это в некоторой степени объясняется несоответствием заявленной стратегии и процесса её воплощения в жизнь. Возможно также, что стратегия в данном случае (что гораздо в большей степени характерно плановой стратегии) носит формальный характер. На практике же действия компании носят непоследовательный характер.

В то же время для компаний с заявленной процессной стратегией характерна тесная взаимосвязь между показателями эффективности стратегии и её факторами, а именно: тесная положительная зависимость между ростом чистой при-

Таблица 4

Table 4

**Матрица корреляций факторов стратегии и показателей её эффективности
у корпораций в разрезе типов заявленных стратегий**
**Correlation of strategy factors and indicators of its effectiveness in corporations
in the context of the types of declared strategies**

Тип стратегии / Факторы		Темп роста выручки от продаж, 2020 г.	Темп роста чистой прибыли, 2020 г.	Темп роста капитализации, 2020 г.
плановая	Финансовые факторы	0,10	0,26	-0,31
	Операционные факторы	-0,04	-0,46	0,07
	Внешние факторы	0,19	-0,25	-0,41
процессная	Финансовые факторы	0,38	0,33	0,58
	Операционные факторы	0,27	0,80	0,55
	Внешние факторы	-0,96	-0,78	-0,63

были и группой операционных факторов (коэффициент ранговой корреляции 0,8), между группой внешних факторов и всеми тремя показателями эффективности выявлена тесная обратная взаимосвязь. Как и в предыдущих этапах исследования, внешние факторы имеют обратное влияние на показатели эффективности стратегии. Это скорее свидетельствует не о наличии негативно-го воздействия, а об отсутствии значимого роста у компаний, функционирующих в рамках финансово стабильных, высоко значимых для экономики отраслей. При этом наиболее тесная обратная зависимость отмечена между внешними факторами и темпом роста выручки, что только подтверждает выдвинутую гипотезу.

Этап 4. Исследование влияния факторов на показатели эффективности стратегии корпораций, сгруппированных по типу реализуемой стратегии.

Взаимосвязь факторов и показателей эффективности в группах компаний, сформированных по типу реализуемой стратегии (по данным опроса), также не ярко выражена. У компаний, реализующих плановую стратегию, ранговый коэффициент корреляции для большинства факторов невысок. Наиболее значимая прямая взаимосвязь отмечена между темпом роста выручки и группой финансовых факторов (коэффициент корреляции 0,65), а также между темпом роста капитализации и агрегированным операционным фактором (коэффициент корреляции 0,65) (табл. 5). То есть чем выше показатели, характеризующие финансовые факторы стратегии корпорации, тем выше темп роста её выручки. Высокие операционные показатели (масштаб деятельности, доля рынка, динамика развития и другие) положительно влияют на рост рыночной капитализации компании. Тесная обратная зависимость наблюдается между

темпом роста чистой прибыли и внешними (отраслевыми) факторами. Подобная картина прослеживалась во всех предыдущих этапах исследования. Объяснение этому дано выше. Отметим, что почти для всех показателей эффективности в компаниях с плановой и процессной стратегией характерна отрицательная взаимосвязь с группой внешних факторов, что также было получено на предыдущих этапах исследования.

Этап 5. Исследование влияния факторов на показатели эффективности стратегии корпораций, сгруппированных по соответствию заявленного и реализуемого типа стратегии.

На данном этапе исследования проводилась оценка конгруэнтности официально заявленной и реализуемой на практике стратегии компаний. Для данной выборки компаний соответствие между заявленной и реализуемой стратегией установлено в 8 из 12 случаев. У четырёх компаний между двумя «видами» стратегий соответствие отсутствует. Между типами стратегий данная выборка распределилась поровну: «плановая—плановая» — четыре компании, «процессная—процессная» — четыре компании.

Результаты анализа взаимосвязи между показателями эффективности и факторами стратегий представлены в табл. 6. На данном этапе анализа была получена более тесная взаимосвязь, и она прослеживается в большем числе пар «показатель эффективности — фактор».

При этом для плановой стратегии результаты почти не изменились по сравнению в предыдущим этапом. Наиболее высокие значения рангового коэффициента корреляции отмечены в паре «темп роста выручки — финансовые факторы» (0,62). Однако между темпом роста прибыли и операционными факторами взаимосвязь

Таблица 5
Table 5

Матрица корреляций факторов стратегии и показателей её эффективности у компаний в разрезе типов реализуемых стратегий
Correlation of strategy factors and indicators of its effectiveness for companies in the context of types of implemented strategies

Тип стратегии / Факторы		Темп роста выручки от продаж, 2020 г.	Темп роста чистой прибыли, 2020 г.	Темп роста капитализации, 2020 г.
плановая	Финансовые факторы	0,65	0,20	0,42
	Операционные факторы	0,49	0,11	0,65
	Внешние факторы	-0,42	-0,83	-0,45
процессная	Финансовые факторы	0,07	0,92	0,02
	Операционные факторы	-0,04	0,46	0,43
	Внешние факторы	-0,97	0,12	-0,47

Матрица корреляций факторов стратегии и показателей её эффективности у компаний (заявленный и реализуемый тип стратегии совпадают)
Correlation of strategy factors and indicators of its effectiveness in companies
(the declared and implemented type of strategy coincide)

Тип стратегии / Факторы		Темп роста выручки от продаж, 2020 г.	Темп роста чистой прибыли, 2020 г.	Темп роста капитализации, 2020 г.
плановая — плановая	Финансовые факторы	0,62	-0,05	0,35
	Операционные факторы	0,04	-0,67	0,40
	Внешние факторы	0,14	-0,89	0,22
процессная — процессная	Финансовые факторы	0,73	0,81	0,80
	Операционные факторы	-0,06	0,73	0,51
	Внешние факторы	-0,97	-0,59	-0,21

отрицательная (коэффициент корреляции равен составляет $-0,67$).

Для группы корпораций с процессной стратегией тесная прямая взаимосвязь отмечена для всех показателей эффективности с группой финансовых факторов. Это даёт нам право утверждать, что для корпораций, более чётко выделяющих направления и процессы своего стратегического развития, высокую роль в достижении эффективности играет благоприятное финансовое состояние (финансовая устойчивость, ликвидность, рентабельность и т. д.). Также тесная прямая зависимость отмечена между темпом роста чистой прибыли и операционными показателями (коэффициент ранговой корреляции равен $0,73$). Похожую картину мы наблюдали при анализе компаний с заявленной процессной стратегией.

Гипотеза об отрицательной взаимосвязи внешних факторов стратегии и показателей её эффективности подтвердилась и в рамках данного этапа анализа. Наиболее высокая обратная зависимость отмечена в группе компаний с процессной стратегией между показателем роста выручки и внешними факторами ($-0,97$). Также тесная зависимость наблюдается в группе компаний с плановым типом стратегии — между внешними факторами и темпом роста чистой прибыли ($-0,89$).

Полученные на каждом этапе исследования результаты позволили сделать важные выводы относительно значимости тех или иных факторов стратегии для достижения её эффективной реализации.

Выводы

В результате проведённого анализа взаимосвязи экономических факторов и показателей эффективности стратегий российских крупнейших

компаний были сформулированы следующие выводы:

Во-первых, в целом по всей выборке корпораций взаимосвязь между факторами и показателями эффективности невысока. Это указывает на наличие специфики в исследуемом вопросе, которая выражается в дифференциации компаний по типу стратегий. В общей группе компаний достаточно тесная взаимосвязь была установлена только в одном случае из девяти: обратное влияние факторов внешней среды на рост выручки компаний.

Во-вторых, отраслевая специфика, как было выявлено, не оказывает существенного влияния. Дифференциация компаний по отраслям и анализ каждой из отраслей по отдельности не привели к существенному увеличению степени влияния факторов внутренней и внешней среды на показатели эффективности компаний.

В-третьих, дифференциация компаний по типу стратегии позволила получить более высокие показатели корреляции. Наиболее высокие показатели при этом были получены в группе компаний с заявленной процессной стратегией. У компаний с заявленной плановой стратегией взаимосвязь факторов и показателей эффективности также осталась на низком уровне. Тот же анализ в группе компаний с типом стратегии, выявленным по результатам опроса работников (реальная стратегия), не привёл к существенному изменению результатов.

В-пятых, конгруэнтность деятельности компании официально заявленной стратегии приводит к более высокой зависимости факторов и показателей эффективности. То есть компания имеет возможность влиять на свои результаты посредством изменения факторов в ту или иную

сторону. При этом в группе компаний с процессуальной стратегией отчётливо проявляется тенденция обратной зависимости факторов внешней среды и показателей роста эффективности компаний. Возникает гипотеза о том, что в условиях быстро меняющейся динамичной (и даже неустойчивой) среды отдельные компании могут достигать более высоких результатов при условии реализации стратегии процессного типа (более конкретной, с чётким пониманием путей роста и выстраиванием процесса в соответствии с ними). Проверка данной гипотезы будет сделана на дальнейших этапах исследования.

Кроме того, предложенный в статье эмпирический подход к анализу факторов стратегий ком-

паний в дальнейшем будет развит в следующих направлениях:

- Расширение выборки компаний из ведущих отраслей экономики России.
- Применение предложенной методики анализа для более мелких компаний из развивающихся или формирующихся отраслей экономики.
- Включение в анализ компаний с другими типами стратегий (идеологической, адаптивной, формирования).
- Включение в исследование более широкого перечня показателей эффективности, таких как производительность труда, рост величины активов, инновационная активность, индикаторы информационной трансформации.

Список источников

1. Mintzberg H., Waters, J. A. Of Strategies, Deliberate and Emergent // *Strategic Management Journal*. 1985. No. 6 (3). P. 257–272.
2. Miles R., Snow C. *Organizational strategy, structure and process*. New York : McGraw-Hill, 1978.
3. Reeves M., Love C., Tillmanns P. Your Strategy Needs a Strategy. *Harvard Business Review*, September 2012.
4. Gurkov I. Strategy process as formulation and realization of corporate goals: The synthesis of surveys in Russian firms // *Journal of East European Management Studies*. 2009. No. 14 (1). Pp. 48–64.
5. Плетнёв Д. А., Николаева Е. В., Козлова Е. В. Типология официальных стратегий крупных российских корпораций // *Устойчивое развитие цифровой экономики и кластерных структур: теория и практика* : монография. СПб. : Политех-пресс, 2020. С. 300–321.
6. Николаева Е. В., Плетнёв Д. А., Козлова Е. В. Идентификация стратегий российских корпораций: маркеры и результаты // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. 2021. Т. 14, № 3. С. 73–85. DOI: 10.18721/JE.14306
7. Алейникова А. И., Лымарева О. А. Факторы, влияющие на выбор конкурентной стратегии предприятия // *Экономика и менеджмент инновационных технологий*. 2016. № 6.
8. Карлоф Б. *Деловая стратегия: Концепция. Содержание. Символы*. М. : Экономика, 1991. 238 с.
9. Пейл Ж. *Реальная стратегия. Как планировать только то, что можно воплотить*. М. : Альпина Паблишер, 2021. 371 с.
10. Khan M. W., Khalique M. Strategic Planning and Reality of External Environment of Organizations in Contemporary Business Environments // *Sustainability & Economics eJournal*. 2014.
11. Chi T., Kilduff P. D., Gargeya V. B. Alignment between business environment characteristics, competitive priorities, supply chain structures, and firm business performance // *International Journal of Productivity and Performance Management* 2009. № 58 (7). P. 645–669. Made available courtesy of Emerald Group Publishing Limited: <http://dx.doi.org/10.1108/17410400910989467>
12. Nguyen P., Nguyen N. T. Using optimization algorithms of DEA and Grey system theory in strategic partner selection: An empirical study in Vietnam steel industry // *Cogent Business & Management*. 2020. № 7 (1). P. 1832810. doi:10.1080/23311975.2020.1832810.
13. Badir Y. F., Frank B., Bogers M. Employee-level open innovation in emerging markets: linking internal, external, and managerial resources // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2019. doi:10.1007/s11747-019-00674-6.
14. Amoo N., Hiddlestone-Mumford J., Ruzibuka J., Akwei C. Conceptualizing and measuring strategy implementation: A multidimensional view // *Strategic Change*. 2019. No. 28 (6). P. 445–467.
15. Hernaus T., Vuksic V. B., Štemberger M. I. How to go from strategy to results? Institutionalising BPM governance within organisations // *Business Process Management Journal*. 2016. No. 22 (1). P. 173–195.
16. Pletnev D., Nikolaeva E. Pandemic Stress-test for Russian Corporations: Industry and Strategy Type Differences // *Lecture Notes in Management and Industrial Engineering*. Springer Nature (в печати).

References

1. Mintzberg H, Waters JA. Of Strategies, Deliberate and Emergent. *Strategic Management Journal*. 1985;(6);257-272.
2. Miles R, Snow C. Organizational strategy, structure and process. New York McGraw-Hill, 1978.
3. Reeves M, Love C, Tillmanns P. Your Strategy Needs a Strategy. *Harvard Business Review*, September 2012.
4. Gurkov I. Strategy process as formulation and realization of corporate goals: The synthesis of surveys in Russian firms. *Journal of East European Management Studies*. 2009;(14):48-64.
5. Pletnyov DA, Nikolaeva EV, Kozlova EV. Tipologiya oficial'nyh strategij krupnyh rossijskih korporacij. Ustoichivoe razvitie cifrovoj ekonomiki i klasternyh struktur: teoriya i praktika: monografiya. St. Petersburg, POLITEKH-PRESS; 2020. (In Russ.).
6. Nikolaeva EV., Pletnyov D. A., Kozlova E. V. Identifikaciya strategij rossijskih korporacij: markery i rezul'taty. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki*. 2021;14(3):73-85. (In Russ.) DOI: 10.18721/JE.14306
7. Alejnikova AI, Ly'mareva OA. Faktory, vliyayushhie na vy'bor konkurentnoj strategii predpriyatiya. *E'konomika i menedzhment innovacionny'x tehnologij*. 2016;(6). (In Russ.).
8. Karlof B. Delovaya strategiya: Konceptsiya. Soderzhanie. Simvoly. Moscow; E'konomika; 1991. 238 p. (In Russ.).
9. Pejl Zh. Real'naya strategiya. Kak planirovat' tol'ko to, chto mozhno voplotit'. Moscow, Al'pina Publisher; 2021. 371 p. (In Russ.).
10. Khan MW., Khaliq M. Strategic Planning and Reality of External Environment of Organizations in Contemporary Business Environments. *Sustainability & Economics eJournal*, 2014.
11. Chi T, Kilduff PD, Gargeya VB. Alignment between business environment characteristics, competitive priorities, supply chain structures, and firm business performance. *International Journal of Productivity and Performance Management*. 2009;(58):645-669. Made available courtesy of Emerald Group Publishing Limited: <http://dx.doi.org/10.1108/17410400910989467>
12. Nguyen P, Nguyen NT. Using optimization algorithms of DEA and Grey system theory in strategic partner selection: An empirical study in Vietnam steel industry. *Cogent Business & Management*. 2020;(7):1832810. doi:10.1080/23311975.2020.1832810.
13. Badir YF, Frank B, Bogers M. Employee-level open innovation in emerging markets: linking internal, external, and managerial resources. *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2019. doi:10.1007/s11747-019-00674-6.
14. Amoo N, Hiddlestone-Mumford J, Ruzibuka J, Akwei C. Conceptualizing and measuring strategy implementation: A multidimensional view. *Strategic Change*. 2019;(28):445-467.
15. Hernaus T, Vuksic VB, Štemberger MI. How to go from strategy to results? Institutionalising BPM governance within organisations. *Business Process Management Journal*. 2016;(22):173-195.
16. Pletnev D, Nikolaeva E. Pandemic Stress-test for Russian Corporations: Industry and Strategy Type Differences. *Lecture Notes in Management and Industrial Engineering*. Springer Nature (in press).

Информация об авторе

Е. В. Николаева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

E. V. Nikolaeva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 05.03.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 05.03.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.43

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10412

ОРГАНИЧЕСКОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Денис Геннадьевич Галкин

Алтайский государственный аграрный университет, Барнаул, Россия, gennadichu@mail.ru, ORCID 0000-0001-5701-0734

Аннотация. Основной проблемой сельского хозяйства является поиск компромисса между (1) обеспечением продовольственной безопасности и (2) минимальным негативным воздействием на окружающую среду. В настоящее время первую задачу призвано решить традиционное сельское хозяйство, вторую — органическое. Для выявления наиболее устойчивого вида сельского хозяйства актуально сопоставление их экономических аспектов. При сопоставлении применён метод аналогии. Для оценки динамики спроса на органические продукты и ресурсов для их производства проанализирован массив данных Научно-исследовательского института органического сельского хозяйства (FiBL), Международной федерации движений за органическое сельское хозяйство (IFOAM), Национального органического союза и Союза органического земледелия. Цель исследования: выявление преимуществ и возможностей органического сельского хозяйства, условий его долгосрочной устойчивости. Рассматриваемая проблема: выбор наиболее подходящего вида сельского хозяйства для решения основных задач отрасли. Исследование показало, что драйвером развития органического сельского хозяйства в развитых странах является потребительский спрос и ряд положительных экстерналий, при этом сдерживающими факторами широкого распространения данного вида являются высокая цена на продукцию, снижение уровня продовольственной безопасности стран, необходимость увеличения затрат на исследования и разработки специфических технологий. В краткосрочном периоде продолжит доминировать традиционное сельское хозяйство за счёт более высокой производительности. Органическое сельское хозяйство при увеличении затрат на исследования и внедрении новшеств может составить конкуренцию традиционному в долгосрочном периоде.

Ключевые слова: органическое сельское хозяйство, рынок, устойчивость, экстерналии

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии в рамках научного проекта № 19-510-44011 Монг_т

Для цитирования: Галкин Д. Г. Органическое и традиционное сельское хозяйство: сравнительная экономика // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 123–130. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10412

Original article

ORGANIC AND CONVENTIONAL AGRICULTURE: A COMPARATIVE ECONOMY

Denis G. Galkin

Altai State Agricultural University, Barnaul, Russia, gennadichu@mail.ru, ORCID 0000-0001-5701-0734

Abstract. The main problem of agriculture is finding a compromise between (1) food security and (2) minimal negative impact on the environment. Currently, the first task is called upon to solve traditional agriculture, the second — organic. To identify the most sustainable type of agriculture, it is important to compare their economic aspects. When comparing, the analogy method was used. To assess the dynamics of demand for organic products and resources for their production, data from the Research Institute of Organic Agriculture (FiBL), the International Federation of Organic Agriculture Movements (IFOAM), the National Organic Union and the Union of Organic Farming were analyzed. The purpose of the study: to identify the benefits and opportunities of organic agriculture, the conditions for its long-term sustainability. The problem under consideration: the choice of the most appropriate type of agriculture for solving the main problems of the industry. The study showed that the driver for the development of organic agriculture in developed countries is consumer demand and a number of positive externalities, while the limiting

factors for the wide distribution of this type are the high price of products, the decrease in the level of food security of countries, the need to increase the cost of research and development of specific technologies. In the short term, traditional agriculture will continue to dominate due to higher productivity. Organic agriculture, with an increase in research costs and the introduction of innovations, can compete with traditional agriculture in the long term.

Keywords: organic agriculture, market, sustainability, externalities

Funding: The study was financially supported by the RFBR and the Ministry of Culture, Education, Science and Sports of Mongolia within the framework of the scientific project no. 19-510-44011 Монг_Т

For citation: Galkin DG. Organic and conventional agriculture: a comparative economy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):123-130. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10412

Введение

По данным научно-исследовательского института органического сельского хозяйства (FiBL) спрос на органическую продукцию увеличивался в течение последних 20 лет¹, при этом в некоторых развитых странах наблюдался пик продаж (рис. 1).

Повышенный потребительский спрос стал основной причиной прогрессивного развития рынка органических продуктов питания, однако изначально концепция органического сельского хозяйства возникла как реакция на интенсификацию отрасли и вызванные ею экологические проблемы. Стоит отметить, что многие сторонники органического сельского хозяйства разделяют критику его низкой продуктивности и идею внедрения новшеств [10]. При этом сторонники интенсификации сельского хозяйства согласны с возникновением отрицательных экстерналий.

Современному сельскому хозяйству необходимо решить одновременно две задачи. С одной стороны, обеспечить продовольственную безопасность, с другой — свести к минимуму негативное влияние на окружающую среду. Это возмож-

но при объединении преимуществ органического и традиционного сельского хозяйства, но возникает проблема сглаживания их недостатков. Исследование посвящено сравнению традиционного и органического сельского хозяйства, выявлению их преимуществ, угроз и возможностей. Это необходимо для выявления того вида сельского хозяйства, который обладает большим потенциалом для решения поставленных задач.

Основная задача исследования заключается в выявлении преимуществ и возможностей органического сельского хозяйства, условий его долгосрочной устойчивости.

Материалы и методы исследования

Исследование основано преимущественно на синтезе знаний об органическом сельском хозяйстве. Под синтезом подразумевается всесторонний обзор научной литературы, выявление факторов, оказывающих влияние на развитие рассматриваемого сектора в краткосрочном и долгосрочном периодах. Научная абстракция применена при определении наиболее важных аспектов развития органического сельского хозяйства. В статье выделены шесть блоков, касающихся угроз и возможностей развития органического сельского хозяйства. Метод аналогий применён при сопоставлении органического и тра-

¹ Research Institute of Organic Agriculture (FiBL) (<https://statistics.fibl.org/>).

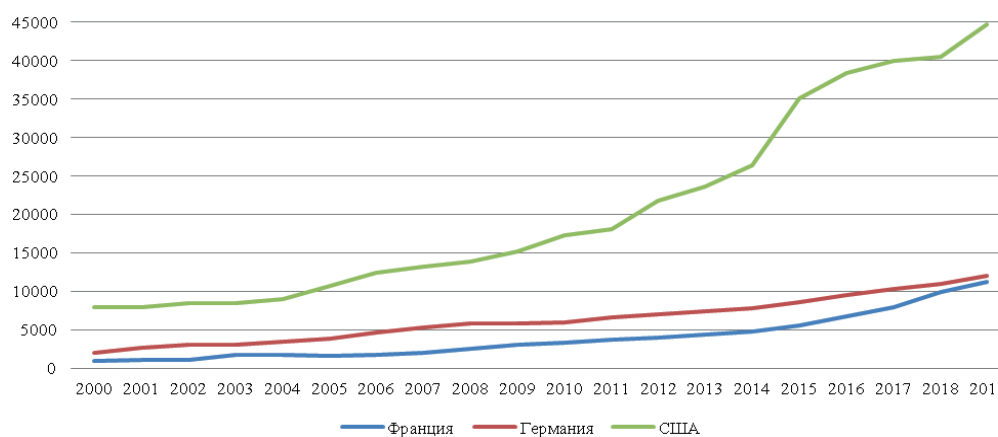

Рис. 1. Объём розничных продаж органической продукции, млн евро (Составлено по данным FiBL)

Fig. 1. Volume of retail sales of organic products, million euros (Compiled according to FiBL data)

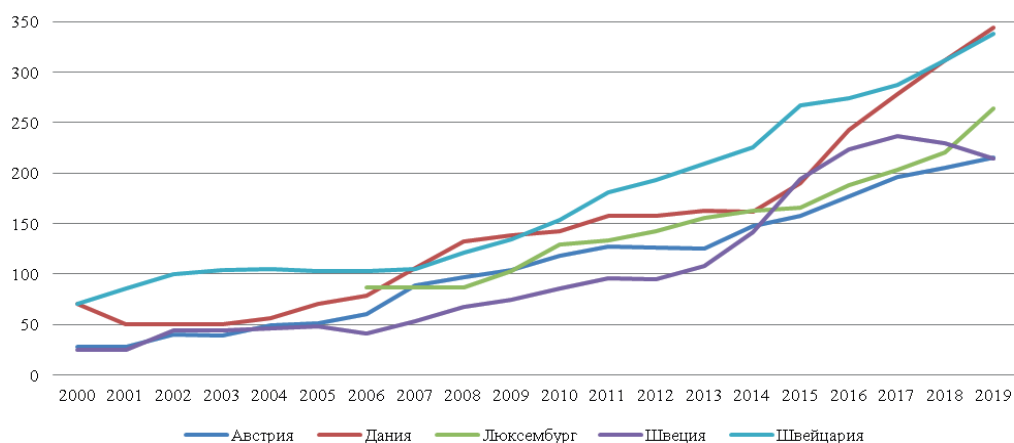

Рис. 2. Потребление органических продуктов, евро/чел. (Составлено по данным Fibl)

Fig. 2. Consumption of organic products, euro/person. (Compiled according to Fibl)

традиционного сельского хозяйства в рамках каждого из шести блоков. Выделены преимущества и недостатки органического сельского хозяйства относительно традиционного. Блоки 1–4 важны для понимания условий развития органического сельского хозяйства в краткосрочном периоде, блоки 4–6 — в долгосрочном. Блок 4 является пограничным и позволяет понять процесс перехода от краткосрочного периода к долгосрочному.

Применение указанных методов и выбранная структура результатов исследования позволяет выявить положительные и отрицательные стороны рассматриваемых видов сельского хозяйства по отношению к обществу, а также обозначить условия долгосрочной устойчивости органического сельского хозяйства.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Концепция органического сельского хозяйства

Органическое сельское хозяйство основано на сочетании экологических принципов с продуктивностью [4; 14] и оказывает влияние на биоразнообразие, климат, благополучие человека [7]. Органическая продукция должна соответствовать определённым стандартам для реализации в различных странах, например, стандартам ЕС (Регламент 848/2018), США (USDA ORGANIC) или ГОСТ 33980-2016 «Продукция органического производства. Правила производства, переработки, маркировки и реализации»¹. Производители органической продукции заявляют, что их продукция полезна для здоровья человека [9], что приводит к постоянно растущему спросу со стороны потребителей в странах с высокими среднедушевыми доходами (рис. 2).

По данным Fibl, наиболее растущими рынками

¹ Национальный органический союз (<https://rosorganic.ru/>).

органической продукции являются рынки США и стран ЕС. Данные страны являются крупными импортёрами органической продукции (рис. 3). Значительный объём импорта может быть связан с ввозом специфической продукции плодовых многолетних насаждений, а также с ограниченностью ресурсов для производства органического продовольствия.

2. Альтернативные издержки производства органической продукции

Проблема экономического выбора базируется на концепции альтернативных издержек, которые отражают затратную сторону принятия решения. Альтернативными издержками органического сельского хозяйства выступают ресурсы для производства неорганической продукции. Опубликованные результаты исследований показывают, что общая разница в урожайности органических и неорганических культур составляет 20–25 % в пользу последних [11]. Таким образом, при прочих равных условиях валовой сбор органических сельскохозяйственных культур будет ниже на 20–25 %, то есть альтернативными издержками производства 1 т неорганических культур являются 3/4 т органических. С учётом этого возникает закономерный вопрос о продовольственной безопасности. Более низкая урожайность и валовой сбор органических сельскохозяйственных культур являются основной причиной сомнения устойчивости рассматриваемой концепции в краткосрочном периоде. Можно предположить, что некоторые страны не заинтересованы в развитии концепции органического сельского хозяйства из-за меньших объёмов производства продовольствия.

3. Цена на органическую продукцию

В таблице представлены данные национального отчёта о розничной торговле органической

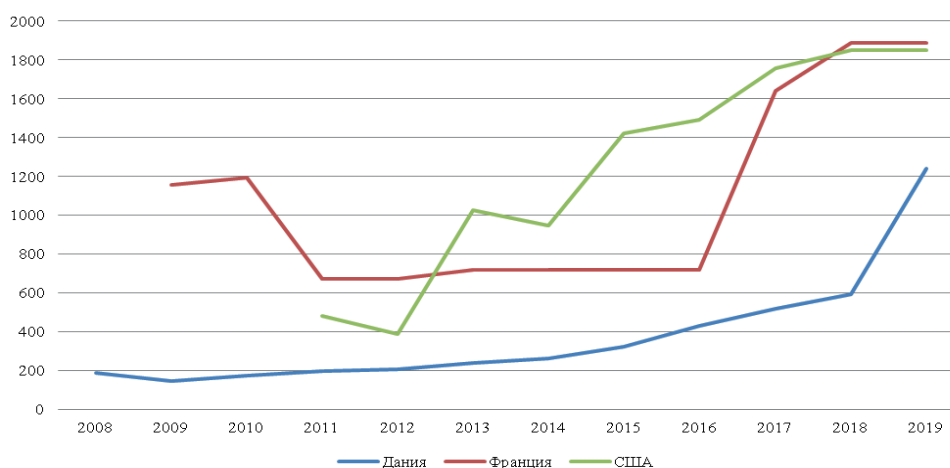

Рис. 3. Импорт органической продукции, млн евро (Составлено по данным Fibl)

Fig. 3. Import of organic products, million euros (Compiled according to Fibl)

Цены на органическую и неорганическую продукцию в США, январь 2022 г. Prices for organic and non-organic products in the USA, January 2022

Продукция	Цена на неорганическую продукцию, долл.	Цена на органическую продукцию, долл.	Отклонение цен на органическую продукцию, %
Яблоки (Гала), фунт	1,71	1,87	+9,36
Салат (смешанный), 5–9 унций	2,99	3,38	+13,04
Картофель (простой), 5 фунтов	1,99	2,98	+49,75
Говядина (вырезка), фунт	4,99	8,99	+80,16
Мороженое, 48–64 унции	3,99	5,99	+50,13

Составлено по данным ESMIS.

и неорганической продукцией Министерства сельского хозяйства США (ESMIS)¹.

В качестве примера выбраны доступные данные о ценах на некоторые виды продукции. Наименьшее отклонение цен наблюдается у плодов многолетних насаждений, наибольшее — в переработке продукции животноводства. Производство продукции в соответствии с органическими стандартами привлекательно для потребителей, и они готовы платить больше за это преимущество. Также разница цен может быть связана с более высокими производственными издержками в органическом сельском хозяйстве. По данным Ассоциации органической торговли США, доходность производства и реализации органической продукции выше аналогичной доходности продукции, произведённой традиционным способом². Таким образом, ценовые надбавки за экологичность продукции позволяют компенсировать более высокие технологические

затраты и являются основным мотивом для производства органической продукции в частном секторе. С другой стороны, значительная часть продовольствия является социально значимым и в краткосрочном периоде государство может быть не заинтересовано в перераспределении ресурсов для поддержки развития органического сельского хозяйства, особенно на внутреннем рынке.

4. Распространение органического сельского хозяйства в пространстве

Несмотря на то, что органическое сельское хозяйство появилось достаточно давно, в современном мире оно взаимодействует с внешней средой и его методы постоянно совершенствуются с учётом научных знаний, результатов исследований и разработок. Поэтому современное органическое сельское хозяйство не является консервативной концепцией. Основная цель этой концепции — устойчивость (социальная, экономическая и экологическая). В некоторых исследованиях органическое сельское хозяйство рассматривается как социальная инновация, поскольку направлено на изменение отношений между производителем

¹ USDA Economics, Statistics and Market Information System (ESMIS) (<https://usda.library.cornell.edu/concern/publications/>).

² Organic Trade Association (<https://ota.com/>).

лями и окружающей средой, а также изменение отношения потребителей к продовольствию [12]. Производители органической продукции обладают большей сплочённостью и лучшими коммуникациями, во многих странах новаторами созданы сообщества производителей органической продукции в форме союзов или кооперативов. Новаторы, как правило, имеют высокий уровень образования и лучше информированы относительно последователей [5].

Для органического сельского хозяйства характерны некоторые принципы пространственной диффузии инноваций [12], под которой понимается распространение инноваций от центра к периферии [16]. С учётом этого можно предположить, что данная теория применима к отрасли, а органическое сельское хозяйство может рассматриваться в качестве новшества [12]. Согласно теории пространственной диффузии инноваций центр зарождения органического сельского хозяйства зависит от инновационного потенциала территории. Производители органической продукции размещены преимущественно в центральных регионах России [5; 19]. Это может быть связано с ориентацией на платёжеспособный спрос внутреннего или мирового рынков [1]. Многие из них являются дочерними организациями агропромышленных холдингов или вновь созданными организациями как одно из направлений диверсификации. Такое размещение производств органической продукции соответствует модели пространственной диффузии инноваций, на первой стадии которой наблюдается контраст между центром и периферией. Далее можно ожидать распространения технологий, образование быстро развивающихся центров. На следующем этапе возможно увеличение производителей органической продукции во всём пространстве.

5. *Объём затрат на исследования и разработки в органическом сельском хозяйстве*

Европейские союзы производителей органической продукции считают, что основной проблемой органического сельского хозяйства являются недостаточные темпы прироста объёмов производства. Если текущий прирост на уровне 5 % в год сохранится до 2050 г., доля органического сельского хозяйства останется незначительной и задача по снижению неблагоприятного воздействия отрасли на окружающую среду не будет решена. Для решения указанной задачи европейским сообществом производителей представлены основные функции новой фазы

развития органического сельского хозяйства «Органик 3.0»:

1) сочетание традиций и новых технологий, оценка их совмещения с точки зрения преимуществ и рисков;

2) применение разнообразных способов обеспечения прозрачности производства органической продукции;

3) распространение интересов устойчивого развития за счёт альянсов с движениями (союзами), которые разделяют идеи здорового питания и органического сельского хозяйства;

4) реальный учёт затрат и выгод при производстве органической продукции, чтобы обеспечить прозрачность для потребителей и политиков [10].

Стоит отметить, что расходы на исследования специфических технологий для производства органического продовольствия составляют менее 1 % частных и государственных бюджетов [9]. Новшества для органического сельского хозяйства в большей степени создаются частным сектором экономики. С учётом существующей минимальной поддержки исследований и разработок органическое сельское хозяйство может обладать значительными резервами повышения продуктивности в будущем. К приоритетным направлениям исследований относят:

- возможности повышения плодородия почвы;
- улучшение севооборотов;
- селекцию сельскохозяйственных культур, нацеленную на специфическую среду органических сельскохозяйственных систем и повышение устойчивости к вредителям;
- профилактику и лечение заболеваний животных [9].

6. *Положительные экстерналии органического сельского хозяйства*

Органическое сельское хозяйство способствует появлению внешних положительных эффектов в большей степени, чем традиционное. Рассматриваемые виды производства сельскохозяйственной продукции сопоставляют как по экономическому критерию, так и воздействию на окружающую среду [3].

6.1. *Биоразнообразие*

Стоит отметить, что экосистемные услуги сложно поддаются количественной оценке. Например, традиционное сельское хозяйство системно воздействует на полезных насекомых-опылителей и точная количественная оценка такого воздействия представляется достаточно сложной. Естественные пастбища в органическом

сельском хозяйстве обладают биоразнообразием и высокой степенью долгосрочной устойчивости. Органическое сельское хозяйство увеличивает биоразнообразие сельскохозяйственных ландшафтов и прилегающих к ним территорий на 30 % по сравнению с традиционным [13]. Наибольший положительный эффект органическое сельское хозяйство оказывает на дикорастущие растения и насекомых-опылителей.

6.2. Влияние органического сельского хозяйства на окружающую среду

Доля мирового сельского хозяйства в выбросе парниковых газов составляет 20–30 %. В России наблюдается низкий уровень суммарных выбросов парниковых газов сельского хозяйства относительно других секторов. Основными источниками выброса являются закиси азота от сельскохозяйственных почв и метана при внутренней ферментации сельскохозяйственных животных. Основной потенциал смягчения последствий изменения климата заключается в способности сельскохозяйственных почв улавливать CO₂ за счёт создания органических веществ [15]. В органическом производстве севооборот и диверсификация являются наиболее часто используемыми средствами борьбы с вредителями и болезнями. Ограниченное использование пестицидов и минеральных удобрений в органическом сельском хозяйстве способствует более разнообразным севооборотам для фиксации азота. Выбросы парниковых газов на гектар в органическом сельском хозяйстве ниже, чем в традиционном, но не всегда ниже на единицу продукции из-за более низкой урожайности последнего [8].

6.3. Влияние органического сельского хозяйства на здоровье человека

Базовым принципом органического сельского хозяйства является принцип здоровья, согласно которому здоровье человека и общества связаны с состоянием окружающей среды. Производство органической продукции призвано уменьшить негативное влияние на здоровье человека стимуляторов роста, ветеринарных препаратов и пищевых добавок для животных, минеральных удобрений и пестицидов [14]. Органические стандарты сводят к минимуму применение этих веществ. Производители органической продукции заявляют, что их продукция укрепляет и сохраняет здоровье общества в целом [10]. Такая продукция способствует снижению уровня заболеваемости населения и увеличению средней продолжительности жизни. Лучшее состояние здоровья общества позволяет экономить на содержании лечеб-

но-оздоровительных учреждений и снижать размер трансфертов. При этом общество само поддерживает и укрепляет уровень здоровья без дополнительного вмешательства государства. Также общество обладает более высоким уровнем деловой активности и, следовательно, более высокой производительностью труда.

6.4. Адаптация к последствиям изменения климата

Исследования показывают, что без стратегий адаптации к последствиям климатических изменений сельскому хозяйству может быть нанесён значительный экономический ущерб [15]. В настоящее время возможно компенсировать потери сектора различными адаптационными мерами: диверсификация культур и изменение сроков технологических операций (посадки или севооборотов), институциональные изменения (меры правительства), технологические разработки [2; 6]. Указанные направления являются универсальными и могут быть основой адаптации традиционного и органического сельского хозяйства к изменениям климата. Однако адаптация отрасли к экстремальным погодным явлениям, например, засухе, возможна за счёт применения методов, которые обычно встречаются в органическом земледелии. Ключевым преимуществом органического сельского хозяйства является способность к образованию гумуса [15]. Увеличение органического вещества в почве позволяет повысить плодородие за счёт влагоудерживающей способности. Этот инструмент является ключевым для снижения производственных рисков, связанных с экстремальными погодными явлениями [15].

Заключение

Органическому сельскому хозяйству значительное внимание уделяется со стороны потребительского спроса. По данным FiBL, в некоторых странах ЕС (Дания, Франция) органическая продукция вытесняет традиционную и может стать мейнстримом. В развивающихся странах органическое сельское хозяйство ещё не воспринимается как целостная стратегия развития отрасли. Это связано с более высокими ценами на продукцию и более низкой продуктивностью. Однако органическое сельское хозяйство обладает положительными экстерналиями в отличие от традиционного.

Опыт развитых стран показывает совместное существование традиционного и органического сельского хозяйства, однако переход от традиционного производства к органическому вызывает значительные трудности. Переходный период объединяет недостатки двух видов производ-

ства: с одной стороны, организации сталкиваются с более высокой трудоёмкостью и более низкой урожайностью, с другой — ещё не получают ценовую надбавку за экологичность продукции.

Сопоставление рассматриваемых видов сельского хозяйства отражает компромисс между производством доступного продовольствия и положительным воздействием на окружающую среду. При этом развитие органического сельского хозяйства в краткосрочном периоде во многом зависит от платёжеспособного спроса и поддержки органов власти. Сопоставляя объём затрат на ис-

следования и разработки в органическом и неорганическом сельском хозяйстве, можно предположить, что именно органическое обладает наибольшими резервами повышения продуктивности. Мировой опыт показывает, что ни один вид деятельности не может развиваться прогрессивно без повышения производительности, поэтому основными условиями обеспечения долгосрочной устойчивости органического сельского хозяйства станут увеличение объёма затрат на исследования и внедрение новшеств.

Список источников

1. Allaire G., Poméon T., Maigné E., Cahuzac E., Simioni M., Desjeux Y. Territorial analysis of the diffusion of organic farming in France: Between heterogeneity and spatial dependence // *Ecological Indicators*. 2015. Vol. 59. P. 70–81.
2. Cohn A. S. [et al.] Northrop S. Smallholder agriculture and climate change // *Annual Review of Environment and Resources*. 2017. Vol. 42, no. 1. P. 347–375.
3. Durham T. C., Mizik T. Comparative Economics of Conventional, Organic, and Alternative Agricultural Production Systems // *Economies*. 2021. Vol. 9, no. 2. P. 1–22.
4. Galkin D. G., Pospelova I. N., Organic food production: search for territories and types of organizations // *IOP Conf. Ser.: Earth and Environmental Science*. 2021. Vol. 677, no. 2.
5. Gracheva R. G., Sheludkov A. V. Diffusion of Organic Agriculture in Russia: Features and Implications for Rural Development // *Reg. Res. Russ.* 2021. Vol. 11. P. 578–588.
6. Harvey C. A., Saborio-Rodríguez M., Martínez-Rodríguez M. R., Viguera B., Chain-Guadarrama A., Vignola R., Alpizar F. Climate change impacts and adaptation among smallholder farmers in Central America // *Agriculture & Food Security*. 2018. Vol. 7, no. 1. P. 1–20.
7. Jespersen L. M., Baggesen D. L., Fog E. et al. Contribution of organic farming to public goods in Denmark // *Org. Agr.* 2017. Vol. 7. P. 243–266.
8. Knudsen M. T., Hermansen J. E., Halberg N., Andreasen L., Williams A. Life cycle assessment of organic food and farming systems: methodological challenges related to greenhouse gas emissions and carbon sequestration // *FAO: Agriculture and Climate change mitigation. A report of the round table on organic agriculture and climate change*. 2011. P. 33–60.
9. Niggli U. Sustainability of organic food production: Challenges and innovations // *Proceedings of the Nutrition Society*. 2015. Vol. 74, no. 1. P. 83–88.
10. Rahmann G., Reza Ardakani M., Bàrberi P. et al. Organic Agriculture 3.0 is innovation with research // *Organic Agriculture*. 2017. Vol. 7. P. 169–197.
11. Seufert V., Ramankutty N. Foley J. A. Comparing the yields of organic and conventional agriculture // *Nature*. 2012. Vol. 485. P. 229–232.
12. Tomaš-Simin M., Jankovic D. Applicability of diffusion of innovation theory in organic agriculture // *Ekonomika poljoprivrede*. 2017. Vol. 61. P. 517–529.
13. Tuck S. L., Winqvist C., Mota F., Ahnström J., Turnbull L. A., Bengtsson J. Land-use intensity and the effects of organic farming on biodiversity: a hierarchical meta-analysis // *Journal of Applied Ecology*. 2014. Vol. 51, no. 3. P. 746–755.
14. Галкин Д. Г. Механизм управления развитием производства экологически чистого продовольствия // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2018. № 3 (413). Экономические науки. Вып. 60. С. 61–69.
15. Галкин Д. Г. Направления адаптации сельского хозяйства к последствиям глобальных климатических изменений // *Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова*. 2021. № 2 (116). С. 13–20.
16. Тесленок К. С., Тесленок С. А. Пространственно-временной анализ диффузии инноваций в сельском хозяйстве // *ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий : материалы международной конференции*. 2020. Т. 26, ч. 3. С. 147–158.

References

1. Allaire G, Poméon T, Maigné E, Cahuzac E, Simioni M, Desjeux Y. Territorial analysis of the diffusion of organic farming in France: Between heterogeneity and spatial dependence. *Ecological Indicators*. 2015;59:70-81.
2. Cohn AS, Newton P, Gil JD, Kuhl L, Samberg L, Ricciardi V, etc. Smallholder agriculture and climate change. *Annual Review of Environment and Resources*. 2017;42(1):347-375.
3. Durham TC, Mizik T. Comparative Economics of Conventional, Organic, and Alternative Agricultural Production Systems. *Economies*. 2021;9(2):1-22.
4. Galkin DG, Pospelova IN. Organic food production: search for territories and types of organizations. In: IOP Conf. Ser.: Earth and Environmental Science. 2021;677(2).
5. Gracheva RG, Sheludkov AV. Diffusion of Organic Agriculture in Russia: Features and Implications for Rural Development. *Reg. Res. Russ*. 2021;11:578-588.
6. Harvey CA, Saborio-Rodríguez M, Martínez-Rodríguez MR, Viguera B, Chain-Guadarrama A, Vignola R, Alpizar F. Climate change impacts and adaptation among smallholder farmers in Central America. *Agriculture & Food Security*. 2018;7(1):1-20.
7. Jespersen LM, Baggesen DL, Fog E, etc. Contribution of organic farming to public goods in Denmark. *Org. Agr*. 2017;7:243-266.
8. Knudsen MT, Hermansen JE, Halberg N, Andreasen L, Williams A. Life cycle assessment of organic food and farming systems: methodological challenges related to greenhouse gas emissions and carbon sequestration. In: FAO: Agriculture and Climate change mitigation. A report of the round table on organic agriculture and climate change. 2011. P. 33–60.
9. Niggli U. Sustainability of organic food production: Challenges and innovations. *Proceedings of the Nutrition Society*. 2015;74(1):83-88.
10. Rahmann G, Reza Ardakani M, Bärberi P, etc. Organic Agriculture 3.0 is innovation with research. *Organic Agriculture*. 2017;7:169-197.
11. Seufert V, Ramankutty N, Foley JA. Comparing the yields of organic and conventional agriculture. *Nature*. 2012;485:229-232.
12. Tomas-Simin M, Jankovic D. Applicability of diffusion of innovation theory in organic agriculture. *Ekonomika poljoprivrede*. 2017;61:517-529.
13. Tuck SL, Winqvist C, Mota F, Ahnström J, Turnbull LA, Bengtsson J. Land-use intensity and the effects of organic farming on biodiversity: a hierarchical meta-analysis. *J. Appl Ecol*. 2014;51(3):746-755.
14. Galkin DG. The mechanism for managing the development of organic food production. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2018;(3(413):61-69 (In Russ.).
15. Galkin DG. Directions of adaptation of agriculture to the consequences of global climate change. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova = Bulletin of the Russian Economic University GV Plekhanov*. 2021;(2):13-20 (In Russ.).
16. Teslenok KS, Teslenok SA. Spatial-temporal analysis of diffusion of innovations in agriculture. *InterKarto. InterGIS. Geoinformatsionnoye obespecheniye ustoychivogo razvitiya territoriy = InterCarto. InterGIS. Geoinformation support for sustainable development of territories*. 2020;26(3):147-158 (In Russ.).

Информация об авторе

Д. Г. Галкин — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, анализа и информационных технологий.

Information about the author

D. G. Galkin — Ph. D. (Economy), associate professor of the chair “Economics, Analysis, and Information Technology”.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 03.02.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interest.

Научная статья

УДК 316.6

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10413

ПРЕДИКТОРЫ УСПЕШНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Александр Ардалионович Тараданов¹, Яна Николаевна Пахомова^{2✉},
Ирина Александровна Трушина³, Алена Геннадьевна Лисичкина⁴

^{1,2,3} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ taradanov@csu.ru, 0000-0002-6996-6300

² sizova159@yandex.ru[✉], 0000-0001-9000-7238

³ trushina_ia@mail.ru, 0000-0002-5001-5927

⁴ Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия, al1975@spartak.ru

Аннотация. Представленные в литературе исследования показывают важность родительского влияния на экономическую социализацию детей, а также различных социокультурных факторов (уровень образования, уровень физического здоровья, жизненные ценности, региональная субкультура). Целью данной работы является изучение предикторов успешной экономической социализации. В 2020–2021 гг. в Москве и Челябинске проведено исследование предикторов успешной экономической социализации населения пенсионного (средний возраст 64,5 лет) и молодёжного (22,7 лет) возрастов. У работающих респондентов все исследованные показатели благополучия выше, чем у неработающих, особенно по параметрам уверенности в росте уровня дохода, достижения жизненных целей и общей удовлетворённостью жизнью. Наиболее влиятельными предикторами успешной экономической социализации определены хорошее физическое здоровье, высшее образование, брачный союз (даже распавшийся), жизненные позиции и ценности «Мне нравится вносить что-то новое в свою деятельность» и «Для меня очень важно иметь статус обеспеченного человека». Наименее успешно экономически социализируются «ретроинтравертивные» респонденты («я нередко прокручиваю у себя в голове воспоминания», «я периодически думаю о событиях из своего прошлого», «я периодически вспоминаю прежние дни», «я периодически размышляю над тем, что происходило в моей жизни»).

Ключевые слова: предиктор, экономическая социализация, пенсионеры, молодёжь

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 19-013-00447 «Концепция экономической социализации представителей молодого и старшего поколения в стареющем обществе».

Для цитирования: Тараданов А. А., Пахомова Я. Н., Трушина И. А., Лисичкина А. Г. Предикторы успешной экономической социализации // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 131–141. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10413

Original article

PREDICTORS OF SUCCESSFUL ECONOMIC SOCIALIZATION

Alexander A. Taradanov¹, Yana N. Pakhomova^{2✉}, Irina A. Trushina³,
Alyona G. Lisichkina⁴

^{1,2,3} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ taradanov@csu.ru, 0000-0002-6996-6300

² sizova159@yandex.ru[✉], 0000-0001-9000-7238

³ trushina_ia@mail.ru, 0000-0002-5001-5927

⁴ Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, al1975@spartak.ru

Abstract. The studies presented in the literature show the importance of parental influence on the economic socialization of children, as well as various socio-cultural factors (level of education, level of physical health, life values, regional subculture). The purpose of this work is to study the predictors of successful economic socializa-

tion. In 2020–2021, a study of predictors of successful economic socialization of the retirement (average age 64.5 years) and youth (22.7 years) ages was conducted in Moscow and Chelyabinsk. Working respondents have all the studied indicators of well-being higher than non-working ones, especially in terms of confidence in income growth, achievement of life goals and overall life satisfaction. The most influential predictors of successful economic socialization are good physical health, higher education, marriage (even broken up), life positions and values “I like to bring something new into my activities” and “It is very important for me to have the status of a wealthy person”. The least successful economically socialized are “retro-introverted” respondents (“I often scroll through memories in my head”, “I periodically think about events from my past”, “I periodically recall former days”, “I periodically reflect on what happened in my life”).

Keywords: predictor, economic socialization, pensioners, youth

Funding: The work was carried out with the financial support of the RFBR Foundation, project No. 19-013-00447 “The concept of economic socialization of representatives of the young and older generation in an aging society”.

For citation: Taradanov AA, Pakhomova YaN, Trushina IA, Lisichkina AG. Predictors of successful economic socialization. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462)):131-141. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10413

Введение

Проблема экономической социализации представлена в профессиональном дискурсе с начала 70-х гг. XX в., и её актуальность возрастает с ростом числа субъектов экономических отношений, происходящим по причине высоких темпов развития цифровой экономики и информационных технологий, снимающих многие барьеры к активному участию различных групп населения в различных видах экономической деятельности. Соответственно возрастающей актуальности необходимости развития механизмов поддержки процессов экономической социализации исследуются и её предикторы (прогностические параметры). В их числе исследователи выделяют прежде всего процессы формального и неформального образования [1; 20]. Неформальное образование происходит в основном в семье через повседневные наблюдения за экономическим поведением родителей и других членов семьи и собственный экономический опыт.

Исследования показывают, что родители играют ключевую роль в финансовой социализации своих детей [17; 22; 24]. Webley и Nyhus, исследуя феномен экономической социализации, отмечают, что те молодые люди, которых поощряли в детстве за сбережения, более ответственны, а также более ориентированы на будущее и способны контролировать свои расходы. Тем самым авторы в качестве предиктора экономической социализации выделяют особенности воспитания в подростковом возрасте [25]. В исследовании Малаховой и др. (2018) подчёркивается, что экономическая социализация молодёжи напрямую зависит от воспитания в детском саду и субъективной среды (общества, школы, семьи), в которой живёт подросток [20]. Экономическая социализация детей происходит посредством наблюдения

за финансовой практикой их родителей, положительного и отрицательного подкрепления, полученного в результате их собственного денежного поведения, получения конкретных инструкций относительно экономического поведения от родителей, а также в ходе ролевых игр, связанных с деньгами [2; 3; 7; 9; 16; 18; 21]. Lewis, Scott (2000) показали, что те, кто получал карманные деньги в детстве, были экономически более компетентны в возрасте от 16 до 18 лет, они знали больше о процентных ставках и инфляции, чем те, у кого в детстве не было опыта получения карманных денег [19]. Ashby, Schoon, Webley (2011) пришли к выводу, что экономическое поведение взрослых связано с их опытом социализации в подростковом возрасте, при этом была обнаружена положительная связь между склонностью к финансовым сбережениям в подростковом возрасте и сбережениями во взрослом возрасте [4]. Bagnet-Verzat, Wolff (2008) показали, что более образованные и состоятельные родители чаще дают карманные деньги своим детям [5]. Кроме того, отмечается, что средства на «карманные расходы» могут выступать в качестве предиктора экономической социализации. Webley, Nyhus (2013), а также Beutler, Dickson (2008) подчёркивают, что в вопросах формирования экономического поведения детей важны не столько вопросы наличия или отсутствия опыта получения карманных денег, сколько собственный пример экономического поведения родителей и других референтных взрослых [6; 25].

В исследовании Furnham и др. было обнаружено, что доход родителей является важным фактором, определяющим убеждения детей в процессе экономической социализации [11; 13]. Авторы отмечают, что родители, имеющие меньший доход, придают большее значение экономическому образованию своих детей, что может быть свя-

зано с тем фактом, что люди с меньшими доходами должны обеспечивать более строгое управление своими денежными средствами и стремятся передать знания в отношении эффективных расходов и сбережений своим детям. Cho, Gutter, Kim, Mauldin (2012) делают схожие выводы, подчёркивая, что те, кто имеет более высокий уровень доходов, реже контролирует свои расходы [8].

Существует также позиция относительно роли половых различий в экономическом воспитании детей: отцы придают большее значение предоставлению детям свободы распоряжаться своими деньгами, в то время как матери придают большее значение обучению финансовому планированию и соблюдению установленных в семье правил относительно карманных денег детей [10; 12]. В аспекте социально-экономической социализации отцы более либеральны в отношениях со своими детьми, чем матери. На этом основании авторы заключают, что пол родителей является предиктором экономических убеждений и отношения к деньгам у детей [12].

Исследования Scragg, Laugesen, Robinson (2003) раскрывают связь этнической принадлежности и отношения родителей к карманным деньгам детей, экономической социализации последних [23]. Однако авторы отмечают, что необходимы дальнейшие исследования с более репрезентативной выборкой для изучения различий в отношении родителей к экономическому воспитанию детей в разных этнических группах.

Ivan, Dickson (2008) в качестве ключевых предикторов экономической социализации описывают особенности культуры, в которой воспитывается ребёнок, воздействия средств массовой информации, школы, сверстников и семьи [15]. В работе Nayta (2008) отмечается, что экономическая социализация возможна только через взаимодействие между индивидуальными факторами (включая возраст, пол, социально-экономический статус и период жизни), агентами социализации (включая семью, школу, средства массовой информации и культурные различия) и методами обучения [14].

Таким образом, исследователи сходятся во мнении, что существует преемственность в экономическом поведении на протяжении всей жизни, а также в том, что родительское моделирование разумного и устойчивого экономического поведения оказывает непосредственное и долгосрочное влияние на экономическую социализацию детей.

В специальной литературе также представлены исследования (Забелина, Честюнина, 2021),

в которых предикторами экономической социализации определяются переменные: демографические (пол, возраст, уровень образования); биологические (уровень физического здоровья, наличие инвалидности); социальные (семейный статус, профессия); психологические (жизненные ценности); экономические (экономические attitudes и активность). Культурным фактором выступает субкультура, складывающаяся в регионе проживания [1]. На основе данных этих и других исследований разработана теоретическая модель поздней экономической социализации, а также на основе моделирования структурными уравнениями показано соответствие эмпирических данных разработанной модели.

Целью данной работы является изучение предикторов успешной экономической социализации.

Материалы и методы исследования

В 2020–2021 гг. проведено анкетирование ($N = 625$) в Москве ($N = 241$) и Челябинске ($N = 384$). Определение предикторов успешной экономической социализации произведено с применением методов диагностики экономического сознания и изучения проявлений экономико-психологической адаптации, которая находит отражение, в частности, в экономических attitudes, с помощью опросника «Экономические attitudes» (О. Дейнека, Е. Забелина, 2018). С целью изучения уровня экономической активности используется одноименная методика для разных возрастных групп. Уровень счастья и субъективного благополучия исследован с помощью опросника Э. Динера (1999), адаптированного Д. А. Леонтьевым и Е. Н. Осиним (2003). Шкала субъективного счастья измеряет эмоциональное переживание индивидом собственной жизни как целого, отражающее общий уровень психологического благополучия. Основное достоинство методики — компактность, а также валидность и надёжность благодаря простой и однозначной внутренней структуре. Также применена анкета для сбора данных о социально-демографических показателях.

Результаты исследования и их обсуждение

Респонденты старшего возраста (средний возраст 64,5 лет) составили выборочную совокупность $N = 337$ (в Москве $N = 145$; в Челябинске $N = 192$); молодёжь (средний возраст 22,7 лет) — $N = 288$ (в Москве $N = 96$; в Челябинске $N = 192$).

Респонденты мужского пола составили 32,1 %; женского 67,9 %. Уровень своего дохода как «очень высокий» оценил 1 % респондентов; «высокий» — 2,6 %; «выше среднего» — 10,7 %; «средний» —

42,5 %; «ниже среднего» — 21,2 %; «низкий» — 14,0 %; «свожу концы с концами» — 8,0 %.

Каким-либо образом зарабатывают 58,7 % респондентов; не работают 41,3 %. «Официально трудоустроен(а)» 40,3 % (68,5 % из числа зарабатывающих); работаю неофициально — 7,4 % (12,6 %); работают неполный день — 3,2 % (5,5 %); подрабатывают время от времени — 7,9 % (13,4 % из числа зарабатывающих).

Среди зарабатывающих идут на работу с желанием 65,1 %, без желания — 23,9 %, затруднились однозначно оценить 11,0 %. Также в этой категории внедряются на работе их идеи у 58,9 %, не внедряются у 33,8 %, затруднились оценить однозначно 7,3 %.

Уровень дохода относится к числу наиболее признанных показателей успешности экономической социализации. В исследовании получены следующие результаты самооценки респондентами уровня их дохода (табл. 1).

Полученные в результате анкетирования эмпирические данные показывают заметно более высокий уровень дохода работающих респондентов по сравнению с неработающими.

По исследованным регионам эта разница выглядит следующим образом (табл. 2).

Данные табл. 2 показывают более высокий уровень доходов москвичей по сравнению с челябинцами. При этом, если в Москве разница в уровне доходов работающих и неработающих респондентов заметно различается «в пользу» работающих, то в Челябинске указанная разница весьма незначительна.

По вопросам их жизненных результатов и перспектив (исследованным показателям благополу-

чия) по диспозициям «совершенно не согласен... полностью согласен» (минимальный балл «1», максимальный «7») респонденты показали следующее (табл. 3).

В наибольшей степени (4,9) респонденты согласны с положением «Обо мне сложилось мнение как о человеке, который не сидит без дела»; в наименьшей (3,7) — «Почти во всём моя жизнь соответствует моему идеалу» и «Я рад(а), что могу позволить себе купить практически всё, что хочу».

У работающих все показатели благополучия выше, чем у неработающих. Больше всего разница ($P - H_p = 0,6$) получена по параметрам «Я уверен(а), что уровень моего дохода в ближайшем будущем возрастёт» (16,7 %); «Пока я достигал(а) в главном всего, чего хотел (а) в жизни» (16,2 %); «Обо мне сложилось мнение как о человеке, который не сидит без дела» (13,3 %).

Показатели благополучия с разницей ($P - H_p = 0,4$) — это показатели по пунктам «Почти во всём моя жизнь соответствует моему идеалу» (11,4 %) и «Если бы я мог(ла) прожить свою жизнь ещё раз, я бы почти ничего в ней не изменил(а)» (10,8 %).

И с разницей ($P - H_p = 0,3$) определился показатель «Я рад (а), что могу позволить себе купить практически всё, что хочу» (8,6 %).

Региональная разница указанных показателей благополучия выглядит следующим образом (табл. 4).

По Москве разница в показателях благополучия у работающих и неработающих весьма незначительна за исключением «Я рад (а), что могу позволить себе купить практически всё, что хочу». В Челябинске эта разница заметно выше в пользу работающих — опять-таки за исключением

Таблица 1
Table 1

Самооценка респондентами уровня их дохода
Respondents' self-assessment of their income level

ВОПРОС АНКЕТЫ И ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ Оцените уровень Вашего дохода	Все	Работающие	Неработающие
N	625	367	258
%	100,0	58,7	41,3
Свожу концы с концами, %	8,0	6,3	10,5
Низкий, %	14,0	11,4	17,8
Ниже среднего, %	21,2	20,2	22,5
Средний, %	42,5	44,6	39,5
Выше среднего, %	10,7	12,8	7,7
Высокий, %	2,6	3,6	1,2
Очень высокий, %	1,0	1,1	0,8
ИТОГО ОТВЕТОВ, %	100,0	100,0	100,0

Таблица 2

Table 2

**Самооценка респондентами уровня их дохода по регионам
Respondents' self-assessment of their income level by region**

ВОПРОС АНКЕТЫ И ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ Оцените уровень Вашего дохода	Москва		Челябинск	
	Работающие	Неработающие	Работающие	Неработающие
<i>N</i>	167	74	200	184
Свожу концы с концами, %	3,0	12,2	9,1	9,7
Низкий, %	8,4	17,6	13,8	17,8
Ниже среднего, %	16,8	20,3	23,1	23,6
Средний, %	45,9	35,1	43,6	41,4
Выше среднего, %	18,1	9,5	8,4	7,0
Высокий, %	6,6	2,7	1,0	0,6
Очень высокий, %	1,2	2,7	1,0	0,0
ИТОГО ОТВЕТОВ, %	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 3

Table 3

**Самооценка респондентами их жизненных результатов и перспектив
(показатели благополучия)
Respondents' self-assessment of their life results and prospects (indicators of well-being)**

Показатели благополучия	Самооценка (1...7)			Разница	
	Все	Работающие	Неработающие	P – Hp	%
Я уверен(а), что уровень моего дохода в ближайшем будущем возрастёт	4,0	4,2	3,6	0,6	16,7
Пока я достигал(а) в главном всего, чего хотел(а) в жизни	4,1	4,3	3,7	0,6	16,2
Обо мне сложилось мнение как о человеке, который не сидит без дела	4,9	5,1	4,5	0,6	13,3
Почти во всём моя жизнь соответствует моему идеалу	3,7	3,9	3,5	0,4	11,4
Если бы я мог(ла) прожить свою жизнь ещё раз, я бы почти ничего в ней не изменил(а)	3,9	4,1	3,7	0,4	10,8
Я рад(а), что могу позволить себе купить практически всё, что хочу	3,7	3,8	3,5	0,3	8,6

Таблица 4

Table 4

**Показатели благополучия: разница по регионам
Indicators of well-being: difference by region**

Показатели благополучия	Самооценка (1...7), Москва		Самооценка (1...7), Челябинск	
	Работающие	Неработающие	Работающие	Неработающие
<i>N</i>	167	74	200	184
Я уверен(а), что уровень моего дохода в ближайшем будущем возрастёт	3,8	3,6	4,1	3,6
Пока я достигал(а) в главном всего, чего хотел(а) в жизни	4,0	3,8	4,1	3,7
Обо мне сложилось мнение как о человеке, который не сидит без дела	4,5	4,4	5,1	4,6
Почти во всём моя жизнь соответствует моему идеалу	3,7	3,8	3,6	3,4
Если бы я мог(ла) прожить свою жизнь ещё раз, я бы почти ничего в ней не изменил(а)	4,0	4,0	4,1	3,6
Я рад(а), что могу позволить себе купить практически всё, что хочу	3,8	3,3	3,4	3,6

показателя «Я рад (а), что могу позволить себе купить практически всё, что хочу», который в Челябинске выше у неработающих.

Поскольку благополучие работающих респондентов выше, чем неработающих, предикторами экономической социализации определены исследованные параметры отношений респондентов с социально-экономической реальностью, получившие значения $>1,0$ показателя отношения доли работающих к доле неработающих по тому или иному параметру. Успешность экономической социализации («предиктность факторов») тем выше, чем полученный показатель $>1,0$ (определённый методикой диапазон значений $1,0 \dots 100,0$), и тем ниже, чем полученный показатель $<1,0$ (определённый методикой диапазон значений $1,0 \dots 0,0$) (табл. 5).

Согласно данным табл. 5, улучшение физического состояния респондентов заметно повышает успешность их экономической социализации; «отличное» и «хорошее» физическое состояние являются предикторами.

Согласно данным табл. 6, высшее образование респондентов заметно повышает успешность их экономической социализации и является её предиктором (ПУЭС = 1,91).

Брачный союз (даже распавшийся) добавляет успешности экономической социализации

(табл. 7): предикторами являются «женат / замужем» (ПУЭС = 1,30) и «разведён / разведена» (ПУЭС = 1,08).

Также для выявления предикторов успешной экономической социализации исследована разница отношения работающих и неработающих респондентов к различным экономическим реалиям. Для оценки указанной разницы респондентам предложено указать их отношение к той или иной позиции из их экономических реальностей по диспозициям «совершенно не согласен... полностью согласен» (минимальный балл «1», максимальный «7»). На основе полученных ответов подсчитан средний балл по каждой диспозиции по каждой выборочной совокупности с последующим расчётом ПУЭС. Наиболее «предиктными» определились отношения по позициям (табл. 8).

Наиболее привлекательной для респондентов «первой десятки» предикторов успешности экономической социализации является творческая составляющая их отношений с окружающей реальностью (уровень согласия 5,0 «Мне нравится вносить что-то новое в свою деятельность»); наименее привлекательными — кредитные отношения (уровень согласия 2,3 «Я предпочитаю делать крупные покупки в кредит»).

Однако, располагаясь на противоположных полюсах «по уровню согласия», данные отношения находятся рядом в середине (4-е и 5-е места)

Таблица 5
Table 5

Пример расчёта показателей успешности экономической социализации (ПУЭС) по параметрам самооценки респондентами уровня их физического состояния (предикторам)
Example of calculation of indicators of success of economic socialization (PES) according to the parameters of respondents' self-assessment of their level of physical condition (predictors)

ВОПРОС АНКЕТЫ И ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ Оцените уровень Вашего физического состояния	Все	Работающие	Неработающие	ПУЭС
<i>N</i>	625	367	258	
%	100,0	58,7	41,3	
очень плохое, %	4,1	1,9	7,3	0,26
плохое, %	8,8	5,6	13,4	0,42
удовлетворительное, %	50,1	48,2	52,6	0,92
хорошее, %	30,7	36,0	23,2	1,55
отличное, %	6,3	8,3	3,5	2,37
ИТОГО ОТВЕТОВ, %	100,0	100,0	100,0	

$ПУЭС = P / НР$,

где ПУЭС — показатель успешности экономической социализации;

P — доля работающих респондентов по параметру самооценки здоровья, %;

НР — доля неработающих респондентов по параметру самооценки здоровья, %.

Тогда по параметру самооценки здоровья «отличное»: $ПУЭС = 8,3 \% / 3,5 \% = 2,37$.

ПУЭС 2,37 означает, что самооценка здоровья «отличное» является существенным предиктором успешной экономической социализации, поскольку 2,37 существенно больше 1,0.

Таблица 6

Table 6

Успешность экономической социализации (УЭС) по параметрам уровня образования респондента (предикторам)
The success of economic socialization (UES) according to the parameters of the respondent's level of education (predictors)

ВОПРОС АНКЕТЫ И ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ Каково Ваше образование?	Все	Работающие	Неработающие	ПУЭС
N	625	367	258	
%	100,0	58,7	41,3	
без ответа, %	0,8	0,6	1,2	
Начальное, %	15,1	6,3	27,5	0,23
Общее среднее, %	9,3	8,3	10,9	0,75
Среднее профессиональное, %	18,6	14,9	23,8	0,63
Высшее	56,2	69,9	36,6	1,91
ИТОГО	100,0	100,0	100,0	

Таблица 7

Table 7

Успешность экономической социализации по параметрам семейного положения респондентов (предикторам)
The success of economic socialization according to the parameters of the respondents' marital status (predictors)

ВОПРОС АНКЕТЫ И ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ Каково Ваше семейное положение?	Все	Работающие	Неработающие	ПУЭС
N	625	367	258	
%	100,0	58,7	41,3	
Женат / замужем	40,0	44,1	34,0	1,30
Холост / не замужем	40,2	39,8	41,0	0,97
Разведён /разведена	9,6	9,9	9,2	1,08
Другое:	10,2	6,2	15,8	0,39
ИТОГО ОТВЕТОВ	100,0	100,0	100,0	

рейтинговой иерархии по показателям успешности экономической социализации, а высшую позицию в данном рейтинге получает отношение «Для меня очень важно иметь статус обеспеченного человека» с уровнем согласия 4,2 и ПУЭС 1,16.

Второе место в рейтинге заняла позиция «Я периодически интересуюсь ценами на недвижимость, даже если не планирую в ближайшее время ничего покупать» (3,7 и 1,15); третье — «Я готов(а) работать за большой доход даже в ущерб своему здоровью» (3,1 и 1,14).

Также респонденты из «первой десятки» ПУЭС стремятся быть в курсе событий экономической и финансовой жизни в стране и мире (3,3 и 1,13), анализировать ситуацию на рынке — изучать, что происходит в разных компаниях (3,0 и 1,11), и повышать свои знания в области экономики (3,6 и 1,09); считают, что «залог благополучия — найти хорошо оплачиваемую работу, даже если она не является

вашим призванием» (3,9 и 1,11) и готовы вкладываться в рискованные проекты (3,1 и 1,10).

На противоположном полюсе (ПУЭС < 1,0 в наибольшей мере) следующие позиции респондентов (табл. 9).

У респондентов, замыкающих рейтинг ПУЭС, заметно выше уровень согласия с предложенными положениями, чем у возглавляющих его, а наиболее согласны (5,3) респонденты с позицией «Я периодически размышляю над тем, что происходило в моей жизни» (ПУЭС 0,96).

Выводы

Наиболее влиятельными предикторами успешной экономической социализации являются экономическая активность и результативность родителей в глазах детей, хорошее физическое здоровье, высшее образование, брачный союз (даже распавшийся), жизненные позиции и ценности творческого отношения к своей деятельности и стремления к достижению значимого общественного статуса.

Таблица 8

Table 8

**Успешность экономической социализации по параметрам отношений
с окружающей реальностью (предикторам)**
**The success of economic socialization according to the parameters of relations
with the surrounding reality (predictors)**

Отношения респондента с окружающей реальностью, предложенные для оценки «совершенно не согласен (1) ... полностью согласен (7)»	Все	Работающие	Неработающие	ПУЭС
<i>N</i>	625	367	258	
%	100,0	58,7	41,3	
1. Для меня очень важно иметь статус обеспеченного человека	4,2	4,4	3,8	1,16
2. Я периодически интересуюсь ценами на недвижимость, даже если не планирую в ближайшее время ничего покупать	3,7	3,9	3,4	1,15
3. Я готов(а) работать за большой доход даже в ущерб своему здоровью	3,1	3,3	2,9	1,14
4. Я предпочитаю делать крупные покупки в кредит	2,3	2,4	2,1	1,14
5. Мне нравится вносить что-то новое в свою деятельность	5,0	5,2	4,6	1,13
6. Я стремлюсь быть в курсе событий экономической и финансовой жизни в стране и в мире (смотрю новости, читаю современную литературу, участвую в обсуждениях на форумах и т. д.)	3,3	3,5	3,1	1,13
7. Мне нравится анализировать ситуацию на рынке — изучать, что происходит в разных компаниях	3,0	3,1	2,8	1,11
8. Залог благополучия — найти хорошо оплачиваемую работу, даже если она не является твоим призванием	3,9	4,1	3,7	1,11
9. Если бы у меня появилась большая сумма денег, я бы вложил(а) её в инвестиционный проект (строительство, бизнес, фонд), даже если результат не был бы гарантирован	3,1	3,2	2,9	1,10
10. Я стремлюсь повышать свои знания в области экономики	3,6	3,7	3,4	1,09

Таблица 9

Table 9

**Неспешность экономической социализации по параметрам отношений
с окружающей реальностью (предикторам)**
**The slowness of economic socialization according to the parameters of relations
with the surrounding reality (predictors)**

Отношения респондента с окружающей реальностью, предложенные для оценки «совершенно не согласен (1) ... полностью согласен (7)»	Все	Работающие	Неработающие	ПУЭС
<i>N</i>	625	367	258	
%	100,0	58,7	41,3	
1. Я думаю, что большинство людей осознанно и рационально делают покупки	4,1	4,0	4,3	0,93
2. Я нередко прокручиваю у себя в голове воспоминания	5,1	5,0	5,3	0,94
3. Я периодически думаю о событиях из своего прошлого	5,0	4,9	5,2	0,94
4. Я периодически вспоминаю прежние дни	4,9	4,8	5,1	0,94
5. Я периодически размышляю над тем, что происходило в моей жизни	5,3	5,2	5,4	0,96

Наименее успешно экономически социализируются «ретроинтраверсивные» респонденты («я нередко прокручиваю у себя в голове воспоминания», «я периодически думаю о событиях

из своего прошлого», «я периодически вспоминаю прежние дни», «я периодически размышляю над тем, что происходило в моей жизни»).

Список источников

1. Забелина Е. В., Честюнина Ю. В. Поздняя экономическая социализация: разработка и верификация модели // Актуальные проблемы психологического знания. 2021. № 1-2 (55). С. 116–127.
2. Alhabeeb M. J. Allowances and the Economic Socialization of Children // Association for Financial Counseling and Planning Education, 1999. № 10. P. 1–9.
3. Allen M. W., Edwards R., Hayhoe C. R., Leach L. Imagined Interaction, Attitudes towards Money and Credit, and Family Coalitions // Journal of Family and Economic Issues. 2007. № 28. P. 3–22. <https://doi.org/10.1007/s10834-006-9048-1>.
4. Ashby J. S., Schoon I., Webley P. Save Now, Save Later? Linkages between Saving Behaviour in Adolescence and Adulthood // European Psychologist. 2011. № 16. P. 227–237. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000067>.
5. Barnet-Verzat C., Wolff F.-C. Gender Wage Gap and the Glass Ceiling Effect: A Firm-Level Investigation // International Journal of Manpower. 2008. № 29. P. 486–502.
6. Beutler I., Dickson L. Consumer economic socialization // Handbook of consumer finance research. New York : Springer, 2008. P. 83–103.
7. Bowen C. Informal Money Management Education: Perceptions of Teens and Parents // Consumer Interests Annual. 1996. № 42. P. 233–234.
8. Cho S. H., Gutter M., Kim J., Mauldin T. The Effect of Socialisation and Information Source on Financial Management Behaviours among Low- and Moderate Income Adults // Family & Consumer Sciences Research Journal. 2012. № 40. P. 417–430. <https://doi.org/10.1111/j.1552-3934.2012.02120.x>.
9. Danes S. M. Parental Perceptions of Children's Financial Socialization // Financial Counselling and Planning. 1994. № 5. P. 127–146.
10. Furnham A. Parental Attitudes to Pocket Money/Allowances for Children // Journal of Economic Psychology. 2001. № 22. P. 397–422. [https://doi.org/10.1016/S0167-4870\(01\)00040-X](https://doi.org/10.1016/S0167-4870(01)00040-X).
11. Furnham A., Kirkcaldy B. Economic Socialisation: German Parents' Perceptions and Implementation of Allowances to Educate Children // European Psychologist. 2000. № 5. P. 202–215. <https://doi.org/10.1027/1016-9040.5.3.202>.
12. Furnham A., Milner R. Parent's Beliefs and Behaviours about the Economic Socialisation, through Allowances/Pocket Money, of Their Children // Psychology. 2017. № 8. P. 1216–1228. <https://doi.org/10.4236/psych.2017.88078>
13. Furnham A., Thomas P. Adults' Perceptions of the Economic Socialisation of Children // Journal of Adolescence. 1984. № 7. P. 217–231. URL: [https://doi.org/10.1016/0140-1971\(84\)90030-7](https://doi.org/10.1016/0140-1971(84)90030-7).
14. Hayta A. B. Socialization of the Child as a Consumer // Journal of Family and Consumer Sciences. 2009. № 37 (2). P. 167–184.
15. Ivan B., Dickson L. Consumer Economic Socialization // Handbook of Consumer Finance Research. New York : Springer, 2008. P. 83–102.
16. Jorgensen B. L., Savla J. Financial Literacy of Young Adults: The Importance of Parental Socialization // Family Relations. 2010. № 59. P. 465–478. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2010.00616.x>.
17. Kim J., LaTaillade J., Kim H. Family Processes and Adolescents' Financial Behaviors // Journal of Family and Economic. 2011. № 32. P. 668–679. <https://doi.org/10.1007/s10834-011-9270-3>.
18. Lachance M. J., Choquette-Bernier N. College Students' Consumer Competence: A Qualitative Exploration // International Journal of Consumer Studies. 2004. № 28. P. 433–442. <https://doi.org/10.1111/j.1470-6431.2004.00390.x>.
19. Lewis A., Scott A. J. The Economic Awareness, Knowledge and Pocket Money Practices of a Sample of UK Adolescents: A Study of Economic Socialisation and Economic Psychology // Citizenship, Social and Economic Education. 2000. № 4. P. 34–46. <https://doi.org/10.2304/csee.2000.4.1.34>.
20. Malakhova E. V., Kirkoa V. I., Yanova M. G. Economic Socialization of Senior Schoolchildren in the Conditions of the Extreme North // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. № 8 (11). P. 1301–1314.

21. Norvilitis J. M., MacLean M. G. The Role of Parents in College Students' Financial Behaviors and Attitudes // *Journal of Economic Psychology*. 2010. № 31. P. 55–63. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2009.10.003>.
22. Pritchard M. E., Myers B. K. Consumer Education: A Partnership between Schools and Families // *Journal of Consumer Education*. 1992. № 10. P. 38–43.
23. Scragg R., Laugesen M., Robinson E. Parental Smoking and Related Behaviours Influence Adolescent Tobacco Smoking: Results from the 2001 New Zealand National Survey of 4th Form Students // *Journal of the New Zealand Medical Association*. 2003. № 116. P. 1187.
24. Webley P., Nyhus E. K. Parents' Influence on Children's Future Orientation and Saving // *Journal of Economic Psychology*. 2006. № 27. P. 140–164. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2005.06.016>.
25. Webley P., Nyhus E. K. Economic Socialization, Saving and Assets in European Young Adults // *Economics of Education Review*. 2013. № 33. P. 19–30.

References

1. Zabelina EV, Chestyunina YuV. Late economic socialization: development and verification of the model. *Aktual'nye problemy psichologicheskogo znaniya = Actual problems of psychological knowledge*. 2021;(1-2):116-127. (In Russ.).
2. Alhabeeb MJ Allowances and the Economic Socialization of Children. *Association for Financial Counseling and Planning Education*. 1999;(10):1-9.
3. Allen MW, Edwards R, Hayhoe CR, Leach L. Imagined Interaction, Attitudes towards Money and Credit, and Family Coalitions. *Journal of Family and Economic Issues*. 2007;(28):3-22. <https://doi.org/10.1007/s10834-006-9048-1>.
4. Ashby JS, Schoon I, Webley P. Save Now, Save Later? Linkages between Saving Behaviour in Adolescence and Adulthood. *European Psychologist*. 2011;(16):227-237. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000067>
5. Barnet-Verzat C, Wolff FC. Gender Wage Gap and the Glass Ceiling Effect: A Firm-Level Investigation. *International Journal of Manpower*. 2008;(29):486-502.
6. Beutler I, Dickson L. Consumer economic socialization. *Handbook of consumer finance research*. New York; Springer. 2008. Pp. 83–103.
7. Bowen C. Informal Money Management Education: Perceptions of Teens and Parents. *Consumer Interests Annual*. 1996;(42):233-234.
8. Cho SH, Gutter M, Kim J, Mauldin T. The Effect of Socialisation and Information Source on Financial Management Behaviours among Low- and Moderate Income Adults. *Family & Consumer Sciences Research Journal*. 2012;(40):417-430. <https://doi.org/10.1111/j.1552-3934.2012.02120.x>.
9. Danes SM. Parental Perceptions of Children's Financial Socialization. *Financial Counselling and Planning*. 1994;(5):127-146.
10. Furnham A. Parental Attitudes to Pocket Money/Allowances for Children. *Journal of Economic Psychology*. 2001;(22):397-422. [https://doi.org/10.1016/S0167-4870\(01\)00040-X](https://doi.org/10.1016/S0167-4870(01)00040-X).
11. Furnham A, Kirkcaldy B. Economic Socialisation: German Parents? Perceptions and Implementation of Allowances to Educate Children. *European Psychologist*. 2000;(5):202-215. <https://doi.org/10.1027//1016-9040.5.3.202>.
12. Furnham A, Milner R. Parent's Beliefs and Behaviours about the Economic Socialisation, through Allowances/Pocket Money, of Their Children. *Psychology*. 2017;(8):1216-1228. <https://doi.org/10.4236/psych.2017.88078>
13. Furnham A, Thomas P. Adults' Perceptions of the Economic Socialisation of Children. *Journal of Adolescence*. 1984;(7):217-231. [https://doi.org/10.1016/0140-1971\(84\)90030-7](https://doi.org/10.1016/0140-1971(84)90030-7).
14. Hayta AB. Socialization of the Child as a Consumer. *Journal of Family and Consumer Sciences*. 2009;(37):167-184.
15. Ivan B, Dickson L. Consumer Economic Socialization. *Handbook of Consumer Finance Research*. New York; Springer. 2008. Pp. 83–102.
16. Jorgensen BL, Savla J. Financial Literacy of Young Adults: The Importance of Parental Socialization. *Family Relations*. 2010;(59):465-478. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2010.00616.x>.
17. Kim J, LaTaillade J, Kim H. Family Processes and Adolescents' Financial Behaviors. *Journal of Family and Economic*. 2011;(32):668-679. <https://doi.org/10.1007/s10834-011-9270-3>.

18. Lachance MJ, Choquette-Bernier N. College Students' Consumer Competence: A Qualitative Exploration. *International Journal of Consumer Studies*. 2004;(28):433-442. <https://doi.org/10.1111/j.1470-6431.2004.00390.x>.
19. Lewis A, Scott AJ. The Economic Awareness, Knowledge and Pocket Money Practices of a Sample of UK Adolescents: A Study of Economic Socialisation and Economic Psychology. *Citizenship, Social and Economic Education*. 2000;(4):34-46. <https://doi.org/10.2304/csee.2000.4.1.34>.
20. Malakhova EV, Kirkoa VI, Yanova MG. Economic Socialization of Senior Schoolchildren in the Conditions of the Extreme North. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2018;(8):1301-1314.
21. Norvilitis JM, MacLean MG. The Role of Parents in College Students' Financial Behaviors and Attitudes. *Journal of Economic Psychology*. 2010;(31):55-63. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2009.10.003>.
22. Pritchard ME, Myers BK. Consumer Education: A Partnership between Schools and Families. *Journal of Consumer Education*. 1992;(10):38-43.
23. Scragg R, Laugesen M, Robinson E. Parental Smoking and Related Behaviours Influence Adolescent Tobacco Smoking: Results from the 2001 New Zealand National Survey of 4th Form Students. *Journal of the New Zealand Medical Association*. 2003;(116):1187.
24. Webley P, Nyhus EK. Parents' Influence on Children's Future Orientation and Saving. *Journal of Economic Psychology*. 2006;(27):140-164. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2005.06.016>.
25. Webley P, Nyhus EK. Economic Socialization, Saving and Assets in European Young Adults. *Economics of Education Review*. 2013;(33):19-30.

Информация об авторах

- А. А. Тараданов** — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и социологии.
Я. Н. Пахомова — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии.
И. А. Трушина — кандидат педагогических наук, доцент, директор.
А. Г. Лисичкина — научный сотрудник.

Information about the authors

- A. A. Taradanov** — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Social Work and Sociology.
Ya. N. Pakhomova — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology.
I. A. Trushina — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Director.
A. G. Lisichkina — researcher.

Статья поступила в редакцию 19.11.2021; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 19.11.2021; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 376.1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10414

СОСТОЯНИЕ ПОДГОТОВКИ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Вадим Николаевич Козлов¹, Дарья Феликсовна Романенкова²✉

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹kozlovvn@list.ru, ORCID: 0000-0003-0463-0686

²droman@csu.ru ✉, ORCID: 0000-0002-0210-8141

Аннотация. Рассматривается состояние подготовки лиц с инвалидностью по программам высшего образования, выявляется их мнение по поводу сформированности у них профессиональных знаний и компетенций, необходимых для трудоустройства. Эмпирической базой исследования стали данные опроса по репрезентативной выборке 140 студентов выпускных курсов и выпускников с инвалидностью вузов Свердловской, Челябинской и Курганской областей. Приводится анализ удовлетворённости респондентов качеством подготовки, уровнем профессиональных знаний и компетенций, достаточностью получаемой и полученной в вузе подготовки по специальности в разрезе групп инвалидности, видов нарушений здоровья, пола студентов и выпускников с инвалидностью, их занятости на момент опроса. На основе проведённого анализа сделан вывод о возможности и необходимости совершенствования инклюзивного профессионального образования, в том числе через формирование у обучающихся дополнительных профессиональных компетенций, расширяющих возможности трудоустройства.

Ключевые слова: студенты вузов, лица с инвалидностью, выпускники с инвалидностью, качество подготовки, профессиональные компетенции, инклюзивное профессиональное образование, трудоустройство

Для цитирования: Козлов В. Н., Романенкова Д. Ф. Состояние подготовки в российских вузах лиц с инвалидностью // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 142–152. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10414

Original article

STATE OF TRAINING IN RUSSIAN UNIVERSITIES FOR PERSONS WITH DISABILITIES

Vadim N. Kozlov¹, Daria F. Romanenkova²✉

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹kozlovvn@list.ru, ORCID: 0000-0003-0463-0686

²droman@csu.ru ✉, ORCID: 0000-0002-0210-8141

Abstract. The article examines the state of training of people with disabilities in higher education programs, reveals their opinion about the formation of their professional knowledge and competencies necessary for employment. The empirical basis of the study was the survey data on a representative sample of 140 final year students and graduates with disabilities from universities in the Sverdlovsk, Chelyabinsk and Kurgan regions. The analysis of respondents' satisfaction with the quality of training, the level of professional knowledge and competencies, the sufficiency of the training received and received at the university in the specialty in the context of disability groups, types of health disorders, gender of students and graduates with disabilities, their employment at the time of the survey. Based on the analysis, a conclusion was made about the possibility and necessity of improving inclusive vocational education, including through the formation of additional professional competencies in students that expand employment opportunities.

Keywords: university students, persons with disabilities, graduates with disabilities, quality of training, professional competencies, inclusive vocational education, employment

For citation: Kozlov VN, Romanenkova DF. State of training in Russian universities for persons with disabilities. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):142-152. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10414

Введение

Модернизационные процессы в российском образовании вызваны необходимостью повышения конкурентоспособности российской экономики на мировом уровне и обеспечения социальной стабильности государства. Профессиональное образование на всех уровнях в значительной степени влияет на формирование и развитие общества, каждой личности, в том числе на представителей такой социальной группы, как инвалиды.

В современных условиях оценка работы социального института образования прежде всего измеряется спросом на его выпускников. Их трудоустройство актуально, как никогда ранее, а определяющим фактором квалификации и специальности стали компетенции. Это значимо для всех профессий и специальностей, многих социально-демографических групп.

Отметим, что при трудоустройстве инвалидов принимаются во внимание не только их компетенции, но и возможности профессиональной реализации в зависимости от группы инвалидности и ограничений по состоянию здоровья. Очевидно, что актуальной задачей является изучение качества профессионального образования инвалидов по направлениям подготовки, получению ими в период обучения в вузе профессиональных компетенций и своевременное внесение корректив в инклюзивный образовательный процесс.

Качество профессионального образования лиц с инвалидностью — это многоаспектное и полисубъектное понятие, которое к тому же не является объективной оценкой образования [1]. Его субъектами являются сами студенты с инвалидностью, работодатели, государство, общество, образовательная система в целом. Исследования учёных подтверждают роль образования при трудоустройстве. Получив качественное, востребованное образование, человек с инвалидностью может более полно реализовать свой трудовой потенциал, из получателя социальных льгот становится налогоплательщиком, принося доходы себе, своей семье, работодателю [2–5].

Не секрет, что самооценка качества профессиональной подготовки и готовности к работе по полученной специальности человека с инвалидностью и оценка работодателем, который принял его на работу, этих качеств могут существенно различаться. Ресурсными учебно-методическими центрами по обучению инвалидов

и лиц с ограниченными возможностями здоровья, работающими в системе высшего образования, проведён анализ удовлетворённости работодателей качеством образования принятых на работу выпускников с инвалидностью [6–8]. Результаты показывают, что работодатели более высоко оценивают сформированность теоретических знаний и личностных профессионально значимых качеств выпускников (коммуникативные навыки, организованность, нацеленность на результат, самоорганизация и т. п.), чем сформированность у них практических навыков и способности решать профессиональные задачи в конкретных ситуациях. Профессиональные качества инвалидов и социально-психологические факторы для работодателей более значимы, чем экономические санкции, например, в виде штрафа за несоблюдение квот на трудоустройство инвалидов [9].

Очевидно, что наряду с основным профессиональным образованием для лиц с инвалидностью необходимо дополнительное образование. Социологическое исследование, проведённое Д. В. Зайцевым, Э. К. Наберушкиной, В. В. Печенкиным, доказало, что дополнительное образование играет существенную роль в социокультурной мобильности инвалидов, развитии их личности, расширении возможностей поиска работы [10]. Вместе с тем результаты исследований авторов статьи убеждают, что такую поддержку целесообразно осуществлять на основе индивидуального подхода с учётом групп инвалидности, видов нарушений здоровья, мотивации, образовательной и профессиональной подготовки лиц с инвалидностью [11]. Дополнительное образование является одной из приоритетных жизненных ценностей людей с инвалидностью, выступает мощным каналом восходящей мобильности, при этом первостепенное значение имеют те знания, умения и навыки, которые способствуют развитию их социокультурной мобильности, повышению социально-экономического статуса, содействию трудоустройству [12].

Значимым является и то, что может наблюдаться неадекватная оценка собственных личностных и профессиональных компетенций студентов и выпускников из числа инвалидов [13–15]. Между тем готовность таких обучающихся к активной деятельности определяет их успешность в жизни [16].

В рамках работы по повышению доступности и качества инклюзивного высшего образования Ресурсным учебно-методическим центром по обучению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья Челябинского государственного университета и кафедрой социальной работы и социологии ЧелГУ проведено исследование, целью которого стало выявление сформированности профессиональных знаний и компетенций у студентов выпускных курсов и выпускников с инвалидностью вузов, необходимых для успешного трудоустройства.

Задачи исследования заключаются в анализе состояния подготовки по специальности лиц с инвалидностью, сформированности знаний, навыков, личных качеств, компетенций у студентов и выпускников с инвалидностью вузов, их удовлетворённости качеством, уровнем, достаточностью подготовки по специальности, получаемых в вузе по данным, полученным в результате репрезентативного опроса студентов и выпускников с инвалидностью вузов Свердловской, Челябинской и Курганской областей.

Объектом исследования является профессиональное образование студентов выпускных курсов и выпускников с инвалидностью вузов региона.

Предмет исследования — состояние подготовки по специальности студентов выпускных курсов и выпускников с инвалидностью вузов региона и наличие у них компетенций, необходимых для успешного трудоустройства.

Материалы и методы исследования

Настоящее аналитическое исследование опирается на теоретические положения социологии, экономики, педагогики с использованием структурно-функционального анализа и методов эмпирического исследования, прежде всего опроса.

С позиций структурно-функционального, междисциплинарного подходов своё уже апробированное на практике значение имеет социологическое исследование мнения таких социальных групп, как студенты выпускных курсов и выпускники с инвалидностью вузов, как участников — объектов и субъектов процесса образования по проблеме его качества, анализ таких мнений по группам занятости, группам инвалидности, видам нарушений здоровья, по полу и другим основаниям.

Уровень подготовки студентов выпускных курсов и выпускников с инвалидностью вузов с точки зрения их компетентности может оцениваться по критериям сформированности теоретических знаний, практических навыков, личных

профессионально значимых качеств, способности решать профессиональные задачи в конкретных ситуациях.

Именно такой подход реализован в ноябре 2021 г., когда по представительной выборке по соответствующей анкете опрошено 140 студентов выпускных курсов (более чем каждый третий студент с инвалидностью выпускных курсов 20 вузов) и выпускников с инвалидностью (почти каждый пятый выпускник с инвалидностью 17 вузов 2021 г.) Свердловской, Челябинской и Курганской областей.

Опрошено 55 выпускников с инвалидностью, окончивших вуз и получивших диплом о высшем образовании, из 17 вузов Свердловской, Челябинской и Курганской областей. Студентов выпускных курсов с инвалидностью, обучающихся в вузах указанных областей, опрошено 114 из 20 вузов. В том числе среди опрошенных есть те, кто работает и учится.

Из общего числа опрошенных 34 % указали регионом своего трудоустройства Свердловскую область, 26 % — Челябинскую область, никто не указал Курганскую область, 32 % отметили, что «ещё не работают». Три человека регионами своего трудоустройства назвали Москву, по два человека — Краснодарский край и Санкт-Петербург, по одному человеку — Новосибирск, Ханты-Мансийский автономный округ — Югру, Оренбургскую область. Один из Челябинска, один из Екатеринбурга указали на самозанятость.

По уровню полученного (получаемого) образования среди опрошенных студентов и выпускников с инвалидностью вузов учатся или получили диплом бакалавра — 69 %, магистра — 16 %, специалиста — 14 %, 0,7 % учатся (или учились) в аспирантуре.

Из общего числа опрошенных студентов и выпускников с инвалидностью вузов региона по направлениям подготовки 34 % — по общественным и гуманитарным наукам, 15 % — по образованию, педагогике, психологии, 12 % — по социально-экономическим, по 7,9 % — по математике, информационным технологиям и по инженерному делу, технологиям, техническим наукам (архитектура, материаловедение и др.), 3,6 % — по искусству и культуре и другим направлениям, 23 респондента (16 % опрошенных) назвали другие направления подготовки (специальности).

Состав опрошенных студентов и выпускников с инвалидностью вузов региона по занятости выглядит следующим образом: 49 % учатся в вузе, 27 % работают после окончания вуза, 24 % учатся

в вузе и работают. Из общего числа опрошенных 71 % — третьей группы инвалидности, 20 % — второй, 9,3 % — первой.

Из опрошенных студентов и выпускников с инвалидностью вузов региона имеют нарушения опорно-двигательного аппарата 34 %, зрения — 13 %, слуха — 11 %, опорно-двигательного аппарата («передвигаюсь на кресле-коляске») и нервно-психические нарушения — по 3,6 %, другие нарушения — 36 %.

Подавляющее большинство опрошенных (90 %) являются инвалидами с детства. По общему заболеванию (инвалидность получена после 18 лет) — у 5 %. Военная травма, заболевание, полученное в период военной службы, — у 0,7 %. На другие причины инвалидности указали 4,6 % опрошенных.

Среди опрошенных студентов выпускных курсов и выпускников с инвалидностью вузов женщины составляют 61 %, мужчины — 39 %; 71 % — в возрасте 20–24 лет, 24 % — 25–35 лет, 4,3 % — старше 35 лет.

Результаты исследования и их обсуждение

Особый интерес вызывает мнение студентов и выпускников с инвалидностью вузов региона, касающееся сформированности у них в процессе обучения по специальности знаний, практических навыков, личных профессионально значимых качеств, способности решать профессиональные задачи в конкретных ситуациях (табл. 1). Полностью сформированными у себя теоретические знания считают 50 % из числа всех опрошенных, личные профессионально значимые качества — 47 %, а вот способности решать про-

фессиональные задачи в конкретных ситуациях — 41 %, практические навыки — только 37 %. Соответственно, что не сформированы практические навыки указывают 16 % респондентов, способности решать профессиональные задачи в конкретных ситуациях — 8,6 %.

Более полная картина сформированности в процессе обучения по специальности знаний, практических навыков, личных профессионально значимых качеств, способности решать профессиональные задачи в конкретных ситуациях складывается из анализа оценок в разрезе занятости, групп инвалидности, видов нарушений здоровья и пола. Так, оценивают, что у них полностью сформированы теоретические знания 68 % тех, кто учится в вузе и работают, но 45 % работающих после окончания вуза, 44 % тех, кто только учится в вузе (табл. 2). Сформированность в процессе обучения по специальности теоретических знаний относительно чаще у себя оценивают лица с третьей группой инвалидности, с нарушениями опорно-двигательного аппарата, женщины.

Оценивают, что у них полностью сформированы практические навыки 50 % тех, кто учится в вузе и работает, но 32 % работающих после окончания вуза, 34 % тех, кто только учится в вузе. Сформированность у себя практических навыков относительно чаще оценивают лица с первой группой инвалидности, с нарушениями опорно-двигательного аппарата (на кресле-коляске), мужчины.

Оценивают, что у них полностью сформированы личные профессионально значимые качества

Таблица 1

Table 1

Сформированность у студентов и выпускников с инвалидностью вузов в процессе обучения по специальности знаний, практических навыков, личных профессионально значимых качеств, способности решать профессиональные задачи в конкретных ситуациях (% к общему числу опрошенных студентов и выпускников с инвалидностью)
Formation of knowledge, practical skills, personal professionally significant qualities, ability to solve professional problems in specific situations among students and graduates with disabilities in the process of studying in the specialty (in % of the total number of students and graduates with disabilities surveyed)

Сформированы	Полностью сформированы	Частично сформированы	Не сформированы	Затрудняюсь ответить
теоретические знания	50,0	45,0	2,9	2,1
практические навыки	37,1	45,0	15,7	2,1
личные профессионально значимые качества	47,1	42,1	5,7	5,0
способности решать профессиональные задачи в конкретных ситуациях	41,4	44,3	8,6	5,7

Источник: составлено авторами на основе данных опроса.

Таблица 2

Table 2

Сформированность у студентов и выпускников с инвалидностью вузов в процессе обучения по специальности знаний, практических навыков, личных профессионально значимых качеств, способности решать профессиональные задачи в конкретных ситуациях (% к общему числу опрошенных студентов и выпускников с инвалидностью и в группах по занятости)

The formation of knowledge, practical skills, personal professionally significant qualities, the ability to solve professional problems in specific situations among students and graduates with disabilities in the process of studying in the specialty (in % of the total number of students and graduates with disabilities and in employment groups)

Сформированы	Все опрошенные	Категория опрошенных		
		Учатся в вузе и работают	Работают после окончания вуза	Учатся только в вузе
<i>теоретические знания</i>				
Полностью сформированы	50,0	67,6	44,7	44,1
Частично сформированы	45,0	32,4	44,7	51,5
Не сформированы	2,9	0	5,3	2,9
Затруднились ответить	2,1	0	5,3	1,5
<i>практические навыки</i>				
Частично сформированы	45,0	29,4	44,7	52,9
Полностью сформированы	37,1	50,0	31,6	33,8
Не сформированы	15,7	20,6	21,1	10,3
Затруднились ответить	2,1	0,0	2,6	2,9
<i>личные профессионально значимые качества</i>				
Полностью сформированы	47,1	61,8	34,2	47,1
Частично сформированы	42,1	32,4	50,0	42,6
Не сформированы	5,7	0	10,5	5,9
Затруднились ответить	5,0	5,9	5,3	4,4
<i>способности решать профессиональные задачи в конкретных ситуациях</i>				
Частично сформированы	44,3	32,4	44,7	50,0
Полностью сформированы	41,4	52,9	34,2	39,7
Не сформированы	8,6	8,8	10,5	7,4
Затруднились ответить	5,7	5,9	10,5	2,9

Источник: составлено авторами на основе данных опроса.

62 % тех, кто учится в вузе и работает, но 34 % работающих после окончания вуза, 47 % тех, кто только учится в вузе. Сформированность у себя в процессе обучения по специальности личных профессионально значимых качеств относительно чаще оценивают лица со второй группой инвалидности, с нарушениями зрения, опорно-двигательного аппарата, женщины.

Оценивают, что у них полностью сформированы способности решать профессиональные задачи в конкретных ситуациях, 53 % тех, кто учится в вузе и работает, но 34 % работающих после окончания вуза, 40 % тех, кто только учится в вузе. Сформированность у себя в процессе

обучения по специальности способности решать профессиональные задачи в конкретных ситуациях относительно чаще оценивают лица с первой группой инвалидности, с нарушениями зрения, женщины.

Заметна разница в оценках студентами и выпускниками с инвалидностью в группах по занятости качества подготовки, уровня профессиональных знаний и компетенций, получаемых в вузе. Так, если среди всех опрошенных в целом удовлетворены (полностью удовлетворён + скорее удовлетворён) качеством подготовки, уровнем профессиональных знаний и компетенций, получаемых в вузе, — 89 %, то среди тех, кто

учится в вузе и работает, — 91 %, кто работают после окончания вуза, — 79 %, кто только учится, — 94 %, не удовлетворены (скорее неудовлетворён + совершенно неудовлетворён) 21 % тех, кто работает после окончания вуза, 8,8 % тех, кто учится в вузе и работает, 5,8 % тех, кто только учатся в вузе (табл. 3).

Из числа всех опрошенных считают вполне достаточной полученную ими в вузе подготовку по специальности 21 % опрошенных, недостаточной — 12 %, из тех, кто учится и работает, соответственно — 47 и 8,8 %, из тех, кто работают после окончания вуза, соответственно — 24 и 24 %, из тех, кто учится, соответственно — 7,4 и 7,4 % (табл. 3).

Есть различия и в оценках студентов и выпускников с инвалидностью по группам инвалидности, по видам нарушений здоровья и полу качества подготовки, уровня профессиональных знаний и компетенций, получаемых в вузе (табл. 4). Удовлетворены (полностью + скорее удовлетворён) такой подготовкой, уровнем знаний и компетенций 89 % всех опрошенных, но 92 % с первой группой инвалидности, 95 % с нарушения-

ми зрения, 91 % женщин и 80 % с нарушениями слуха, 80 % с нарушениями опорно-двигательного аппарата (передвигаюсь на кресле-коляске), 80 % с нервно-психическими нарушениями, 87 % мужчин. Не удовлетворены (совершенно + скорее не удовлетворён) 11 % всех опрошенных, но 7,7 % с первой группой инвалидности, 5,6 % с нарушениями зрения, 9,6 % женщин и 20 % (скорее не удовлетворены) с нарушениями слуха, 20 % (скорее не удовлетворены) с нарушениями опорно-двигательного аппарата (передвигаюсь на кресле-коляске), 20 % (совершенно не удовлетворены) с нервно-психическими нарушениями, 13 % мужчин.

Также есть различия и в оценках студентов и выпускников с инвалидностью по группам инвалидности, по видам нарушений здоровья и полу достаточности полученной ими в вузе подготовки по специальности (табл. 4). Считают такую подготовку вполне достаточной 21 % всех опрошенных, но 32 % со второй группой инвалидности, 33 % с нарушениями зрения, 26 % с нарушениями опорно-двигательного аппарата, 26 % мужчин и 18 % с третьей группой инва-

Таблица 3

Table 3

Оценка студентами и выпускниками с инвалидностью качества подготовки, уровня профессиональных знаний и компетенций, получаемых в вузе, и достаточности полученной ими в вузе подготовки по специальности (% к общему числу опрошенных студентов и выпускников с инвалидностью и в группах по занятости)

Assessment by students and graduates with disabilities of the quality of training, the level of professional knowledge and competencies obtained at the university, and the sufficiency of the training they received at the university in the specialty (in% of the total number of students and graduates with disabilities and in employment groups)

Вопрос анкеты и варианты ответов	Все опрошенные	Категория опрошенных		
		Учатся в вузе и работают	Работают после окончания вуза	Учатся только в вузе
<i>Насколько Вы в целом удовлетворены качеством подготовки, уровнем профессиональных знаний и компетенций, получаемыми в вузе?</i>				
Скорее удовлетворён	45,7	44,1	42,1	48,5
Полностью удовлетворён	43,6	47,1	36,8	45,6
Скорее не удовлетворён	8,6	8,8	18,4	2,9
Совершенно не удовлетворён	2,1	0,0	2,6	2,9
<i>Если Вы работаете, считаете ли Вы достаточной полученную Вами в вузе подготовку по специальности?</i>				
Ещё не работаю	37,1	2,9	7,9	70,6
Да, вполне	21,4	47,1	23,7	7,4
Да, отчасти	21,4	29,4	39,5	7,4
Нет	12,1	8,8	23,7	7,4
Затрудняюсь ответить	7,9	11,8	5,3	7,4

Источник: составлено авторами на основе данных опроса.

лидности, 6,7 % с нарушениями слуха, 19 % женщин. Считают недостаточной 12 % всех опрошенных, но 33 % — с нарушениями зрения, 20 % — с нервно-психическими нарушениями и ни один с первой группой инвалидности, с нарушениями опорно-двигательного аппарата (передвигаюсь на кресло — коляске), 8,5 % — с нарушениями опорно-двигательного аппарата.

Выводы и направления будущих исследований

Проблема подготовки по специальности лиц с инвалидностью в России актуальна, является предметом изучения различных дисциплин гуманитарного знания. Особо значимы здесь уровень и качество подготовки по специальности, сформированность теоретических знаний, практиче-

ских навыков, личных профессионально значимых качеств, компетенций.

Такое исследование состояния профессионального образования лиц с инвалидностью проведено в ноябре–декабре 2021 г. Ресурсным учебно-методическим центром по обучению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья ЧелГУ и кафедрой социальной работы и социологии ЧелГУ. В соответствии с целью и задачами исследования по соответствующей анкете опрошено 140 студентов выпускных курсов и выпускников с инвалидностью вузов Свердловской, Челябинской и Курганской областей.

Состав опрошенных по вузам, которые они закончили или где обучаются, по регионам трудоустройства, по уровню полученного (получае-

Таблица 4

Table 4

Оценка студентами и выпускниками с инвалидностью качества подготовки, уровня профессиональных знаний и компетенций, получаемых в вузе, и достаточности полученной ими в вузе подготовки по специальности (% к общему числу опрошенных студентов и выпускников с инвалидностью и по группам инвалидности, по видам нарушений здоровья и полу)

Assessment by students and graduates with disabilities of the quality of training, the level of professional knowledge and competencies obtained at the university, and the sufficiency of the training they received at the university in the specialty (in% of the total number of students and graduates with disabilities and by disability groups, by type of health disorders and gender)

Вопрос анкеты и варианты ответов	Все опрошенные	Группа инвалидности			Имеющиеся виды нарушений здоровья						Пол	
		I	II	III	зрения	слуха	опорно-двигательного аппарата	опорно-двигательного аппарата (передвигаюсь на кресло-коляске)	нервно-психические нарушения	другое	М	Ж
Насколько Вы в целом удовлетворены качеством подготовки, уровнем профессиональных знаний и компетенций, получаемыми в вузе?												
Скорее удовлетворен	45,7	23,1	42,9	49,5	38,9	46,7	42,6	20,0	60,0	52,0	40,0	49,4
Полностью удовлетворен	43,6	69,2	46,4	39,4	55,6	33,3	46,8	60,0	20,0	40,0	47,3	41,2
Скорее не удовлетворен	8,6	7,7	7,1	9,1	5,6	20,0	8,5	20,0	0	6,0	10,9	7,1
Совершенно не удовлетворен	2,1	0	3,6	2,0	0	0	2,1	0	20,0	2,0	1,8	2,4
Если Вы работаете, считаете ли Вы достаточной полученную Вами в вузе подготовку по специальности?												
Ещё не работаю	37,1	38,5	32,1	38,4	27,8	26,7	36,2	60,0	60,0	40,0	41,8	34,1
Да, вполне	21,4	23,1	32,1	18,2	33,3	6,7	25,5	20,0	20,0	18,0	25,5	18,8
Да, отчасти	21,4	30,8	17,9	21,2	22,2	20,0	21,3	20,0	0	24,0	14,5	25,9
Нет	12,1	0,0	14,3	13,1	11,1	33,3	8,5	0	20,0	10,0	12,7	11,8
Затрудняюсь ответить	7,9	7,7	3,6	9,1	5,6	13,3	8,5	0	0	8,0	5,5	9,4

мого) образования и направлению подготовки, по занятости, группам инвалидности, видам нарушений здоровья, причинам инвалидности, по полу, возрасту репрезентативно представляет генеральную совокупность студентов выпускных курсов и выпускников с инвалидностью 2021 г. вузов указанных областей.

По результатам опроса проведён анализ состояния подготовки по специальности лиц с инвалидностью, оценок сформированности знаний и компетенций у студентов выпускных курсов и выпускников с инвалидностью, их удовлетворённости качеством подготовки, уровнем профессиональных знаний и компетенций, получаемых в вузе, оценок достаточности полученной в вузе подготовки по специальности тех, кто работает.

Очевидно, что в подготовке студентов выпускных курсов и выпускников с инвалидностью вузов есть положительные результаты и упущения.

Установлено, что полностью сформированы теоретические знания у большинства — более, чем двух третей тех, кто учится в вузе и работает, но только у менее половины работающих после окончания вуза и у менее половины тех, кто только учится в вузе. Признаёт, что лишь частично они сформированы, каждый третий из тех, кто учится в вузе и работает, но почти половина тех, кто работает после окончания вуза, несколько более половины тех, кто только учится в вузе. О том, что не сформированы, указали по сути единицы работающих после окончания вуза.

Гораздо проблемнее выглядит формирование практических навыков. Полностью они сформированы лишь у половины тех, кто учится в вузе и работает, но только у трети работающих после окончания вуза, у трети тех, кто только учится в вузе. Считают, что они сформированы частично, соответственно 29, 45 и 53 %, а не сформированы — соответственно 21, 21 и 10 %.

Полностью сформированы личные профессионально значимые качества у большинства — это почти две трети тех, кто учится в вузе и работает, но таких лишь треть среди работающих после окончания вуза, 47 % среди тех, кто только учится в вузе. Частично сформированы соответственно у 32, 50 и 43 %, не сформированы — у 0, 11 и 5,9 %.

Полностью сформированы способности решать профессиональные задачи в конкретных ситуациях более чем у половины тех, кто учится в вузе и работает, но у трети работающих после окончания вуза, у 40 % тех, кто только учится в вузе. Частично — соответственно у 32, 45 и 50 %, не сформированы — у 8,8, 11 и 7,4 %.

В целом удовлетворены (полностью + скорее удовлетворены) качеством подготовки, уровнем профессиональных знаний и компетенций, получаемых в вузе, среди тех, кто учится в вузе и работает, подавляющее большинство, среди тех, кто работает после окончания вуза, — квалифицированное большинство, среди тех, кто только учится, — подавляющее большинство, а вот не удовлетворены (скорее не удовлетворены + совершенно не удовлетворены) не мало — пятая часть тех, кто работает после окончания вуза, 8,8 % тех, кто учится в вузе и работает, 5,8 % тех, кто только учится в вузе.

Считают вполне достаточной полученную ими в вузе подготовку по специальности только почти половина из тех, кто учится и работает, и недостаточной — всего лишь 8,8 %, а из тех, кто работает после окончания вуза, не мало — вполне достаточной и недостаточной — по 24 %, а из тех, кто только учится в вузе, вполне достаточной — и недостаточной — по 7,4 %.

Оценки сформированности знаний и компетенций, уровня, качества и достаточности подготовки в вузе по специальности разнятся по группам инвалидности, видам нарушений здоровья и полу студентов и выпускников с инвалидностью, что может учитываться при реализации и разработке программ профессионального образования.

Полагаем, указанные недостатки в подготовке студентов выпускных курсов и выпускников с инвалидностью вузов могут устраняться ректоратами, факультетами и кафедрами. Возможно и расширение условий и программ для получения дополнительных профессиональных компетенций студентами и выпускниками с инвалидностью вузов региона.

Целесообразно выявлять и требования работодателей к компетенциям выпускников с инвалидностью вузов, учитывать такие требования при реализации основных направлений подготовки специалистов и предложений по дополнительному профессиональному образованию тех, кто окончил вуз.

Оценки состояния подготовки по специальности и потребности в дополнительных профессиональных компетенциях студентов выпускных курсов и выпускников с инвалидностью вузов, необходимых для успешного трудоустройства, могут быть использованы при разработке соответствующих программ дополнительного профессионального образования, для обеспечения преемственности программ профессионального образования.

Список источников

1. Мартынова Е. А. Инклюзивное обучение как условие повышения качества образования студентов-инвалидов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2013. Т. 5, № 1. С. 83–87.
2. Kozlov V., Romanenkova D. State And Ways To Increase Employment Of Persons With Disabilities // Competitiveness and the Development of Socio-Economic Systems. 2021. Vol 105. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences European Publisher. P. 168–178. URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.04.18>.
3. Natsun L. N., Shabunova A. A. On the Issue of Economic Cost of Disability // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018. Vol. 11, № 2. P. 160–174. URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.2.56.11>.
4. Коробейников И. А., Кантор В. З. Профессиональное образование лиц с ОВЗ и инвалидностью: целевые ориентиры и факторы успешного развития // Альманах Института коррекционной педагогики. 2019. № 36. URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-36/development-of-professional-education-of-persons-with-special-needs-and-disabilities> (дата обращения: 05.04.2022).
5. Ненахова Ю. С. Трудовой потенциал инвалидов: проблемы реализации // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 3. С. 96–108.
6. Волченкова Е. В., Лучинина М. И. Анализ удовлетворённости работодателей качеством подготовки выпускников вуза с инвалидностью // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности : сборник трудов X Международной научно-практической конференции, посвящённой 30-летию социальной работы в России (23–24 сентября 2021 г., Улан-Удэ). Улан-Удэ : Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2021. С. 65–67. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47401391_95384042.pdf (дата обращения: 05.04.2022).
7. Осьмук Л. А., Можейкина Л. Б. Об удовлетворённости работодателя качеством образования принятых на работу инвалидов // Социально-педагогическая поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика: сборник трудов V Международной научно-практической конференции (20–22 мая 2021 г., Ялта). Симферополь : Ариал, 2021. С. 139–144. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46583833_62642037.pdf (дата обращения: 05.04.2022).
8. Романенкова Д. Ф., Демяник Т. В. Портрет работодателя, принимающего на работу выпускников вузов с инвалидностью // Социально-педагогическая поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика : сборник трудов V Международной научно-практической конференции (20–22 мая 2021 г., Ялта). Симферополь : Ариал, 2021. С. 158–163. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46583841_63419320.pdf (дата обращения: 05.04.2022).
9. Zolotareva O., Sadovnikova N., Babich S., Darda E. Self-Realization of Disabled Children and Graduates of Vocational Education Institutions // Amazonia Investiga. 2019. № 8 (24). P. 102–120.
10. Зайцев Д. В., Наберушкина Э. К., Печенкин В. В. Дополнительное образование в контексте социальной мобильности людей с инвалидностью // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6, № 1. С. 53–70.
11. Долдо Н. В., Козлов В. Н., Романенкова Д. Ф. Работа «без барьеров»: о социокультурных практиках трудоустройства инвалидов в промышленном регионе // Вестник культуры и искусств. 2021. № 1 (65). С. 105–114.
12. Дополнительное образование молодых инвалидов в контексте приоритетов социально-экономического развития / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова ; Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ». № 196. М., 2007. 256 с.
13. Жданова И. В., Можейкина Л. Б. Содействие инклюзивному трудоустройству выпускников вузов из числа инвалидов: концептуальные аспекты и опыт // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2020. № 195. С. 82–88. URL: <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-195-82-88>.
14. Клочкова Е. Н., Дарда Е. С. Проблемы трудоустройства инвалидов с высшим и средним профессиональным образованием в Москве // Высшее образование сегодня. 2018. № 11. С. 59–65. URL: <https://doi.org/10.25586/RNU.HET.18.11.P.59>.
15. Рубцов В. В., Алехина С. В., Хаустов А. В. Непрерывность инклюзивного образования и психолого-педагогического сопровождения лиц с особыми образовательными потребностями // Психолого-педагогические исследования. 2019. Т. 11, № 3. С. 1–14. URL: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110301>.

16. Зорина Е. Е. Преодоление барьеров при реализации инклюзивного образования в вузе // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 165–184. URL: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-165-184>.

References

1. Martynova EA. Inclusive training as a condition of rising education quality of disabled students. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki = Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Educational sciences*. 2013;5(1):83-87. (In Russ.).
2. Kozlov V, Romanenkova D. State And Ways To Increase Employment Of Persons With Disabilities. In E. Popov, V. Barkhatov, V. D. Pham, & D. Pletnev (Eds.). *Competitiveness and the Development of Socio-Economic Systems*, 2021; vol. 105. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 168–178). European Publisher. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.04.18>.
3. Natsun LN, Shabunova AA. On the Issue of Economic Cost of Disability. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2018;11(2):160-174. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.2.56.11>
4. Korobeinikov IA, Kantor VZ. Professional education of persons with disabilities: targets and factors of successful development. *Al'manakh Instituta korrektsionnoi pedagogiki = Almanac Institute of Special Education*. 2019;(36). Available from: <https://alldf.ru/ru/articles/almanac-36/development-of-professional-education-of-persons-with-special-needs-and-disabilities>. (In Russ.).
5. Nenakhova YS. Labour potential of people with disabilities: problems of implementation. *Narodonasele-nie = Population*. 2018;21(3):96-108. (In Russ.).
6. Volchenkova EV, Luchinina MI. Analysis of employers' satisfaction with the quality of training of university graduates with disabilities. In: X Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 30-letiyu sotsial'noi raboty v Rossii "Formy i metody sotsial'noi raboty v razlichnykh sferakh zhiznedeyatel'nosti" = X International scientific and practical conference dedicated to the 30th anniversary of social work in Russia "Forms and methods of social work in different spheres of activity" (23–24 September 2021, Ulan-Ude): Proceedings. Ulan-Ude: East Siberian State University of Technology and Management; 2021. P. 65–67. Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47401391_95384042.pdf (In Russ.).
7. Osmuk LA, Mozheikina LB. On the satisfaction of the employer with the quality of education of employed disabled people. In: V Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Sotsial'no-pedagogicheskaya podderzhka lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: teoriya i praktika" = V International Scientific and Practical Conference "Social and Pedagogical Support for Persons with Disabilities: Theory and Practice" (20–22 May 2021, Yalta): Proceedings. Simferopol: Limited liability company "PP "Arial"; 2021. P. 139–144. Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46583833_62642037.pdf (In Russ.).
8. Romanenkova DF, Demyanik TV. Portrait of an employer hiring university graduates with disabilities. In: V Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Sotsial'no-pedagogicheskaya podderzhka lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: teoriya i praktika" = V International Scientific and Practical Conference "Social and Pedagogical Support for Persons with Disabilities: Theory and Practice" (20–22 May 2021, Yalta): Proceedings. Simferopol: Limited liability company "PP "Arial"; 2021. P. 158–163. Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46583841_63419320.pdf (In Russ.).
9. Zolotareva O, Sadovnikova N, Babich S, Darda E. Self-Realization of Disabled Children and Graduates of Vocational Education Institutions. *Amazonia Investiga*. 2019;(8):102–120.
10. Zaitsev DV, Naberushkina EK, Pechenkin VV. Further training in context of social mobility of people with disabilities. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = The Journal of Social Policy Studies*. 2008;6(1):53-70. (In Russ.).
11. Doldo NV, Kozlov VN, Romanenkova DF. Work "without barriers": on socio-cultural employment practices of disabled people in the industrial region. *Vestnik kul'tury i iskusstv = Culture and arts herald*. 2021;(1):105-114. (In Russ.).
12. Dopolnitel'noe obrazovanie molodykh invalidov v kontekste prioritetov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya = Additional education of young people with disabilities in the context of socio-economic development priorities / eds. Yarskaya-Smirnova ER, Romanov PV. Moscow, MONF; 2007. 256 p. (In Russ.).
13. Zhdanova IV, Mozheikina LB. Assistance in inclusive employment of university graduates with disabilities: conceptual aspects and experience. *Izvestia: Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2020;(195):82-88. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-195-82-88>. (In Russ.).

14. Klochkova EN, Darda ES. Problems of employment of disabled people with higher and secondary vocational education in Moscow. *Vysshee obrazovanie segodnya = Higher education today*. 2018;(11):59-65. <https://doi.org/10.25586/RNU.HET.18.11.P.59> (In Russ.).

15. Rubtsov VV, Alekhina SV, Khaustov AV. Continuity of Inclusive Education and Psychological and Pedagogical Support for Persons with Special Educational Needs. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*. 2019;11(3):1-14. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110301> (In Russ.).

16. Zorina EE. Eradicating the barriers to inclusive higher education. *Obrazovanie i nauka = The Education and science journal*. 2018;20(5):165-184. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-165-184> (In Russ.).

Информация об авторах

В. Н. Козлов — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры социальной работы и социологии.

Д. Ф. Романенкова — кандидат педагогических наук, доцент, начальник Ресурсного учебно-методического центра по обучению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Information about the authors

V. N. Kozlov — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Professor of the Department of Social Work and Sociology.

D. F. Romanenkova — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Resource Educational and Methodological Center for the Training of Persons with Disabilities.

Статья поступила в редакцию 05.03.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 05.03.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 153–160. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;4(462):153-160. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 316.4

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10415

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ РОДИТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА БУДУЩИХ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

**Ирина Викторовна Лаврентьева¹, Николай Константинович Топузов²,
Лариса Борисовна Владыкина³, Дарья Сергеевна Руденко⁴**

^{1,2,3} Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ЧФ РАНХиГС), Челябинск, Россия

¹ astralavr@mail.ru

³ vladykina71@mail.ru

⁴ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, eds@csu.ru[✉]

Аннотация. В современных условиях быстроразвивающегося технологического прогресса, развития информационных и цифровых технологий на первом месте в стратегическом ресурсе социально-экономического развития стоит человек. Первоочередной задачей кадрового вопроса выступает подготовка, отвечающая внешним требованиям, человеческого ресурса. Воспроизводство трудовых ресурсов необходимо проводить через трансформацию воспроизводственного процесса, из которого исключён родительский труд. Особый теоретический и практический интерес представляет реформирование воспроизводственного процесса развития трудовых ресурсов и формирование будущей рабочей силы родительским трудом, поскольку базовые компетенции у человека формируются в семье в системе родительского труда. В статье анализируются понятия «родительская компетентность и компетенции», «квалификация родителя». Обосновывается место родительского труда в воспроизводственном процессе трудовых ресурсов. Рассматриваются подходы к формированию модели родительской компетентности. Дано определение родительских компетенций, актуализируется необходимость создания профессиональных стандартов подготовки на конкретный вид деятельности, выполняемый родителем, в процессе реализации родительского труда.

Ключевые слова: родительский труд, родительская компетентность и компетенции, квалификация, модель родительской компетентности, воспроизводство трудовых ресурсов

Для цитирования: Лаврентьева И. В., Топузов Н. К., Владыкина Л. Б., Руденко Д. С. Формирование модели родительской компетентности в процессе воспроизводства будущих трудовых ресурсов // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 153–160. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10415.

Original article

FORMATION OF A MODEL OF PARENTAL COMPETENCE IN THE PROCESS OF REPRODUCTION OF FUTURE LABOR RESOURCES

Irina V. Lavrentieva¹, Nikolai K. Topuzov², Larisa B. Vladykina³, Daria S. Rudenko⁴

^{1,2,3} Chelyabinsk branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (BS RANEPА), Chelyabinsk, Russia

¹ astralavr@mail.ru

³ vladykina71@mail.ru

⁴ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, eds@csu.ru[✉]

Annotation. In modern conditions of rapidly developing technological progress, the development of information and digital technologies, people are in the first place in the strategic resource of socio-economic development. The primary task of the personnel issue is the training that meets external requirements, the human resource. The reproduction of labor resources must be carried out through the transformation of the reproductive process, from which parental labor is excluded. Of particular theoretical and practical interest is the reform of the reproductive process of the development of labor resources and the formation of the future labor force by parental labor, since the basic competencies of a person are formed in the family in the system of parental labor. The article analyzes the concepts of “parental competence and competencies, qualifications of a parent. The place of parental labor in the reproduction process of labor resources is substantiated. Approaches to the formation of a model of parental competencies are considered. The definition of parental competencies is given, the need to create professional training standards for a specific type of activity performed by a parent in the process of implementing parental work is updated.

Keywords: parental labor, parental competence and competencies, qualifications, model of parental competence, reproduction of labor resources

For citation: Lavrentieva IV, Topuzov NK, Vladykina LB, Rudenko DS. Formation of a model of parental competence in the process of reproduction of future labor resources. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):153-160. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10415

Введение

В условиях переориентации российской экономики на инновационный путь развития возрастают требования к качеству трудовых ресурсов. Особый теоретический и практический интерес представляет реформирование воспроизводственного процесса развития трудовых ресурсов и формирование будущей рабочей силы родительским трудом, поскольку базовые компетенции у человека формируются в семье в системе родительского труда [2; 3; 6].

Этим обуславливается необходимость рассмотрения проблемы формирования моделей родительских компетенций в контексте социального, культурного и экономического развития общества в условиях глобализации. К основным предпосылкам этого относятся:

- рост понимания в обществе того факта, что родительский труд представляет первооснову формирования творческой личности в контексте социальной идентичности;
- возрастание потребности экономики и менеджмента в высококвалифицированных специалистах творческо-инновационного типа как главного фактора конкурентоспособности национальной экономики;
- меняющаяся среда бизнеса, основанная на информационных технологиях, искусственном интеллекте, диктующая потребность в профессиях с весомой долей умственного и креативного труда в инновационной деятельности;
- обострение демографической ситуации (превышение смертности над рождаемостью, отрицательное сальдо миграции), порождающий дефицит кадров;
- деградация института семьи и кризис родительского труда.

Формирование профессиональных моделей компетенций для родителей в сфере организации и управления родительским трудом в связи с дефицитом высококвалифицированных и инновационно подготовленных трудовых ресурсов является актуальной задачей и требует ускоренного решения. Осознанное выполнение обязанностей родителей определяет состояние общества и страны не только в настоящей, но и будущей перспективе.

Основная причина вынесения на обсуждение проблемы «родительских компетентности и компетенций» заключается в недооценке вклада родительского труда в воспроизводственный процесс трудовых ресурсов. Проблематика включения родительского труда, требующая решения вопроса профессионализации этого вида деятельности, по-прежнему остаётся дискуссионной, поскольку учёт вклада родительского труда игнорируется системой национального счетоводства, в большинстве случаев этот труд считается приватным делом населения. Кроме того, родительский труд не имеет законодательно-правового обеспечения в части восприятия его равным трудом в продуктивном секторе экономики — трудовой стаж за выполнение трудовых функций родителя не включён в общий стаж. Родители не проходят специальной подготовки к выполнению родительского функционала и обязанностей по воспитанию, обучению, социализации на всех стадиях взросления ребёнка [11]. При этом остаётся неисследованным вопрос качества подготовки будущих родителей к выполнению родительских обязанностей, поскольку проблема развития родительских компетентности и компетенций в обучении и воспитании детей как будущего трудового ресурса является недостаточно

изученной с точки зрения теории и современной практики.

Возникающие в последнее время многочисленные курсы, школы, академии родительства представлены многовариантностью образовательных программ, реализация которых происходит в отсутствие формата государственного заказа, поддержки и мониторинга, в условиях высокой степени коммерциализации образовательного процесса, спонтанного подбора преподавательского состава.

Материалы и методы исследования

Классическая модель воспроизводства трудовых ресурсов включает в себя фазу формирования, фазу использования, фазу распределения и перераспределения трудовых ресурсов [15]. Однако, на наш взгляд, данную модель необходимо расширить и включить воспроизводство будущих ресурсов, поскольку формирование наших знаний, компетенций, умений в первую очередь закладывается от наших родителей и передаётся от поколения к поколению. Вот почему первоочередным вопросом в формировании будущих трудовых ресурсов должен стать родительский труд, который необходимо включить в национальную экономику страны. Для подготовки будущих кадров родители также должны отвечать быстротеменяющимся требованиям внешней среды. Благодаря родительским компетенциям и уровню квалификации родители смогут стать значимым звеном в формировании будущих трудовых ресурсов, однако не без помощи государственной поддержки.

Анализ психолого-педагогических исследований показывает весьма сложную структуру родительской компетенции и компетентности. Т. В. Коваленко в своих трудах определяет родительскую компетентность как определённую сумму психолого-педагогических, физиолого-гигиенических и правовых компетенций, а также умение родителей применить их в практике воспитательной деятельности [5]. С. В. Кирпич трактует данное понятие как готовность и способность целесообразно действовать в соответствии с принятыми нормами, самостоятельно обеспечивать выполнение родительских обязанностей, отстаивать свои права. Характеристики личности родителя включают целостность, устойчивость, глубину и последовательность родительского поведения. Способность понимать потребности своих детей и создавать условия удовлетворения и потребности интересов детей [3]. Н. Ф. Талызина в своих трудах трактует родительскую компетентность как способность к выполнению педагогической деятельности [8]. А. П. Тряпицына считает, что

родителю для решения проблем, возникающих в процессе воспитания, необходимы знания, опыт, ценности, умения и навыки для реализации педагогической деятельности [9]. Н. Н. Мизина указывает на создание родителем благоприятной среды развития и воспитания ребёнка, которые будут благоприятно влиять на его становление как здоровой личности [7]. Ю. В. Варданян, М. А. Кечина обозначают родительскую компетенцию как технологическую часть, обеспечивающую овладение технологиями организации эффективного взаимодействия со своими детьми [1].

В трактовке этих терминов нарушается правило терминологического единства, отсутствует чёткое разделение понятий родительская «компетенция» и «компетентность», отсутствует классификационный подход к этим понятиям. Наблюдается большой разброс в терминах родительства, родительской компетентности и компетенций, квалификации, а также нет чётких критериев и поведенческих индикаторов, описывающих конкретные функциональные действия родителей по всем этапам воспроизводственного цикла. Родительскую компетентность трактуют достаточно широко — от наличия у родителя определённых знаний и навыков до существования определённого родительского феномена, позволяющего выполнять родительский функционал.

На наш взгляд, в базе родительской компетентности наличествует соответствующий теоретический базис знаний и навыков, задающий вектор требований к родительской квалификации и имеющий ориентацию на рекомендуемые стандарты. *Родительская компетенция* — это система поведенческих реакций родителя, основанная на наборе знаний, навыков, опыта, личностных особенностей, мотивов и интересов взрослого, что позволяет с высокой степенью вероятности достичь поставленных целей и задач. *Родительская квалификация* — это определённый уровень знаний, умений, профессиональных навыков, опыта и компетенций, характеризующий подготовленность родителя к выполнению конкретных трудовых функций и работ определённой сложности в рамках трудовой деятельности родителя.

Базисом родительской компетенции являются проявляемые в поведении родителя выученные знания. Реализация в поведенческой модели родительской компетенции нацелена на результат (наилучший или наихудший) при взаимодействии с ребёнком и содержит ответ на вопрос «Как достигается» стандарт идеального поведения родителя в данной ситуации [12].

Успешная реализация компетенций в системе родительского труда должна опираться на следующие принципы:

- научности;
- социального взаимодействия;
- учёта исторических, национальных и культурных особенностей в системе реализации родительского труда;
- безусловного осознанного понимания и объяснения поведения ребёнка;
- гибкого реагирования на возникающие ситуативные задачи в процессе реализации родительских функций.

Условием качественного решения выше обозначенных проблем, являющихся основой успеха родительства, является решение задачи формирования и практической реализации модели компетентности родительского труда, позволяющей перейти к регулированию регламентами, управлению ценностями и целями. Под компетентностной моделью понимается набор ключевых компетенций, необходимых для эффективного выполнения родительского труда с учётом семейных и государственных интересов.

Существуют два подхода к построению компетентностной модели родителя: *аналитический* и *прецедентный (проактивный)*. В основании первого подхода — выделение в родительском труде функциональных трудовых действий — определённых видов деятельности по рождению, воспитанию, обучению, социализации (и пр. трудовым функциям), с последующим выбором под этот функционал необходимых качеств с соответствующими знаниями, навыками, умениями. По своему содержанию такой подход представляет собой направление, которое реализуется за счёт развития знаний, умений и навыков в предметной области родительского труда. Особую роль представляет развитие стандартизации профессиональных компетенций в организации родительского труда с необходимостью формирования требований к компетенциям как реальной основы согласования практических действий родителя и требуемого блока знаний [13]. При условии включения родительского труда в национальную экономику России, с признанием его экономического и юридического статуса наравне с продуктивным трудом — разработка профессионального стандарта к подготовке родителя к выполнению трудовых функций подразумевает рассмотрение родительского труда как вида профессиональной деятельности.

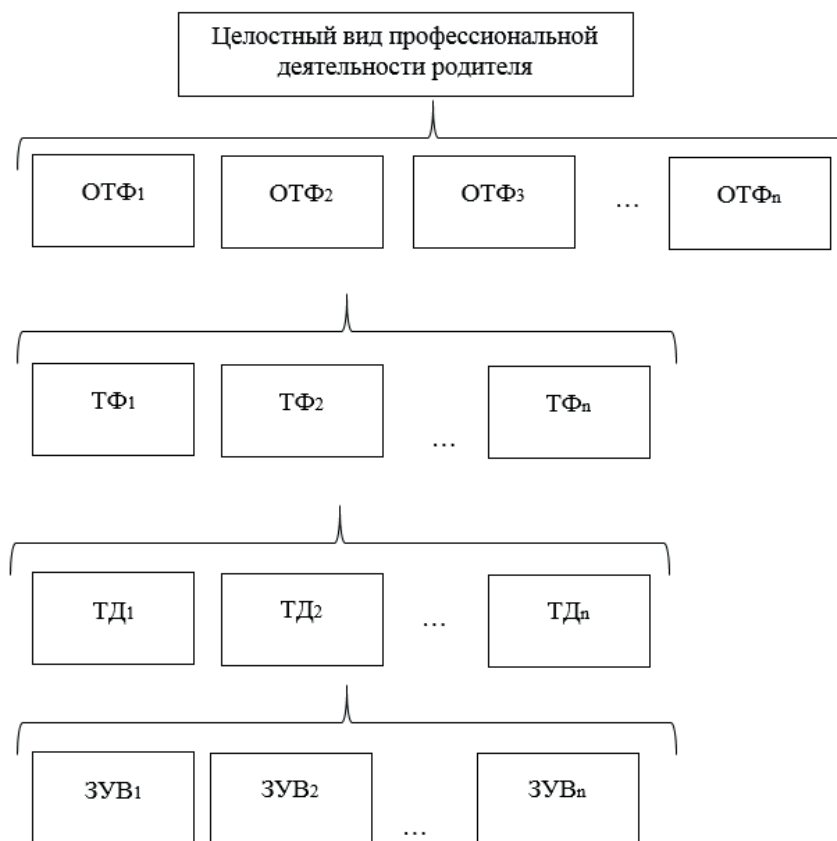
Первоначально при разработке профстандарта потребуются информация по описанию обобщённых трудовых функций, результатам и условиям выполнения родительского труда с последующим каскадированием этого вида деятельности — структура формирования представлена на рисунке.

Сбор и анализ информации по уже существующим профстандартам (например, профстандарт педагога, психолога, медработника, социального работника, воспитателя и др.), сверка функций через функциональный анализ деятельности родителя, разработка плана обучения с закреплением знаний, умений и навыков, проверка на правовое соответствие профстандарта, анализ, мониторинг и корректировка — вот неполный перечень этапов действий по разработке профстандарта по родительству.

Использование аналитического подхода при построении модели родительской компетентности, овладение блоком теоретических знаний, «закрывающих» обобщённую трудовую функцию вполне возможно при построении модели родительской компетентности, поскольку «гарантирует» овладение блоком теоретических знаний, «закрывающих» обобщённую трудовую функцию и составляющую родительскую компетентность. Согласитесь — можно обладать знаниями как сокровищем, но не применять их в силу различных причин в практике родительского поведения (так называемый эффект выученной беспомощности). Тем не менее разработка и внедрение профстандарта на деятельность родителя может оказать существенную помощь при определении родительской заработной платы, при условии экономического и юридического закрепления родительского труда в национальной экономике.

Принципиальное отличие второго подхода при построении родительской модели компетентности состоит в другом векторном направлении формирования родительской компетентности. Предлагается «идти» не от трудовых функций и привития соответствующих трудовым функциям и действиям необходимых знаний и навыков, а от успешных поведенческих моделей родителя. Начало формирования модели — от наблюдения практики действий успешного родителя, формализации этого образца и последующего научения этой компетенции¹.

¹ В качестве примера вспомним фрагмент фильма «Джентльмены удачи» реж. Л. Гайдая (1981 г.), где есть сюжет с завтраком в детском саду — когда дети отказываются от предложения «компетентного»

Структура вида деятельности родителя — каскадирование целостного вида родительской деятельности:

Примечание: $ОТФ_1 \dots ОТФ_n$ — совокупность обобщённых трудовых функций, реализуемых в процессе выполнения родительской работы; $ТФ_1 \dots ТФ_n$ — система трудовых действий в рамках конкретной $ОТФ$; $ТД_1 \dots ТД_n$ — выполнение определённой задачи в конкретных условиях в рамках $ТФ$; $ЗУВ_1 \dots ЗУВ_n$ — знания, умения, навыки владения тем или иным видом трудовой деятельности.

Рисунок составлен авторами самостоятельно

The structure of the parent's type of activity is the cascading of an integral type of parental activity
The drawing was compiled by the authors themselves

Алгоритм второго направления в следующем: выделение модели «идеального родителя», проведение анализа работ, создание списка компетенций посредством поведенческого интервью или метода критических инцидентов, прописывание поведенческих индикаторов к компетенциям по выбранным шкалам и, наконец, подбор методов оценки для выявленных родительских компетенций.

Переход экономики к шестому технологическому укладу, турбулентность внешней среды требуют глубокого переосмысления всего процесса формирования и содержания родительского тру-

и имеющего квалификацию воспитателя, но не умеющего выполнять свою трудовую функцию — накормить детей предложенной кашей, поскольку молодой воспитатель не владеет компетенцией, выполнение которой в ситуативно возникшей задаче успешно демонстрирует директор садика.

да и его вклада в воспроизводственный процесс трудовых ресурсов [14]. В настоящее время государство, общественные организации, институты поддержки семьи, материнства и детства основное внимание уделяют материальному обеспечению семей и детей в детском и юношеском возрасте в ущерб развитию образовательной деятельности по формированию родительской компетентности. При этом в подходах к родительскому труду в части воспитания и образования детей как этапу воспроизводственного процесса формирования профессиональных компетенций будущих трудовых ресурсов по-прежнему наблюдается огромный дефицит компетентных родителей в сфере передачи знаний, умений и навыков будущим поколениям.

Особую категорию представляют молодые родители, опыт которых в становлении и развитии родительских компетенций формируется

от собственных родителей, друзей или в результате случайным образом полученной из внешней среды информации. Увеличение пенсионного возраста, падение доходов населения, необходимость работать после пенсии в ещё большей степени отдалили старшее поколение бабушек и дедушек от традиционно складывающейся модели воспитания детей.

Выводы

Таким образом, представленные выше модели формирования родительской компетентности имеют разнонаправленные алгоритмы (от теории к практике — сверху вниз и наоборот), опираются на разнообразные методы, технологии и инструменты, учитывают теоретические разработки, исторический опыт и традиции, лучшие практики применения. Формирование и реализация родительской компетентности не носит «точечного» характера, эта задача распределена по всем стадиям репродукционного процесса — от младенчества до достижения совершеннолетия — и имеет свою специфику, в зависимости от воз-

раста ребёнка. Безусловно, реализация модели формирования родительской компетентности требует специального управленческого органа в виде социального института под государственным патронажем, цель которого — ликвидация родительской безграмотности.

Родительский «ликбез», в основе которого лежит формирование родительской компетентности, позволит решить ряд противоречий, провоцирующих разрывы воспроизводственного процесса будущих поколений. Современные демографические вызовы, нарастающий дефицит трудовых ресурсов, нерешённый конфликт «семья — работа», кризис семьи, инфантилизация подрастающих поколений — все эти и другие негативные тенденции диктуют необходимость совместных усилий учёных и практиков в теоретическом и практическом осмыслении модели родительской компетентности, его методического обеспечения и образования государственного института с целью обучения квалифицированному родителю как современной профессии.

Список источников

1. Варданян Ю. В., Кечина М. А. Исследование родительских компетенций средствами онлайн-диагностики // Казанский педагогический журнал. 2020. № 6 (143). С. 244–250.
2. Васильева О. Н. Воспитание детей — это наука. Президент РАО О. Ю. Васильева для «Вести ФМ» URL: <http://rusacademedu.ru/presscentre/prezident-rao-o-yu-vasileva-dlya-vesti-fm>
3. Ильшев А. М., Лаврентьева И. В. Стратегия включения репродуктивного труда в экономику России : монография. М. : Финансы и кредит, 2005. 368 с.
4. Кирпич С. В. Развитие родительских компетенций: социальные и духовно-нравственные аспекты // Христианство в европейской и мировой истории : сб. докл. XXI междунар. Кирилло-Мефодиевских чтений ; Белорусский государственный университет. Минск, 2019. С. 88.
5. Коваленко Т. В. Понятие родительской компетенции в современной педагогической практике // Евразийский Союз учёных. 2015. № 4 (13). Серия «Педагогические науки». С. 31.
6. Лаврентьева И. В., Тихонова О. К. Альтернативный подход к решению проблемы профессиональной асимметрии в трудовой деятельности женщины // Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы : материалы всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 3 марта 2020 г. Иваново : Иванов. гос. ун-т, 2020. С. 162–166.
7. Мизина Н. Н. Осуществление психологической поддержки родителей подростков с асоциальным поведением в деятельности практического психолога // Личность XXI века: теория и практика : сборник научных трудов. Ставрополь, 2004. С. 37–40.
8. Талызина Н. Ф. Вопросы профессиональной компетентности учителя. М. : Проспект, 2009. 214 с.
9. Тряпицына А. П. Новая школа и новый учитель // Вестник Герценовского университета. 2010. № 3. С. 23–29.
10. Сочнева Е. Н., Зайцева Г. А., Исаева Е. Ю. Профессиональный стандарт: от «чтения» к применению : метод. указания. Красноярск : ККЦПиРК, 2019. 41 с.
11. Лаврентьева И. В., Внуковская Т. В., Патракова Д. А. Оценка отчуждения репродуктивного труда в проблематике трудовой деятельности // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 65–73.
12. Ячменева М. В. Формирование системы родительских компетенций как фактор социальной устойчивости молодой семьи // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2017. № 3. С. 37–41.

13. Макушкина О. М., Кузнецова Е. Н. Формирование эмоциональной компетенции в детско-родительских отношениях // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2016. № 3 (39). С. 101–104.
14. Лаврентьева И. В., Буторина О. С., Какпаев Ю. Ш., Руденко Д. С. Инновационные модели воспроизводства человеческих ресурсов в турбулентных условиях внешней среды // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 11 (445). С. 194–201.
15. Захаров А. Н. Воспроизводство трудовых ресурсов // Журнал научных и прикладных исследований. 2017. № 3. С. 41–45.

References

1. Vardanyan YuV, Kechina MA. The study of parental competencies by means of online diagnostics. *Kazan Pedagogical Journal = Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*. 2020;(6);244-250. (In Russ.).
2. Vasil'eva ON. Raising children is a science. RAO President. Available from: <http://rusacademedu.ru/presscentre/prezident-rao-o-yu-vasileva-dlya-vesti-fm>
3. Ilyshev AM, Lavrent'eva IV. Strategiya vlyucheniya reproduktivnogo truda v ekonomiku Rossii = Strategy for including reproductive labor in the Russian economy. Moscow, Finance and Credit; 2005. 368 p. (In Russ.).
4. Kirpich SV. Development of Parental Competences: Social, Spiritual and Moral Aspects. In: Christianity in European and World History = Christianity in European and World History. Minsk; 2019. (In Russ.).
5. Kovalenko TV. The concept of parental competence in modern pedagogical practice. *EvrAzijskij Soyuz uchenyh (ESU) = Eurasian Union of Scientists (ESU)*. 2015;(4);31. (In Russ.).
6. Lavrentieva IV, Tikhonova OK. An alternative approach to solving the problem of professional asymmetry in a woman's work activity. In: Zhenshchiny v professiyah XXI veka: tendencii, problemy, perspektivy = Women in the professions of the XXI century: trends, problems, prospects. Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation, Moscow, March 3, 2020. Ivanovo; 2020. P. 162-166. (In Russ.).
7. Mizina NN. Implementation of psychological support for parents of adolescents with antisocial behavior in the activities of a practical psychologist. In: Lichnost' XXI veka: teoriya i praktika = Personality of the XXI century: theory and practice. Collection of scientific papers. Stavropol, 2004. P. 37–40. (In Russ.).
8. Talyzina NF. Voprosy professional'noj kompetentnosti uchitelya = Questions of professional competence of the teacher. Moscow, Prospect; 2009. 214 p. (In Russ.).
9. Tryapitsyna AP. New school and new teacher. *Vestnik Gercenovskogo universiteta = Bulletin of Herzen University*. 2010;(3);23-29. (In Russ.).
10. Sochneva EN, Zaitseva GA, Isaeva EYu. Professional'nyj standart: ot «chteniya» k primeniyu = Professional standard: from "reading" to application: guidelines. Krasnoyarsk; 2019. 41 p.
11. Lavrent'eva IV, Vnukovskaya TV, Patrakova DA. Evaluation of the alienation of reproductive labor in the problems of labor activity. *Socium i vlast' = Society and power*. 2016;(6);65-73. (In Russ.).
12. Yachmeneva MV. Formation of a system of parental competencies as a factor in the social sustainability of a young family. *Municipal'noe obrazovanie: innovacii i eksperiment = Municipal education: innovations and experiment*. 2017;(3);37-41. (In Russ.).
13. Makushkina OM, Kuznetsova EN. Formation of emotional competence in parent-child relationships. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully = Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University. M. Akmulla*. 2016;(3);101-104. (In Russ.).
14. Lavrent'eva IV, Butorina OS, Какпаев YuSh, Rudenko DS. Innovative models of reproduction of human resources in turbulent environmental conditions. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2020;(11);194-201. (In Russ.).
15. Zakharov AN. Reproduction of labor resources. *Zhurnal nauchnyh i prikladnyh issledovanij = Journal of scientific and applied research*. 2017;(3);41-45. (In Russ.).

Сведения об авторах

- И. В. Лаврентьева** — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента.
Н. К. Топузов — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента.

Л. Б. Владыкина — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента.
Д. С. Руденко — аспирант.

Information about authors

I. V. Lavrentieva — Doctor of Economics Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management.

N. K. Topuzov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management.

L. B. Vladykina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management.

D. S. Rudenko — post-graduate student.

Статья поступила в редакцию 21.02.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 21.02.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ REVIEWS AND DISCUSSIONS

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 161–172. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(4(462)):161-172. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 378.14

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10416

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА РАЗВИТИЕ ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЯ В РОССИИ

Ирина Анатольевна Белова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, belova@csu.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе факторов, влияющих на развитие онлайн-обучения в России. Исследованы группы внешних факторов, в число которых входят социальные (численность постоянного населения России; реальные располагаемые денежные доходы населения; индекс потребительской уверенности; уровень урбанизации; удобный формат обучения (мобильное обучение, микрообучение), возможность совмещения обучения с работой, учёбой, личной жизнью; распространение COVID-19); технологические (развитие информационного общества в России; современные технологии интернет-маркетинга; современные технологии онлайн-обучения); экономические (ВВП России; курс доллара; платные услуги населению, услуги системы образования; потребительские цены и индекс потребительских цен на обучение в государственных и негосударственных образовательных организациях (ОО) высшего профессионального обучения (ВПО) и среднего профессионального обучения (СПО); средние цены на дополнительное обучение по видам услуг; инвестиции в развитие образовательных онлайн-платформ) и политические факторы (лицензирование образовательной деятельности; государственная поддержка и программы; нестабильность политической обстановки). Полученные результаты обобщены в виде СТЕР-анализа. Представлены векторы влияния исследованных факторов на развитие онлайн-обучения в России. Выявлены факторы-барьеры и факторы-драйверы. Исследование основано на статистических данных Росстат РФ, а также данных справочно-правовых систем РФ: «КонсультантПлюс» и «Гарант».

Ключевые слова: онлайн-обучение, дистанционное обучение, онлайн-образование, факторы влияния, развитие онлайн-обучения, факторы-барьеры, факторы-драйверы

Для цитирования: Белова И. А. Анализ факторов, влияющих на развитие онлайн-обучения в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 161–172. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10416.

Original article

ANALYSIS OF FACTORS INFLUENCING THE DEVELOPMENT OF ONLINE LEARNING IN RUSSIA

Irina A. Belova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, belova@csu.ru

Abstract. The purpose of the study is to analyze the factors influencing the development of online learning in Russia. Groups of external factors were studied, including social factors (number of permanent population of Russia; real disposable money income of the population; index of consumer confidence; level of urbanization; convenient learning format (mobile learning, microlearning), the possibility of combining learning with work, study, personal life; spread of COVID-19); technological (development of the information society in Russia; modern technologies of Internet marketing; modern technologies of online learning); economic (GDP of Russia; dollar exchange rate; paid services to the population, services of the education system; consumer prices and consumer price index for education in state and non-state educational organizations (OO) of higher vocational training (HPE) and secondary

vocational training (SVE); average prices for additional training by type of service; investments in the development of online educational platforms) and political factors (licensing of educational activities; state support and programs; political instability). The results obtained are summarized in the form of a STEP analysis. The vectors of influence of the studied factors on the development of online learning in Russia are presented. Factors-barriers and factors-drivers are revealed. The study is based on statistical data from Rosstat of the Russian Federation, as well as data from legal reference systems of the Russian Federation: “ConsultantPlus” and “Garant”.

Keywords: online learning, distance learning, online education, influence factors, development of online learning, barrier factors, driver factors

For citation: Belova IA. Analysis of factors influencing the development of online learning in Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):161-172. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10416.

Введение

Развитие дистанционного обучения, онлайн-обучения, онлайн-образования было планомерным на протяжении последнего десятилетия до наступления пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, которая выступила своеобразным катализатором роста исследуемой отрасли. Введённый карантин и, как следствие, массовый переход на удалённую работу и учёбу школьниками, студентами способствовали росту спроса и предложения в отрасли онлайн-обучения. Спрос в сегменте обучения взрослых был сопряжён с тем, что в любой кризисный период люди боятся потерять работу, а снизить риски таких ожиданий помогают курсы дополнительного образования и повышения квалификации. Отсутствие возможности обучения офлайн в данный период породил спрос на учебные онлайн-программы, менторскую поддержку, сессии с коучами. Домашнее обучение, на которое перешли школьники и студенты в пандемийный период, спровоцировало появление онлайн-факультативов и курсов подготовки к ЕГЭ. Вместе с ростом спроса наблюдается и рост предложения в исследуемой отрасли. В частности, появилось множество образовательных онлайн-платформ с расширенным продуктовым портфелем услуг и онлайн-курсов, учитывающих целевую аудиторию, сроки прохождения, практико-ориентированный подход к обучению и пр. При этом платформы онлайн-обучения усиленно развивают сотрудничество с высшими учебными заведениями и специализированными центрами, ориентированными на дополнительное профессиональное обучение. Последние, в свою очередь, стали более интенсивно предлагать дополнительное профессиональное обучение в онлайн-формате или смешанные очно-дистанционные курсы. В целом развитие технологий и повсеместная цифровизация открыли новые возможности с точки зрения доступности образовательных ресурсов.

Цель исследования заключается в анализе факторов, влияющих на развитие онлайн-обучения в России. Применение новых информационных технологий в процессе подготовки экономиста по программам дополнительного профессионального образования обосновал В. Бархатов и коллеги [2]. Более того, в этом ключе В. Бархатов предложил инновационную модель высшего экономического образования [1], Д. Плетнёв и В. Бархатов представили модель государственного регулирования высшего образования в целях повышения безопасности национальной экономики [3]. Особенности современной модели онлайн-обучения, а также экономические и организационные преимущества онлайн-образования выявили О. Махалина и В. Махалин [5]. Выявление направлений эффективного использования онлайн-формата обучения в образовательном процессе для вузов и перспективы дальнейшего развития дистанционного обучения исследовали Т. Каверзнева и коллеги [12]. Подходы к развитию онлайн-обучения в цифровой среде высшего образования Якутии предложили Е. Барахсанова и коллеги [8]. Оценку влияния геймифицированного онлайн-обучения на обучение студентов провели С. Парк и С. Ким [14].

Влияние пандемии коронавируса на развитие онлайн-обучения в России, зарубежный опыт дистанционного обучения раскрыты Р. Чесновым и А. Асанбековой [6]. Развитие онлайн-обучения в высших учебных заведениях Израиля и влияние пандемии COVID-19 исследовали Э. Коэн и Н. Давидович [10]. Исследование ожиданий, опыта и удовлетворённости аспирантов средней дистанционного онлайн-обучения в аспирантуре OMSC (Филиппины) во время пандемии COVID-19 провели В. Казанова и В. Пагиа [9]. Влияние ожиданий и удовлетворённости студентов электронным обучением в Малайзии раскрыли А. Умбит и М. Таат [15].

Критические факторы успеха онлайн-обучения с точки зрения учащихся изучили В. Варт и коллеги [16]. Влияние внешних и внутренних фак-

торов успешности компаний малого и среднего бизнеса, в том числе компаний, оказывающих услуги онлайн-обучения и образования, исследовали В. Бархатов и И. Белова [7], Е. Николаева и Д. Плетнёв [13]. Более того, оценка влияния налоговой нагрузки (как внешнего фактора) на успешность малых и средних предприятий проведена И. Беловой [4].

Создание исследовательского сообщества в онлайн-курсах обосновал Х. Фиок. Кроме того, Х. Фиок описал практический подход к реализации стратегий обучения для построения исследовательского сообщества в онлайн-курсах. При этом создание онлайн-сообщества оказывает положительное влияние на качество обучения студентов, повышает вовлеченность студентов и поощряет мотивацию студентов в онлайн-обучении [11].

Материалы и методы исследования

Теоретическую и методологическую базу исследования составили аналитические и обзорные статьи в области изучения особенностей, проблем, тенденций и перспектив развития онлайн- и дистанционного обучения, а также исследования в области функционирования соответствующих рынков в условиях цифровизации экономики.

Методологический инструментарий данного исследования составили общенаучные методы и подходы, в число которых вошли методы синтеза, индукции и дедукции, аналогии и моделирования, графического и сравнительного анализа, системного подхода.

Информационную базу исследования формировали данные Росстата РФ, а также данные справочно-правовых систем РФ: «КонсультантПлюс» и «Гарант».

Результаты исследования и их обсуждение

На развитие онлайн-обучения в России оказывает влияние множество факторов, которые

можно систематизировать по основным четырём группам: социальные (S), технологические (T), экономические (E) и политические (P). Последовательно рассмотрим каждую из этих групп и обобщим полученные результаты в виде СТЕР-анализа.

Социальные факторы

Численность постоянного населения России. Период 2010–2018 гг. характеризуется поступательным увеличением численности населения России с ежегодными темпами прироста 0,02–0,22 % (рис. 1). При этом необходимо отметить, что 2014 г. стал исключением: по его итогам наблюдался самый высокий прирост населения 1,81 %, что в большей степени обусловлено присоединением Крыма к России. По состоянию на 1 января 2019–2022 гг. динамика численности населения характеризуется отрицательной направленностью с ежегодным сокращением населения на 0,02–0,47 %. Так, согласно предварительной оценке Росстата, на 1 января 2022 г. численность постоянного населения России составила 145 478 097 чел., сократившись относительно предыдущего года на 0,47 %. При этом естественная убыль населения достигла рекордных значений — 1,04 млн чел. В структуре численности населения доля городского населения составляет 74,8 %, сельского населения — 25,2 %. В ТОП-5 регионов по численности населения (на 1 января 2022 г.) входят: Москва — 12 632 409 чел. (8,7 % от общего населения России), следом за ней идёт Московская область — 7 765 918 чел. (5,3 %), Краснодарский край — 5 681 962 чел. (3,9 %), Санкт-Петербург — 5 376 672 чел. (3,7 %), Свердловская область — 4 261 084 чел. (2,9 %). При этом наибольшая плотность населения зафиксирована в Москве — 4 932,6 чел./км², в то время как средняя плотность населения в России составляет 8,5 чел./км².

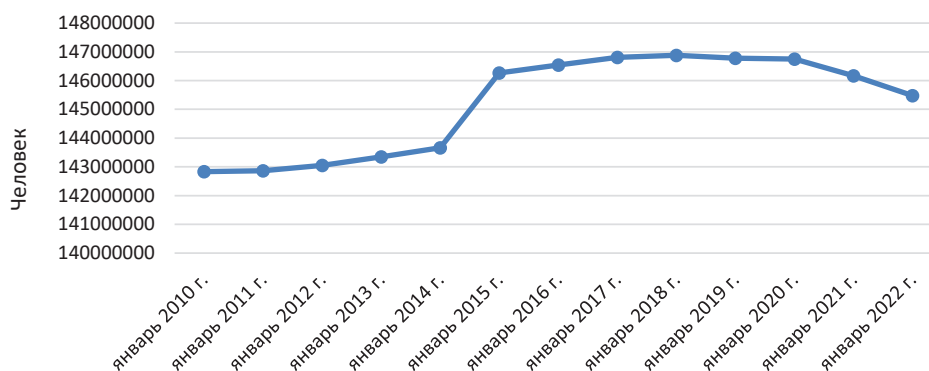

Рис. 1. Численность постоянного населения России на 1 января, 2010–2022 гг., чел. Источник: Росстат

Fig. 1. The number of permanent population of Russia as of January 1, 2010–2022, people. Source: Rosstat

Индекс потребительской уверенности. Индекс потребительской уверенности отражает совокупные потребительские ожидания населения. При этом в 2014 г. (вследствие валютного кризиса) и в 2020 г. (по причине пандемийного кризиса) индекс потребительской уверенности имел тенденцию к снижению до достижения минимальных значений -32% в первом квартале 2015 г. и -30% во втором квартале 2020 г. Столь же низким ($-30,0\%$) индекс был по итогам I квартала 2016 г. Начиная с I квартала 2017 г. до II квартала 2018 г. включительно ИПУ имел благоприятную тенденцию к росту, достигнув максимального значения по итогам II квартала 2018 г. — $-8,0\%$.

ИПУ в 2021 г. поквартально отыгрывал низкие значения 2020 г. с достижением максимального уровня во II квартале — -18% . В IV квартале 2021 г. индекс потребительской уверенности по сравнению со II кварталом 2021 г. снизился на 5 процентных пункта и составил -23% .

Реальные располагаемые денежные доходы населения России. Согласно данным Росстата, на протяжении 2014–2017 гг. реальные располагаемые доходы населения демонстрировали отрицательную тенденцию, доходы населения непрерывно снижались (рис. 3). Наибольшее сокращение доходов населения приходится на 2016 г. ($-4,5\%$). Начиная с 2018 г. наметился незначительный рост располагаемых доходов населения — $0,4\%$, по итогам 2019 г. рост был чуть выше и составил 1% . Пандемический кризис, сопровождавшийся снижением деловой активности, карантинными ограничениями, ростом безработицы и прочими факторами, спо-

собствовал сжатию доходов населения по итогам 2020 г. на 2% . По итогам 2021 г. реальные располагаемые денежные доходы населения показали максимальный рост за рассматриваемый период 2014–2021 гг. — $3,1\%$ в годовом выражении. При этом пик роста доходов населения в 2021 г. пришёлся на III квартал ($+8,8\%$ к соответствующему периоду 2020 г.), что в большей степени обусловлено реализацией отложенного в период пандемии спроса, восстановлением экономической активности.

Уровень урбанизации. На протяжении 2014–2021 гг. наблюдается стабильное увеличение доли городского населения с соответствующим снижением доли сельского населения (рис. 4). Согласно предварительной оценке Росстата, по состоянию на 1 января 2022 г. доля городского населения России достигла максимальной отметки за рассматриваемый период и установилась на уровне $74,8\%$ (прирост относительно 2013 г. на $0,6$ процентных пункта). При этом доля городского населения растёт в основном за счёт миграционных притоков в крупных городах. Это в свою очередь способствует дополнительному предложению рабочей силы, повышению спроса на различные товары и услуги, в том числе и на услуги онлайн-образования. Данная тенденция обусловлена большей обеспеченностью мобильной связью, качественным и доступным мобильным и домашним интернетом. Также в мегаполисах сосредоточены крупные предприятия, где больше внимание уделяется повышению квалификации и профессиональной перепод-

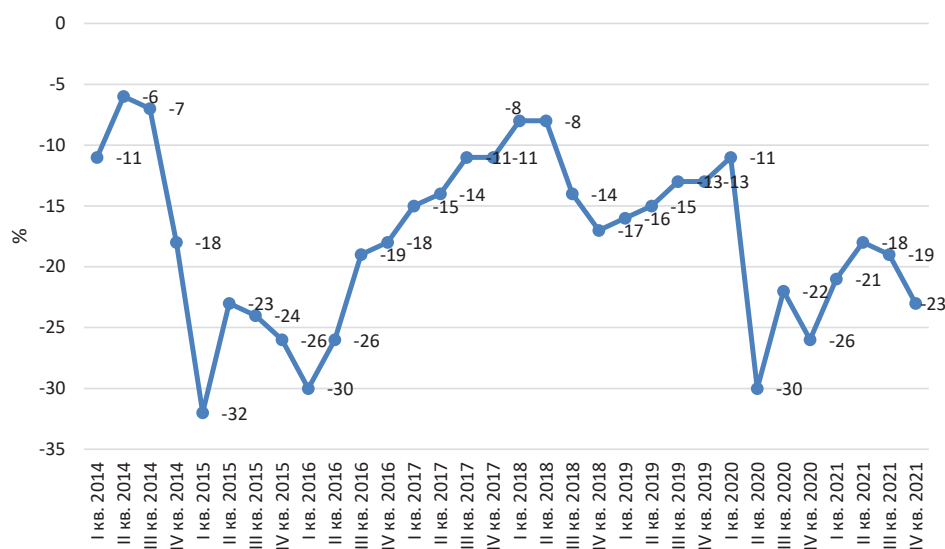

Рис. 2. Индекс потребительской уверенности, 2014–2021 гг., поквартально, %. Источник: Росстат

Fig. 2. Consumer confidence index, 2014–2021, quarterly, %. Source: Rosstat

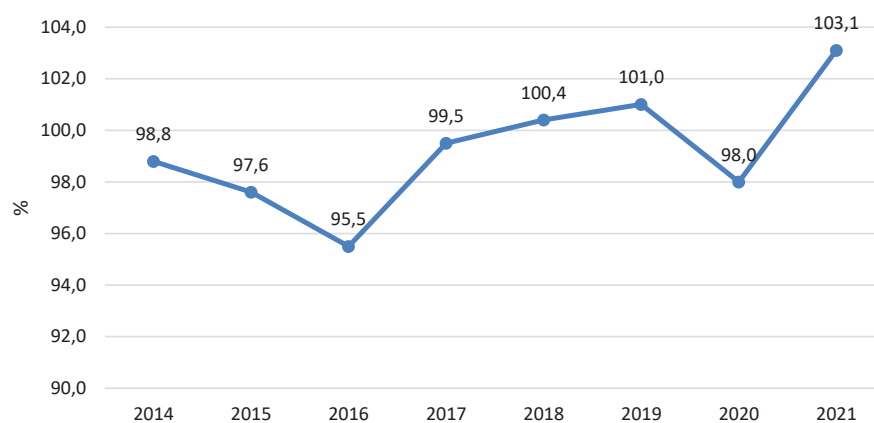

Рис. 3. Реальные располагаемые денежные доходы населения России, 2014–2021 гг., % к соответствующему периоду предыдущего года. Источник: Росстат

Fig. 3. Real disposable income of the Russian population, 2014–2021, % to the corresponding period of the previous year. Source: Rosstat

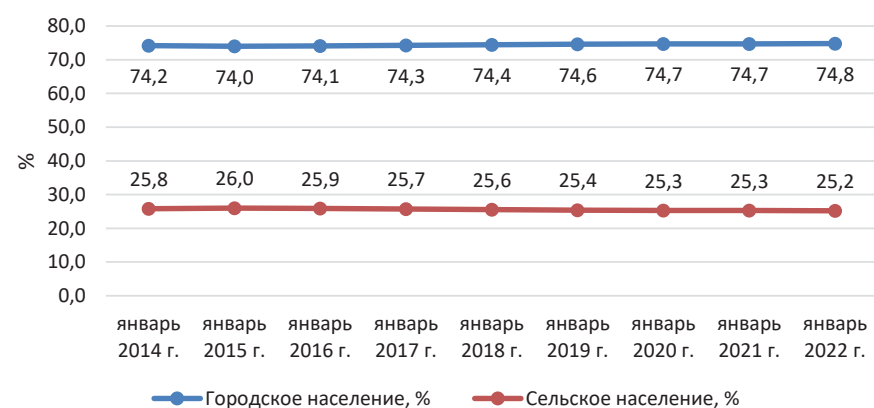

Рис. 4. Доля городского и сельского населения России, 2014–2021 гг., %. Источник: Росстат

Fig. 4. The share of urban and rural population of Russia, 2014–2021, %. Source: Rosstat

готовке сотрудников, что также стимулирует развитие онлайн-образования.

Удобный формат обучения (мобильное обучение, микрообучение), возможность совмещения обучения с работой, учёбой, личной жизнью. Принципы микрообучения (microlearning) позволяют разбить курс на небольшие уроки по 7–10 минут, что способствует усвоению учебного материала дозированно, мелкими порциями. Кроме того, такие короткие уроки удобно совмещать с работой, учёбой и другими делами. В свою очередь, мобильное обучение (mLearning) обусловлено стремительным развитием мобильных технологий; главное, чтобы под рукой всегда был планшет или смартфон. Более того, наличие Интернета уже не является обязательным условием в силу того, что мобильное обучение может проходить и в офлайн-формате.

Распространение COVID-19. Пандемия коронавируса оказала существенное влияние на развитие всех отраслей, отрасль онлайн-обучения не стала исключением. В отличие от многих других сфер, где пандемия COVID-19 выступала сдерживающим фактором, в сфере онлайн-обучения она стала главным катализатором её развития. Школьники, студенты, педагоги и преподаватели были вынуждены в ускоренном режиме осваивать

онлайн-формат обучения. Самоизоляция и карантинные ограничения привели к ошеломительному притоку новых пользователей во всех сегментах онлайн-образования: дошкольного, дополнительного школьного образования, высшего образования, обучения в корпоративном секторе и пр.

Технологические факторы

Развитие информационного общества в России. Согласно данным Росстата наблюдается положительная динамика всех показателей, позволяющих оценить развитие информационного общества в России.

В частности, растёт доля числа абонентов фиксированного и мобильного широкополосного доступа в Интернет на 100 чел. населения. Так, по итогам 2014 г. на каждые 100 чел. населения приходилось 17 абонентов фиксированного и 64,5 абонента мобильного доступа в Интернет. По итогам 2020 г. эти показатели установились на уровне 23 и 99,6 абонента соответственно (табл. 1).

Показатели, позволяющие оценить использование Интернета домашними хозяйствами и населением, также демонстрировали благоприятную тенденцию к росту в 2014–2020 гг. Увеличивались как показатели числа пользователей Интернета, так и доля пользователей в каждом домохозяйстве. К примеру, доля населения, являюще-

гося активными пользователями сети Интернет, в общей численности населения по итогам 2020 г. составила 84,1 % (прирост относительно 2014 г. на 19,2 процентных пункта). Наиболее важным для развития онлайн-обучения является показатель доли населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров и(или) услуг, в общей численности населения. Он в 2020 г. увеличился в 2,3 раза по сравнению с 2014 г., что говорит о росте популярности использования Интернета для получения услуг.

Доля организаций, имевших веб-сайт, в общем числе обследованных организаций в 2014 г. была равна 40,3 %, а в 2019 г. — 51,9 %. Это приводит к увеличению информированности пользователей глобальной сетью о существующих товарах, услугах, а также позволяет совершать необходимые покупки онлайн. При этом в 2020 г. этот показатель несколько снизился относительно

2019 г., что, вероятнее всего, обусловлено переходом компаний в социальные сети. При этом доля организаций, осуществляющих продажу своих товаров или услуг через Интернет, увеличилась более чем на 7,0 процентных пункта с 2014 г. и достигла 24,7 % в 2020 г.

Современные технологии интернет-маркетинга. В число наиболее применяемых технологий интернет-маркетинга в настоящее время входят: контент-маркетинг, автоматические чат-боты, интерактивный контент, микроинфлюенсинг, голосовой поиск, видеомаркетинг, маркетинг ключевых клиентов, омниканальность и пр.

Современные технологии онлайн-обучения. Технологии онлайн-обучения в настоящее время основываются на средствах, включающих веб-серверы, веб-страницы и сайты, форумы, блоги, чаты, электронную почту, теле- и видеоконференции, вики-энциклопедии, виртуальные класс-

Таблица 1
Table 1

Мониторинг развития информационного общества в России
Monitoring the development of the information society in of Russia

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Персональные компьютеры и доступ в Интернет							
Число абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения, %	17,0	18,3	18,6	21,0	21,7	22,2	23,0
Число абонентов мобильного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения, %	64,5	68,1	71,1	79,9	86,2	96,4	99,6
Использование организациями компьютеров и компьютерных сетей							
Доля организаций, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе организаций, %	81,2	79,5	81,8	83,2	86,5	86,6	93,0
Доля организаций, использующих доступ к сети Интернет со скоростью не менее 2 Мбит/с, в общем числе организаций, %	50,9	52,2	55,3	58,4	62,7	65,0	78,5
Доля организаций, имевших веб-сайт, в общем числе обследованных организаций, %	40,3	42,6	45,9	47,4	50,9	51,9	44,2
Электронная коммерция							
Доля организаций, размещавших заказы на товары (работы, услуги) в Интернете, в общем числе обследованных организаций, %	41,7	41,3	41,6	41,2	42,2	43,3	40,7
Доля организаций, получавших заказы на выпускаемые товары (работы, услуги) по Интернету, в общем числе обследованных организаций, %	17,6	18,2	19,3	20,1	22,5	23,7	24,7
Использование Интернета домашними хозяйствами и населением							
Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств, %	69,9	72,1	74,8	76,3	76,6	76,9	80,0
Численность пользователей сети Интернет на 100 человек населения, %	67,0	70,0	73,0	76,0	81,0	83,0	85,0
Доля населения, являющегося активными пользователями сети Интернет, в общей численности населения, %	64,9	68,3	71,5	74,1	79,3	81,4	84,1
Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров и (или) услуг, в общей численности населения	17,8	19,6	23,1	29,1	34,7	35,7	40,3

Источник: Росстат.

ные комнаты и пр. Кроме того, внедрена технология в мобильной разработке образовательных приложений — cloud-native, разработка приложений в облаке, в том числе и для смартфонов, что позволяет проходить обучение в любом месте и в любое время. Кроме того, набирает популярность использование технологии искусственного интеллекта в онлайн-обучении.

Экономические факторы

ВВП России. С 2016–2018 гг. наблюдается оживление российской экономики с достижением максимальных темпов роста в 2018 г. — 102,5 %. Годовой темп роста ВВП в 2019 г. замедлился по сравнению с 2018 г. и составил 101,3 %, что в большей степени было обусловлено снижением численности трудоспособного населения, низкими доходами населения, невысоким уровнем производительности труда (рис. 5). Снижение ВВП по итогам 2020 г. на 2,7 % связано с карантинными ограничениями, направленными на сдерживание пандемии коронавируса, падением деловой активности, сокращением мирового спроса на энергоресурсы. При этом больше всего пострадали отрасли, услуги которых направлены на обслуживание населения. В частности, в отрасли гостиничного и ресторанного бизнеса зафиксировано падение на 24,1 %, в отрасли культуры и спорта — на 11,4 %, транспортная отрасль сократилась на 10,3 %. Согласно первой оценке Росстата, индекс ВВП по итогам 2021 г. составил 104,7 %. При этом наибольший рост зафиксирован в следующих отраслях: деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (+24,1 %); водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений (+13,8 %); финансовая

и страховая деятельность (+9,2 %); деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений (+8,4 %); деятельность в области информации и связи (+8,1 %); торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (+8,1 %).

Курс доллара. Колебания курсов валют (рост относительно рубля) и вызванный ими рост уровня инфляции оказывают отрицательное влияние на развитие онлайн-обучения, что проявляется в перераспределении расходов населения в пользу услуг и товаров первой необходимости с соответствующим сокращением расходов на услуги онлайн-обучения.

На протяжении 2014–2021 гг. наблюдался ежегодный рост курса доллара США по отношению к рублю (рис. 6). Исключение составил лишь 2017 г., в котором произошла относительная стабилизация рубля — курс национальной валюты составил 58,3 р. за 1 долл. США, сократившись относительно 2016 г. на 12,7 %. В целом за 2014–2021 гг. курс доллара США по отношению к рублю вырос в 1,9 раза, достигнув максимальной отметки по итогам 2021 г. — 73,7 р. за 1 долл. США.

Платные услуги населению, услуги системы образования. Объём платных услуг населению в целом, как и объём услуг системы образования в частности, в 2017–2019 гг. демонстрировали благоприятную тенденцию к росту с достижением максимальных значений 10 535,6 млн р. и 730,7 млн р. соответственно (табл. 2). При этом доля услуг системы образования в структуре платных услуг населению в анализируемый период также выросла, установившись на отметке 6,9 % в 2019 г. (+0,2 процентных пункта к 2017 г.). По итогам 2020 г. зафиксировано падение объёма

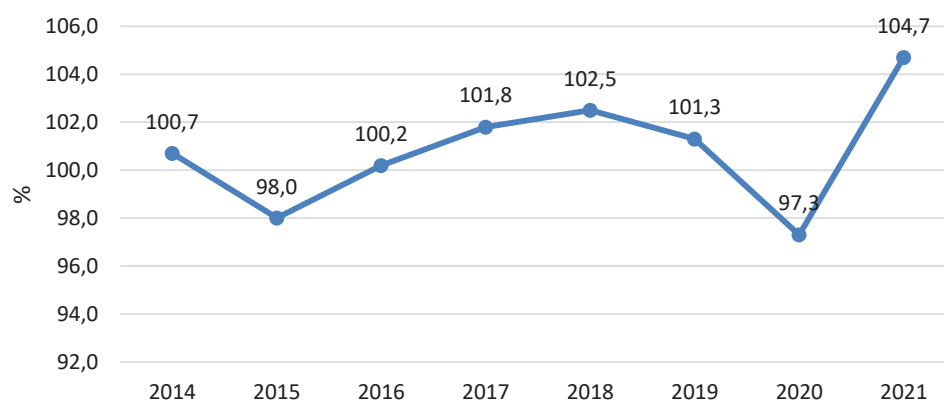

Рис. 5. ВВП России, 2014–2021 гг., % к соответствующему периоду предыдущего года
Источник: Росстат

Fig. 5. Russia's GDP, 2014–2021, % compared to the corresponding period of the previous year
Source: Rosstat

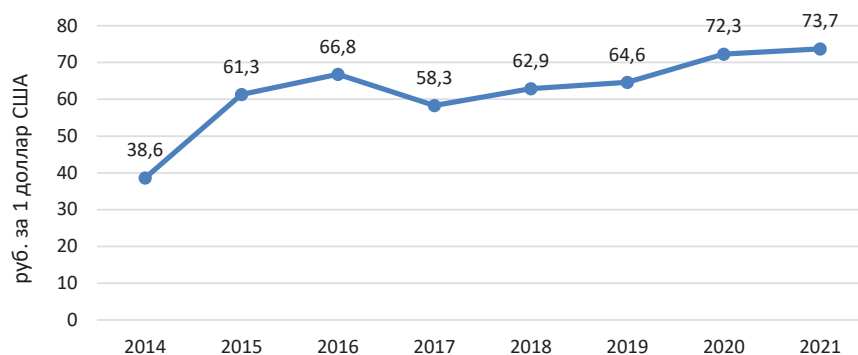

Рис. 6. Курс доллара США по отношению к рублю, 2014–2021 гг., 1 руб. за 1 долл. США.
Источник: ЦБ РФ

Fig. 6. RUB/USD rates, 2014–2021. Source: The Central Bank of Russian Federation

Таблица 2
Table 2

Платные услуги населению, услуги системы образования в России, 2017–2020 гг.
Paid services to the population, services of the education system in Russia, 2017–2020

Год	Услуги системы образования, млн р.	Платные услуги населению, млн р.	Доля услуг системы образования в структуре платных услуг, %
2017	613,3	9 211,4	6,7
2018	677,2	9 870,6	6,9
2019	730,7	10 535,6	6,9
2020	656,0	9 294,2	7,1

Источник: Росстат.

платных услуг населению и объёма услуг системы образования относительно 2019 г. на 11,8 и 10,2 % соответственно, а их абсолютные значения установились на отметках ниже аналогичных показателей 2018 г. Несмотря на это, доля услуг системы образования в структуре платных услуг населения по итогам 2020 г. выросла на 0,2 процентных пункта относительно предыдущего года и составила 7,1 %, что в большей степени обусловлено более низкими темпами сжатия объёма услуг системы образования в стоимостном выражении по сравнению с темпами сжатия платных услуг населению в целом.

Потребительские цены и ИПЦ на обучение в государственных и негосударственных образовательных организациях (ОО) высшего профессионального обучения (ВПО) и среднего профессионального обучения (СПО). На протяжении 2014–2021 гг. наблюдалась тенденция к росту стоимости обучения как в государственных и муниципальных ОО ВПО, негосударственных ОО ВПО, так и в ОО СПО (табл. 3). По итогам 2021 г. стоимость обучения в негосударственных ОО ВПО и СПО достигла максимальных значений за анализируемый период, установившись на отметках 59 566,8 р./полгода (прирост относи-

тельно 2014 г. составил 90,3 %) и 35 251,1 р./полгода соответственно (прирост относительно 2014 г. составил 63,7 %), в государственных и муниципальных ОО ВПО — 76 485,5 р./полгода (прирост к 2014 г. — 90,4 %).

В то же время на протяжении 2014–2020 гг. отмечалось замедление роста цен, о чём свидетельствует динамика ИПЦ. Так, в 2020 г. зафиксирован самый минимальный рост цен на обучение: в государственных и муниципальных ОО ВПО — 100,8 %, в негосударственных ОО ВПО — 102,1 %, в ОО СПО — 103,3 %. При этом 2021 г. стал исключением из выявленной тенденции 2014–2020 гг. В этом году рост цен во всех организациях увеличился, а самый высокий зафиксирован в негосударственных ОО ВПО — 108,0 %.

Средние цены на дополнительное обучение по видам услуг. Согласно данным Росстата, в 2014–2021 гг. наблюдался ежегодный рост цен на дополнительное обучение по всем видам услуг, представленных в табл. 4. Так, по итогам 2021 г. средняя цена курсов иностранных языков составила 318,7 р./чел. ч, увеличившись относительно 2020 г. на 3,6 % (прирост к 2014 г. — 39,2 %), курсов профессионального обучения (бухучёт, компьютерные, секретаря-референта и

Потребительские цены и ИПЦ на обучение в государственных и негосударственных образовательных организациях (ОО) высшего профессионального обучения (ВПО) и среднего профессионального обучения (СПО)
Consumer prices and CPI for training in state and non-state educational organizations (OO) of higher vocational training (HPE) and secondary vocational training (SPO)

Организация / вид обучения	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Обучение в государственных и муниципальных ОО ВПО, р./полгода	40 169,2	44 894,6	49 015,8	53 234,3	61 483,3	70 838,1	72 649,9	76 485,5
ИПЦ на обучение в государственных и муниципальных ОО ВПО, %	108,8	110,2	107,2	113,6	117,2	108,6	100,8	103,1
Обучение в негосударственных ОО ВПО, р./полгода	31 309,5	35 823,9	38 499,9	42 750,9	4 949,2	56 097,5	52 468,7	59 566,8
ИПЦ на обучение в негосударственных ОО ВПО, %	108,9	110,2	108,9	116,2	109,3	104,4	102,1	108,0
Обучение в ОО СПО, р./полгода	21 531,5	25 448,8	27 215,3	28 830,7	30 292,4	32 686,2	32 241,5	35 251,1
ИПЦ на обучение в ОО СПО, %	116,3	112,2	107,1	106,2	106,0	106,2	103,3	105,0

Источник: Росстат.

Средние цены на дополнительное обучение по видам услуг
Average prices for additional training by type of services

Вид обучения	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Курсы иностранных языков, р. / чел. ч	229,0	250,7	261,0	270,3	271,6	303,7	307,7	318,7
Курсы профессионального обучения (бухучёт, компьютерные, секретаря-референта и т. д.), р./чел. ч	105,5	116,6	122,7	130,0	134,0	129,6	133,4	150,0
Дополнительные занятия для детей дошкольного возраста, р./акад. ч	н. д.	н. д.	н. д.	184,5	186,0	207,3	219,9	225,3

Источник: Росстат.

т. д.) — 150,0 р./чел. ч (прирост к 2020 г. — 12,4 %, к 2014 г. — 42,2 %), дополнительных занятий для детей дошкольного возраста — 225,3 р./акад. ч (прирост к 2020 г. — 2,5 %, к 2017 г. — 22,1 %).

Инвестиции в развитие образовательных онлайн-платформ. Согласно данным информационного портала Хабр, объём инвестиций в EdTech-проекты в России в 2021 г. составил 53,3 млрд долл. За 2017–2019 гг. в онлайн-образование было инвестировано более 80,0 млн долл. (афишируется около 45 публичных сделок). В 2020 г. многие компании также продолжили инвестировать в онлайн-платформы. К примеру, Mail.ru Group приобрела долю в 25,0 % (за 3,75 млрд р.) платформы «Учи.ру»; в онлайн-платформу Lectera европейские инвесторы вложили около 2,1 млн долл.; группа компаний «Русские инвестиции» инвестировала 1,5 млн долл. в образовательную платформу Smart School Pro и пр.

Политические факторы

Лицензирование образовательной деятельности. Образовательная деятельность, включая онлайн-обучение, по итогам обучения которого выдаются официальные документы об образовании и/или квалификации, подлежит обязательному лицензированию. Это закреплено в статье 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 18.02.2020) «О лицензировании отдельных видов деятельности» (с изм. и доп.) от 28 марта 2020 г.

При этом в соответствии с новым положением о лицензировании образовательной деятельности, которое вступило в силу 1 января 2021 г. (срок действия Положения продлён до 1 сентября 2026 г. (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022)) организации, использующие исключительно электронные или дистанционные технологии обучения, теперь могут не предъявлять заключе-

ние о соответствии помещений и оборудования санитарным нормам.

Государственная поддержка и программы.

На развитие онлайн-обучения оказывают влияние государственные программы поддержки как в области образования в целом, так и в области развития цифровых технологий и информационного общества. В числе таковых программ можно выделить: Национальный проект «Образование»; Государственную программу РФ «Развитие образования» (утв. постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642); Государственную программу РФ «Информационное общество (2011–2020; Национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации (2019–2024 гг.)» и пр.

Нестабильность политической обстановки

на фоне развития событий мирового масштаба, антироссийских санкций, смены правительства, поправок в Конституцию сдерживает инвестиционные процессы, что выступает ограничивающим фактором развития онлайн-обучения в России.

Обобщим исследованные выше факторы, оказывающие влияние на развитие онлайн-обучения в виде STEP-анализа.

Выводы

В целом влияние макрофакторов на развитие онлайн-обучения оценивается как положительное слабой силы. При этом факторами, оказывающими положительное влияние на развитие исследуемой отрасли, или факторами-драйверами выступают: рост уровня урбанизации; удобный формат обучения (мобильное обучение, микрообучение), возможность совмещения обучения с работой, учёбой, личной жизнью; развитие информационного общества в России; современные технологии Интернет-маркетинга и онлайн-обучения; рост цен на обучение в государственных и негосударственных ОО ВПО и СПО; инвестиции в развитие образовательных онлайн-платформ; распространение COVID-19; государственная поддержка и программы; облегчение лицензирования образовательной деятельности организаций, использующие исключительно электронные или дистанционные технологии обучения. Сдерживают развитие исследуемой отрасли отдельные отрицательные факторы или факторы-барьеры: сокращение численности населения; снижение индекса потребительской уверенности; девальвация национальной валюты; сниже-

Таблица 5

Table 5

STEP-анализ STEP analysis

Группа факторов	Факторы	Вектор влияния
Социальные факторы (S)	Сокращение численности населения РФ	–
	Индекс потребительской уверенности	–
	Несущественный рост реальных денежных доходов в 2019, 2021 гг., падение денежных доходов в 2020 г.	–
	Рост уровня урбанизации	+
	Удобный формат обучения (мобильное обучение, микрообучение), возможность совмещения обучения с работой, учёбой, личной жизнью	+
	Распространение COVID-19	+
Технологические факторы (Т)	Развитие информационного общества в России	+
	Современные технологии интернет-маркетинга	+
	Современные технологии онлайн-обучения	+
Экономические факторы (Е)	Восстановление ВВП России в 2021 г.	+
	Снижение курса рубля по отношению к доллару США	–
	Рост объёма услуг системы образования в стоимостном выражении	+
	Рост цен на обучение в государственных и негосударственных ОО ВПО и СПО	+
	Рост средних цен на дополнительное обучение по видам услуг	+
Инвестиции в развитие образовательных онлайн-платформ	+	
Политические факторы (Р)	Лицензирование образовательной деятельности	+/-
	Государственная поддержка и программы	+
	Нестабильность политической обстановки	–

Источник: составлено автором.

ние платёжеспособности населения; нестабильность политической обстановки; лицензирование образовательной деятельности в случае выдачи официальных документов об образовании и/или квалификации.

Список источников

1. Бархатов В. Инновационная модель высшего экономического образования // Новая модель хозяйствования и адекватность её отражения в современной экономической науке. Сер. «Университетские научные школы». 2013. С. 378–380.
2. Бархатов В., Капкаев Ю., Плетнёв Д. Применение новых информационных технологий в процессе подготовки экономиста по программам дополнительного профессионального образования // Дополнительное профессиональное образование: от спроса до признания : тезисы докладов конференции. 2001. С. 90–92.
3. Бархатов В., Плетнёв Д. Высшее образование и национальная безопасность: выбор модели государственной поддержки // Жизнь как служение: к юбилею Учителя. Бархатов В. И. Собрание сочинений к 75-летию В. И. Бархатова : в 4 т. Челябинск, 2021. С. 107–112.
4. Белова И. Налоговая нагрузка и успешность малых и средних предприятий в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 2 (398). С. 98–108.
5. Махалина О., Махалин В. Дистанционное онлайн-обучение: будущее образование в эпоху цифровизации // Экономика и социум. 2019. № 9 (64). С. 397–402.
6. Чеснов Р., Асанбекова А. Онлайн-обучение: распространение и последствия // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. 2021. № 3. С. 164–168.
7. Barhatov V., Belova I. External Success Factors of Small and Medium-Sized Enterprises of Russia: Economic Aspect // Country Experiences in Economic Development, Management and Entrepreneurship : proceedings of the 17th Eurasia Business and Economics Society Conference. 2017. Vol 5. P. 453–468. DOI: 10.1007/978-3-319-46319-3_28.
8. Barakhsanova E., Sivtsev M., Pavlov N., Batorov A. Approaches to the development of online learning In the digital environment of higher education in Yakutia // Laplage em Revista (International). 2021. № 2 (7). P. 173–180. DOI: 10.24115/S2446-622020217Extra-B909p.173-180.
9. Casanova V., Pagua W. Expectations, Experiences, and Satisfaction of the Graduate Students with Distance Online Learning Environment in OMSC Graduate School during the Covid-19 Pandemic // Journal of Practical Studies in Education. 2021. № 3 (1). P. 14–22. DOI: 10.46809/jpse.v3i1.39.
10. Cohen E., Davidovitch N., The Development of Online Learning in Israeli Higher Education // Journal of Education and Learning. 2020. № 9 (5). P. 15–26. DOI: 10.5539/jel.v9n5p15.
11. Fiock H. Designing a Community of Inquiry in Online Courses // International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2020. № 21 (1). DOI: 10.19173/irrodl.v20i5.3985.
12. Kaverzneva T., Leonova N., Pshenichnaya C., Sogonov S., Lisachenko D. University Students' Education by Means of Online Technologies // The Education and Science Journal. 2020. № 22 (7). P. 125–147. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-7-125-147.
13. Nikolaeva E., Pletnev D. Internal Business Success Factors of Small and Medium-Sized Enterprises in Russia // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2015. № 6 (4). P. 768–774. DOI: 10.14505/jarle.v6.4(14).06.
14. Park S., Kim S. Is Sustainable Online Learning Possible with Gamification? — The Effect of Gamified Online Learning on Student Learning // Sustainability. 2021. № 13. P. 4267. DOI: 10.3390/su13084267.
15. Umbit A., Taat M. The Effects of Expectations and Satisfaction towards E-Learning among Students // Journal of Modern Education Review. 2016. № 6 (9). DOI: 10.15341/jmer(2155-7993)/09.06.2016/004.
16. Wart V., Ni A., Medina P. et al. Integrating students' perspectives about online learning: a hierarchy of factors // International Journal Educational Technology in Higher Education. 2020. № 17 (53). DOI: 10.1186/s41239-020-00229-8.

References

1. Barkhatov V. Innovative model of higher economic education. Novaya model' hozyajstvovaniya i adekvatnost' ee otrazheniya v sovremennoj ekonomicheskoy nauke. Seriya «Universitetskie nauchnye shkoly» = New business model and the adequacy of its reflection in modern economic science. series. “University scientific schools”. 2013. P. 378–380. (In Russ.).

2. Barkhatov V, Kapkaev Yu, Pletnev D. The use of new information technologies in the process of preparing an economist for additional professional education. *Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie: ot sprosa do priznaniya. Tezisy dokladov konferencii = Additional professional education: from demand to recognition. Abstracts of the conference reports.* 2001. P. 90–92. (In Russ.).
3. Barkhatov V, Pletnev D. Higher education and national security: the choice of a model of state support. In the book: *Life as a service: for the anniversary of the Teacher. Barkhatov V. I. Collected works for the 75th anniversary of V. I. Barkhatov.* In 4 volumes. Chelyabinsk; 2021. P. 107–112. (In Russ.).
4. Belova I. Tax burden and success of small and medium enterprises in Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University.* 2017;(2(398):98-108. (In Russ.).
5. Makhalina O, Makhalin V. Distance online learning: future education in the era of digitalization. *Ekonomika i socium = Economics and society.* 2019;(9):397-402. (In Russ.).
6. Chesnov R, Asanbekova A. Online learning: distribution and consequences. *Vestnik Kyrgyzskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I. Arabaeva = Bulletin of the Kyrgyz State University named after I. Arabaev.* 2021;(3):164-168. (In Russ.).
7. Barhatov V, Belova I. External Success Factors of Small and Medium-Sized Enterprises of Russia: Economic Aspect. *Country Experiences in Economic Development, Management and Entrepreneurship. Proceedings of the 17th Eurasia Business and Economics Society Conference.* 2017;5:453-468. DOI: 10.1007/978-3-319-46319-3_28.
8. Barakhsanova E, Sivtsev M, Pavlov N, Batorov A. Approaches to the development of online learning in the digital environment of higher education in Yakutia. *Laplage em Revista.* 2021;(2):173-180. DOI:10.24115/S2446-622020217Extra-B909p.173-180.
9. Casanova V, Paguia W. Expectations, Experiences, and Satisfaction of the Graduate Students with Distance Online Learning Environment in OMSC Graduate School during the Covid-19 Pandemic. *Journal of Practical Studies in Education.* 2021;(3):14-22. DOI: 10.46809/jpse.v3i1.39.
10. Cohen E, Davidovitch N. The Development of Online Learning in Israeli Higher Education. *Journal of Education and Learning.* 2020;(9):15-26. DOI: 10.5539/jel.v9n5p15.
11. Fiock H. Designing a Community of Inquiry in Online Courses. *International Review of Research in Open and Distributed Learning.* 2020;(21). DOI: 10.19173/irrodl.v20i5.3985.
12. Kaverzneva T, Leonova N, Pshenichnaya C, Sogonov S, Lisachenko D. University Students' Education by Means of Online Technologies. *The Education and Science Journal.* 2020;(22):125-147. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-7-125-147.
13. Nikolaeva E, Pletnev D. Internal Business Success Factors of Small and Medium-Sized Enterprises in Russia. *Journal of Advanced Research in Law and Economics.* 2015;(6):768-774. DOI: 10.14505/jarle.v6.4(14).06.
14. Park S, Kim S. Is Sustainable Online Learning Possible with Gamification? — The Effect of Gamified Online Learning on Student Learning. *Sustainability.* 2021;(13):4267. DOI: 10.3390/su13084267.
15. Umbit A, Taat M. The Effects of Expectations and Satisfaction towards E-Learning among Students. *Journal of Modern Education Review.* 2016;(6). DOI: 10.15341/jmer(2155–7993)/09.06.2016/004.
16. Wart V, Ni A, Medina P. et al. Integrating students' perspectives about online learning: a hierarchy of factors. *International Journal Educational Technology in Higher Education.* 2020;(17). DOI: 10.1186/s41239-020-00229-8.

Сведения об авторе

И. А. Белова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

I. A. Belova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of Industries and Markets.

Статья поступила в редакцию 01.11.2021; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 01.11.2021; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 336.275.322:334.7.012.64

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10417

ИЗМЕНЕНИЯ В СПЕЦИАЛЬНЫЕ НАЛОГОВЫЕ РЕЖИМЫ, ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА

Николай Зотикович Зотиков

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, Чебоксары, Россия, Zotikovcontrol@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-5631-9123

Аннотация. На уровень социально-экономического положения субъектов РФ и страны в целом важное влияние оказывают использование имеющегося в регионах налогового потенциала, величина которого напрямую зависит от наличия и степени использования среди других трудового персонала, в том числе занятого в субъектах малого и среднего предпринимательства. Как показывают многочисленные исследования, в экономике развитых стран велика роль малого бизнеса. Актуальность исследования обусловлена отрицательной динамикой развития малого и среднего предпринимательства в России, уменьшением его доли в экономике, отставанием России от развитых стран по показателям эффективности деятельности малого бизнеса. Значительным событием явилась отмена с 2021 г. популярного среди предпринимательства единого налога на вменённый доход, внесение существенных изменений в упрощённую и патентную системы налогообложения. Цель исследования — анализ влияния внесённых в налоговое законодательство изменений на развитие малого бизнеса в свете Стратегии развития малого и среднего предпринимательства. В ходе исследования использованы официальные данные Росстата, ФНС и Минфина России, Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства; применены общепринятые методы исследования: анализ, синтез, обобщение, группировки, табличный и др. В статье приведены критерии отнесения предприятий к малым в сопоставлении с зарубежной практикой, роль малого бизнеса в доходах бюджетов, преимущества и недостатки применяемых специальных налоговых режимов. Практическая и научная значимость статьи заключается в том, что автором предложены меры по дальнейшему совершенствованию применяемых специальных налоговых режимов.

Ключевые слова: специальные налоговые режимы, малый бизнес, бюджет, налоговая нагрузка, объект «доходы», страховые взносы, микропредприятия, минимальный налог, патент

Для цитирования: Зотиков Н. З. Изменения в специальные налоговые режимы, их влияние на развитие малого бизнеса // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 173–186. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10417.

Original article

CHANGES IN SPECIAL TAX REGIMES, THEIR IMPACT ON SMALL BUSINESS DEVELOPMENT

Nikolai Z. Zotikov

Chuvash State University named after I.M. Uljanov, Cheboksary, Russia, Zotikovcontrol@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5631-9123

Annotation. The level of socio-economic situation of the constituent entities of the Russian Federation and the country as a whole is greatly influenced by the use of the tax potential available in the regions, the value of which directly depends on the availability and degree of use among other labor personnel, including those employed in small and medium-sized businesses. As numerous studies show, the role of small business in the economy of developed countries is great. The relevance of the study is due to the negative dynamics of the development of small and medium-sized businesses in Russia, a decrease in its share in the economy, Russia's lagging behind developed countries in terms of the performance of small businesses. A significant event was the abolition of the single tax on imputed income, which is popular among entrepreneurs, from 2021, and the introduction of significant changes to the simplified and patent taxation systems. The purpose of the study is to analyze the impact of changes made to the tax legislation on the development of small businesses in the light of the Strategy for the Development of Small and Medium Enterprises. In the course of the study, official data from Rosstat, the Federal Tax Service of Russia,

the Ministry of Finance of Russia, the Unified Register of Small and Medium-Sized Businesses were used, and generally accepted research methods were applied: analysis, synthesis, generalization, grouping, tabular, etc. The article presents the criteria for classifying enterprises as small in comparison with foreign practice, the role of small businesses in budget revenues, the advantages and disadvantages of the applied special tax regimes. The practical and scientific significance of the article lies in the fact that the author proposes measures to further improve the applied special tax regimes.

Keywords: special tax regimes, small business, budget, tax burden, income object, insurance premiums, micro-enterprises, minimum tax, patent

For citation: Zotikov NZ. Changes in special tax regimes, their impact on small business development. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):173-186. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10417

Введение

Уровень развития малого и среднего предпринимательства (МСП) влияет на экономические показатели регионов и страны в целом. Развитие МСП является особо актуальным для малых и средних городов страны, территорий. Субъекты МСП в настоящее время сталкиваются с такими проблемами, как уменьшение спроса на их услуги, высокие ставки кредитов, отсутствие финансов и др. Как указывает автор, «падение доходов населения с 2014 года негативно сказывается на работе сектора МСП. Это происходит потому, что основными видами деятельности предприятий малого и среднего бизнеса являются торговля, грузоперевозки и предоставление бытовых услуг» [1, с. 114]. Занимая около 20 % в объёме ВВП страны, доля совокупного налога, уплачиваемого малым бизнесом в связи с применением специальных налоговых режимов (СНР), в величине налоговых доходов бюджетов незначительна. Это отставание от других стран частично объясняется имеющимися различиями в критериях отнесения предприятий к субъектам МСП. Так, в России к субъектам МСП относятся зарегистрированные в соответствии с законодательством РФ, внесённые в соответствующий реестр организации и индивидуальные предприниматели (ИП);

- с численностью работников: от 101 до 250 чел. — для средних предприятий, до 100 чел. — для малых предприятий, до 15 чел. — для микропредприятий¹;
- доход хозяйственных обществ, предприятий не должен превышать: для средних предприятий — до 2 000 млн р.; до 800 млн р. — для малых предприятий; до 120 млн р. — для микропредприятий².

¹ Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

² Постановление Правительства РФ от 04.04.2016 № 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской дея-

Статистика ОЭСР выделяет четыре категории предприятий в зависимости от численности работников: 1–9 занятых, 10–19 занятых, 20–40 занятых, 50–249 занятых, в Австрии: число работников до 50 чел., годовой доход — до 5 млн евро и т. д.

Целью Стратегии, утверждённой распоряжением Правительства РФ³, является развитие сферы МСП как одного из факторов, с одной стороны, инновационного развития и улучшения отраслевой структуры экономики, а с другой стороны — социального развития и обеспечения стабильно высокого уровня занятости. Базовыми индикаторами достижения указанной цели в 2030 г. является увеличение:

- в 2,5 раза оборота МСП по отношению к 2014 г.;
- в 2 раза производительности труда в секторе МСП (против 2014 г.);
- доли обрабатывающей промышленности в обороте сектора МСП до 20 %;
- доли занятого населения в секторе МСП в общей численности занятого населения до 35 %;
- доли МСП в ВВП в 2 раза (с 20 до 40 %).

Материалы и методы исследования

В основу исследования положены изменения в налоговое законодательство, внесённые в части налогообложения субъектов малого предпринимательства, в частности, в упрощённую систему налогообложения, патентную систему налогообложения, единый сельскохозяйственный налог. В ходе исследования использовались законодательные акты, научно-методическая литература, статьи авторов по соответствующей теме, официальные данные Росстата, ФНС и Минфина

тельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства».

³ Распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р «О стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 года и плане мероприятий (“дорожной карте”) по её реализации».

России, законодательные акты по вопросам налогообложения отдельных субъектов РФ, данные Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства. Использовались следующие методы исследования: анализ, синтез, классификация, сравнение, аналогия, моделирование, табличный и др.

Результаты исследования

Изменения по ЕНВД

Отмена ЕНВД призвана привести к увеличению налоговых сборов в бюджет.

Мелкие ИП с численностью работников до 15 чел. могут перейти на патент; ИП, не подпадающие под патент, и юридические лица с выручкой до 150 млн р. (200 млн р. с 2021 г.) и численностью до 100 чел. (130 чел. с 2021 г.) могут перейти на УСН, остальные крупные и средние компании — на общую систему налогообложения (ОСН).

Изменения по УСН

С 2021 г. введена прогрессивная налоговая ставка по УСН¹. Компании, у которых выручка достигнет 200 млн р. в год и средняя численность работников увеличится со 100 до 130 чел., сохраняют право на применение УСН. При этом в части дохода, превышающего 150 млн р. в год, ставки повышаются: при объекте «доходы» — с 6 до 8 %, «доходы, уменьшенные на расходы» — с 15 до 20 %;

— до 2024 г. продлены налоговые каникулы, если выполняются условия:

в регионе принят закон о налоговых каникулах для ИП, которые ведут деятельность в производственной, социальной и научной сферах, а также в сфере бытовых услуг населению, оказания услуг по предоставлению мест для временного проживания;

ИП зарегистрирован после того, как был принят закон.

Изменения по страховым взносам (СВ)

Ещё одно нововведение, которое имеет явное негативное воздействие на малый бизнес, — отмена льгот по социальным взносам для УСН (ИП на патенте, аптек на ЕНВД). До 2019 г. взносы составляли 20 % (ПФР 20 %, ФФОМС 0 %, ФСС 0 %) вместо 30 %. Таким образом, налоговая нагрузка на малый бизнес существенно возрастает [2, с. 726].

На 2022 г. установлена для СВ на обязательное

социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством предельная величина базы в размере 966 тыс. р.²;

— для СВ на обязательное пенсионное страхование — 1 565 тыс. р., сверх неё — 10 %;

— для ИП, адвокатов, нотариусов и лиц, занимающихся частной практикой, на 2021 г. сохранены фиксированные размеры СВ на уровне 2020 г.: на обязательное пенсионное страхование — 32 448 р., на обязательное медицинское страхование — 8 426 р., а на 2022 г. — соответственно 34 445 и 8 766 р.³

При превышении дохода 300 тыс. р. уплачиваются дополнительные взносы в размере 1 % от суммы превышения (дохода), которым признаются:

— при ОСНО — доходы за минусом профессиональных вычетов (расходов);

— при ПСН — потенциально возможный доход, указанный в патенте;

— при УСН с объектом «доходы» — все доходы за год;

— при УСН с объектом «доходы, уменьшенные на расходы» — все доходы (по мнению МФ и ФНС), доходы за вычетом расходов (по мнению судов).

ИП на УСН «Доходы минус расходы» считают налог по тому же принципу, что и НДФЛ на ОСНО — с разницы между доходами и расходами. Между тем для дополнительного взноса предпринимателям на ОСН разрешено вычитать расходы, а упрощенцев заставляют платить со всех доходов без вычета затрат⁴. Суды — против: Определение ВС РФ⁵, Определение КС РФ⁶.

² Постановление Правительства РФ от 26.11.2020 № 1935 «О предельной величине базы для исчисления страховых взносов на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством и на обязательное пенсионное страхование с 1 января 2021 г.».

³ Федеральный закон от 15.10.2020 № 322-ФЗ «О внесении изменений в статью 430 части второй Налогового кодекса Российской Федерации».

⁴ Письмо МФ от 24 июля 2020 года № 03-15-05/64949. [О расчёте страховых взносов на ОПС индивидуальным предпринимателем, применяющим УСН, и учёте недоимки по ним при возобновлении предпринимательской деятельности; об НДФЛ при продаже недвижимости, использовавшейся в предпринимательской деятельности].

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 14.01.2020 № 302-ЭС19-25070 по делу № А10-724/2019.

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 10-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Житнего Олега Сергеевича на нарушение его конституционных прав

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в главу 26² части второй Налогового кодекса Российской Федерации и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации».

За тот квартал, в котором уплачены СВ, можно уменьшить налог или авансовый платёж:

1) на ОСНО и УСН с объектом «доходы минус расходы» СВ включаются в расходы, уменьшающие налогооблагаемый доход;

2) на УСН «доходы» взносы уменьшают сам налог (авансовый платёж) (ИП без работников — на 100 %, ИП с работниками — не более 50 %).

Для субъектов МСП в отношении части выплат в пользу физического лица, определяемого по итогам каждого календарного месяца как превышение над величиной МРОТ, начиная с 2021 г. применяются пониженные тарифы СВ¹ (в размере 15 % в отношении части выплат в пользу физлица, превышающих МРОТ (ОПС — 10 %, медстрах — 5 %).

Изменения по ПСН

Самые важные изменения в ПСН с 2021 г.:

– расширение сферы применения ПСН: она может применяться в отношении любых видов предпринимательской деятельности (ПД), перечень которых будет устанавливаться законами субъектов РФ (не ограничиваясь перечнем главы 26.5 НК РФ);

– регионы могут установить любые величины доходов, не ограничиваясь суммой в 1 млн р., как было ранее;

– в 3 раза увеличены площади торговых залов и залов обслуживания для заведений розничной торговли и общепита, применяющих ПСН (с 50 до 150 м²);

– с 2021 г. сумму патента стало возможным уменьшить на СВ и пособия, начисленные за налоговый период (как было ранее при ЕНВД и УСН с объектом «доходы»). «Неоспоримый плюс ПСН заключается, очевидно, в том, что уплата нескольких налогов для индивидуальных предпринимателей заменена одним режимом. Покупка патента означает освобождение не только от уплаты НДС (что уже весьма значимо), но и налога на имущество физических лиц (но только в той части доходов, к которой может применяться патент), а также НДС» [3, с. 99].

Приведём состав субъектов МСП на 10.01.2018 и 10.03.2022.

Как следует из приведённых в табл. 1 данных, по состоянию на 10.03.2022 по сравнению с дан-

ными на 10.01.2018: количество субъектов МСП уменьшилось на 1,4 %, в том числе юридических лиц — на 17,2 % (при увеличении количества ИП на 12,4 %). Доля ИП за указанный период увеличилась с 53,4 до 60,8 %, доля юридических лиц уменьшилась с 46,6 до 39,2 %.

В составе юридических лиц преобладают микропредприятия (более 90,0 %). Доля малых предприятий уменьшилась с 8,5 до 7,9 %, доля средних предприятий незначительна (<1,0 %).

Малый бизнес не укрупняется, микропредприятия не становятся малыми, малые — средними. «Одним из ключевых направлений государственной политики по развитию МСП в России является стимулирование инновационной активности субъектов МСП» [4, с. 8]. По мнению М. В. Леденевой, «несмотря на наличие мер поддержки, инновационная политика России не даёт значимых результатов» [5, с. 22].

Количество работников в субъектах МСП уменьшилось с 16 106 581 до 14 633 297 чел., или на 9,2 % (20,6 % от общей численности занятых в экономике на конец 2022 г.). По данным Международной аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza, численность занятых в экономике на конец 2022 г. составила 70 993,8 млн чел., что ниже по сравнению с данными на начало 2020 г. на 1,655 млн чел., что связано с пандемией коронавируса.

Среднее количество работников на одном предприятии составляет 4–5 человек. «В 2018 г. по сравнению с 2016 г. численность работников на одном малом предприятии уменьшилась с 32 до 28 чел., на одном микропредприятии — увеличилась с 1,9 до 2,3 чел.» [6, с. 6].

Далее рассмотрим долю МСП в доходах бюджета (табл. 2). Данные табл. 2 свидетельствуют о следующем. Сумма налоговых доходов в 2020 г. по сравнению с 2018 г. уменьшилась на 3,0 %, в том числе федеральных налогов — на 2,7 %, региональных — на 16,9 %, местных — на 1,9 %. Несмотря на увеличение поступлений СНР на 21,0 %, их доля в общей сумме налоговых доходов остаётся незначительной (2,2 % в 2018 г. и 2,7 % в 2020 г.). «Сумма налогов, уплачиваемых субъектами малого бизнеса по УСН ЕНВД и ПСН, в общей величине налоговых доходов увеличивается, однако их доля остаётся практически неизменной и составляет менее 3 %» [7, с. 348].

В общей сумме налоговых доходов преобладают федеральные налоги (90,9–91,2 %), незначительна доля региональных и местных налогов.

При увеличении СНР на 21,0 % поступления УСН увеличились на 28,7 %, ЕСХН — на 30,2 %,

статьёй 346.15 и подпунктом 3 пункта 9 статьи 430 Налогового кодекса Российской Федерации»

¹ Федеральный закон от 01.04.2020 № 102-ФЗ. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации.

Таблица 1

Table 1

Субъекты малого и среднего предпринимательства
Small and medium-sized businesses

Субъект МСП	на 10.01.2018		на 10.03.2022		% изменений
	всего	%	всего	%	
Всего субъектов, ед.	6 039 216	100,0	5 955 869	100,0	98,6
из них:					
ИП	3 221 706	53,4	3 621 491	60,8	112,4
юридические лица	2 817 510	46,6	2 334 378	39,2	82,8
в том числе:					
микропредприятия	2 558 536	90,8	2 131 639	91,3	83,3
малые предприятия	239 030	8,5	185 104	7,9	77,4
средние	19 944	0,7	17 635	0,8	88,4
Количество работников, чел.	16 106 581		14 633 297		90,8
Среднее количество работников на одном предприятии (без ИП)	4,6		4,7		—

Источник: Реестр субъектов МСП.

Таблица 2

Table 2

Поступления налогов в бюджетную систему РФ
Tax receipts to the budget system of the Russian Federation

Поступления	2018		2019		2020		2020 г. к 2018 г.,%
	млрд р.	%	млрд р.	%	млрд р.	%	
Налоговые доходы	20 979,4	100,0	21 581,5	100,0	20 357,7	100,0	97,0
– федеральные	19 065,2	90,9	19 668,0	91,2	18 551,9	91,2	97,3
– региональные	1 179,2	5,6	1 102,0	5,1	979,8	4,8	83,1
– местные	277,3	1,3	269,2	1,2	272,1	1,3	98,1
– СНР	457,7	2,2	542,2	2,5	553,9	2,7	121,0
в т. ч.:							
УСН	372,9	81,5	446,7	82,5	480,1	86,7	128,7
– объект «доходы»	257,0	68,9	308,5	69,1	336,8	70,1	131,0
– объект «доходы минус расходы»	115,9	31,1	138,2	30,9	143,3	29,9	123,6
ЕНВД	65,0	14,2	65,2	12,0	46,1	8,3	70,9
ЕСХН	11,9	2,6	15,8	2,9	15,5	2,8	130,2
ПСН	7,9	1,7	13,1	2,4	8,8	1,6	111,4

Источник: Отчёт 1-НМ за 2018 г. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/7600100; Отчёт (№ 1-НМ) о начислении и поступлении налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации за 2019 г. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/8824368; Отчёт 1-НМ за 2020 г. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/9777509

ПСН — на 11,4 %, поступления ЕНВД уменьшились на 1/3. При этом доля УСН увеличилась с 81,5 до 86,7 %, доля ЕСХН — с 2,6 до 2,8 %, доля ЕНВД уменьшилась с 14,2 до 8,3 %.

В составе УСН доля объекта «доходы» увеличилась с 68,9 до 70,1 %.

Далее проанализируем начисления налогов, уплачиваемых в связи с применением СНР, за 2018–2020 гг. (табл. 3).

Из данных табл. 3 следует, что в 2020 г. по сравнению с 2018 г.:

– сумма единого налога, уплачиваемого в связи с применением ЕНВД, уменьшилась на 7,6 %, в том числе уплачиваемая организациями — на 18,6 %; ИП — на 1,0 %; доля налога, уплачиваемая организациями, в общей сумме налога уменьшилась с 37,5 до 33,0 %; доля налога, уплачиваемая ИП, увеличилась с 62,5 до 67,0 %;

**Начисления по СНР за 2018–2020 гг.
Accruals under the SNR for 2018–2020**

Налог	Параметры		2018	2019	2020	2020 г. к 2018 г., %
ЕНВД	Налог к уплате, млрд р.	всего	64,6	66,3	59,7	92,4
		организации	24,2	22,7	19,7	81,4
		ИП	40,4	43,6	40,0	99,0
	Количество плательщиков, ед.	всего	2 072 711	1 968 497	1 637 495	79,0
		организации	261 883	223 782	171 471	65,5
		ИП	1 810 828	1 744 715	1 466 024	80,9
ЕСХН	Исчислен налог, млрд р.	всего	15,1	15,1	19,3	127,8
		организации	11,0	10,5	12,3	111,8
		ИП, КФХ	4,1	4,6	7,0	170,7
	Количество плательщиков, представивших декларации по ЕСХН, ед.	всего	97 034	94 633	91 111	93,9
		организации	20 245	19 284	18 310	90,4
		ИП, КФХ	76 780	75 349	72 801	94,8
	в т. ч. «нулевые» декларации	всего	9 145	9 735	81 40	89,0
		организации	1 467	1 775	1 648	112,3
		ИП, КФХ	7 678	7 960	6 492	84,5
ПСН	Выдано патентов, ед.	всего	439 088	465 484	493 606	112,4
		в т. ч. со ставкой 0 %	20 847	18 862	13 402	64,3
	Потенциально возможный к получению годовой доход, млрд р.	всего	241,8	261,2	252,7	104,5
		в т. ч. со ставкой 0 %	4,1	3,9	2,7	65,8
УСН	Налог к уплате, млрд р.	всего	389,7	456,9	485,9	124,7
		организации	196,7	218,8	219,1	111,4
		ИП	193,0	238,1	266,8	138,2
	в т. ч. объект «доходы»	всего	293,9	345,8	363,4	123,6
		организации	127,7	140,7	137,1	107,4
		ИП	166,2	205,1	226,3	136,2
	объект «доходы, уменьшенные на расходы», млрд р.	всего	95,8	111,1	122,5	127,9
		организации	69,1	78,0	82,0	118,9
		ИП	26,7	33,1	40,5	151,7
	минимальный налог	всего	35,8	38,0	40,5	113,1
		организации	30,2	31,9	33,0	109,3
		ИП	5,6	6,1	7,5	133,9
	Количество плательщиков, ед.	всего	3 241 687	3 386 887	3 536 392	109,1
		организации	1 460 360	1 462 615	1 426 743	97,7
		ИП	1 781 327	1 924 272	2 109 649	118,4
в т. ч. применяющих объект «доходы»		всего	2 214 228	2 356 299	2 494 289	112,6
		организации	734 823	740 082	716 806	97,5
		ИП	1 479 405	1 616 217	1 777 483	120,1
объект «доходы, уменьшенные на расходы»		всего	1 027 459	1 030 588	1 042 103	101,4
		организации	725 537	722 533	709 937	97,8
		ИП	301 922	308 055	332 166	110,0
Из числа отчитавшихся представлена «нулевая» отчётность, ед.	всего	991 964	973 740	959 110	96,7	
	организации	523 581	511 700	483 334	92,3	
	ИП	468 383	462 040	485 776	103,7	
Количество ИП, применяющих 0 ставку, ед.	ИП	11 151	12 791	15 190	136,2	

Источник: Данные по формам статистической налоговой отчётности. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms

– количество плательщиков ЕНВД уменьшилось на 21,0 %, в том числе количество организаций — на 34,5 %, ИП — на 19,1 %; доля организаций в общем количестве плательщиков уменьшилась с 12,6 до 10,5 %; доля ИП увеличилась с 87,4 до 89,5 %;

– сумма налога в расчёте на одного плательщика увеличилась с 31 167 до 36 458 р., в том числе в расчёте на одну организацию — с 92 407 до 114 888 р., в расчёте на 1 ИП — с 22 310 до 27 284 р.;

– сумма ЕСХН увеличилась на 27,8 %, в том числе сумма налога, уплачиваемая организациями, — на 11,8 %, ИП, КФХ — на 70,7 %; доля налога, уплачиваемая организациями, уменьшилась с 72,8 до 63,7 %;

– количество плательщиков ЕСХН уменьшилось на 6,1 %, в том числе организаций — на 9,6 %, ИП, КФХ — на 5,2 %; сумма налога, уплачиваемая в расчёте на одну организацию, увеличилась с 543,3 тыс. р. до 671,7 тыс. р.; в расчёте на одного ИП, КФХ — с 53,4 тыс. р. до 96,1 тыс. р.;

– количество плательщиков ЕСХН, представивших «нулевые» декларации, уменьшилось с 9 145 до 8 140 ед., или на 11,0 %, при этом 10 % ИП, КФХ в 2018 г. и 8,9 % в 2020 г. представили «нулевые» декларации;

– количество выданных патентов увеличилось с 439 088 ед. в 2018 г. до 493 606 ед. в 2020 г., или на 12,4 %, количество патентов со ставкой 0 % уменьшилось с 20 847 ед. до 13 403 ед., или на 35,7 %; величина потенциально возможного к получению годового дохода увеличилась на 4,5 %, в том числе с «нулевой» ставкой снизилась на 1/3; стоимость одного патента уменьшилась с 33 041 р. (241,8 млрд р. × 6 % : 439 088) до 30 717 р. (252,7 млрд р. × 6 % : 493 606);

– сумма налога, уплачиваемая в связи с применением УСН, увеличилась на 24,7 %, в том числе уплачиваемая организациями — на 11,4 %, ИП — на 38,2 %; при этом доля налога, уплачиваемая организациями, в общей сумме налога, уменьшилась с 50,5 до 45,1 %, доля налога, уплачиваемая ИП, наоборот, увеличилась с 49,5 до 54,9 %;

– в общей сумме налога преобладает объект «доходы» (75,4 % в 2018 г. и 74,8 % в 2020 г.), причём более 85 % налогов, уплачиваемых ИП, приходится на объект «доходы»;

– сумма единого налога, уплачиваемого в связи с применением объекта «доходы, уменьшенные на расходы», увеличилась с 95,8 млрд р. до 122,5 млрд р., или на 27,9 %, при этом сумма минимального налога — с 35,8 млрд р.

до 40,5 млрд р. (в том числе по организациям — с 30,2 до 33,0 млрд р., что составляет более 40,0 % суммы налога, уплачиваемого организациями в связи с применением данного объекта);

– количество плательщиков УСН увеличилось на 9,1 %, в том числе ИП — на 18,4 %, количество организаций снизилось на 2,3 %; доля организаций уменьшилась с 45,0 до 40,3 %, доля ИП увеличилась с 55,0 до 59,7 %. Объект «доходы» применяли в 2018 г. 68,3 % плательщиков УСН, в 2020 г. — 70,5 %; ИП — 83,0 % в 2018 г. и 84,2 % в 2020 г.;

– сумма единого налога, уплачиваемая всеми «упрощенцами» в расчёте на одного плательщика за указанный период (с учётом плательщиков, представивших «нулевую» отчётность), увеличилась со 173,2 тыс. р. до 188,5 тыс. р., в том числе ИП — с 147,0 тыс. р. до 164,3 тыс. р.;

– сумма минимального налога, уплачиваемая организациями в связи с применением объекта «доходы, уменьшенные на расходы», в расчёте на одну организацию увеличилась с 41,6 тыс. р. до 46,5 тыс. р.;

– доля организаций, представивших «нулевую» отчётность, уменьшилась с 35,8 до 33,8 %, доля ИП — с 26,3 до 23,0 %;

– количество ИП, применяющих «нулевую» ставку, увеличилось с 11 161 до 15 190 чел., или на 36,2 %.

Сумма начисленных налогов в связи с применением СНР за указанный период увеличилась на 20,3 %, при этом доля ЕНВД уменьшилась с 13,8 до 10,6 %, доля УСН, наоборот, увеличилась с 83,0 до 86,0 %;

– сумма единого налога, уплачиваемая организациями, увеличилась на 8,3 % (при снижении ЕНВД на 18,6 %). Доля организаций, применяющих ЕНВД, уменьшилась с 10,4 до 7,8 %, доля «упрощенцев», наоборот, увеличилась с 84,8 до 87,3 %;

– сумма единого налога, уплачиваемая ИП, увеличилась на 32,1 % (при снижении плательщиков ЕНВД на 1,0 %). Доля ИП, применяющих ЕНВД, в общей сумме СНР, уменьшилась с 17,0 % до 12,7 %;

– количество налогоплательщиков, применяющих СНР, уменьшилось на 2,3 % (в том числе «вменённых» на 21,0 %) при увеличении «упрощенцев» на 9,1 %; доля плательщиков ЕНВД уменьшилась с 38,3 до 31,1 %.

Из общей численности плательщиков, применяющих СНР, ИП составляли 67,8 % в 2018 г., 69,3 % в 2020 г. При этом доля ИП, применяющих ЕНВД, составляла 49,3 % в 2018 г., 2020 г. —

40,2 %, а их доля в общей сумме налогов составляла лишь 17,0 % в 2018 г. и 12,7 % в 2020 г.

Обсуждение

Исследование показало следующее.

1. Для России характерна отрицательная динамика развития МСП в последние годы и снижение его доли в экономике (% от ВВП): 2017 г. — 22,0; 2018 г. — 20,2; 2019 г. — 20,6; 2020 г. — 20,8. Как указывает автор, «в развитых зарубежных странах МСП обеспечивает более 50 % ВВП, значительную долю поступлений в налоговых доходах бюджета, а доля занятого населения в этом секторе составляет от 35 до 80 %. Средний объём добавленной стоимости, производимой одним субъектом МСП, заметно уступает уровню развитых стран» [5].

Для сравнения приведём данные по другим странам, содержащиеся в специальном докладе уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей в 2021 г., подготовленном при участии Института экономики роста П. А. Столыпина (табл. 4). Как следует из приведённых данных, Россия отстаёт от других стран по приведённым показателям, в том числе от Китая в 3 раза.

2. С отменой ЕНВД нагрузка на малый бизнес увеличится. «Механизм вменённого налогообложения в сочетании с обязательностью применения делал ЕНВД полезным инструментом налоговой политики, гармонично встроенным в российскую налоговую систему и основанным

на балансе эффективности налогового контроля для государства и простоты применения налогоплательщиками» [8, с. 14].

Отмена ЕНВД призвана привести к увеличению налоговых сборов в бюджет. По мнению Асеевой, «в целом последствия отмены ЕНВД можно оценить как негативные, поскольку, несмотря на борьбу с уходом от налогообложения, пострадают и добросовестные налогоплательщики в частности, и вся экономика в целом» [9, с. 228].

С отменой ЕНВД малому и среднему бизнесу «предоставляется возможность перейти на УСН, однако налог в этой ситуации будет рассчитываться не от предполагаемого вменённого дохода, а от фактических поступлений, что в большинстве случаев приведёт к повышению налоговой нагрузки на предпринимателей» [10, с. 74].

Необходимость введения ЕНВД в своё время была вызвана тем, что по некоторым видам деятельности (розничная торговля, грузоперевозки и т. п.) у государства не было возможности определять и осуществлять контроль за объёмом выручки, но при этом была необходимость собирать налоги. ЕНВД был направлен на получение хоть какого-нибудь дохода с предпринимателей в условиях экономического кризиса. Малый бизнес мог прятать выручку в чёрной кассе и проводить операции через чёрную бухгалтерию, но вот скрывать имущество и сотрудников ему было куда сложнее. Поэтому и сложилась такая ситуация — государство предложило работать с низкой налоговой нагрузкой, а бизнес получил возможность, практически без потери прибыли работать «вбелую».

Из данных табл. 5 следует, что ЕНВД преобладал в сфере торговли, оказания бытовых услуг населению, услуг по перевозке грузов. К 2020 г. по сравнению с 2018 г. количество плательщиков ЕНВД уменьшилось на 21,0 %.

Система налогообложения в виде ЕНВД преобладала в ЦФО, ПФО, низкий показатель имели СКФО, ДФО. В СКФО, ЮФО, ПФО доля ИП в количестве плательщиков ЕНВД составляла более 90 %, в остальных округах — более 80 %, в целом по России — 87,4 % (табл. 6).

В общем количестве работников, применяющих СНР, доля «вменённых» составляла 38,3 % в 2018 г. и 31,1 % в 2020 г., а по доле налога в общей сумме налогов по СНР — соответственно 13,8 и 10,6 %, что свидетельствует о низкой налоговой нагрузке по данному спецрежиму. Величина налога на одного плательщи-

Таблица 4
Table 4

**Доля МСП в ВВП
и доля занятых в странах мира
The share of small and medium-sized businesses
in GDP and the share of employed in the
countries of the world**

Страна	Доля МСП, % от ВВП	Доля занятых, %
Россия	20,8	27,0
США	56,0	52,0
Германия	43,0	57,0
Китай	60,0	83,0
Япония	55,0	72,0
Малайзия	39,0	48,0
Вьетнам	40,0	50,0
Узбекистан	56,9	78,0
Израиль	62,3	68,7
ЮАР	42,0	47,0

Источник: Росстат, сайты национальных регуляторов.

Количество плательщиков ЕНВД по видам деятельности
Number of UTII taxpayers by type of activity

Параметр	2018		2019		2020		2020 г. к 2018 г., %
	всего	%	всего	%	всего	%	
Всего плательщиков, ед.	2 072 711	100,0	1 968 497	100,0	1 637 495	100,0	79,0
в том числе:							
бытовые услуги	268 705	13,0	256 728	13,0	214 058	13,0	79,7
грузоперевозки	334 248	16,1	331 498	16,8	300 108	18,3	89,8
розничная торговля	1 291 588	62,3	1 202 607	61,1	993 051	60,6	76,9

Источник: Данные по формам статистической налоговой отчетности. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms.

Таблица 6

Table 6

Количество налогоплательщиков ЕНВД по федеральным округам за 2018 г.
Number of UTII taxpayers by federal districts for 2018

Округ	Всего		в том числе		
	ед.	доля, %	организации	ИП	
				всего	доля, %
РФ	2 072 711	100,0	261 883	1 810 828	87,4
ЦФО	417 424	20,2	53 726	363 698	87,1
СЗФО	213 190	10,3	59 327	173 863	81,6
СКФО	106 144	5,1	7 090	99 054	93,3
ЮФО	335 714	16,2	25 730	309 984	92,3
ПФО	415 343	20,0	50 635	384 708	92,6
УФО	185 904	9,0	24 082	161 822	87,0
СФО	259 092	12,5	39 255	219 837	84,8
ДФО	139 900	6,7	22 038	117 862	84,2

Источник: Отчёт о налоговой базе за 2018 г. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?m=1634022447&tld=ru&lang=ru&name=5envd010120.xlsx&text=Отчёт по ф № 5-ЕНВД>

ка в 2020 г. составила: при ЕНВД — 36 458 р., при УСН — 188,5 тыс. р. (табл. 3). В связи с этим назревал вопрос об отмене ЕНВД (изначально планировалась отмена с 2018 г.), и с того времени государство плавно и планомерно подходило к этому:

- ввело онлайн-кассы (что позволило контролировать выручку);
- ввело ПСН (как альтернатива ЕНВД для мелких ИП);
- ввело маркировку товара (что способствовало контролю оборота товаров по стране).

3. С отменой ЕНВД перед организациями и ИП встал вопрос выбора режима налогообложения: организации могли выбрать УСН, ИП — ПСН.

Упрощённая система налогообложения (УСН). При применении УСН «сдерживающим фактором налогового стимулирования является несоответствие критериев отнесения субъектов

к малому бизнесу и условий применения УСН. Так, согласно законодательству РФ малыми считаются предприятия с выручкой до 800 млн р. При этом применять УСН имеют право лица с доходом до 150 млн р. Соответственно, данный налоговый режим фактически распространяется преимущественно на микропредприятия» [11, с. 78]. В связи с этим «УСН становится популярнее в обществе предпринимателей. В то же время происходит сокращение организаций, так как налоговое законодательство не позволяет применять УСН. В общем количестве субъектов, занимающихся бизнесом, преобладают ИП» [12, с. 322]. Большой проблемой на практике стало освобождение «упрощенцев» от уплаты НДС. «Если среди клиентов налогоплательщика по системе УСН есть клиенты, находящиеся на общей системе налогообложения, то последним не будет выгодно сотрудничать с организациями на УСН. так как

клиент — плательщик НДС, по общему правилу, не сможет в дальнейшем предъявить к вычету сумму НДС, а следовательно, с большой вероятностью будут отказываться от сотрудничества с компаниями по УСН, особенно если речь идёт о крупных сделках» [13, с. 121]. «Отсутствие системы расчётов по НДС ставит предприятие-производителя в невыгодное для него положение. Приобретая товар (работы, услуги) у организации, работающей по УСН, предприятие, являющееся плательщиком НДС, не может взять в зачёт так называемый “входной” НДС. По этой причине многие предприятия — плательщики НДС отказываются от сотрудничества с предприятиями, работающими по упрощённой системе» [14, с. 24].

Патентная система налогообложения (ПСН). Важным изменением стала возможность с 2021 г. уменьшить стоимость патента на СВ и пособия, начисленные за налоговый период (как было ранее при ЕНВД и УСН с объектом «доходы»), причём на 100 % при отсутствии наёмных работников и на 50 % — при их наличии. Отсутствие этой возможности до 2021 г. являлось основной причиной сдерживания распространения на практике ПСН вследствие большей налоговой нагрузки по сравнению с иными режимами налогообложения.

Если за 2020 г. получено 493 606 патентов (табл. 3), то в первом полугодии 2021 г. в связи с отменой ЕНВД количество выданных патентов составило 1 738 539 ед. (в 3,5 раза выше по сравнению с 2020 г.), в том числе со ставкой 0 % — 7 105 (53,0 % к уровню 2020 г.), потенциально возможный к получению доход — 1 004 020,5 млн р. (в 4 раза больше, чем в 2020 г.), в том числе со став-

кой 0 % — 2 872 818 (на 6,8 % выше, чем в 2020 г.)¹. Между тем введение возможности уменьшения стоимости патента на сумму СВ предполагало увеличение законами субъектов РФ величины потенциально возможного к получению годового дохода, что обеспечивало бы определённую налоговую нагрузку при применении данного спецрежима.

Поскольку указанные изменения в главу 26.5 НК РФ были приняты в конце 2020 г., что не давало возможности регионам принять соответствующие законы и ввести их с 1 января 2021 г., на I квартал 2021 г. устанавливалось правило, по которому в период до дня вступления в силу закона субъекта РФ размер дохода определялся как произведение 12-кратной базовой доходности, установленной главой 26.3 НК РФ при применении ЕНВД, величины физического показателя, коэффициента-дефлятора на 2020 г., коэффициента пересчёта налоговой ставки 15/6 и уменьшающего коэффициента 0,5 в целях снижения налоговой нагрузки на ИП (где 15 % — ставка налога при ЕНВД, 6 % — ставка налога при ПСН). Налоговым периодом на 2021 г. определён не календарный год, а месяц.

Патент на таких условиях выдавался на срок от 1 до 3 месяцев и действовал до 31 марта 2021 г. а после этой даты — по закону субъекта РФ.

Рассмотрим внесённые изменения в ПСН по отдельным регионам (табл. 7).

Из приведённых в табл. 7 данных следует, что величины потенциально возможного к получению годового дохода в приведённых регионах

¹ Данные по формам статистической налоговой отчётности. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

Таблица 7
Table 7

Величина потенциально возможного к получению годового дохода, р.
The amount of potential annual income, ruble

Вид деятельности	Н. Новгород	Санкт-Петербург	Екатеринбург
Ремонт и пошив швейных, меховых и кожаных изделий	550 000	600 000	175 912
Парикмахерские и косметические услуги	550 000	800 000	175 912
Ремонт, техобслуживание автотранспортных средств	1 000 000	1 200 000	469 099
Услуги общепита через объекты организации общепита (не более 150 м ²)	30 000 р. на 1 м ² (4 500 000 р. на 1 объект)	на 1 объект 2 249 000 р.	на 1 м ² — 14 568 р. (2 185 200 р. на 1 объект)

Источники: Закон Законодательного собрания Нижегородской области от 21.11.2012 № 148-ФЗ (в ред. от 28.01.2021 № 1–3) «О патентной системе налогообложения»

2. Закон Санкт-Петербурга от 30.10.2013 № 551–58 (с изм от 1.02.2021) «О введении на территории Санкт-Петербурга ПСН»

3. Закон Свердловской области от 21 ноября 2012 г. № 87–03 «О введении в действие и применении патентной системы налогообложения на территории Свердловской области» (с изм. от 20.05.2021 № 37–03)

имеют различные значения, при этом соотношение между максимальным и минимальным значениями составляет:

– по ремонту и пошиву швейных изделий — 3,4 раза (600 000 : 175 912);

– по парикмахерским и косметическим услугам — 4,5 раза (800 000 : 175 912);

– по ремонту, техобслуживанию автотранспортных средств — 2,5 раза (1 200 000 : 469 099);

– по услугам общепита — 2 раза (4 500 000 : 2 185 200).

Рассчитаем для примера стоимость патента по парикмахерским услугам в расчёте на 1 чел.:

г. Н. Новгород — $550\,000 \text{ р.} \times 1,637 \times 6\% = 54\,021 \text{ р.}$, к вычету СВ — 40 874 р., к уплате — 13 147 р.;

г. Санкт-Петербург: $800\,000 \text{ р.} \times 1,637 \times 6\% = 78\,576 \text{ р.}$, к вычету СВ 40 874 р., к уплате 37 702 р.;

г. Екатеринбург: $175\,912 \times 1,637 \times 6\% = 17\,278 \text{ р.}$, к вычету — 40 874 р., к уплате — 0 р.

Расчёты показывают, что с учётом ставки патента 6 % и коэффициента-дефлятора в 2021 г. 1,637 величина дохода должна иметь значение больше, чем 416 147 р., в противном случае сумма патента к уплате будет нулевая ($416\,147 \text{ р.} \times 1,637 \times 6\% = 40\,874 \text{ р.}$).

Из приведённого расчёта следует, что стоимость патента на парикмахерские услуги в расчёте на 1 чел. в год составит: в Н. Новгороде — 13 147 р., в Санкт-Петербург — 37 702 р., в Екатеринбурге — 0 р. ПСН в основном применяется по тем видам деятельности, по которым ранее до отмены применялся ЕНВД. При этом главой 26.3 НК РФ устанавливалась величина базовой доходности, которая была единой по всей стране по данному виду деятельности. Муниципалитетам предоставлялось право с учётом конкретных местных условий устанавливать понижающие коэффициенты в размере от 1 до 0,005. Главой 26.5 НК РФ установлено более 80 видов деятельности, при осуществлении которых возможно применение ПСН. По нашему мнению, в субъектах РФ нет организаций, институтов, способных устанавливать обоснованные величины потенциально возможного к получению годового дохода, необходимо их установить на федеральном уровне, в регионах величины патента регулировать с помощью понижающих коэффициентов, как было при ЕНВД. В целях расширения круга плательщиков (самозанятых) введён налог на профессиональный доход. При этом «законодатель ставил перед собой цель «вывести из тени» ту большую группу резидентов, которая вела свою деятель-

ность, но не уплачивала налог на доходы физических лиц. Налоговый режим для самозанятых был разработан специально таким образом, чтобы как можно больше лиц начали применять его к своим доходам» [15, с. 118].

Заключение

Проведённое исследование показало следующее. В целом «изменения налогового законодательства с 2021 г. не решают проблему высокой дотационной зависимости местных бюджетов [16, с. 200]. «Нет значительных преимуществ одной системы налогообложения малого бизнеса перед другой. Между ними существуют только различия, а также не существует универсального подхода к выбору той или иной системы налогообложения, всё зависит от конкретной ситуации (количества наёмных работников, видов деятельности, места хозяйствования и т. д.» [17, с. 66]. Несмотря на совершенствование системы налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства, качественных и количественных изменений в развитии малого бизнеса не происходит.

1. Показатели деятельности МСП ухудшаются:

- количество субъектов МСП, а также количество работников в них уменьшается;
- в составе МСП преобладают микропредприятия;
- в составе плательщиков СНР преобладают ИП;
- доля СНР в налоговых доходах бюджета незначительна, преобладают поступления УСН с объектом «доходы».

Налоговую нагрузку уменьшают:

- предоставляемые малому бизнесу налоговые каникулы;
- установление ставки единого налога с дохода, превышающего 300 тыс. р., лишь в размере 1 % от дохода;
- предоставление права ИП, не имеющему наёмных работников, уменьшить сумму единого налога на сумму СВ в фиксированном размере в полном объёме;
- предоставление возможности уплачивать минимальный налог в размере 1 % от дохода в случае, если налог при объекте «доходы, уменьшенные на расходы», меньше указанной величины (в 2020 г. единый налог при объекте «доходы, уменьшенные на расходы», составил 122,5 млрд р., а минимальный налог — 40,5 млрд р.).

2. По российскому законодательству установлены следующие критерии отнесения субъектов к МСП: средние — доходы до 2 000 млн р., численность работников — до 250 чел., малые —

до 800 млн р. и до 100 чел., микропредприятия — до 120 млн р. и до 15 чел. Таким образом, во всех типах предприятий заложена выработка на одного работника в сумме 8,0 млн р. в год.

В то же время УСН могут применять организации и ИП, средняя численность работников которых за год не превышает 100 чел. (с 2021 г. — 130 чел.), доходы не превышают 150 млн р. в год (с 2021 г. — 200 млн р.), то есть выработка на одного «упрощенца» не должна превышать 1,5 млн р. в год (с 2021 г. — 1 538,5 тыс. р.).

По нашему мнению, то, что государство предусмотрело в целях применения УСН уменьшение выработки на одного работника более чем в 5 раз по сравнению с критерием отнесения субъектов к МСП, некорректно, она не соответствует фактическим значениям, которые имеет малый бизнес: выработка на одного работника на малом предприятии по РФ составляет 4 691,8 тыс. р., в ЦФО — 7 039,6 тыс. р., на микропредприятии — 4 305,7 тыс. р.) [2].

3. Установленная предельная величина базы для исчисления СВ в ПФР (1 565 тыс. р.), сверх которой применяется регрессивная шкала в размере 10 %, нереальна, она не учитывает фактического уровня заработной платы в регионах и практически не применяется. Установление для субъектов МСП в отношении выплат в пользу физических лиц, превышающих величину МРОТ, пониженной ставки СВ снижает налоговую нагрузку на работодателя, в то же время уменьшает пенсионные накопления на лицевом счёте плательщика СВ.

4. В целях повышения эффективности ПСН величины потенциально возможного к получению годового дохода считаем целесообразным определять в НК РФ на федеральном уровне предоставление регионам права применять понижающие коэффициенты в определённых пределах, как было ранее при ЕНВД, поскольку это повысит обоснованность устанавливаемых величин доходов и обеспечит соответствующую налоговую нагрузку на «патентщиков».

5. Как показали исследования, малый бизнес не расширяется, микропредприятия не становятся малыми, малые — средними. Одной из причин этого является отмена НДС при применении УСН. Крупные предприятия, не имея возможности принять суммы «входного» НДС к вычету, не сотрудничают с малым бизнесом: ровно на эту

сумму НДС они теряют свою прибыль. Да и сами «упрощенцы», получая товар (услугу, продукцию) от плательщиков НДС, не имея возможности принять к вычету сумму НДС, включают их в стоимость своих товаров, услуг, что непременно ведёт к их удорожанию, уменьшению спроса на них со стороны покупателей.

По нашему мнению, необходимо пересмотреть норму НК РФ, освобождающую «упрощенцев» от обязанностей плательщика НДС. Положительный пример в этом вопросе имеется: введение для плательщиков ЕСХН обязанности платить НДС увеличило выпуск сельскохозяйственной продукцию, обеспечило импортозамещение по основным продовольственным товарам, также увеличилась в 2020 г. по сравнению с 2018 г. сумма налога, начисленная в бюджет по ЕСХН, на 27,8 % (табл. 3).

6. Применение УСН и ПСН ИП предусматривает уплату единого налога взамен трёх налогов, в том числе НДФЛ. Вычеты, предусмотренные главой 23 НК РФ по НДФЛ: стандартные (на детей), социальные (на лечение, обучение), имущественные (приобретение жилья) предоставляются только в части доходов, облагаемых по ставке 13 %, в связи с чем ИП, применяющие СНР в виде УН, ПСН, лишены права на вычеты, что делает их «бесправными», снижает привлекательность СНР.

7. Налоговое администрирование субъектов малого бизнеса производится по общим правилам. Независимо от масштаба предприятия и применяемой системы налогообложения в налоговом администрировании используются общие положения: срок проведения камеральной проверки — до трёх месяцев, срок проведения выездной налоговой проверки (ВНП) — два месяца, срок составления акта проверки по ВНП — два месяца со дня составления справки о проведённой проверке, срок представления возражений — один месяц со дня получения акта проверки.

По нашему мнению, с учётом специфики порядка исчисления единого налога при УСН, ПСН указанные сроки налогового администрирования необходимо дифференцировать (сократив их в отношении малого бизнеса), а также упрощенцев с объектом «доходы», работающих с онлайн-ККТ, освободить от обязанностей представления деклараций.

Список источников

1. Кривошапова С. В., Ивашинникова Е. А. О некоторых проблемах малого предпринимательства в Российской Федерации // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8, № 2 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-malogo-predprinimatelstva-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 17.10.2021).
2. Скупченко Т. А. Анализ текущих изменений в налогообложении юридических лиц // Цифровая трансформация экономики в промышленности : сб. тр. науч.-практ. конф. с зарубеж. участием. 2019. С. 720–728.
3. Баширова А. И., Ишмаева В. М. Патентная система налогообложения как поддержка малого бизнеса (на примере Республики Башкортостан) // Инновационная наука в глобализующемся мире. 2017. № 1 (4). С. 97–99.
4. Александрин Ю. Н. Инструментарий стимулирования малого инновационного предпринимательства: международные и российские аспекты // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 10. С. 8–13.
5. Леденёва М. В., Охременко И. В. Современные методы государственного стимулирования инновационной активности организаций // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2 (55). С. 20–25. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.55.201.
6. Зотиков Н. З. Роль налогообложения в развитии малого бизнеса в Российской Федерации // Вестник евразийской науки. 2020. № 2. URL: <https://esj.today/PDF/75ECVN220.pdf> (доступ свободный)
7. Смородина Е. А. Влияние методов налогового регулирования на развитие малого и среднего бизнеса в России // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2018. Т. 17, № 2. С. 329–355. DOI: 10.15826/vestnik.2018.17.2.015
8. Громов В. В., Милочалов Н. С. Упрощённая система налогообложения и единый налог на вменённый доход: цели, проблемы, перспективы // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал 2019. № 2 (48). С. 9–21.
9. Асеев В. М., Салькина А. Р. Предпосылки отмены ЕНВД и её потенциальные последствия // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. № 1-1. С. 225–228.
10. Орлов С. Н., Федотова Ю. В. Развитие малого и среднего бизнеса в условиях динамичных изменений в экономике // Форум молодёжной науки. 2020. Т. 1, № 1. С. 68–77.
11. Индирякова В. В., Короткова К. В. Налогообложение как инструмент стимулирования малого бизнеса // Известия Института систем управления СГЭУ. 2019. № 2 (20). С. 76–79.
12. Мошкало И. Г. УСН и её роль в стимулировании развития малого бизнеса // Интеллектуальный потенциал XXI века инновационной России : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. 2020. С. 320–324.
13. Усов Д. Н. Некоторые практические правовые проблемы применения УСН и ПСН субъектами малого бизнеса // Инновации. Наука. Образование. 2021 № 27. С. 117–129.
14. Хутова Л. А., Шардан С. К. Анализ особенностей налогообложения предприятий малого бизнеса // Научные известия. 2016. № 1–2. С. 22–27.
15. Кузнецова А. Р. Проблемы налогообложения субъектов малого бизнеса в России // Форум молодых учёных. 2022. № 1 (65). С. 117–120.
16. Бычкова Г. М. Влияние изменений в налоговом законодательстве на формирование муниципальных бюджетов // Вестник АНГТУ. № 14. 2020 С. 198–201.
17. Бутина О. П., Котова К. С., Котельникова Е. Е. Преимущества и недостатки применения УСН и ПСН для субъектов малого и среднего бизнеса // Проблемы экономики, финансов и управления производством : сборник научных трудов вузов России. 2017. № 41. С. 61–67.

References

1. Krivoshapova SV, Ivashinnikova EA. On some problems of small business in the Russian Federation. *Karel'skij nauchnyj zhurnal = Karelian scientific journal*. 2019;8(2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-malogo-predprinimatelstva-v-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 10/17/2021). (In Russ.).
2. Skupchenko TA. Analysis of current changes in the taxation of legal entities. In: Digital transformation of the economy in industry. Collection of works of scientific and practical. conf. with foreign participation. 2019. 720–728 p. (In Russ.).
3. Bashirova AI, Ishmaeva VM. Patent taxation system as a support for small businesses (on the example of the Republic of Bashkortostan). *Innovacionnaya nauka v globalizuyushchemsya mire = Innovative science in a globalizing world*. 2017;(1);97-99. (In Russ.).

4. Aleksandrin YuN. Tools for stimulating small innovative entrepreneurship: international and Russian aspects. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and business: theory and practice*. 2017;(10):8-13. (In Russ.).
5. Ledeneva MV, Okhremenko IV. Modern methods of state stimulation of innovative activity of organizations. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Right*. 2021;(2);20-25. DOI: 10.25683/VOL-BI.2021.55.201. (In Russ.).
6. Zotikov NZ. The role of taxation in the development of small businesses in the Russian Federation. *Vestnik Evrazijskoj nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2020;(2). Available from: <https://esj.today/PDF/75ECVN220.pdf> (free access). (In Russ.).
7. Smorodina EA. The impact of tax regulation methods on development of small and medium business in Russia. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie = Vestnik UrFU. Series economics and management*. 2018;(17):329-355. DOI: 10.15826/vestnik.2018.17.2.015 (In Russ.).
8. Gromov VV, Milochalov NS. Simplified taxation system and a single tax on imputed income: goals, problems, prospects. *Nauchno-issledovatel'skij finansovyj institut. Finansovyj zhurnal = Scientific Research Financial Institute. Financial magazine*. 2019;(2):9-21. (In Russ.).
9. Aseev VM, Salkina AR. prerequisites for the abolition of UTII and its potential consequences. *Nauka HKHI veka: aktual'nye napravleniya razvitiya = Science of the XXI century: current directions of development*. 2020;(1):225-228. (In Russ.).
10. Orlov SN, Fedotova YuV. Development of small and medium-sized businesses in the context of dynamic changes in the economy. *Forum molodezhnoj nauki = Forum of Youth Science*. 2020;1(1):68-77. (In Russ.).
11. Indiryakova VV, Korotkova KV. Taxation as a tool to stimulate small business. *Izvestiya Instituta sistem upravleniya = News of the Institute of Control Systems. SSEU*. 2019;(2):76-79. (In Russ.).
12. Moshkalo IG. USN and its role in stimulating the development of small businesses. In: The intellectual potential of the XXI century of innovative Russia. Materials of the IX All-Russian Scientific and Practical Conf. 2020. P. 320–324. (In Russ.).
13. Usov DN. Some practical legal problems of the application of the simplified tax system and PSN by small businesses. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie = Innovations. The science. Education*. 2021;(27):117-129. (In Russ.).
14. Khutova LA, Shardan SK. Analysis of the features of taxation of small businesses. *Nauchnye Izvestiya = Scientific Izvestia*. 2016;(1):22-27. (In Russ.).
15. Kuznetsova AR. Problems of taxation of small businesses in Russia. *Forum molodyh uchenyh = Forum of young scientists*. 2022;(1):117-120.
16. Bychkova GM. Influence of changes in tax legislation on the formation of municipal budgets. *Vestnik AnGTU = Bulletin of the Angular State Technical University*. 2020;(14):198-201. (In Russ.).
17. Butina OP, Kotova KS, Kotelnikova EE. Advantages and disadvantages of using the simplified tax system and PSN for small and medium-sized businesses. *Problemy ekonomiki, finansov i upravleniya proizvodstvom: Sbornik nauchnyh trudov vuzov Rossii = Problems of economics, finance and production management: Collection of scientific papers of Russian universities*. 2017;(41):61-67. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. З. Зотиков — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита и экономической безопасности.

Information about the author

N. Z. Zotikov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance, Credit and Economic Security.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 03.02.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 314.18

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10418

О СОХРАННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Дарья Сергеевна Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, benz@csu.ru, ORCID: 0000-0003-1257-248X

Аннотация. Статья посвящена описанию демографической ситуации, сложившейся в Челябинской области и муниципальных образованиях, расположенных на её территории. Сохранность населения выступает приоритетной задачей социально-экономического развития любой территории. Показано падение численности населения муниципальных образований Челябинской области в долгосрочная динамике. За двадцатилетний период регион потерял свыше двухсот тысяч жителей, что означает падение на 5,5 %. На территории региона располагаются 43 муниципальных образования; естественная убыль населения в них только в 2019 г. составила 21 121 человек. Автором проведено ранжирование всех субрегиональных территорий по степени потери населения за период с 2008 г. Четыре муниципальных образования показали рост численности населения, оставшиеся территории — падение. Два муниципальных образования (Кизильский муниципальный район и Карабашский городской округ) потеряли более 20 % населения. Автором поднята проблема сокращения доли трудоспособного населения как ключевого ресурса роста и развития территорий.

Ключевые слова: сохранность населения, численность населения, естественный прирост (убыль) населения, муниципальные образования, Челябинская область

Для цитирования: Бенц Д. С. О сохранности населения муниципальных образований Челябинской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 187–195. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10418

Review

ON THE PRESERVATION OF THE POPULATION IN CHELYABINSK REGION MUNICIPALITIES

Daria S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, benz@csu.ru, ORCID: 0000-0003-1257-248X

Abstract. The article shows the demographic situation in the Chelyabinsk region and its municipalities. The preservation of the population is a priority task of the socio-economic development for any territory. The long-term dynamics of the region population and the population of its municipalities demonstrates its decreasing. Over a twenty-year period, the region lost over two hundred thousand inhabitants, which means a reduction of 5.5 %. On the region territory there are 43 municipalities that have shown a natural population decline only in 2019 in the amount of 21,121 people. The author ranked all subregional territories by the degree of population loss since 2008. Four municipalities showed population growth, the remaining territories showed a fall. Two municipalities (Kizilsky municipal district and Karabash urban district) lost more than 20 % of the population. The author raised the problem of reducing the share of the able-bodied population as a key resource for growth and development of any territory.

Keywords: safety of the population, population, natural increase (decrease) of the population, municipal units, Chelyabinsk region

For citation: Benz DS. On the preservation of the population in Chelyabinsk Region municipalities. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462)):187-195. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10418

Введение

Вопрос сохранности народа сегодня стоит остро, о чём свидетельствуют и сложившаяся статистика, и труды учёных. В частности, российский академик А. Г. Аганбегян называет сохранность народа России главной ценностью страны [1]. Учёный констатирует, что за период 1960–1990 гг. рождаемость стабильно превышала смертность, естественный прирост населения хотя и сокращался, но оставался положительным. Убыли населения не было. За период с 1995 г. по сегодняшний день годы, характеризующиеся положительным естественным приростом населения, можно пересчитать по пальцам. Наша страна занимает 17 % суши планеты, но население приходится лишь 1,9 % численности всего населения Земли. А. Г. Аганбегян в качестве приоритетных ставит три задачи в отношении исправления демографической ситуации. Во-первых, необходимо снижать уровень смертности, которая сегодня на треть выше развитых стран. Особо приоритетной задачей является сокращение смертности в трудоспособном возрасте. Во-вторых, необходимо нарастить миграционный прирост в страну. И, в-третьих, увеличить суммарный коэффициент рождаемости.

Не последнюю роль в сложившейся демографической динамике сыграла стагнация экономики. Для сохранения населения необходимо добиться социально-экономического роста в 3–4 % [Там же]. Экономический рост обеспечит рост доходов населения, который в свою очередь приведёт к росту расходов населения, а значит, и к росту благосостояния и улучшению демографической

ситуации. Налицо замкнутый круг: для обеспечения экономического роста нужен рост численности населения, и именно платёжеспособного населения; для обеспечения сохранности народа нужен экономический рост.

Сегодня ситуацию усугубила и пандемия. Катастрофический рост общей смертности, падение доходов и потребления населения на 10–15 % в условиях кризиса и стагнации ставят под угрозу достижение указанных выше задач [2].

Демографическое положение Челябинской области

Ситуация, описанная учёным в отношении национальной экономики, характерна и для регионального уровня. Численность населения Челябинской области также не растёт. Если в период с 2012 по 2017 г. наблюдался рост, хотя крайне небольшой (в пределах 0,05–0,21 %), то с 2017 г. в регионе отмечается лишь снижение. Причём темпы падения только нарастают (рис. 1).

Относительно структуры населения — за 20 лет таковая практически не изменилась. Удельный вес сельского населения сократился незначительно (рис. 2).

О демографии муниципальных образований Челябинской области

Фундаментом экономического роста региона выступает социальная сфера муниципальных образований. Когда стоит задача достижения и наращивания экономического роста региона, опираться лишь на «центр» и добиваться роста силами центра — неверное решение. Ориентир на рост качества жизни заложен в стратегиях развития территорий любого уровня (национального,

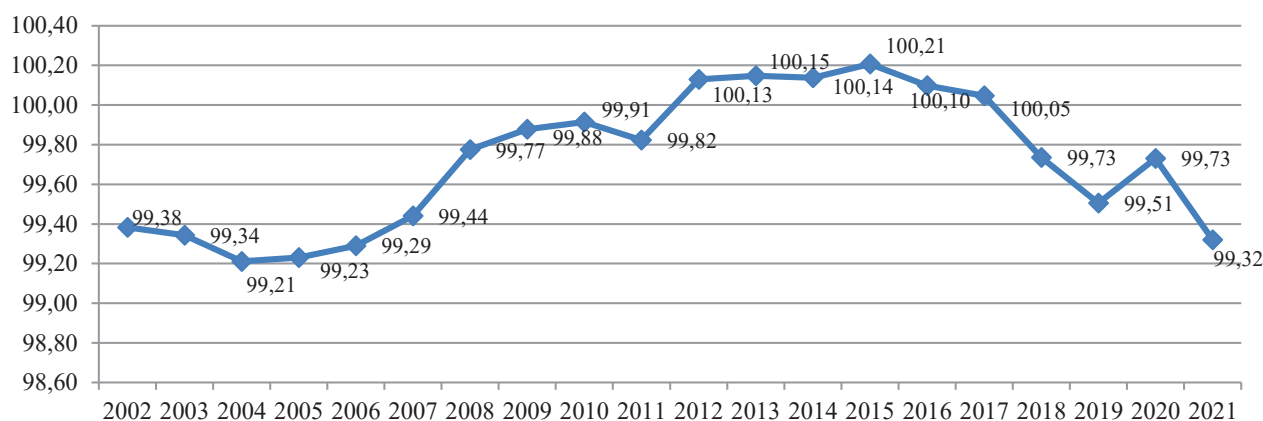

Рис. 1. Темпы роста численности населения Челябинской области (рассчитано по данным на 1 января соответствующего года).

Источники: рассчитано автором по данным Росстата [3]

Fig. 1. Population growth rates of the Chelyabinsk region (calculated according to data as of January 1 of the corresponding year).

Sources: calculated by the author according to Rosstat data [3]

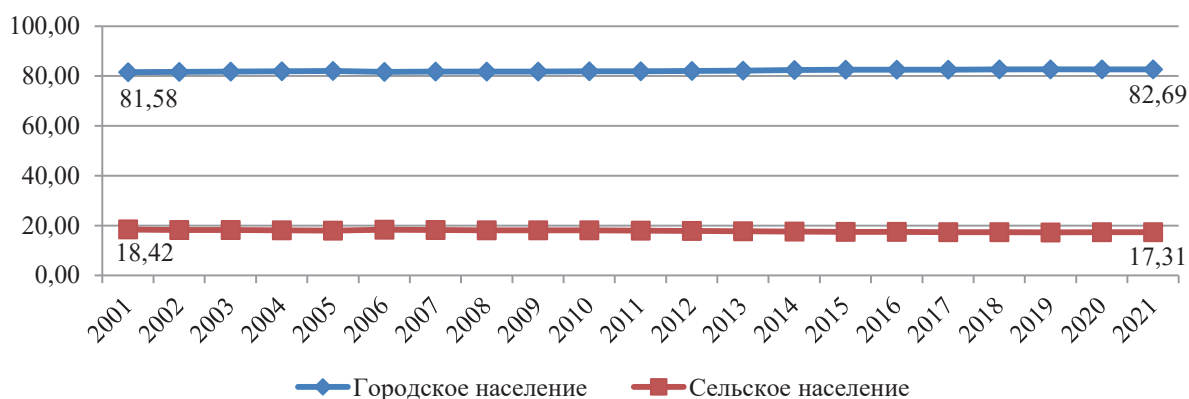

Рис. 2. Удельный вес городского и сельского населения в общей численности населения Челябинской области (рассчитано по данным на 1 января соответствующего года)
Источники: рассчитано автором по данным Росстата [3]

Fig. 2. The share of urban and rural population in the total population Chelyabinsk region (calculated according to data as of January 1 of the corresponding year)
Sources: calculated by the author according to Rosstat data [3]

регионального, местного). Однако муниципальные образования с их системой местного самоуправления куда ближе к потребностям населения, чем даже региональные территории. Поэтому муниципальные образования и регион должны иметь несколько разные векторы развития: в том смысле, что социальная инфраструктура — это в большей степени приоритет развития местной территории, экономический рост — это приоритет регионального уровня [5]. Можно смело заявить, что условием экономического роста региона и становится качественно сформированная социальная среда муниципальных образований, входящих в состав региона. Но социальная среда не может наращивать своё качество без ключевого условия — сохранения населения в субрегиональных территориях.

На рис. 3 приведена карта муниципальных образований Челябинской области с указанием численности населения в каждом муниципальном образовании по состоянию на 1 января 2020 г. На территории Челябинской области расположены 16 городских округов и 27 муниципальных районов. В городских округах проживает 73,09 % населения, в муниципальных районах — 26,91 %. К крупным городам принято относить Челябинск и Магнитогорск. На долю Челябинска и Магнитогорска приходится 46,51 % населения области, на долю только Челябинска — 34,51 %. К городам с низкой численностью населения относятся Карабаш и Локомотивный, на их долю приходится лишь 0,56 % численности населения региона. На территории области находятся три закрытых административно-территориальных образования

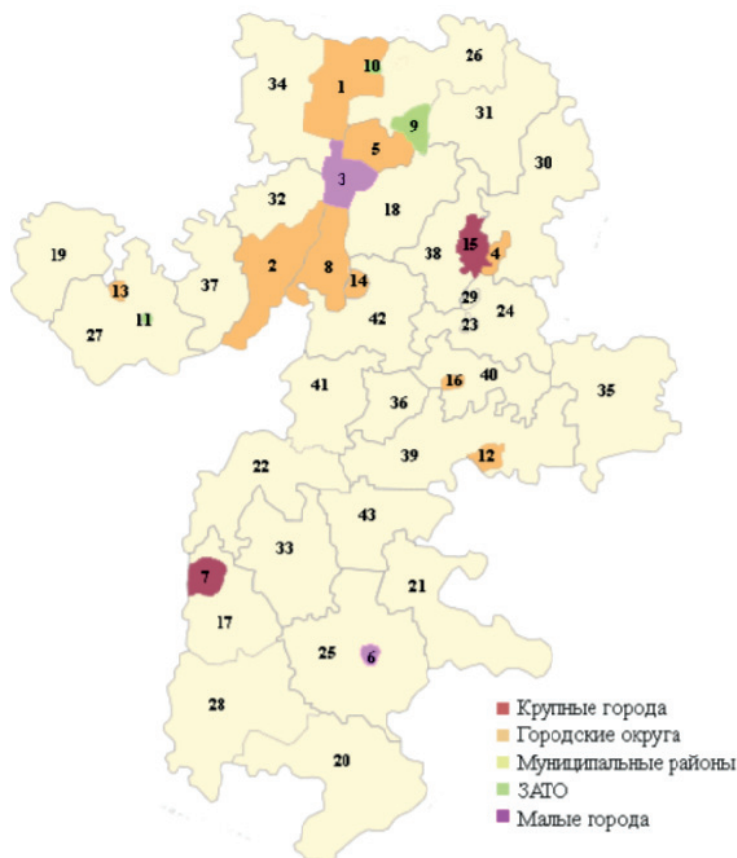
(далее ЗАТО): Озёрск, Снежинск, Трёхгорный. На их долю приходится 5,03 % населения области.

Анализ долгосрочной динамики численности населения муниципальных образований Челябинской области дал следующие результаты (табл. 1). За период с 1 января 2008 г. по 1 января 2020 г. численность населения выросла лишь в четырёх муниципальных образованиях. Причём в таких городах, как Челябинск, Копейск и Магнитогорск, численность возросла несущественно (в пределах 1,4–6,2 %). Существенный рост продемонстрировал только Сосновский район, но рост этот обеспечен не только естественным приростом населения (табл. 2), но и ростом миграции. Данный район расположен в непосредственной близости от Челябинска. Это соседнее муниципальное образование, демонстрирующее качественный рост жилой застройки за последнее десятилетие. Многие жители, в том числе столицы региона, проживают в данном районе, а трудовой деятельностью заняты в Челябинске.

В научной литературе существуют различные варианты типологизации территорий. Сельские территории подразделяют на ближнюю периферию, срединные районы, дальнюю периферию [7]. В контексте такой типологии территорий можно сказать, что зачастую ближняя периферия демонстрирует иную траекторию развития, именно по причине своей локации, что мы и видим относительно развития Сосновского района¹.

¹ Вследствие заданного объекта исследования (сохранность населения) здесь автор ограничивается лишь демографическим анализом, однако упомяну-

Городские округа		
1	Верхний Уфалей	30 026
2	Златоуст	164 250
3	Карабаш	10 818
4	Копейск	148 044
5	Кыштым	38 344
6	Локомотивный	8 543
7	Магнитогорск	413 251
8	Миасс	165 610
9	Озёрский	88 385
10	Снежинский	52 265
11	Трёхгорный	32 571
12	Троицк	72 723
13	Усть-Катав	24 371
14	Чебаркуль	41 516
15	Челябинск	1 187 960
16	Южноуральск	37 627

Муниципальные районы		
17	Агаповский	32 369
18	Аргаяшский	40 412
19	Ашинский	56 577
20	Брединский	24 339
21	Варненский	24 442
22	Верхнеуральский	32 946
23	Еманжелинский	48 162
24	Еткульский	29 899
25	Карталинский	44 870
26	Каслинский	30 318
27	Катав-Ивановский	28 372
28	Кизильский	20 912
29	Коркинский	57 945
30	Красноармейский	41 784
31	Кунашакский	28 298
32	Кусинский	25 745
33	Нагайбакский	17 690
34	Нязепетровский	15 741
35	Октябрьский	18 535
36	Пластовский	24 801
37	Саткинский	76 928
38	Сосновский	81 139
39	Троицкий	23 974
40	Увельский	31 332
41	Уйский	21 926
42	Чебаркульский	29 212
43	Чесменский	17 838

Рис. 3. Карта муниципальных образований Челябинской области

Источники: Сводный доклад Челябинской области о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов за 2019 год [4].

Численность населения приведена на 1 января 2020 г. по данным Информационно-аналитической системы FIRA PRO [6].

Fig. 3. Map of municipalities of the Chelyabinsk region

Sources: Summary report of the Chelyabinsk Region on the results of monitoring the effectiveness of local self-government bodies of urban districts and municipal districts for 2019 [4].

The population is given as of January 1, 2020 according to the FIRA PRO Information and Analytical System [6].

В табл. 1 отражён результат попытки автора присвоить некие ранги территориям по критерий район по многим социальным индикаторам действительно опережает другие муниципальные образования.

рию долгосрочного изменения численности населения. Первый ранг присвоен тем территориям, что за рассматриваемые двенадцать лет прирастили население. Второй ранг присвоен муниципальным образованиям, которые если и потеряли

**Ранжирование муниципальных образований Челябинской области
по темпу роста численности населения**
Ranking of municipalities of the Chelyabinsk region by population growth rate

№	Муниципальное образование	Темп роста численности населения*, ед.	Ранг	№	Муниципальное образование	Темп роста численности населения*, ед.	Ранг	
1	Сосновский	1,370	1	21	Коркинский	0,896	3	
2	Челябинск	1,062		22	Усть-Катав	0,893		
3	Копейск	1,054		23	Верхнеуральский	0,889		
4	Магнитогорск	1,014		24	Саткинский	0,883		
5	Красноармейский	0,999	2	25	Чесменский	0,878		
6	Южноуральск	0,990		26	Варненский	0,872		
7	Миасс	0,990		27	Кусинский	0,866		
8	Увельский	0,985		28	Ашинский	0,858		
9	Чебаркульский	0,984		29	Каслинский	0,846		
10	Еткульский	0,984		30	Троицкий	0,839		
11	Аргаяшский	0,977		31	Брединский	0,837		
12	Чебаркуль	0,948		32	Верхний Уфалей	0,836		
13	Пластовский	0,946		33	Катав-Ивановский	0,836		
14	Кунашакский	0,933		34	Нязепетровский	0,830		
15	Агаповский	0,923		35	Октябрьский	0,829		
16	Троицк	0,920		36	Уйский	0,825		
17	Кыштым	0,914		37	Нагайбакский	0,821		
18	Еманжелинский	0,911		38	Кизильский	0,797		4
19	Златоуст	0,911		39	Карабаш	0,772		
20	Карталинский	0,907						

* за период с 01.01.2008 по 01.01.2020

Источник: рассчитано автором по данным Информационно-аналитической системы FIRA PRO [6].

в численности населения, то не более, чем 10 %. В эту категорию попали 16 муниципальных образований. Третий ранг присвоен территориям, потерявшим не более 20 % численности населения. Сюда попали 17 муниципальных образований. И наконец, последние две территории — Кизильский район и Карабашский городской округ — попали в четвёртую категорию, так как численность населения этих территорий сократилась более чем на 20 %. В табл. 1 не отражены три территории ЗАТО вследствие отсутствия данных, а также посёлок Локомотивный (данные по численности населения посёлка доступны начиная лишь с 2016 г.; за период 2016–2020 гг. численность населения посёлка практически не изменилась).

Таблица 1 демонстрирует удручающее положение в отношении сохранности населения малых территорий. Девятнадцать муниципальных

образований потеряли в численности населения от 10,4 до 22,8 %, а ведь в исследуемый диапазон вошли лишь двенадцать лет, и сюда не попали результаты пандемии. Тем временем, надо полагать, что в период 2020–2021 гг. негативная динамика будет лишь нарастать [2]. В научной литературе существует термин «стадии жизненного цикла территории» [5]. Если спроецировать сложившуюся в Челябинской области ситуацию, даже в отношении только демографической составляющей, на существующие стадии жизненного цикла (образование/преобразование, развитие, зрелость, упадок), то налицо стадия упадка, характерная для половины территорий области. Можно констатировать, что муниципальные образования, которым присвоены третий и четвёртый ранги, вскоре столкнутся с проблемой выживания.

Для большего понимания процессов демографической динамики нужно обратиться к показателю

**Естественный прирост (убыль) населения в муниципальных образованиях
Челябинской области*, чел.**

Natural increase (decrease) of the population in the municipalities of the Chelyabinsk region*, people

№	Муниципальное образование	Период										
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Крупные города												
1	Челябинск	-18	181	1 178	1 629	2 344	3 383	2 404	1 035	139	-765	-5 040
2	Магнитогорск	-79	37	302	306	519	234	116	-637	-844	-1 275	-2 799
Городские округа												
3	Верхний Уфалей	-176	-205	-140	-112	-190	-146	-187	-223	-282	-306	-334
4	Златоуст	-262	-336	-167	-340	-417	-540	-526	-601	-720	-1 054	-1 357
5	Копейск	-557	-294	-8	-229	6	-101	21	-187	-366	-633	-1 046
6	Кыштым	-107	-93	-103	-9	-84	-62	-51	-118	-164	-209	-301
7	Миасс	-213	-121	-1	33	-57	-268	-125	-464	-598	-580	-1 161
8	Троицк	-110	-46	9	-77	-54	-123	-94	-315	-260	-281	-597
9	Усть-Катав	-94	-69	-30	-47	-89	-98	-76	-126	-196	-178	-263
10	Чебаркуль	-16	-40	-68	-48	-47	-28	-57	-18	-148	-96	-200
11	Южноуральск	-80	-70	-77	-51	-81	-73	-84	-80	-223	-267	-305
Муниципальные районы												
12	Агаповский	30	103	128	117	210	-30	43	13	-42	-92	-193
13	Аргаяшский	255	300	261	283	241	166	143	123	-19	-44	-158
14	Ашинский	-257	-339	-380	-293	-251	-390	-291	-432	-470	-464	-690
15	Брединский	-186	-640	-710	-561	-385	-351	-281	-229	-425	-192	-216
16	Варненский	-54	68	69	49	60	-11	-7	-33	-96	-83	-164
17	Верхнеуральский	66	-299	-232	-304	-266	-147	-42	-56	-109	-124	-346
18	Еманжелинский	-186	-164	-157	-127	-104	-175	-210	-239	-315	-341	-470
19	Еткульский	-37	-35	1	-18	-37	-56	-69	-71	-155	-78	-201
20	Карталинский	-84	-83	-24	10	3	-64	-117	-136	-151	-209	-343
21	Каслинский	-236	-215	-244	-172	-197	-245	-314	-241	-273	-305	-360
22	Катав-Ивановский	-208	-123	-146	-189	-133	-221	-152	-204	-222	-222	-381
23	Кизильский	-156	-365	-506	-618	-616	-299	-403	-392	-246	-400	-446
24	Коркинский	-217	-194	-83	-149	-122	-111	-127	-194	-291	-348	-560
25	Красноармейский	-11	-6	38	57	-10	-9	-17	-93	-204	-156	-221
26	Кунашакский	29	62	108	101	83	-14	8	-53	-48	-97	-150
27	Кусинский	-65	-65	-74	-35	-85	-140	-146	-175	-181	-244	-272
28	Нагайбакский	-144	-429	-444	-374	-404	-231	-86	-215	-175	8	-202
29	Нязепетровский	-176	-112	-101	-41	-92	-131	-158	-123	-128	-127	-183
30	Октябрьский	-130	-291	-284	-253	-191	7	-38	-77	-309	-189	-181
31	Пластовский	-96	-74	-35	2	26	-79	-52	-65	-49	-60	-140
32	Саткинский	-360	-199	-93	-230	-284	-275	-312	-403	-458	-585	-767
33	Сосновский	204	169	243	226	236	176	152	30	133	84	-17
34	Троицкий	-144	-246	-475	-603	-605	-213	-287	-273	-391	-235	-297
35	Увельский	19	32	47	31	56	53	-3	-67	-34	-106	-179
36	Уйский	-18	-67	-27	-57	-47	-92	-75	-129	-156	-179	-203

№	Муниципальное образование	Период										
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
37	Чебаркульский	-19	-3	117	47	15	-73	-19	-104	-89	-56	-162
38	Чесменский	29	46	80	60	63	0	-16	-49	-110	-88	-165
ЗАТО												
39	Озёрский	нет данных										
40	Снежинский											
41	Трёхгорный											
	Города с низкой численностью населения											
42	Карабаш	-60	-6	-35	-31	-67	-103	-35	-77	-101	-91	-99
43	Локомотивный	нет данных							14	12	3	-12

* на 1 января соответствующего года.

Источник: составлено автором по данным Информационно-аналитической системы FIRA PRO [6].

телю «естественный прирост / убыль населения». Такая динамика приведена в табл. 2.

В табл. 2 красным цветом выделены ячейки, содержащие максимальную величину убыли населения. Зелёным цветом выделены значения максимального прироста. Из 40 муниципальных образований, по которым доступны статистические данные, для 15 территорий за весь рассматриваемый период (с 1 января 2010 г. по 1 января 2020 г.) характерной является естественная убыль. Естественного прироста населения на этих территориях в принципе не было. За 2019 г. для всех муниципальных образований, без исключения, характерной стала естественная убыль населения, хотя нужно полагать, что такая тенденция не могла стать результатом пандемии. Пандемия наложила свой отпечаток годом позднее. Нужно констатировать ещё одну негативную тенденцию: для абсолютного большинства (33 из 40) территорий максимальное значение естественной убыли населения пришлось именно на 2019 г. Естественная убыль оказалась характерной даже для Сосновского района, который за 2019 г. всё же нарастил население (на 2 084 чел.¹), но произошло это исключительно за счёт миграционных потоков.

До сих пор мы речь вели о численности населения. Но важно понимать, что непосредственным потенциальным ресурсом экономического роста является не всё население, а население трудоспособного возраста. За двадцатилетний период (2001–2021 гг.) доля трудоспособного населения

Челябинской области сократилась. Причём произошло это не за счёт изменения динамики населения моложе трудоспособного возраста, а вследствие старения населения. На рис. 4 показана динамика удельного веса трёх категорий населения области: трудоспособного, моложе трудоспособного, старше трудоспособного. Отчётливо видно, что те 5 %, которые потеряла доля трудоспособного населения за весь рассматриваемый период, переместились в долю населения старше трудоспособного. И такой тренд оказался характерным не только для исследуемого региона, но и в целом для всей национальной экономики. О растущей нагрузке на тысячу работающих из числа неработающих говорит академик А. Г. Аганбегян [2].

Относительно разделения населения на городское и сельское можно сказать, что доля трудоспособного населения среди всего городского населения всегда была выше аналогичного значения среди сельского населения. Оба тренда имеют снижающийся вектор и при этом повторяют друг друга (рис. 5).

Выводы

Таким образом, изучив демографическую статистику Челябинской области в целом и её муниципальных образований в частности, можно констатировать следующее:

- численность населения области за период 2001–2021 гг. сократилась на 5,52 %;
- численность городского населения за тот же период времени упала на 4,23 %;
- численность сельского населения упала на 11,22 %;

¹ По данным Информационно-аналитической системы FIRA PRO [6].

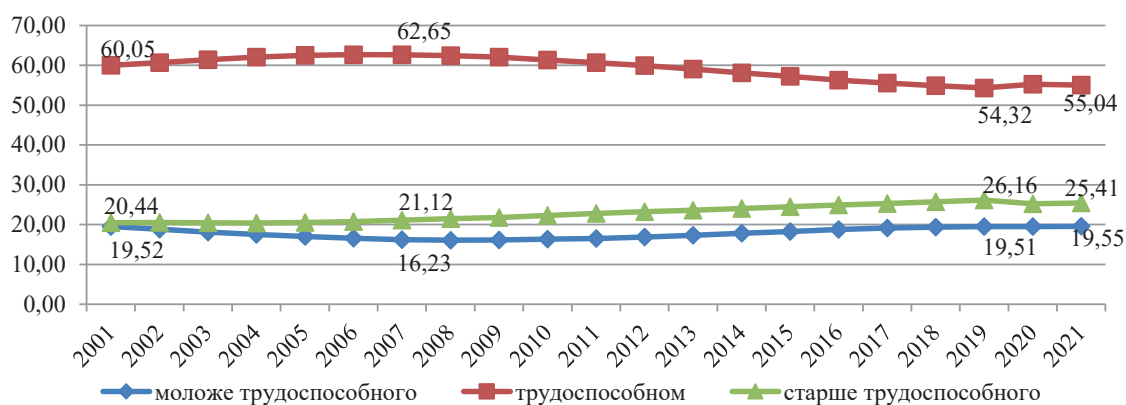

Рис. 4. Удельный вес трудоспособного населения в общей численности населения Челябинской области (рассчитано по данным на 1 января соответствующего года)
Источники: рассчитано автором по данным Росстата [3]

Fig. 4. The share of the able-bodied population in the total population of the Chelyabinsk region (calculated according to data as of January 1 of the corresponding year)
Sources: calculated by the author according to Rosstat data [3]

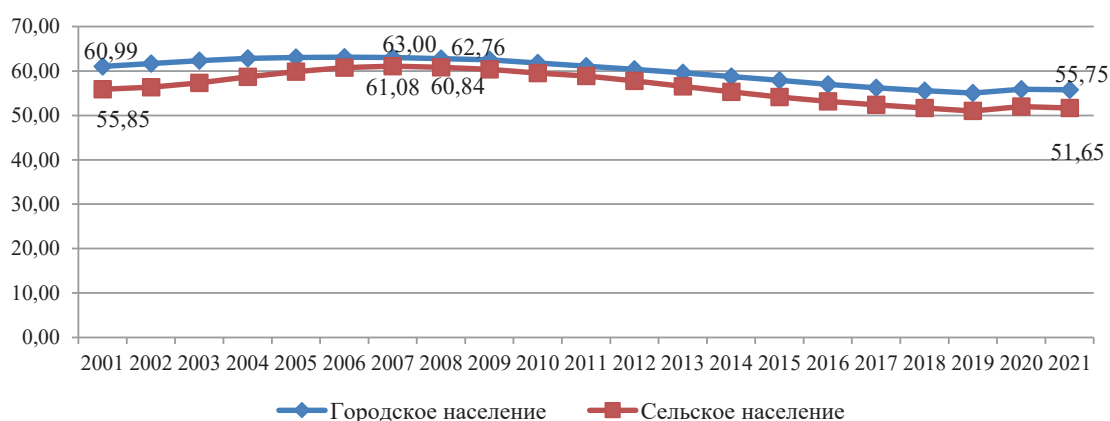

Рис. 5. Удельный вес трудоспособного населения в численности городского и сельского населения Челябинской области (рассчитано по данным на 1 января соответствующего года)
Источники: рассчитано автором по данным Росстата [3]

Fig. 5. The share of the able-bodied population in the number of urban and rural population Chelyabinsk region (calculated according to data as of January 1 of the corresponding year)
Sources: calculated by the author according to Rosstat data [3]

- нагрузка неработающего населения на трудоспособное возросла;
- численность трудоспособного населения за выше указанный период времени снизилась на 13,39 %;
- для преобладающего большинства муниципальных образований за период с 2010 по 2020 гг.

характерен тренд на естественную убыль населения; прироста практически нет — он имеет разовый точечный характер.

К сожалению, с таким перечнем негативных трендов сложно говорить о сохранности населения как о ключевой геополитической задаче.

Список источников

1. Аганбегян А. Г. Как восстановить сохранность народа России // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 2. С. 4–18.
2. Аганбегян А. Г. Новые тренды в кризисной ситуации 2020–2021 гг. // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 2 (65). С. 5–19.
3. Официальный сайт Росстата. Раздел «муниципальная статистика». URL: <https://rosstat.gov.ru/munstat> (Дата обращения: 25.01.2022).

4. Сводный доклад Челябинской области о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов за 2019 год. URL: https://pravmin.gov74.ru/files/news_mediafiles/pravmin/svodnyu_doklad_2019.pdf (дата обращения 25.01.2022).

5. Климова Н. И. Оценка процессов сбережения населения в контексте стадийной идентификации муниципальных образований // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6, № 3 (20). С. 173–177.

6. Первое независимое рейтинговое агентство — Информационно-аналитической системы FIRA PRO. URL: <https://pro.fira.ru/search/index.html#region> (дата обращения 25.01.2022).

7. Троцковский А. Я., Мищенко И. В., Мищенко О. А. Пространственное развитие сельской периферии: методология и основные результаты исследования // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 45 (372). С. 2–16.

References

1. Aganbegyan AG. How to restore the safety of the people of Russia. *Narodonaselenie = Population*. 2021;24(2):4-18. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.1. (In Russ.).

2. Aganbegyan AG. New trends in the crisis situation 2020–2021. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya = Economy of the North-West: problems and development prospects*. 2021;(2):5-19. (In Russ.).

3. Rosstat. Available from: <https://rosstat.gov.ru/munstat> (accessed 25.01.2022). (In Russ.).

4. Svodnyy doklad Chelyabinskoy oblasti o rezul'tatakh monitoringa effektivnosti deyatelnosti organov mestnogo samoupravleniya gorodskikh okrugov i munitsipal'nykh rayonov za 2019 god = Consolidated report of the Chelyabinsk region on the results of monitoring the effectiveness of local government bodies of urban districts and municipal districts for 2019. Available from: https://pravmin.gov74.ru/files/news_mediafiles/pravmin/svodnyu_doklad_2019.pdf (accessed 25.01.2022). (In Russ.).

5. Klimova NI. Estimation of processes of saving population in the context of stadial identification of municipalities. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye = Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2017;6(3):173-177. (In Russ.).

6. Informatsionno-analiticheskaya sistema FIRA PRO = Information and analytical system FIRA PRO. Available from: <https://pro.fira.ru/search/index.html#region> (accessed 25.01.2022). (In Russ.).

7. Trotskovskii AY, Mishchenko IV, Mishchenko OA. Spatial development of rural periphery: methodology and main research results. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: theory and practice*. 2014;(45):2-16. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. С. Бенц — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

D. S. Benz — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 26.02.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 26.02.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 331.556

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10419

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Акифа Акиф Агаярова

Институт экономики Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджан, aqayarova.akifa@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4714-5330

Аннотация. В результате пандемии Covid-19 мигранты страдают больше, чем местное население по многим причинам. Во-первых, социальное положение их семей ухудшается из-за сокращения денежных переводов от трудовых мигрантов. Во-вторых, мигранты сталкиваются с финансовыми трудностями из-за потери ежедневного дохода в период карантина. В-третьих, из-за того, что они не получают своевременной медицинской помощи, увеличивается риск заражения коронавирусом и другими заболеваниями. Те, у кого есть возможность вернуться на родину, несколько недель не участвуют в трудовом процессе, потому что им приходится проходить период карантина в своей стране. Всё это является серьёзным сигналом для принятия решений потенциальными мигрантами и оказывает шоковое воздействие на «предложение» трудовой миграции. Каждый из этих факторов оказал значительное влияние на трудовую миграцию и мобильность из Азербайджана.

Ключевые слова: Covid-19, миграция, спрос, предложение, трудовая миграция, переводы мигрантов

Для цитирования: Агаярова А. А. Влияние пандемии на миграционные процессы в Азербайджане // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 196–200. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10419

Original article

IMPACT OF THE PANDEMIC ON MIGRATION PROCESSES IN AZERBAIJAN

Akifa A. Aghayarova

Institute of Economics of Azerbaijan National Academy of Sciences, aqayarova.akifa@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4714-5330

Abstract. As a result of the Covid-19 pandemic, migrants suffer more than the local population for many reasons. First of all, the social situation of their families worsens due to the reduction of money transfers from labour migrants. Second, migrants face financial difficulties due to the loss of daily income during the quarantine period. In the third place, because they do not receive timely medical care, the risk of coronavirus infection and other diseases increases. Those who have the opportunity to return to their homeland, do not participate in the labor process for several weeks, because they have to go through a period of quarantine in their country. All this is a serious signal for the adoption of decisions by potential migrants and has a shock effect on the «supply» of labor migration. Each of these factors has had a significant impact on labor migration.

Keywords: Covid-19, migration, demand, supply, labor migration, migrant remittances

For citation: Aghayarova AA. Impact of the pandemic on migration processes in Azerbaijan. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):196-200. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10419

Введение

Когда мы говорим о влиянии пандемии Covid-19 на процесс миграции, мы имеем в виду влияние пандемии на миграцию мигрантов. Таким образом, пандемия оказывает большее влия-

ние на жизнь, условия труда и социальную защиту мигрантов, чем на местное население, потому что большинство мигрантов лишены социальной защиты и качественной медицинской помощи. Во время пандемии у мигрантов возникают дополнительные проблемы, поскольку большинство стран не предоставляют мигрантам пособий

по безработице и других выплатах. Однако каналы воздействия миграции на экономику реализуются как через отток рабочей силы из местной экономики (отрицательное влияние), так и через денежные переводы мигрантов (положительное влияние). Хотя пандемии, войны, теракты и другие экономические потрясения принципиально разные, механизм их воздействия на экономику схож. Таким образом, независимо от причины, количество валюты, отправляемой мигрантами в свою страну, уменьшается. Эта эпидемия может быть связана со снижением спроса на рабочую силу мигрантов, с законодательными ограничениями деятельности мигрантов в стране и другими причинами. Во всех случаях конечный результат схож — денежные переводы мигрантов резко сокращаются.

Текущая ситуация с Covid-19

Вирус COVID-19, который распространяется с первых месяцев 2020 г., достиг уровня пандемии и оказал серьёзное влияние на мировую экономику и международные экономические отношения. Одним из процессов, затронутых пандемией Covid-19 в мире, является международная и даже внутренняя трудовая миграция. Наиболее широко применяемыми мерами по борьбе с пандемией были закрытие международных границ и ограничение междугородного движения в некоторых странах для уменьшения физического контакта. Подобные меры были применены в Азербайджане сразу после объявления пандемии. Границы страны практически закрыты. Трудовые мигранты и студенты из других стран были возвращены спецрейсами.

В других странах рабочие-мигранты из Азербайджана предпочли вернуться в страну как можно скорее, опасаясь распространения вируса в этих странах. Потому что ситуация с пандемией Covid-19 в России, Турции, Америке и Европе, где преобладают мигранты из Азербайджана, была ещё более тревожной. К сожалению, этот процесс всё ещё продолжается. По состоянию на сентябрь 2021 г. этим заболеванием заразились около 220 млн чел., 4,55 млн из них погибли. По данным Всемирного банка, глобальные экономические потери в 2020 г. приблизились к 4 трн долл. Нет сомнений в том, что в 2021 г. экономические потери будут высокими, поскольку международные экономические отношения ещё не полностью восстановились, а ограничения сохраняются в большинстве стран.

Последствия пандемии Covid-19 были сильными в странах с большим количеством азербайджанских мигрантов, особенно в России и Турции.

Со второй половины марта 2020 г. количество заражений в России стремительно растёт. За полтора месяца количество инфицированных превысило 200 тысяч. В другой стране с большим количеством азербайджанских мигрантов, Турции, за тот же период заразились более 140 тыс. чел. Эта ситуация потребовала принятия мер по прекращению экономической деятельности и ограничению физического контакта с населением. Ограничения физического контакта между людьми и экономической деятельности привели к тому, что мигранты возвращаются в свои страны или перестают работать. По статистике на сентябрь 2021 г., общее количество инфицированных в России и Турции составило более 7 млн, а количество умерших — около 200 тыс. и 63 тыс. соответственно. Число ежедневных заражений в обеих странах по-прежнему превышает 20 000.

Ситуация с Covid-19 в Азербайджане относительно стабильна, чем в других соседних странах. Конечно, основной причиной этого стало быстрое реагирование на пандемию COVID-19 в Азербайджане, а также введение жёстких ограничений. Руководство страны держало эту проблему под строгим контролем и обеспечило систему здравоохранения необходимыми средствами и ресурсами. Ежемесячные компенсации были предоставлены для снижения возможного влияния на социальное положение населения, а также на доходы хозяйствующих субъектов. В результате, согласно статистике на сентябрь 2021 г., количество инфицированных этим заболеванием в стране не превысило 480 тыс., а количество смертей от этого заболевания не превысило 6 500. Это 46 000 пациентов на 1 млн чел. и 628 смертей на 1 млн чел. Для сравнения: в Грузии это 152 тыс. и 2 200 чел. соответственно. По первому показателю Азербайджан занимает 100-е место среди 221 страны, а по второму показателю — 97-е. Однако ограничения на физический контакт с населением и закрытие некоторых рабочих мест значительно повысили уровень временной безработицы. Covid-19 также оказал значительное влияние на доходы домохозяйств, поскольку привёл к возвращению значительной части рабочих-мигрантов в другие страны из Азербайджана. Если ситуация не изменится, это может привести к обнищанию определённых слоёв населения.

Таким образом, мы будем оценивать возможное влияние пандемии Covid-19 на экономику Азербайджана через канал перемещения мигрантов в ходе исследования. Поскольку сокращение

денежных переводов мигрантов снижает доходы домохозяйств в стране, то потребительские расходы, а также совокупный спрос в некоторой степени снижаются. Снижение совокупного спроса смещает точку экономического равновесия влево, если совокупное предложение не изменяется. Это может привести к дополнительной безработице.

В экономической литературе есть исследования о влиянии различных внешних событий, таких как террористические атаки, войны, эпидемии и стихийные бедствия, на различные сферы экономической деятельности, включая миграцию. Воздействие пандемии Covid-19 на миграционные процессы, особенно на трудовую миграцию исследованы ООН (ООН, 2020)¹, Международной организацией труда (МОТ, 2020) [2], Организацией по сотрудничеству и развитию в Европе (OECD, 2020) [3], Всемирным банком (World Bank, 2020) [4]. Сравнительный анализ экономической литературы показывает, что пандемия Covid-19 приводит: 1) к большому количеству людей, приговорённых к тому, чтобы оставаться дома, то есть сокращается количество фактических жителей, а также доходы сотрудников; 2) к тому, что большое количество трудовых мигрантов вынуждено вернуться на родину или лишено возможности работать в стране назначения. В результате их доходы, а также количество денег, которые они отправляют в свои страны, снижаются; 3) некоторые виды деятельности с добавленной стоимостью в стране практически закрываются. В результате фактического паралича туристического сектора доходы бизнес-структур, связанных с этим сектором, включая рестораны и отели, резко сокращаются.

После обретения независимости количество людей, уезжающих из Азербайджана в другие страны на постоянное место жительства или в качестве трудовых мигрантов, резко увеличилось. До недавнего времени количество выезжающих мигрантов превышало количество въезжающих. Однако соотношение между количеством иммигрантов и количеством эмигрантов в год сопровождалось увеличением количества иммигрантов в некоторые годы. Однако разрыв между этими двумя потоками сокращается (рис. 1, 3).

Россия, Украина и Казахстан являются основными направлениями для Азербайджанских мигрантов (рис. 4).

¹ UN (2020). UN Policy Brief: COVID-19 and the Need for Action on Mental Health, May 2020. Available at <https://unsdg.un.org/sites/default/files/2020-05/UN-Policy-Brief-COVID-19-andmental-health.pdf>

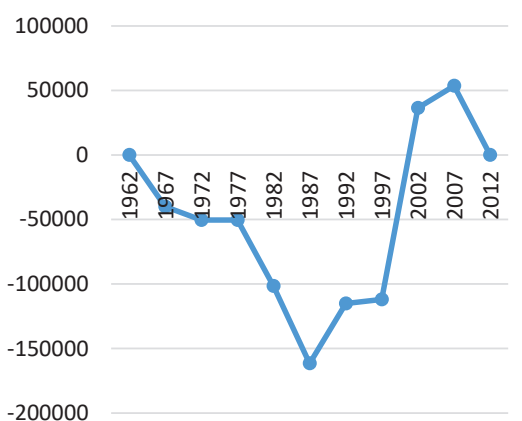

Рис. 1. Разница между годовой иммиграцией и эмиграцией

Здесь и далее оставлено автором основе информации Международной организации по миграции

Fig. 1. The difference between annual immigration and emigration

Here and further left by the author based on information from the International Organization for Migration

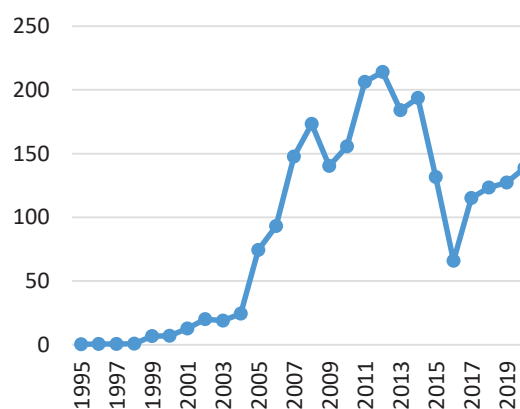

Рис. 2. Объём переводов мигрантов, отправленных в Азербайджан, на душу населения (долл. США)

Fig. 2. The volume of migrant transfers sent to Azerbaijan per capita (in US dollars)

Доходы от нефти, поступающие в Азербайджан с начала века, значительно увеличили доходы населения. Сфера строительства и обслуживания в стране развивается стремительными темпами. В результате с 2005 г. количество людей, уезжающих в другие страны в качестве трудовых мигрантов, уменьшилось, а количество людей, уезжающих в качестве туристов, увеличилось.

В 2014 г. в результате резкого падения мировых цен на нефть снижение доходов в странах-экспортерах нефти, включая Россию, привело к тому, что ряд рабочих-мигрантов перебрались в свои страны или в другие страны. Это также относится к азербайджанским мигрантам, работающим в России в качестве трудовых мигрантов. Одна-

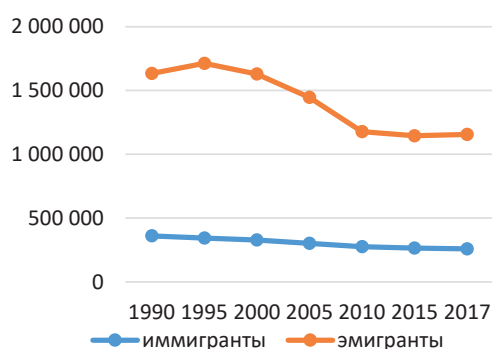

Рис. 3. Динамика общего числа выезжающих и прибывающих в Азербайджан мигрантов, чел.

Fig. 3. Dynamics of the total number of migrants leaving and arriving in Azerbaijan (people)

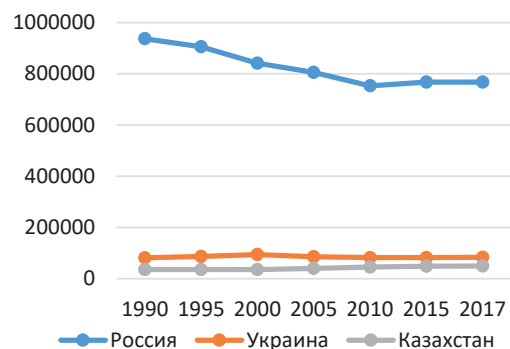

Рис. 4. Динамика общей численности Азербайджанских эмигрантов в основных странах назначения, чел.

Fig. 4. Dynamics of the total number of Azerbaijani emigrants in the main destination countries (people)

ко количество азербайджанских трудовых мигрантов в России довольно велико и продолжает оставаться высоким. Даже по сравнению с 2015 г. количество мигрантов из Азербайджана в России значительно увеличилось (542 чел.). В те годы значительно увеличилось количество трудовых мигрантов в Украину, Казахстан, США и Турцию. Однако количество азербайджанских мигрантов в Израиле, Иране и Киргизии в те годы уменьшилось (таблица).

Трудовые мигранты (иммигранты), прибывающие в Азербайджан, в основном из трёх стран: Грузии, России и Узбекистана. В Азербайджан также приезжают трудовые мигранты из других стран, таких как Казахстан, Украина, Киргизия, Турция и Туркменистан. Однако общее количество трудовых мигрантов, прибывающих в Азербайджан, намного меньше, чем количество трудовых мигрантов, покидающих Азербайджан.

Выводы

Многочисленные обсуждения и опросы о трудовой миграции позволяют предположить, что в ближайшем будущем её объём не будет таким, как до пандемии Covid-19. Однако исторические факты также доказывают, что экономические проблемы перевешивают другие проблемы и играют основную роль. Ограничительные меры государства сыграли важную роль в сокращении миграционных или туристических потоков во время пандемии Covid-19, и в отсутствие таких мер не исключено, что трудовая миграция снова усилится. Поэтому правительства, стремящиеся сократить эмиграцию из своих стран, должны прежде всего бороться с безработицей, которая является основной причиной миграции. В этом смысле примечательна политика, проводимая правительством Азербайджана.

Основные страны эмиграции граждан Азербайджана (2015–2017) The main countries of emigration of Azerbaijani citizens (2015–2017)

№ п/п	Страна	Количество эмигрантов		
		2015	2017	Разница
1	Россия	767 339	767 881	542
2	Украина	82 299	83 121	822
3	Казахстан	48 377	49 582	1 205
4	США	19 799	21 606	1 807
5	Германия	19 180	19 244	64
6	Турция	16 856	19 918	3 062
7	Израиль	13 529	13 195	-334
8	Иран	12 007	11 886	-121
9	Киргизия	4 678	4 584	-94
10	Франция	4 112	4 173	61

Таким образом, во время пандемии Covid-19 важно оживить экономику и оказать дополнительную финансовую поддержку секторам экономики, затронутым пандемией. Помимо того, что на эти цели было потрачено 3,3 млрд манатов, Азербайджан списал налоговую задолженность предприятий, наиболее пострадавших от пандемии. Снятие некоторых ограничений по пандемии с 1 октября 2021 г. также сыграет важную роль в оживлении экономики страны и увеличении доходов. Именно увеличение доходов населения и создание новых рабочих мест отрицательно сказывается на росте трудовой миграции из страны.

Список источников

1. МОТ. Социальная защита трудящихся-мигрантов: необходимый ответ на кризис Covid-19 : аналитическая записка с конкретными рекомендациями для политиков и социальных партнёров (название изменено), Женева, Международное бюро труда, 24 июня. 2020.
2. ОЭСР. Реагирование на кризис COVID-19 в странах MENA. Париж, 19 июня, 2020.
3. Всемирный банк. Кризис COVID-19 сквозь призму миграции : краткий обзор миграции и развития 32. Вашингтон, округ Колумбия, апрель. 2020.
4. Заменяемость коренных жителей и иммигрантов в производстве // Обзор экономики и статистики. 1982. Т. 64, № 4. С. 596–603.
5. Альтонджи Д. Д., Кард Д. Влияние иммиграции на исходы рынка труда для коренного населения с ограниченными возможностями // Иммиграция, торговля и рынок труда. Chicago Press, 1991. С. 201–234.
6. Ralf A., Page J. Сокращает ли международная миграция и денежные переводы бедность в развивающихся странах? // World Development. 2005. Vol. 33, No. 10. P. 1645–1669.
7. Всемирный банк, Вашингтон, округ Колумбия. Глобальные экономические перспективы 2006: экономические последствия денежных переводов и миграции. Всемирный банк, 2006.

References

1. ILO. Social protection for migrant workers: A necessary response to the COVID-19 crisis. Policy brief with concrete recommendations for policy makers and social partners. (title revised). Geneva, International Labour Office, 2020. 24 June.
2. OECD. COVID-19 crisis response in MENA countries. Paris, 2020. 19 June.
3. World Bank. COVID-19 Crisis Through a Migration Lens. Migration and Development Brief 32. Washington, D.C. 2020. April.
4. The Substitutability of Natives and Immigrants in Production. *Review Economics and Statistics*. 1982; 64(4):596-603.
5. Altonji JG, Card D. The Effects of Immigration on the Labor Market Outcomes of Lesskilled Natives. In: Immigration, Trade, and the Labor Market. Chicago Press, 1991. Pp. 201–234.
6. Ralf A, Page J. Do International Migration and Remittances Reduce Poverty in Developing Countries? *World Development*. 2005;33(10):1645-1669.
7. World Bank Washington DC. Global Economic Prospects 2006: Economic Implications of Remittances and Migration. World Bank, 2006.

Информация об авторе

А. А. Агаярова — старший научный сотрудник отдела демографии и проблем воспроизводства труда.

Information about the author

A. A. Aghayarova — Senior research fellow of Department of Demography and problems of labor reproduction

Статья поступила в редакцию 05.03.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 05.03.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 504.03

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10420

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДРАЙВЕРЫ ДЕКАРБОНИЗАЦИИ

Дмитрий Александрович Плетнёв^{1✉}, Алёна Витальевна Попова²,
Сергей Владимирович Мурашкин³

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ pletnev@csu.ru[✉], ORCID 0000-0002-6494-572X

² alenapopova_2000@mail.ru

³ «ГидМаркет», Москва, Россия, director@gidmark.ru

Аннотация. Проблема декарбонизации артикулируется в международных экономических отношениях достаточно активно. При этом сегодня разные страны демонстрируют различное понимание и разную степень готовности к активным действиям в этом направлении. Помимо экологического начала, в проблеме декарбонизации важную роль играет и экономический компонент: декарбонизация стала источником получения дополнительных конкурентных преимуществ для тех, кто устанавливает, лоббирует или следует правилам. В статье рассмотрены экономические условия и факторы, определяющие национальную политику в области декарбонизации, а также их последствия для национальных экономик и сообщества стран (ЕС). Сделан вывод о неоднородности подходов к решению проблемы изменения климата под влиянием выбросов углекислого газа, а также о существенном влиянии степени экономического развития стран на их готовность подходить строже к проблеме декарбонизации.

Ключевые слова: декарбонизация, углеродная нейтральность, драйверы декарбонизации, углерод, CO₂, парниковые газы

Для цитирования: Плетнёв Д. А., Попова А. В., Мурашкин С. В. Экономические драйверы декарбонизации // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 201–209. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10420

Review

ECONOMIC DRIVERS OF DECARBONIZATION

Dmitrij A. Pletnev^{1✉}, Aliona V. Popova², Sergey V. Murashkin³

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ pletnev@csu.ru[✉], ORCID 0000-0002-6494-572X

² alenapopova_2000@mail.ru

³ GidMarket, Moscow, Russia, director@gidmark.ru

Abstract. The problem of decarbonization is articulated quite actively in international economic relations. At the same time, today different countries demonstrate different understanding and different degrees of readiness for active actions in this direction. In addition to the environmental beginning, the economic component also plays an important role in the problem of decarbonization: decarbonization has become a source of additional competitive advantages for those who set, lobby or follow the rules. The article examines the economic conditions and factors that determine the national policy in the field of decarbonization, as well as their consequences for national economies and the community of countries (EU). The conclusion is made about the heterogeneity of their approaches to solving the problem of climate change under the influence of carbon dioxide emissions, as well as the significant influence of the degree of economic development of countries on their willingness to approach the problem of decarbonization more strictly.

Keywords: decarbonization, carbon neutrality, decarbonization drivers, carbon, CO₂, greenhouse gases

For citation: Pletnev DA, Popova AV, Murashkin SV. Economic drivers of decarbonization. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462)):201-209. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10420

Введение

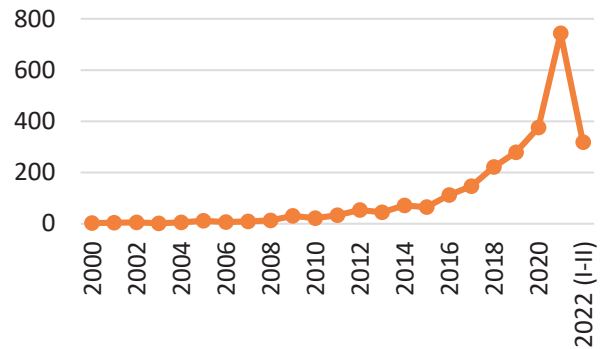
Климатическая проблема выбросов парниковых газов была выявлена и научно обоснована в 1970-х гг. Разработанная М. И. Будыко теория парникового эффекта [4] побудила мировое научное сообщество к проведению масштабных исследований в области влияния антропогенных факторов, в том числе и выбросов парниковых газов (CO_2 , CH_4 , N_2O , SF_6 , F-газы) на изменение климата, глобальное потепление.

Получение новой информации, развитие научных исследований в области климатических изменений к концу XX в. определили необходимость разработки и распространения в мировом сообществе, прежде всего в экономически развитых странах, комплексных политических и экономических мер, направленных на реализацию низкоуглеродного потенциала. Уже в 1992 г. была предложена и в 1994 г. вступила в силу Рамочная конвенция об изменении климата ООН. Данный документ определяет ответственность экономически развитых стран за антропогенное влияние на изменение климата и устанавливает необходимость стабилизации концентраций парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему [1].

Интерес академического сообщества к проблемам декарбонизации в мировой науке растёт экспоненциально. До 2009 г., по данным БД Scopus, ежегодно в ведущих мировых журналах публиковалось не более 13 работ, затрагивающих проблему декарбонизации. Затем, до 2020 г., интерес стремительно рос (от 20–30 до 300 и более работ). Однако появление новых директив ЕС, объявивших конкретные «правила игры» в сфере борьбы с углеродным следом на среднесрочную перспективу привело к лавинообразному росту: более 700 работ в 2021 г. и более 300 за два первых месяца 2022 г. (рисунок).

При этом эти проблемы вызвали широкий резонанс не только в самом Евросоюзе [9; 10; 12; 14; 17; 18], но и в других странах Европы [7; 15], Азии [6; 11], Южной Америки [20]; Африки [16] и Австралии [8]. Не обошли своим вниманием проблемы декарбонизации и российские авторы [5; 13; 19].

Первым в мировой истории юридически обязательным международным договором по тематике изменения климата стало принятое в 2015 г. Парижское соглашение. На сегодняшний день данный документ остаётся ключевым элементом межстранового процесса установления углеродной нейтральности [2]. На его основе страны разрабатывают свои программы по декарбони-

Изменение количества публикаций, посвящённых проблеме декарбонизации, проиндексированных БД Scopus

(Источник: scopus.com)

Change in the number of publications on the problem of decarbonization indexed by the Scopus database
(Source: scopus.com)

зации — снижению влияния эмиссии парниковых газов на изменение климатической ситуации на планете. Такие меры регулирования выбросов парниковых газов, реализуемые странами, разнообразны: технологические (развитие энергосберегающих технологий, совершенствование элементов альтернативной энергетики), социальные (продвижение идей осознанного потребления, чистой энергетики, нулевого антропогенного следа среди населения), экономические (инструменты влияния на компании, бизнес-сообщества, рынки).

Подобные меры и обязательства по снижению углеродного следа приняли на себя страны Европейского союза, Китай, Япония, США и др. В целом же, по данным портала NetZeroTracker, обязательства по полной декарбонизации уже приняли или в настоящее время рассматривают 136 стран мира из 198. При этом во многих странах Европы такие программы установлены законом (Франция, Германия, Испания, Португалия, Великобритания, Швеция, Ирландия, Венгрия), в США, Бразилии, Китае, Чили, Италии, Австрии и др. — политическим документом, в России, Казахстане, Эстонии, Австралии, ЮАР, Индии и др. — декларацией, в нескольких европейских странах (Нидерланды, Словакия, Болгария, Швейцария), странах Южной Америки (Аргентина, Колумбия, Перу), в Африке (Мали, Чад, Судан, Эфиопия, Танзания, Ангола и др.), Азии (Пакистан, Афганистан, Мьянма, Индонезия и др.) такого рода документы находятся в разработке. Остальные государства не имеют установленных или разрабатываемых целей по данному вопросу (среди них в основном страны Африки, некоторые страны Латинской Америки, Восточной Ев-

ропы и Ближнего Востока)¹. В связи с этим можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день процесс декарбонизации хотя и является устойчивым трендом во многих странах мира, но носит неоднородный характер реализации.

Рассмотрим программы достижения углеродной нейтральности и экономические драйверы декарбонизации в ряде стран мира.

Европейский союз

Европейский союз в конце XX — начале XXI в. стал передовой площадкой для пересмотра деятельности общества в сторону снижения воздействия углеродных выбросов на окружающую среду. Эксперты связывают это в том числе с тем фактом, что в XVIII в. Европа была первой территорией, применявшей ископаемое топливо для производственной деятельности, и последствия влияния карбонового выброса на данную территорию раньше других достигли критических отметок.

Одним из основных экономических драйверов декарбонизации Европы является торговля квотами на выбросы CO₂. Начиная с 2005 г. Евросоюз запустил Схему торговли квотами на выбросы CO₂ (EU ETS). Европейская система торговли выбросами была первой крупной схемой торговли выбросами в мире и остаётся самой крупной. Даная Схема работает во всех странах ЕС, а также в Великобритании, Исландии, Лихтенштейне и Норвегии. Она ограничивает выбросы примерно 10 тыс. установок в энергетическом секторе и обрабатывающей промышленности, покрывает около 40 % выбросов парниковых газов в ЕС.

Еврокомиссией устанавливается ограничение на совокупный объём парниковых газов, которые могут выбрасываться установками (предприятиями), входящими в систему. Ограничения со временем усиливаются, вследствие чего общий объём выбросов снижается. В рамках ограничений предприятия покупают или получают специальные квоты на выбросы. В конце каждого отчётного периода (1 год) компания должна сдавать достаточно разрешений (квот), чтобы полностью покрывать объём выбросов, при несоответствии налагаются штрафные санкции. В 2013–2020 гг. общесоюзный лимит для установок ежегодно снижался с линейным понижающим коэффициентом 1,74 %. В 2021–2030 гг. лимит выбросов продолжит ежегодно снижаться с повышенным годовым коэффициентом линейного сокращения на 2,2 %. И если в 2021 г. лимит был установлен на уровне 1 571 583 007 квот, то в 2022 г. он сократится на 34 574 826 разрешений (2,2 %) и составит 1 537 008 181 шт. Цена на квоты активно растёт

¹ Net Zero Tracker. URL: <https://zerotracker.net/>

с начала пандемии, наиболее резкий рост цены углеродных квот в Европе фиксируется с ноября 2021 г., за последние три месяца цена эмиссионных квот в Европе возросла на 68 % до рекордных 97,5 евро/т. Аналитики среди причин выделяют рост цен на природный газ в Европе, что в свою очередь стимулирует использование угля. Кроме того, многие европейские эксперты и политические деятели указывают на спекуляции на углеродном рынке Евросоюза. Такая тенденция, по мнению Еврокомиссии, приведёт к переходу на альтернативные безуглеродные источники энергии².

В июле 2021 г. Европейской комиссией был предложен закон Fit for 55, целью которого стало снижение выбросов парниковых газов в ЕС на 55 % к 2030 г. по сравнению с уровнем 1990 г. Одним из ключевых элементов данного проекта является механизм регулирования углеродной границы (СВАМ). Разработанная в соответствии с правилами Всемирной торговой организации (ВТО) и другими международными обязательствами ЕС, система СВАМ будет работать следующим образом: импортёры ЕС будут покупать такие же углеродные квоты, если в стране-производителе не установлены соответствующие сертификаты и разрешения. Механизм должен побуждать страны, не входящие в ЕС, к принятию мер по сокращению выбросов и предотвращению переноса и продолжения углеродоёмкого производства за пределы ЕС³. В начале 2022 г. в Европарламенте предложили начать взимать углеродный налог с импортёров ЕС в полной мере с 2025 г. Более того, теперь в Европарламенте намерены убрать льготы для европейских производителей по предоставлению бесплатных квот на выбросы к концу 2028 г. (вместо 2035 г.)⁴.

ЕС находится в авангарде международных усилий по борьбе с изменением климата. Европейское зелёное соглашение указывает чёткий путь к реализации амбициозной цели ЕС по сокращению выбросов углерода на 55 % по сравнению с уровнем 1990 г. к 2030 г. и превращению континента

² EU Emissions Trading System (EU ETS) // European Commission website. URL: https://ec.europa.eu/clima/eu-action/eu-emissions-trading-system-eu-ets_en

³ Carbon Border Adjustment Mechanism: Questions and Answers // European Commission website. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_21_3661

⁴ Бизнес из воздуха: торговля CO₂ становится интенсивнее // Электронное периодическое издание «Нефть и Капитал». URL: <https://oilcapital.ru/article/general/21-02-2022/biznes-iz-vozduha-torgovlya-so2-standovitsya-intensivnee>

в климатически нейтральный к 2050 г. По данным портала Global carbon atlas, к 2020 г. выбросы CO₂ в странах Европейского союза сократились более чем на 32 % по сравнению с 1990 г.¹

Китай (КНР)

На сегодняшний день Китай находится на первом месте в рейтинге стран по объёмам ежегодных выбросов парниковых газов. По данным ежегодника Enerdata, объём выбросов в КНР в 2020 г. составил 9 717 MtCO₂ (метрических тонн CO₂), около 30 % от мирового объёма выбросов. Также в отличие от ЕС в Китае произошло значительное увеличение выбросов — в 4,3 раза в 2020 г. по сравнению с 1990 г.² В связи с этим климатическая проблема и необходимость декарбонизации экономики стоит достаточно остро.

До 2021 г. в Китае не было общестрановых налогов на выбросы парниковых газов или специальной системы торгов квотами на выброс. В стране неоднократно разрабатывались предложения в данной области, например, в 2010 г. правительство страны предложило ввести налог на выбросы в размере 10 юаней за тонну CO₂ с его увеличением до 50 юаней за тонну к 2020 г., но проект был отклонён³. Также с 2013 г. Китай осуществлял пилотные программы торговли квотами на выбросы в ряде провинций и городов, включая Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Чунцин, Гуандун, Хубэй и др. Общий объём торгов по этим проектам составил около 1,76 млрд долл.⁴

В июле 2021 г. Китай официально запустил систему торговли квотами на выбросы CO₂ (ETS). На данный момент данная схема распространяется только на сектор теплоэнергетики и охватывает 2 225 газовых и угольных электростанций Китая. По прогнозам Министерства охраны окружающей среды КНР, на первом этапе реализации система будет покрывать до 4 млрд т выбросов углекислого газа в год. К 2025 г. планируется расширить действие данной системы на предприятия металлургической отрасли, нефтепереработки, химической, целлюлозно-бумажной про-

мышленности и других наиболее загрязняющих атмосферу отраслей.

В целом Китай, несмотря на давно существующую проблему с выбросами парниковых газов, только недавно начал реализовывать мероприятия по снижению влияния углерода на окружающую среду, по достижению углеродной нейтральности. В планах страны к 2030 г. преодолеть пик выбросов CO₂ (т. е. после 2030 г. объём выбросов должен пойти на спад) и достичь углеродной нейтральности к 2060 г. Для этого по оценкам экспертов может потребоваться около 5,5 трлн долл. инвестиций⁵.

Соединённые Штаты Америки (США)

США в настоящее время находятся на втором месте по величине выбросов CO₂ в атмосферу среди стран мира. По итогам 2020 г. объём выбросов составил 4 405 MtCO₂ — около 15 % от совокупного объёма мировых выбросов углекислого газа, в связи с чем в стране, как в Китае, существует значительная проблема негативного воздействия парниковых выбросов на изменение климата на планете⁶.

На данный момент в США нет общенационального налога на выбросы углерода и других парниковых газов, несмотря на то, что такая мера неоднократно предлагалась в последние несколько лет. Например, на 117-м Конгрессе (2021–2022 гг.) было внесено пять таких предложений с начальной ставкой налога в диапазоне 15–25 долл. за метрическую тонну газа⁵.

Единой национальной системы торговли квотами на парниковые газы в США также нет, однако такие инициативы действуют в некоторых штатах. Первой обязательной программой по торговле квотами, направленной на ограничение выбросов CO₂, стала Региональная инициатива по выбросам парниковых газов (RGGI), объединившая двенадцать штатов США: Калифорния, Коннектикут, Мэн, Делавэр, Массачусетс, Мэриленд, Нью-Гэмпшир, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Род-Айленд, Вермонт и Вирджиния. В 2021 г. минимальная изначальная цена одной квоты составляла 2,38 долл. за разрешение. В целом, по данным аналитиков RGGI, выбросы по штатам — участникам программы сократились более чем на 50 % с момента создания инициативы, что в 2 раза быстрее, чем в среднем по стране⁶.

¹ CO₂ emissions // Global carbon atlas. URL: <http://www.globalcarbonatlas.org/ru/CO2-emissions>

² Выбросы CO₂ от сжигания топлива // Ежегодник Enerdata. URL: <https://yearbook.enerdata.ru/co2/emissions-co2-data-from-fuel-combustion.html>

³ Why we risk overinterpreting China's carbon tax statements // Carbon Brief. URL: <https://www.carbonbrief.org/why-we-risk-overinterpreting-chinas-carbon-tax-statements>

⁴ Китай запустил систему торговли квотами на выбросы CO₂ // Новостной портал GMK Center. URL: <https://gmk.center/news/kitaj-zapustil-sistemu-torgovli-kvotami-na-vybrosy-so2-2/>

⁵ U. S. State Carbon Pricing Policies // Center for Climate and Energy Solutions. URL: [https://www.c2es.org/document/us-state-carbon-pricing-policies/#:~:text=Those%20states%20are%20California%20and,Greenhouse%20Gas%20Initiative%20\(RGGI\)](https://www.c2es.org/document/us-state-carbon-pricing-policies/#:~:text=Those%20states%20are%20California%20and,Greenhouse%20Gas%20Initiative%20(RGGI))

⁶ Regional Greenhouse Gas Initiative. URL:

Также штат Вашингтон в 2021 г. принял новый закон о создании подобной системы, который вступит в силу с 2023 г.⁹

В США уже несколько лет успешно реализуются региональные программы стимулирования декарбонизации, вместе с тем общенациональная система мер до сих пор находится в разработке. Такая ситуация затрудняет достижение целей США по снижению уровня выбросов парниковых газов на 50 % к 2030 г. по сравнению с 2005 г. и достижению углеродной нейтральности к 2050 г.⁵ По данным ежегодника Enerdata, на 2020 г. снижение уровня выбросов CO₂ составило 24 % по сравнению с 2005 г.⁶

Индия

На сегодняшний день Индия занимает 3-е место в рейтинге стран с наибольшим уровнем выбросов CO₂, объём выбросов составляет 2 191 MtCO₂, что выше уровня 1990 г. в 4,2 раза. Такая ситуация создаёт острую необходимость в решении проблемы выбросов парниковых газов и разработку специальных мер стимулирования декарбонизации производства в стране.

В настоящее время в Индии нет единой системы налогообложения выбросов углерода по всей стране. Вместе с тем в отдельных регионах введены собственные налоги, такие как Green Cess (Гоа) и экологический налог на автомобили, въезжающие в Массури. Также в прошлом в стране принимались меры для снижения выбросов парниковых газов: в 2010 г. была введена мера Clean Energy Cess, направленная на стимулирование использования экологически чистых видов топлива за счёт увеличения стоимости потребления угля. Эта мера оказалась недостаточно эффективной и была отменена в 2017 г.¹

Такой подход к стимулированию декарбонизации может затруднить достижение поставленных целей: снижение углеродоёмкости ниже уровня 45 % к 2030 г., достижение углеродной нейтральности страны к 2070 г.²

Российская Федерация

На сегодняшний день Россия располагается на 4-м месте рейтинга стран с наибольшими выбросами CO₂ в мире: объём выбросов, по данным ежегодника Enerdata составляет 1 619 MtCO₂. Несмотря на то, что уровень выбросов в стране в 6 раз меньше, чем в Китае, и в 2,7 раза меньше, чем

в США, необходимость снижения данного показателя с целью достижения в перспективе 2060 г. углеродной нейтральности остаётся⁶.

Сегодня в стране нет единого налога на выбросы и национальной системы торговли квотами на выбросы парниковых газов. Активную деятельность по разработке мер стимулирования декарбонизации Российская Федерация начала вести в 2019–2020 гг. В июле 2019 г. был принят Федеральный закон от 26.07.2019 № 195-ФЗ «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха». Эксперимент проводится в целях снижения уровня загрязнения атмосферного воздуха в городских округах Братск, Красноярск, Липецк, Магнитогорск, Медногорск, Нижний Тагил, Новокузнецк, Норильск, Омск, Челябинск, Череповец и Чита. В рамках данного проекта предполагается осуществление квотирования выбросов парниковых газов в атмосферу. Данный эксперимент проводится с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2024 г. По плану Правительства, в участвующих городах объём вредных выбросов должен снизиться на 20 % к 2024 г. [3].

В начале 2022 г. в РФ был принят закон о запуске экспериментального проекта по ограничению выбросов парниковых газов в Сахалинской области. Эксперимент будет проводиться с 1 сентября 2022 г. по 31 декабря 2028 г., также предполагается добавление в проект других территорий страны. Основная цель проекта заключается в достижении углеродной нейтральности на Сахалине к концу 2025 г., в других регионах, которые будут добавлены в проект, — не позднее 2028 г. В рамках данной программы в Сахалинской области проводится инвентаризация выбросов и поглощений газов, внедряется квотирование, а также планируется введение системы штрафных санкций за превышение квот, установленных исходя из среднемировой цены на выбросы CO₂ — 2 долл./т и средней цены квоты в Европе³.

Достижение углеродной нейтральности страны к 2060 г. потребует внедрения подобных программ в общероссийском формате. Также сообщается о том, что в правительстве приступили к проектировке национального варианта угле-

<https://www.rggi.org/>

¹ Carbon tax and its impact on India // Ipleaders. URL: https://blog.ipleaders.in/carbon-tax-and-its-impact-on-india/#The_carbon_tax_regime_in_India

² India's Road to Net-Zero // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2021/11/indias-road-to-net-zero>

³ Госдума приняла в третьем чтении закон об эксперименте с CO₂ на Сахалине // Международная информационная группа «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/russia/822453>

родного налога — аналогичного разработанному в ЕС механизму сбора за выбросы углекислого газа в атмосферу¹.

Канада

В 2020 г. Канада входила в топ-10 рейтинга стран с наибольшими выбросами CO₂, по данным ежегодника Enerdata, объём выбросов в стране составил около 516 MtCO₂⁶. Первая программа стимулирования декарбонизации в стране появилась в провинции Квебек ещё в 2007 г. — налог на выброс углерода составлял 3,5 долл./т газа. Позже похожие сборы были введены в Альберте, Британской Колумбии.

Национальная система налогообложения выбросов углекислого газа появилась в Канаде только в 2019 г. Правительство установило минимальную ставку налога в размере 20 долл./т газа в 2019 г. с перспективой увеличения на 10 долл. ежегодно до 50 долл. в 2022 г., после чего увеличение ставки составит 15 долл. в год, пока не достигнет 170 долл. в 2030 г. Каждая провинция и территория могут устанавливать свои собственные налоги, соответствующие этому минимуму или превышающие его².

Также правительство Канады запустило Фонд ускорения чистого нуля на сумму 8 млрд долл., чтобы помочь крупным источникам выбросов сократить свои выбросы. Например, Algoma Steel Inc. получает от Фонда до 420 млн долл. на модернизацию своих операций и поэтапный отказ от процессов производства стали с использованием угля на своём предприятии.

В целом Канада уверенно движется к сформированным целям снижения уровня выбросов в стране на 40–45 % к 2030 г. по сравнению с уровнем 2005 г. и полной декарбонизации экономики к 2050 г.³

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона

В данном регионе преобладающей формой стимулирования декарбонизации сегодня является формирование систем торговли квотами на выбросы CO₂. В Азиатско-Тихоокеанском регионе действуют три национальные (Китай, Южная Корея, Новая Зеландия) и десять региональных схем

торговли квотами, ещё несколько проектов находится в разработке.

Первая в регионе система торговли квотами на выброс газов была запущена в Новой Зеландии в 2008 г. Она является основным инструментом для снижения выбросов углерода в стране на 30 % к 2030 г. по сравнению с 2005 г. и достижения углеродной нейтральности к 2050 г.

В Южной Корее разработка подобной системы началась в 2010 г. В 2012 г. была запущена Система управления целевыми выбросами парниковых газов и энергии (GHG and Energy Target Management System), и только в 2015 г. была запущена Корейская система торговли квотами на выбросы (Korean Emissions Trading System). В 2020 г. цена квоты составляла 27,62 долл., а максимальный штраф за превышение 84,73 долл.

В Японии первые региональные системы торговли квотами на выброс газов были созданы в начале 2000-х гг. С того времени в стране работали четыре таких системы, одна из них была добровольной, вторая создавалась в качестве пилотного проекта, а две оставшиеся функционируют до сих пор (Токио Cap-and-Trade и Saitama ETS). Создание единой национальной схемы на данный момент не рассматривается.

Также сейчас в разработке находятся проекты торговли квотами в ряде стран региона, среди них Вьетнам, Индонезия, Таиланд и Сингапур⁴.

В целом, помимо Китая, регион характеризуется небольшой долей выбросов в общемировом объёме, несмотря на это многие страны активно развивают меры стимулирования декарбонизации.

Страны Латинской Америки

Страны Латинской Америки осуществляют около 4,5 % всех выбросов парниковых газов в мире⁶. Это более чем в 7 раз меньше, чем выбрасывает в атмосферу Китай. В связи с этим программы декарбонизации экономики в этом регионе развиты слабо. В Латинской Америке налог на выбросы углерода есть только в Аргентине, Чили, Колумбии и Мексике, и ни одна из них не использует ETS (систему торговли квотами на выбросы). Уровень текущих ставок: Аргентина 6 долл./т газа, Чили — 5 долл., Колумбия — 4,24 долл. и Мексика — от 3 долл. Эти ставки являются одними из самых низких в мире⁵.

⁴ Системы торговли квотами на выбросы парниковых газов в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: https://economy.gov.ru/material/departments/d30/obzory_i_analitika/obzor_cistem_torgovli_kvotami_na_vybrosy_parnikovyyh_gazov_v_aziatsko_tihookeanskom_region.html

⁵ Carbon pricing in Latin America: far from being an

¹ В правительстве готовят российский вариант углеродного сбора ЕС // Новостной портал «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/09/22/887822-vlasti-uglerodnogo-naloga>

² What is Canada's National Carbon Tax and how does it affect us? // FutureLearn. URL: <https://www.futurelearn.com/info/futurelearn-international/canada-carbon-tax>

³ Net-Zero Emissions by 2050 // Government of Canada website. URL: <https://www.canada.ca/en/services/environment/weather/climatechange/climate-plan/net-zero-emissions-2050.html>

Бразилия на данный момент не имеет системы стимулирования декарбонизации (нет прямого налога на выбросы CO₂ или схемы торговли квотами на выбросы). В стране применяются только акцизы на топливо, косвенная форма ценообразования на выбросы углерода, они покрывают 7,7 % выбросов в 2021 г., не изменившись с 2018 г.¹

Также в Бразилии запущен экспериментальный проект системы торговли квотами на парниковые газы. В 2018 г. в этом эксперименте приняли участие 29 компаний из различных секторов бразильской экономики. Моделирование ETS координируется Centro de Estudos em Sustentabilidade da Fundação Getulio Vargas (FGVces)². В 2020–2021 гг. началось обсуждение введения подобной системы по всей стране из-за необходимости достижения поставленных целей по снижению углеродной зависимости экономики страны на 43 % к 2030 г. по сравнению с уровнем 2005 г. и углеродной нейтральности к 2050 г.³

effective instrument // Energy transition. URL: <https://energytransition.org/2020/10/carbon-pricing-in-latin-america-far-to-be-an-effective-instrument-facing-climate-change/>

¹ Effective Carbon Rates 2021 // Organisation for Economic Co-operation and Development website. URL: <https://www.oecd.org/tax/tax-policy/effective-carbon-rates-2021-0e8e24f5-en.htm>

² Brazil Launches New Private and Public Policy Carbon Pricing Initiatives // Climate Scorecard. URL: <https://www.climatecard.org/2020/03/brazil-launches-new-private-and-public-policy-carbon-pricing-initiatives/>

³ STATEMENT: Brazil's 2050 Climate Neutrality Goal is an Important Gesture, but it Contradicts Climate Actions from the Administration // World Resources Institute. URL: <https://www.wri.org/news/statement-brazils-2050-climate-neutrality-goal-important-gesture-it-contradicts-climate>

Страны Африки

Страны Африки осуществляют около 3,8 % всех выбросов парниковых газов в мире⁶. Это более чем в 8 раз меньше, чем выбрасывает в атмосферу Китай. В связи с этим программы декарбонизации экономики в этом регионе практически не развиты.

Налог на выбросы углекислого газа установлен только в ЮАР. Эта мера была введена в 2019 г. и изначально ставка составляла менее 8 долл., с 1 января 2022 г. ставка налога установилась на уровне 9 долл., планируется, что к 2026 г. она достигнет 20 долл., к 2030 г. — 30 долл. Также страна планирует прийти к безуглеродной экономике к 2050 г. Также разработка подобных мер ведётся в Сенегале и Кот-д'Ивуаре⁴.

Заключение

Таким образом, после рассмотрения мер стимулирования декарбонизации в различных странах и регионах мира можно сделать вывод о неоднородности подходов к решению проблемы изменения климата под влиянием выбросов углекислого газа: ряд наиболее экономически развитых стран уже давно реализуют мероприятия по снижению углеродного влияния на окружающую среду, часть крупных стран, в том числе Россия, США и Китай только начинают путь сокращения уровня выбросов, некоторые менее экономически развитые страны ещё не столкнулись со значительным негативным воздействием CO₂ и в связи с этим не предпринимают действий по сокращению его концентрации на их территории.

⁴ South Africa's carbon tax rate goes up but emitters get more time to clean up // The Conversation. — URL: <https://theconversation.com/south-africas-carbon-tax-rate-goes-up-but-emitters-get-more-time-to-clean-up-177834>

Список источников

1. Рамочная конвенция Организации Объединённых Наций об изменении климата: Конвенция ООН от 09.05.1992 г.
2. Итоговый документ 21-й конференции Рамочной конвенции об изменении климата: Парижское соглашение. Париж. 30 ноября — 11 декабря 2015 г.
3. О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха: Федеральный закон от 26.07.2019 № 195-ФЗ (последняя редакция).
4. Будыко М. И. Влияние человека на климат. Л. : Гидрометеиздат, 1972. 47 с.
5. Плетнёв Д. А., Мурашкин С. В. О декарбонизации // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 10 (456). С. 179–184.
6. Chalvatzis K. J., Rubel K. Electricity portfolio innovation for energy security: The case of carbon constrained china // Technological Forecasting and Social Change, 2015. No. 100. P. 267–276. doi:10.1016/j.techfore.2015.07.012
7. Ćorović N., Urošević B. G., Katić N. Decarbonization: Challenges for the electricity market development — serbian market case // Energy Reports. 2022. No. 8. P. 2200–2209. doi:10.1016/j.egy.2022.01.054

8. Flottmann J. H., Akimov A., Simshauser P. Firming merchant renewable generators in australia's national electricity market // *Economic Analysis and Policy*, 2022. No. 74. P. 262–276. doi:10.1016/j.eap.2022.02.005
9. Fortes P., Simoes S. G., Gouveia J. P., Seixas J. Electricity, the silver bullet for the deep decarbonisation of the energy system? cost-effectiveness analysis for Portugal // *Applied Energy*. 2019. No. 237. P. 292–303. doi:10.1016/j.apenergy.2018.12.067
10. Guyonnet D., Planchon M., Rollat A., Escalon V., Tuduri J., Charles N., Fargier H. Material flow analysis applied to rare earth elements in Europe // *Journal of Cleaner Production*. 2015. No. 107. P. 215–228. doi:10.1016/j.jclepro.2015.04.123
11. Harish V. S. K. V., Anwer N., Kumar A. Applications, planning and socio-techno-economic analysis of distributed energy systems for rural electrification in India and other countries: A review // *Sustainable Energy Technologies and Assessments*. 2022. No. 52. doi:10.1016/j.seta.2022.102032
12. Horan W., Byrne S., Shawe R., Moles R., O'Regan B. A geospatial assessment of the rooftop decarbonisation potential of industrial and commercial zoned buildings: An example of irish cities and regions // *Sustainable Energy Technologies and Assessments*. 2020. No. 38. doi:10.1016/j.seta.2020.100651
13. Khrushcheva O., Maltby T. The future of EU-Russia energy relations in the context of decarbonisation // *Geopolitics*. 2016. No. 21 (4). P. 799–830. doi:10.1080/14650045.2016.1188081
14. Lipiäinen S., Sermiyagina E., Kuparinen K., Vakkilainen E. Future of forest industry in carbon-neutral reality: Finnish and swedish visions // *Energy Reports*. 2022. No. 8. P. 2588–2600. doi:10.1016/j.egy.2022.01.191
15. Obrist M. D., Kannan R., Schmidt T. J., Kober T. Long-term energy efficiency and decarbonization trajectories for the swiss pulp and paper industry // *Sustainable Energy Technologies and Assessments*. 2022. No. 52. doi:10.1016/j.seta.2021.101937
16. Oyewo A. S., Aghahosseini A., Bogdanov D., Breyer C. Pathways to a fully sustainable electricity supply for nigeria in the mid-term future // *Energy Conversion and Management*. 2018. No. 178. P. 44–64. doi:10.1016/j.enconman.2018.10.036
17. Skoczkowski T., Verdolini E., Bielecki S., Kocharński M., Korczak K. Technology innovation system analysis of decarbonisation options in the EU steel industry // *Energy*. 2020. No. 212. doi:10.1016/j.energy.2020.118688
18. Stalmokaitė I., Hassler. Dynamic capabilities and strategic reorientation towards decarbonisation in baltic sea shipping // *Environmental Innovation and Societal Transitions*. 2020. No. 37. P. 187–202. doi:10.1016/j.eist.2020.09.002
19. Veselov F., Pankrushina T., Khorshev A. Comparative economic analysis of technological priorities for low-carbon transformation of electric power industry in Russia and the EU // *Energy Policy*. 2021. No. 156. doi:10.1016/j.enpol.2021.112409
20. Villamar D., Soria R., Rochedo P., Szklo A., Imperio M., Carvajal P., Schaeffer R. Long-term deep decarbonisation pathways for ecuador: Insights from an integrated assessment model // *Energy Strategy Reviews*. 2021. No. 35. doi:10.1016/j.esr.2021.100637

References

1. United Nations Framework Convention on Climate Change: UN Convention of 09.05.1992.
2. Final document of the 21st Conference of the Framework Convention on Climate Change.: Paris Agreement. Paris. November 30 – December 11, 2015.
3. On conducting an experiment on quotas for emissions of pollutants and Amendments to Certain Legislative acts of the Russian Federation in terms of reducing atmospheric air pollution: Federal Law No. 195-ФЗ of 26.07.2019 (latest edition).
4. Budyko MI. Human influence on climate. Leningrad, Hydrometeoizdat; 1972. 47 p. (In Russ.).
5. Pletnev DA, Murashkin SV. About decarbonization. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;(10(456)):179-184. (In Russ.)
6. Chalvatzis KJ., Rubel K. Electricity portfolio innovation for energy security: The case of carbon constrained china. *Technological Forecasting and Social Change*. 2015;(100):267-276. doi:10.1016/j.techfore.2015.07.012
7. Corovic N, Urosevic BG, Katic N. Decarbonization: Challenges for the electricity market development — serbian market case. *Energy Reports*. 2022;(8):2200-2209. doi:10.1016/j.egy.2022.01.054
8. Flottmann JH, Akimov A, Simshauser P. Firming merchant renewable generators in australia's national electricity market. *Economic Analysis and Policy*. 2022;(74):262-276. doi:10.1016/j.eap.2022.02.005
9. Fortes P, Simoes SG, Gouveia JP, Seixas J. Electricity, the silver bullet for the deep decarbonisation of

the energy system? cost-effectiveness analysis for portugal. *Applied Energy*. 2019;(237):292-303. doi:10.1016/j.apenergy.2018.12.067

10. Guyonnet D, Planchon M, Rollat A, Escalon V, Tuduri J, Charles N, Fargier H. Material flow analysis applied to rare earth elements in europe. *Journal of Cleaner Production*. 2015;(107):215-228. doi:10.1016/j.jclepro.2015.04.123

11. Harish VSKV, Anwer N, Kumar A. Applications, planning and socio-techno-economic analysis of distributed energy systems for rural electrification in India and other countries: A review. *Sustainable Energy Technologies and Assessments*. 2022;(52). doi:10.1016/j.seta.2022.102032

12. Horan W, Byrne S, Shawe R, Moles R, O'Regan B. A geospatial assessment of the rooftop decarbonisation potential of industrial and commercial zoned buildings: An example of irish cities and regions. *Sustainable Energy Technologies and Assessments*, 2020;(38). doi:10.1016/j.seta.2020.100651

13. Khrushcheva O, Maltby T. The future of EU-russia energy relations in the context of decarbonisation. *Geopolitics*. 2016;(21):799-830. doi:10.1080/14650045.2016.1188081

14. Lipiainen S, Sermyagina E, Kuparinen K, Vakkilainen E. Future of forest industry in carbon-neutral reality: Finnish and swedish visions. *Energy Reports*. 2022;(8):2588-2600. doi:10.1016/j.egy.2022.01.191

15. Obrist MD, Kannan R, Schmidt TJ, Kober T. Long-term energy efficiency and decarbonization trajectories for the swiss pulp and paper industry. *Sustainable Energy Technologies and Assessments*. 2022;(52). doi:10.1016/j.seta.2021.101937

16. Oyewo AS, Aghahosseini A, Bogdanov D, Breyer C. Pathways to a fully sustainable electricity supply for nigeria in the mid-term future. *Energy Conversion and Management*. 2018;(178):44-64. doi:10.1016/j.enconman.2018.10.036

17. Skoczowski T, Verdolini E, Bielecki S, Kochański M, Korczak K, Węglarz A. Technology innovation system analysis of decarbonisation options in the EU steel industry. *Energy*. 2020;(212). doi:10.1016/j.energy.2020.118688

18. Stalmokaitė I, Hassler B. Dynamic capabilities and strategic reorientation towards decarbonisation in baltic sea shipping. *Environmental Innovation and Societal Transitions*. 2020;(37):187-202. doi:10.1016/j.eist.2020.09.002

19. Veselov F, Pankrushina T, Khorshev A. Comparative economic analysis of technological priorities for low-carbon transformation of electric power industry in russia and the EU. *Energy Policy*. 2021;(156). doi:10.1016/j.enpol.2021.112409

20. Villamar D, Soria R, Rochedo P, Szklo A, Imperio M, Carvajal P, Schaeffer R. Long-term deep decarbonisation pathways for ecuador: Insights from an integrated assessment model. *Energy Strategy Reviews*. 2021;(35). doi:10.1016/j.esr.2021.10063

Информация об авторах

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков.

А. В. Попова — студентка 4-го курса.

С. В. Мурашкин — директор.

Information about the authors

D. A. Pletnev — candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics of Industries and Markets.

A. V. Popova — student.

S. V. Murashkin — director.

Статья поступила в редакцию 05.03.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 05.03.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 334.02

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10421

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РОССИЙСКОГО КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Елена Сергеевна Силова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, metod@csu.ru, ORCID 0000-0002-5813-0145

Аннотация. Современные корпорации играют огромное значение как в мировой, так и в российской экономике. Корпоративное управление представляет собой важнейший институт, регулирующий отношения в корпорации. Сегодня можно отметить существенное изменение курса развития корпоративного управления в связи с рядом экономических и геополитических событий. Цель настоящей статьи — выявление и анализ современных тенденций развития российского корпоративного управления. Исследование базируется на материалах открытого доступа, отчётах корпораций, трудах отечественных специалистов в области теории корпорации и корпоративного управления. Результатами представленной работы являются выявленные тренды развития корпоративного управления. В первую очередь, это расширение целевой направленности компаний, в повестке развития современных корпораций начинают доминировать экологические и социальные цели. В качестве второго тренда выделена направленность на цифровизацию. Третьей тенденцией современного корпоративного управления является нацеленность на создание собственных экосистем, которые позволяют диверсифицировать деятельность корпорации. Четвёртым выделенным трендом является снижение активности российских корпораций на фондовых рынках.

Ключевые слова: корпорация, корпоративное управление, современные тенденции корпоративного управления

Для цитирования: Силова Е. С. Современные тенденции корпоративного управления // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 210–214. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10421

Review

CURRENT TRENDS IN RUSSIAN CORPORATE GOVERNANCE

Elena S. Silova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, metod@csu.ru, ORCID 0000-0002-5813-0145

Abstract. Modern corporations play a huge role in both the world and the Russian economy. Corporate governance is the most important institution that governs corporate relationships. Today we can note a significant change in the course of development of corporate governance in connection with a number of economic and geopolitical events. The purpose of this article is to identify and analyze current trends in the development of Russian corporate governance. The study is based on open access materials, corporate reporting, the work of domestic specialists in the field of corporate theory and corporate governance. The results of the presented work are the revealed trends in the development of corporate governance. First of all, this is an expansion of the targeted focus of companies, environmental and social goals are beginning to dominate the development agenda of modern corporations. As the second trend, the focus on digitalization is highlighted. The third trend of modern corporate governance is the focus on creating its own ecosystems that allow diversifying the activities of the corporation. The fourth highlighted trend is the decline in activity of Russian corporations in stock markets.

Keywords: corporation, corporate governance, current trends of corporate governance

For citation: Silova ES. Current trends in Russian corporate governance. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):210-214. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10421

Введение

Корпоративное управление представляет собой сложный институт, регулирующий многогранные отношения внутри корпорации и между корпорацией и внешними заинтересованными сторонами. В наших прежних исследованиях был сделан вывод о том, что корпоративное управление направлено на создание механизма балансировки сложных расходящихся и во многом противоречивых интересов участников корпоративных отношений. Проблеме развития корпорации и корпоративного управления посвящено значительное количество работ российских и зарубежных авторов [4; 5]. Особенности корпорации и причины зарождения именно в корпорациях института корпоративного управления, внутренние институты корпоративного управления, проблемы обеспечения доверия в современных корпорациях исследованы нами ранее [3; 6]. С. И. Межов и И. С. Межов отмечают необходимость повышения качества корпоративных институтов, а также уход от инсайдерской модели собственности для достижения экономического роста [2].

Цель настоящей статьи — выявление и анализ современных тенденций развития российского корпоративного управления.

Материалы и методы исследования

Исследование базируется на материалах открытого доступа, отчётности публичных акционерных обществ, исследованиях, посвящённых проблемам корпоративного управления в России, трудах российских учёных в области корпоративного управления, теории корпорации и институтов корпорации, цифровых технологий и правовых изменений в российском корпоративном праве. Методы исследования: синтез современных исследований в области корпоративного управления, критический анализ, выявление трендов и особенностей современного корпоративного управления.

Результаты и их обсуждение

Первой тенденцией можно назвать ориентацию на достижение ESG-целей (E — экологические, S — социальные и G — корпоративное управление), то есть драйверы развития корпоративного управления в России (компании первого уровня листинга Московской биржи) стали уделять большое внимание вопросам социальной ответственности и устойчивого развития. На Бирже в 2019 г. была создана отдельная платформа для финансирования проектов в области экологии — Сектор устойчивого развития. По результатам исследования, проведённого российским институтом

директоров совместно с компанией «Сбер», 64 % изученных компаний внедрили экологическую сертификацию; 27 % компаний внедрили платформы типа «зелёный офис», которые направлены на экономию ресурсов и снижение влияния на окружающую среду; почти у 50 % компаний существует экологическая политика; 82 % компаний компенсируют ущерб от вреда, нанесённого в процессе хозяйственной деятельности окружающей среде. Тематика зелёного финансирования в российской практике пока не так развита, как в западных странах, однако уже 16 % исследованных компаний ею занимаются. Например, в 2021 г. начата работа в группе «ВТБ» по приведению всех процессов в соответствие со стратегией устойчивого развития. В 2019 г. «ВТБ Капитал» стал соорганизатором размещения зелёных облигаций «РЖД» объёмом в 500 млн евро. Это первое подобное российское размещение.

В рамках социальной направленности наиболее значимыми представляются вопросы обеспечения охраны труда и производственной безопасности. Контроль за обеспечением политики в сфере охраны труда и безопасности на рабочем месте в большинстве корпораций (45 %) осуществляется на уровне совета директоров. В рамках развития социального направления важными вопросами остаются вопросы обратной связи с клиентами, корпоративной социальной ответственности. Компании активно (75 % выборки) занимаются благотворительностью и спонсорством, а также активно развивают собственные волонтёрские проекты¹.

Особое внимание некоторые компании уделяют правам человека и инклюзиву. Например, в группе «МТС» существует образовательная программа для всех сотрудников, посвящённая правам человека на рабочем месте, а также действует программа по трудоустройству лиц с ограниченными возможностями здоровья и лиц зрелого возраста. Данная проблематика влияет на изменения в организации корпоративного управления. Более активно вовлекаются в рассмотрение данных вопросов советы директоров (52 % компаний), создаются специальные комитеты при советах директоров (в 27 % компаний). Например, в 2020 г. в «Лукойле» был определён член совета,

¹ ESG вопросы в практике российских публичных компаний. Исследование. М., 2021. URL: http://rid.ru/wp-content/uploads/2021/04/2021_%D0%A0%D0%98%D0%94_%D0%98%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_ESG.pdf.

ответственный за деятельность в области изменения климата, создан комитет по промышленной безопасности, охране труда и окружающей среды. Компании стремятся создать систему контроля рисков экологического и социального характера. Особенностью современного корпоративного управления является также сохраняющаяся высокая концентрация собственности. В 55 % корпораций сохраняется доля контрольного акционера на уровне 50–75 %, лишь в четверти компаний отсутствует контролирующий акционер.

В качестве второго тренда можно выделить цифровизацию бизнес-процессов корпорации и происходящую в результате этого трансформацию. Среди основных цифровых технологий можно назвать: искусственный интеллект и машинное обучение, интеллектуальные приложения, блокчейн, диалоговые системы, цифровые технологические платформы и т. п.¹ Внедряются и новые финансовые технологии, например, новые формы платежей — бесконтактные и биометрические, геймифицированные инвестиционные решения. Важным направлением новых продуктов и услуг является их персонификация, то есть возможность максимально учесть индивидуальные потребности клиента. Среди других тенденций развития можно назвать всё большую популярность платёжных онлайн-систем (электронных кошельков), объединение или организацию собственных платёжных систем крупными корпорациями (Apple Pay, Samsung Pay).

О. В. Китова и С. Н. Брускин выделяют следующие аспекты цифровой трансформации предприятий: уникальная бизнес-модель и сопутствующая экосистема; перестройка операционной деятельности; использование полного технологического потенциала². Одной из наиболее распространённых и успешных моделей управления компанией является модель управления результативностью Х. Дреснера (модель СРМ, которая состоит из таких этапов, как анализ, моделирование, планирование и мониторинг).

Исследование, проведённое в 2019 г. группой KPMG на примере ста крупных компаний России, показало, что 63 % компаний считают, что у них есть программа цифровой трансформации, которая направлена на повышение производи-

тельности процессов и сокращение затрат. Самыми популярными технологиями, которые используют уже более половины компаний, являются: роботизация, чат-боты, анализ больших данных и машинное обучение³. В рамках процедур корпоративного управления можно отметить такую новацию, как проведение собраний акционеров и заседаний советов директоров в дистанционном формате⁴. Проведение заседаний с использованием электронных или технических средств допускалось задолго до 01.07.2021, однако не получило широкого распространения в обороте и корпоративной практике⁵. Однако пандемия значительно повлияла на изменение ситуации. Использование технологий блокчейн при онлайн-голосованиях помогает вовлечь акционеров в процесс принятия управленческих решений, а также существенно снизить транзакционные издержки проведения очных собраний.

В качестве третьего наиболее существенного тренда можно назвать формирование многими корпорациями собственных экосистем. Бизнес-экосистема или финансовая экосистема корпорации — понятие пока новое для российского корпоративного сектора, однако некоторые компании уже начали активно развивать и вкладываться в собственные экосистемы. Одной из самых динамично развивающихся и мощных экосистем на российском рынке обладает ПАО «Сбербанк». Суммарные вложения составляют около 125 млрд р., а количество проектов уже приближается к 80. Дальнейшее развитие предполагает стимулирование цифровых продаж. Одним из сравнительно новых направлений является развитие жилищной экосистемы. «Сбербанк» отмечает также, что пандемия коронавируса стала тем фактором, который лишь подтолкнул развитие экосистемы, так как многие дистанционные услуги на платформах стали более востребованными и усилили приток клиентов. Также недавно «Сбербанк» запустил в коммерческую эксплуатацию как минимум два проекта в новых

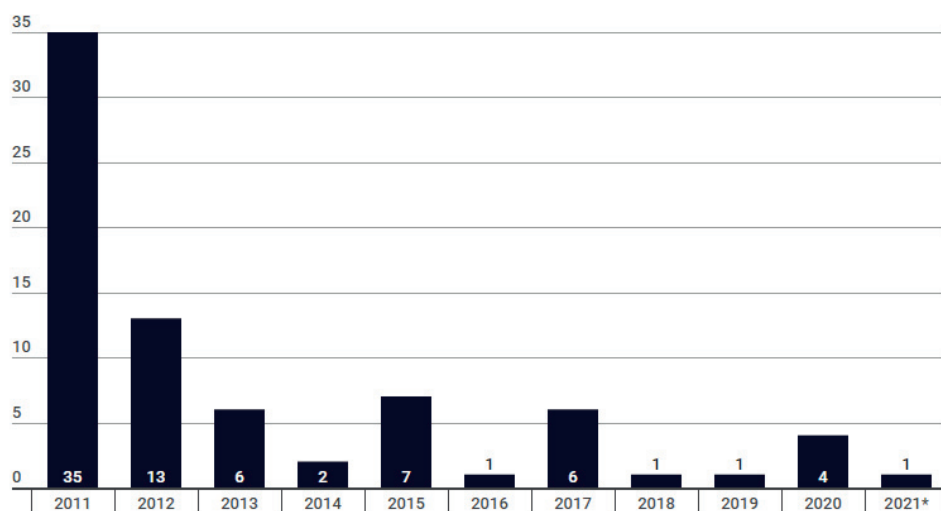
³ Цифровые технологии в российских компаниях. М., 2019. URL: <https://ru.investinrussia.com/data/files/sectors/ru-ru-digital-technologies-in-russian.pdf>

⁴ Корпоративное управление в России. Кризис жанра и надежды на будущее. 2022. URL: <https://nand.ru/upload/medialibrary/news-23426.pdf>

⁵ Степанищева К., Трущин С. Дистанционное участие в общих собраниях: новые реалии vs. легализация практически устоявшихся подходов. 2009. URL: <https://ao-journal.ru/distantsionnoe-uchastie-v-obshchikh-sobraniyakh-novie-realii-vs-legalizatsiya-prakticheski-ustoyavshikh-sya-podkhodov-2009>

¹ Иртыго А. IPO в России 2011–2021: путь вниз. 2022. URL: <https://conomy.ru/analysis/articles/213>

² Китова О. В., Брускин С. Н. Цифровая трансформация бизнеса // Цифровая экономика. 2018. № 1 (1). URL: http://digital-economy.ru/images/easyblog_articles/320/de-2018-01-02.pdf

Динамика размещений на Московской фондовой бирже, шт.
Dynamics of placements on the Moscow Stock Exchange, pcs.

для себя областях — суперкомпьютер «Кристофари» и беспилотную сельхозтехнику.

Одним из первопроходцев на российском рынке при выстраивании собственной экосистемы была компания «Яндекс». Ещё в 2010 г. её портфель включал около 50 различных сервисных направлений бизнеса. Сегодня их количество уже превысило 120. Одни из последних проектов — платформа для самозанятых, суперприложение YandexGo, сервисы для дистанционного обучения школьников. Несколько значительных проектов было также запущено для противодействия коронавирусной пандемии. По данным квартального отчёта, пока на показателях не сказался ни экономический кризис, ни раздел активов. Консолидированная выручка компании осталась на уровне аналогичного показателя за II квартал 2019 г. — 41,4 млрд р. Доля нерекламной выручки «Яндекса» составила 40 % против 30 % во II квартале 2019 г.¹

Четвёртым трендом является снижение активности российских корпораций по размещению своих ценных бумаг на финансовых рынках. Пиком активности в этой сфере можно считать 2009–2011 гг., потом началось постепенное снижение интереса российских корпораций к процессу выхода на финансовый рынок (рисунок)². Причинами такого снижения стали слабое разви-

тие самого фондового рынка и незаинтересованность корпораций в этом источнике финансирования, а также слишком высокие барьеры входа на фондовый рынок для компаний второго эшелона³.

Несколько нетипичным в плане проведения IPO российскими компаниями выглядит год начала пандемии, когда интерес к размещениям несколько усилился (были осуществлены размещения «Совкомфлота», девелопера «Самолёт», компании «Озон» и кинотеатра «Иви»), что эксперты связывают в том числе с общим улучшением инвестиционного климата и благоприятной ситуацией на мировых рынках⁴.

Заключение

Таким образом, ключевыми современными трендами корпоративного управления являются: во-первых, ориентация практики корпоративного управления на достижение ESG-целей; во-вторых, цифровизация бизнес-процессов корпорации и происходящая в результате этого трансформация корпоративного управления; в-третьих, формирование многими корпорациями собственных экосистем; в-четвёртых, снижение активности российских корпораций по размещению своих ценных бумаг на финансовых рынках.

³ Кризис — время возможностей. Почему в России все заговорили об IPO. 2022. URL: <https://quote.rbc.ru/card/5fc0aad09a79471957fed824>

⁴ Бум IPO — самые ожидаемые размещения на российском рынке. 2022. URL: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/bum-ipo-samyie-ozhidaemye-razmesheniya-na-rossiyskom-rynke-20211103-104051>

¹ Особенности российских экосистем. 2022. URL: <https://ict.moscow/news/russian-ecosystems>

² Иртыго А. IPO в России 2011–2021: путь вниз. 2022. URL: <https://conomy.ru/analysis/articles/213>

Список источников

1. Колонтаевская И. Ф. Правовое регулирование корпоративных отношений в условиях цифровизации // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 10. С. 174–184.
2. Межов С. И., Межов И. С. Национальная модель корпоративного управления: системный фактор роста российской экономики // Экономика. Профессия. Бизнес. 2020. № 1. С. 5–15.
3. Плетнёв Д. А., Силова Е. С. Доверие в современных корпорациях: институциональная недостаточность // Управленческие науки в современном мире. 2015. Т. 1, № 1. С. 546–550.
4. Плетнёв Д. А., Козлова Е. В. Институциональная структура корпорации: теория вопроса и российские кейсы // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18, № 1. С. 87–102.
5. Силова Е. С. Мир корпораций: рецензия на монографию «корпорация как институциональная система» // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 6 (440). С. 200–203.
6. Силова Е. С., Демьянова В. Д. Анализ внутренних институтов фирмы // Наука XXI века: проблемы, поиски, решения : материалы XXXIX научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 70-летию Победы в Великой Отечественной войне / под ред. А. Г. Бент ; Челябинский государственный университет, Миасский филиал. Челябинск, 2015. С. 175–180.

References

1. Kolontaevskaya IF. Legal regulation of corporate relations in conditions of digitalization. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and international law*. 2019;9(10):174-184. (In Russ.).
2. Mezhov SI, Mezhov IS. National corporate government model: a system driver of economy. *Ekonomika. Professiya. Biznes = Economics. Profession. Business*. 2020;(1):5-15. (In Russ.).
3. Pletnev DA, Silova ES. The trust in modern corporations: institutional insufficiency. *Upravlencheskie nauki v sovremennom mire = Management sciences in modern world*. 2015;1(1):546-550. (In Russ.).
4. Pletnev DA, Kozlova EV. Corporation's institutional structure: the theory and Russian cases. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii = Journal of Economic Theory*. 2021;18(1):87-102. (In Russ.).
5. Silova ES. The world of corporations: review of the monograph "Corporation as an institutional system". *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2020;(6(440):200-203. (In Russ.).
6. Silova ES, Demyanova VD. The analysis firm institutions. In: *Nauka XXI veka: problemy, poiski, resheniya. materialy XXXIX nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 70-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne*= In the collection: science of the 21st century: problems, searches, solutions. Materials of the XXXIX scientific and practical conference with international participation dedicated to the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. Chelyabinsk; 2015. Pp. 175–180. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. С. Силова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the author

E. S. Silova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of Industries and Markets of the Institute of Economics of Industries, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 09.03.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД A FRESH LOOK

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 215–227. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(4(462)):215-227. ISSN 1994-2796 (print).

Аналитическая статья

УДК 338.31

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10422

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РОССИЙСКИХ КОРПОРАЦИЙ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ РАЗЛИЧНЫХ СУБЪЕКТОВ

**Антонина Александровна Киртянова¹, Екатерина Александровна Иванова²,
Евгений Олегович Ким³, Денис Анатольевич Ирхин⁴**

^{1,2,3,4} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ antonina.kirtyanova@yandex.ru

² ivek98@mail.ru

³ kimeo@mail.ru

⁴ den-irhin@mail.ru

Аннотация. В условиях современной рыночной экономики компаниям приходится постоянно анализировать и рассчитывать экономическую эффективность своей деятельности. Данная статья посвящена определению понятия «эффективность компаний», изучению методов оценки эффективности деятельности корпорации. Особое внимание было уделено сущности понятия с различных точек зрения и подходов, характеристике видов эффективности. В рамках исследования была определена оптимальная система показателей, применяемая для исследования эффективности хозяйственной деятельности организации с позиции различных субъектов, и способы их расчёта. На основе разработанной методики расчёта показателей эффективности была проведена оценка результативности деятельности трёх крупных российских компаний: ПАО «МТС», НК «Роснефть» и «Камаз». На основе полученных данных были выявлены основные тенденции и факторы, влияющие на эффективность деятельности предприятия с позиции разных участников рынка. По итогам исследования были сформулированы некоторые рекомендации, которые должны позволить организациям поддерживать достаточный уровень эффективности в условиях финансовой и экономической нестабильности.

Ключевые слова: эффективность деятельности, корпорации, виды эффективности, методы оценки эффективности, показатели эффективности

Для цитирования: Киртянова А. А., Иванова Е. А., Ким Е. О., Ирхин Д. А. Эффективность российских корпораций: взгляд со стороны различных субъектов // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 215–227. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10422

Analytical article

THE EFFECTIVENESS OF RUSSIAN CORPORATIONS: A VIEW FROM VARIOUS SUBJECTS

Antonina A. Kirtyanova¹, Ekaterina A. Ivanova², Evgeny O. Kim³, Denis A. Irkhin⁴

^{1,2,3,4} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ antonina.kirtyanova@yandex.ru

² ivek98@mail.ru

³ kimeo@mail.ru

⁴ den-irhin@mail.ru

Abstract. In today's market economy, companies must constantly analyze and calculate the economic efficiency of their activities. This article is devoted to the definition of the concept of "company efficiency", the study of methods

for evaluating the effectiveness of the corporation. Special attention was paid to the essence of the concept from various points of view and approaches, the characteristics of the types of efficiency. Within the framework of the study, the optimal system of indicators used to study the effectiveness of an organization's economic activity from the perspective of various subjects and methods of their calculation were determined. Based on the developed methodology for calculating performance indicators, an assessment of the performance of 3 large Russian companies was carried out: MTS PJSC, Rosneft NC PJSC, Kamaz PJSC. Based on the data obtained, the main trends and factors affecting the efficiency of the enterprise from the position of different market participants were identified. According to the results of the study, the following were formulated.

Keywords: efficiency of activity, corporations, types of efficiency, methods of efficiency assessment, performance indicators

For citation: Kirtyanova AA, Ivanova EA, Kim EO, Irkhin DA. The effectiveness of Russian corporations: a view from various subjects. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):215-227. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10422

Введение

Оценка эффективности деятельности корпораций является универсальным методом для определения темпов развития, устойчивости к воздействию различных негативных факторов анализируемого объекта. Опираясь на полученные в результате анализа данные, собственники корпораций осуществляют планирование деятельности компании для достижения максимально полезного результата. Помимо собственников в оценке эффективности деятельности компаний заинтересованы и другие участники современного рынка. К их числу относятся мажоритарные и миноритарные акционеры, государство, кредиторы, поставщики, подрядчики. Акционеры, используя результаты экономического анализа, получают сведения о доходности осуществлённых инвестиций, оценивают риски капиталовложений. Поставщики, подрядчики, кредиторы используют данные об эффективности деятельности корпораций для оценки её платёжеспособности при заключении договоров и контрактов.

Актуальность данной работы состоит в важности изучения понятия эффективности в современных рыночных условиях, в отсутствие общепринятой методики анализа эффективности деятельности корпорации, многовариантности подходов к оценке эффективности, а также недостаточного уровня изученности вопросов оценки эффективности корпорации.

Целью данной работы является изучение критериев оценки эффективности деятельности корпораций на примере трёх крупнейших российских предприятий различных отраслей экономики — ПАО НК «Роснефть», ПАО «Камаз», ПАО «МТС».

Для достижения поставленной цели был сформулирован ряд задач. Были изучены различные подходы к трактовке понятия «эффективность

корпораций». Далее, были исследованы различные методологии и критерии оценки эффективности фирм. Затем на примере трёх российских компаний проанализированы общие тенденции показателей эффективности и сформулирована обобщённая характеристика.

В современной экономической литературе существует множество определений понятия «эффективность». В большей степени этому способствовала специфика определённых ступеней экономического развития, форм и методов осуществления хозяйственной деятельности. По мнению Т. С. Хачатурова, под эффективностью компании понимается достижение высоких объёмов производства. Данное определение более применимо в условиях административно-плановой экономики, когда основным критерием оценки результативности работы предприятия является выполнение установленного плана, вне зависимости от способов достижения высоких результатов.

«Эффективность — свойство, связанное со способностью организации в рамках нормативной системы общественных ценностей формулировать и достигать цели в соответствии с предъявляемыми потребностями в виде результатов, соотносённых с затратами, путём использования соответствующих средств и с учётом условий её функционирования», — считает С. В. Хайниш. Основой данного определения является достижение предприятием целей, находящихся в рамках «правового поля» [1].

У. Кинг и Д. Клиланд также особое внимание уделяют основным целям деятельности организаций, полагая, что «эффективность — это степень соответствия деятельности организации её целям». Однако стоит помнить, что не всегда при достижении поставленных целей компания получает желаемый эффект и эффективность [2].

По мнению М. П. Тодаро, «Эффективность — производство максимально возможного по величине стоимости продукта с применением ресурсосберегающих технологий и с учётом наличия платёжеспособного спроса». Такое понимание эффективности отличается от представленных ранее, на первый план выходит покупательский спрос и производственное предложение [3].

Ф. К. Беа, Э. Дихтл, М. Швайтцер утверждают: «эффективность характеризует получение максимального результата за счёт имеющихся средств (принцип максимизации) или получение определённого результата с минимальным использованием благ (принцип минимизации)». Эти принципы не теряют своей актуальности и на сегодняшний день, не только в рамках теории эффективности, но и в других областях [4].

К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю считают: «эффективность характеризует связь между количеством единиц редких ресурсов, которые используются в процессе производства, и получаемым в результате количеством какого-либо продукта» [5].

Изучение и анализ различных источников позволили выявить ряд отличительных особенностей, которые должны обязательно учитываться при определении понятия «эффективность». Это позволило сформировать собственное представление о рассматриваемой категории и предложить следующую трактовку понятия:

Эффективность — отношение полезного эффекта (результата) к затратам (ресурсам), направленным на его достижение.

Эффективность деятельности корпораций имеет многоаспектный характер, в связи с чем сформировалось множество критериев для классификации её форм.

Во-первых, эффективность дифференцируют по степени значимости. Степень значимости определяется временным периодом, в течение которого происходит планирование показателей. При планировании в долгосрочном периоде эффективность является стратегической. При планировании в краткосрочном периоде показатели эффективности являются тактическими.

Во-вторых, эффективность разделяют по отношению к среде. В данной категории эффективность подразделяется на внешнюю и внутреннюю. Под первой подразумевается оценка показателей эффективности взаимодействия с другими участниками рынка (например, с поставщиками, кредиторами, инвесторами, потребителями, государством и др.). Внутренняя эффективность ком-

пании подразумевает результативность деятельности управленческого персонала, рабочих.

В-третьих, по мнению А. А. Гончарова, эффективность можно детализировать по содержанию. В этой категории рассматривается экономическая эффективность (оценивается результат деятельности предприятия), научная (количество новых разработок), технологическая (внедрение новых технологий), экологическая (степень негативного влияния на окружающую среду), социальная (улучшение условий труда, социальный пакет, результативность работы профсоюзов, результативность мер по борьбе с ростом заболеваемости среди персонала и т. д.).

В-четвёртых, по степени относительности могут существовать общая (абсолютная) и сравнительная (относительная) эффективность. Общая применима для оценки результатов на различных уровнях экономики (макро- и микроуровнях). Сравнительная рассчитывается и анализируется при обосновании принимаемых производственно-хозяйственных, технических и организационных решений, а из альтернативных вариантов оптимального [6].

С. Н. Яшин и Е. Н. Пузов предложили дифференцировать эффективность компаний по методу вычисления. По мнению авторов, эффективность корпорации может существовать в виде относительной величины (целевая/ресурсная эффективность) и индивидуального набора финансовых и нефинансовых характеристик компаний, рассчитываться по абсолютным показателям, определяется доходным методом [7].

Деятельность любого предприятия всегда включает в себя некоторую долю риска. Риски компаний формируются под воздействием ряда внешних и внутренних факторов, которые, в свою очередь, влияют на эффективность деятельности организации. К числу внешних факторов относят: отраслевые, территориальные, административные. Внутренними факторами считаются: материально-технические, организационно-управленческие, кадровые, социальные. Все перечисленные факторы также можно разделить на объективные (не зависят от желания руководства компании) и субъективные (напрямую зависят от действий компании).

Также важно помнить, что от потенциала развития корпорации может зависеть наличие или отсутствие того или иного фактора влияния. В качестве примера можно привести компании-гиганты, которые в силу своей значимости для экономики имеют возможность диктовать свои условия целым странам.

Материалы и методы исследования

Говоря об оценке эффективности корпораций, стоит понимать, что данный вид экономического анализа осуществляется при помощи расчёта ряда индикаторов. Оценка результативности деятельности компании только по её финансовым показателям не является полной и достоверной. Высокие экономические показатели могут достигаться за счёт экстенсивных и интенсивных методов.

Чтобы предприятие могло нарастить свои конкурентные преимущества, оно должно учитывать широкий спектр индикаторов — количественных и качественных. Для изучения и подбора оптимальной системы показателей эффективности организаций были проанализированы работы Р. С. Каплана, Д. П. Нортон, А. И. Пущкаря, А. Н. Тищенко, В. П. Стасюка и др.

Существует два основных подхода к оценке эффективности. Рассматривая эффективность как соотношение результата и ресурсов, направленных на достижение этого результата, исследователь получает точную количественную оценку. Однако данный метод не позволяет полноценно ответить на вопрос об эффективности компании, ведь для этого необходимо определить критерии, в рамках которых показатели будут оценены.

Вследствие этого был разработан второй подход, который определяет эффективность при помощи анализа полученных показателей относительно другой гипотетической компании или исследуемой в историческом периоде. Таким образом, оценивая эффективность как отношение результата и затрат, необходимо опираться не только на полученный количественный результат, но и на данные об эффективности схожих предприятий.

На сегодняшний день не существует единой унифицированной методики оценки эффективности деятельности корпораций. Наиболее распространёнными методами анализа эффективности являются вертикальные и горизонтальные статистические методики. Горизонтальный анализ предполагает оценку динамики основных экономических показателей и выявление тенденции их формирования [8]. Вертикальный же анализ заключается в расчёте некоторых величин и последующем сравнении их с базовыми.

Не менее популярным методом оценки эффективности деятельности компаний является коэффициентный анализ рентабельности. Преимуществами данной методологии является доступность данных для осуществления расчётов,

простота и понятность используемых расчётов, а также возможность сопоставления полученных результатов по конкретному предприятию с результатами компаний-конкурентов, отрасли в целом. Все величины в данной методике основываются на отношении показателей доходности деятельности компании к совокупным затратам на её осуществление [9].

Рассмотренные методы являются универсальными и доступными, однако нужно понимать, что все полученные результаты использования данных методик не являются абсолютно точными. Высокой точности оценки можно достичь за счёт детального анализа отчётности компании, как внутренней, так и внешней. Целью изучения документации предприятия является выявление взаимосвязей между показателями и определение степени их влияния друг на друга. Это позволяет выяснить причины уже имеющихся проблем у компании и предотвратить появление новых [10].

Применительно к анализу эффективности компаний оптимальным, на наш взгляд, методом будет выделение в отдельные категории результатов деятельности предприятия и затрат на её осуществление, расчёт основных показателей-индикаторов и их оценка с позиции наиболее заинтересованных в деятельности компании лиц.

В зависимости от лица, оценивающего эффективность компании, выбираются определённые показатели затрат и результативности. В рамках данного исследования показатели эффективности деятельности рассматриваемых компаний были рассчитаны для семи субъектов, заинтересованных в данной оценке:

Крупный владелец. Для данного субъекта основным показателем эффективности деятельности корпорации является отношение чистой прибыли к выручке организации. На основе полученных данных владелец компании проводит сравнительный анализ с конкурентами по отрасли, на основе чего и формируется вывод о конечной эффективности.

Миноритарный акционер. Заинтересованность миноритарного акционера в чистой прибыли корпорации не так сильна, как у крупного владельца, поскольку в данном случае основным источником дохода субъекта являются дивидендные выплаты. В связи с чем показателем эффективности для миноритарного акционера будет служить отношение показателей доходности на 1 акцию к затратам на покупку этих акций.

Топ-менеджер. Результатом деятельности для топ-менеджера выступает полученное по итогам

года вознаграждение, которое может быть определено как процент от финансового результата, так и фиксированной суммой. Затратами в данном случае являются любые финансовые результаты, например выручка.

Работник. Эффект от осуществления деятельности для работника определяется его заработной платой. Затратами в данном случае послужит себестоимость реализованной продукции/услуг по итогам года. То есть себестоимость в данном случае будет выступать как количественный показатель результатов деятельности сотрудников.

Государство. Ключевым моментом в оценке эффективности корпорации для государства является налоговый поток, который формируется по результатам деятельности компании. В данном случае в качестве результата будет учитываться суммарный налоговый поток, который сформирован за счёт налога на прибыль, НДС, а также НДФЛ сотрудников. Помимо этого, можно дополнительно учитывать налоги на имущество, налог на добычу полезных ископаемых и другие виды налогов, возникающих в результате деятельности корпорации. Затратами в таком случае может быть выручка за период. Эффективность будет тем выше, чем меньше издержки компаний. То есть чем меньше учитывается затрат в результате деятельности корпорации, тем выше будет налогооблагаемая база и выше будет сам налоговый поток. Также налоговый поток будет выше, если высоки и заработные платы сотрудников и их количество. Этот налог является достаточно обременительным, поэтому многие компании практикуют использование «серых» схем выплаты заработных плат. Тем не менее в данном исследовании рассматриваются крупные корпорации, контроль за которыми ведётся постоянно, что в свою очередь нивелирует возможность таких манипуляций.

Кредиторы. Для кредиторов эффективность будет напрямую зависеть от активности корпорации в формировании пассивов компании. Ключевой является именно часть заёмных средств. Доходом для данного субъекта будет служить суммарный объём процентных выплат по займам за период, а затратами послужит объём займов, совершённых за период. В отличие от остальных форм эффективности для различных субъектов, данная эффективность обычно должна находиться на одинаковом уровне из года в год, ведь процентная ставка по займам имеет тенденцию к равномерному изменению, а сильная волатильность рассчитанной эффективности может быть

обусловлена влиянием иных факторов.

Клиенты. Эффективность корпорации для потребителя оценивается по-разному в зависимости от отрасли, к которой принадлежит компания. В данном исследовании для всех трёх компаний было использовано соотношение среднего объёма потребления товаров/услуг корпорации и их средней цены.

В табл. 1 представлены все показатели, необходимые для расчётов эффективности корпорации для каждого субъекта.

Результаты исследования

В рамках данного исследования, на основе представленной выше методологии была проведена оценка динамики эффективности трёх крупных российских корпораций в 2015–2020 гг.: ПАО «Камаз», ПАО «МТС», ПАО НК «Роснефть». Оценка эффективности была проведена с позиции семи наиболее в ней заинтересованных субъектов.

ПАО «Камаз»

Первичный анализ финансовой отчётности ПАО «Камаз» показал, что наиболее неэффективными для рассматриваемых субъектов были 2015 и 2019 гг., успешными стали 2017 и 2018 гг. В качестве основных тенденций развития компании можно выделить увеличение финансового долга, уменьшение соотношения собственных и заёмных средств. Повышенный уровень заёмных средств может быть обоснован обновлением модельной линейки транспорта.

В табл. 2 представлены результаты расчёта показателей эффективности для компании ПАО «Камаз». Результаты расчётов подтверждают сделанные ранее выводы. Существенная доля исследуемых показателей эффективности показывают тенденцию к уменьшению.

Предприятие на данный момент пребывает в достаточно тяжёлом положении и не может эффективно удовлетворять всех своих участников. С точки зрения общей эффективности период 2016–2018 гг. для компании был относительно эффективен. Однако с 2017 г. ситуация в корне изменилась. Если говорить более точно, на данный момент фирма показывает низкую эффективность для своих участников, за исключением государства и кредиторов.

На данный момент эффективность компании для крупных владельцев оценивается как не очень удовлетворительная. До 2017 г. эффективность ПАО «Камаз» для её владельцев ощущимо возрастала, но переход к инновационной политике, а также усложнение экономической

Таблица 1

Table 1

Вспомогательные показатели оценки эффективности для различных субъектов
Auxiliary performance evaluation indicators for various subjects

Субъект, заинтересованный в оценке эффективности	Результат	Затраты	Формула для оценки эффективности
Крупный владелец (Э1)	Прибыль за период (ПП)	Выручка за период (ВР)	$\frac{ПП}{ВР}$
Миноритарий (Э2)	Дивиденд на акцию за период (Д)	Средняя цена акции за период (ЦА)	$\frac{Д}{ЦА}$
ТОП-менеджмент (Э3)	Размер вознаграждения за период (Т)	Выручка за период (ВР)	$\frac{Т}{ВР}$
Работник (Э4)	Заработная плата за период (ЗП)	Себестоимость (С)	$\frac{ЗП}{С}$
Государство (Э5)	Налоговые выплаты (Н)	Выручка за период (ВР)	$\frac{Н}{ВР}$
Кредиторы (Э6)	Процент, полученный от корпорации (ПК)	Объём выданных займов для корпорации (ОЗ)	$\frac{ПК}{ОЗ}$
Потребители (Э7)	Средний объём потребления (ОП)	Средняя цена услуг (ЦУ)	$\frac{ОП}{ЦУ}$

Таблица 2

Table 2

Показатели эффективности деятельности ПАО «Камаз» за 2015–2019 гг.
Performance indicators of KAMAZ Group for 2015–2019

№	Субъекты, заинтересованные в оценке эффективности	Значения показателей					
		2014	2015	2016	2017	2018	2019
1	Крупный владелец	0,002	-0,024	0,005	0,022	0,009	-0,010
2	Миноритарный акционер	0,008	0,000	0,000	0,008	0,019	0,000
3	Топ-менеджмент	0,00015	0,00014	0,00007	0,00016	0,00010	0,00003
4	Работники	0,116	0,119	0,098	0,088	0,076	0,077
5	Государство	0,202	0,176	0,205	0,222	0,209	0,190
6	Кредиторы	0,064	0,061	0,088	0,081	0,068	0,074
7	Поставщики	0	0	8,021	2,817	26 873,913	0

обстановки на рынке в связи с ростом цен и введение новых регламентов деятельности предприятия привели к её снижению. Несмотря на это, принятая долгосрочная стратегия развития компании позволяет сделать вывод о том, что в ближайшие годы стоит ожидать повышение эффективности для крупных владельцев.

Отдельно стоит рассмотреть эффективность предприятия для государства. Заинтересованность государства в развитии компании обоснована тем, что поддержание работоспособности предприятия позволяет сформировать большое

число рабочих мест и обеспечить устойчивое развитие экономики. Поэтому ПАО «Камаз» периодически получает дополнительную поддержку от государства в виде крупных заказов, дотаций, субсидий и льгот. Таким образом, умеренная динамика показателей эффективности предприятия для этого субъекта является ожидаемым результатом.

Эффективность компании для работников оценивается как удовлетворительная. В динамике наблюдается уменьшение показателей, которое происходило за счёт высоких темпов роста

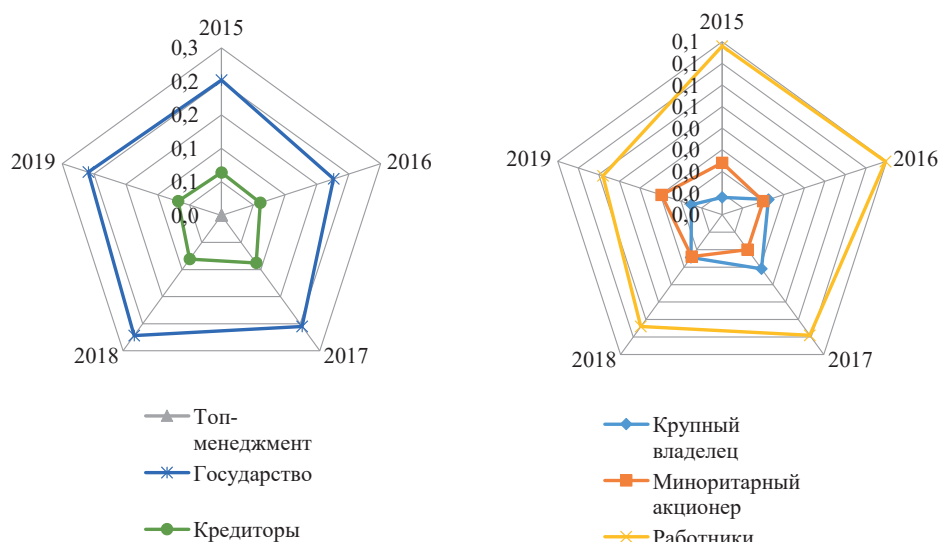

Рис. 1. Динамика показателей эффективности для заинтересованных сторон ПАО «Камаз»
 Fig. 1. Dynamics of performance indicators for stakeholders of Kamaz Group

выручки ПАО «Камаз» и менее быстрого роста заработных плат сотрудников, что позволяет сделать вывод о том, что существует явная недооценённость вклада работников в развитие предприятия. Тем не менее стоит отметить, что для сотрудников компании действуют различные льготы и премирования, ежегодно осуществляется индексирование заработной платы, а кадровая политика направлена на сдерживание текучести кадров, в целом обеспечивая достаточный уровень комфорта.

С точки зрения кредиторов, ПАО «Камаз» демонстрирует приемлемый уровень эффективности. Компания является крупным заёмщиком, в срок выполняющим свои обязательства. Существенная доля заёмных средств предприятия (около 70 %) является долгосрочными займами, соответственно, эффективность общества для кредиторов рассчитывается на более длительный период.

По данным на 2019 г. дивидендная политика корпорации не может обеспечить достаточный уровень привлекательности для потенциально заинтересованных акционеров. Выплаты дивидендов по приобретённым акциям ПАО «Камаз» осуществлялись в 2015, 2017, 2018 гг. Недостаточный уровень чистой прибыли в результате влияния внешних факторов привёл к тому, что в последние несколько лет держатели акций компании не получали дивидендных выплат. Текущая эффективность компании для акционеров оценивается как недостаточная.

С 2015 г. вознаграждение топ-менеджмента компании существенно сокращалось. Причиной

этому является сильная зависимость размера вознаграждения от выручки компании. Политика предприятия, направленная на оптимизацию затрат, включает в себя сокращение объёмов премирования управленческого персонала предприятия, что отрицательно влияет на показатели эффективности.

Проведённый анализ свидетельствует о том, что компания ПАО «Камаз» находится в непростом экономическом положении.

ПАО НК «Роснефть»

В период с 2016 по 2020 г. динамика основных финансовых показателей компании ПАО НК «Роснефть» имела положительные тенденции. До 2020 г. наблюдался стабильный рост выручки предприятия, среднерыночной стоимости акций. В 2019 г. выручка организации увеличилась на 74 % по сравнению с 2016 г.

Произошедший на фоне распространения новой коронавирусной инфекции кризис в 2020 г. оказал сильное влияние на финансовое состояние компании. По сравнению с 2019 г. выручка организации сократилась на 34 %, среднерыночная стоимость акции снизилась на 100 р. Помимо этого отмечается, что для поддержания достаточного уровня финансовой устойчивости компании в 2020 г. было дополнительно затрочено около 11 млрд р. Данные расходы связаны с вынужденным простоем, социальными выплатами для персонала компании, закупкой средств защиты и дезинфекции помещений. Увеличение затрат повлекло за собой более сильное снижение чистой прибыли компании по отношению к выручке. Снижение чистой прибыли, выручки

предприятия в 2020 г. объясняет сильные скачки в динамике показателей эффективности в 2020 г. по сравнению с 2019 г.

В табл. 3 представлены результаты расчёта показателей эффективности для компании ПАО НК «Роснефть».

В целом, за период 2016–2019 г. эффективность компании с позиции миноритарного акционера, представленная отношением чистой прибыли к выручке предприятия за период, продемонстрировала стабильный прирост. В 2020 г. произошло существенное сокращение данного показателя на фоне снижения чистой прибыли компании за указанный период в 4,4 раза. Причиной падения доходов предприятия являются: изменение цен на нефть и нефтепродукты, экономический эффект от распространения новой коронавирусной инфекции, соблюдение ограничений по добыче согласно достигнутого соглашения ОПЕК+; величина налоговых платежей. Основную часть налогового бремени компании составляют: налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья (НДД), изменение цен на электроэнергию. Снижение прибыльности деятельности организации привело к сокращению величины дивидендных выплат в 4,8 раза.

С позиции топ-менеджмента ситуация с оценкой эффективности компании менее однозначна. В период 2017–2020 гг. политика компании была направлена на сокращение вознаграждения для управляющего персонала, что, соответственно, привело к уменьшению показателей эффективности для топ-менеджмента. В 2020 г. наблюдался существенный прирост эффективности с по-

зиции управленцев, но такое сильное колебание объясняется существенным сокращением выручки предприятия, так как величина выплаченных топ-менеджменту вознаграждений осталась на прежнем уровне.

Активно реализуемая компанией социально направленная политика в области кадров позволяет обеспечивать достаточный уровень эффективности деятельности с позиции работника предприятия. Ежегодно руководство фирмы увеличивает объём выплат по заработным платам сотрудников в среднем на 8–18 %. Помимо этого, влияние на рост показателей эффективности оказывает также себестоимость производства, которая не отличается стабильной положительной динамикой, таким образом, компенсируя прирост заработных плат персонала компании. Рост себестоимости продукции в период 2016–2019 гг., обусловленный увеличением объёмов производства, а также увеличением стоимости оборотных средств, составлял 15–23 %. Объём производства компании в 2020 г. значительно снизился, что в свою очередь вызвало снижение себестоимости продукции и, как следствие, рост эффективности предприятия с позиции работников.

Эффективность компании с позиции государства выражается в соотношении налогов, выплаченных корпорацией, и выручкой предприятия за определённый период. Дефицит бюджета, возникший в 2020 г., подтолкнул правительство к пересмотру налоговых льгот для добычи нефти. С 01.01.2020 г. были повышены ставки акцизов на нефтепродукты, за исключением ставок на авиационный керосин и тёмное судовое топливо (на 3,2–5,8 %). В целом, в период 2016–2019 гг.

Таблица 3
Table 3

Показатели эффективности деятельности ПАО «НК «Роснефть» за 2016–2020 гг.
Performance indicators of “Rosneft” for 2016–2020

№	Субъекты, заинтересованные в оценке эффективности	Значения показателей				
		2016	2017	2018	2019	2020
1	Крупный владелец	0,038	0,049	0,079	0,092	0,031
2	Миноритарный акционер	0,019	0,029	0,064	0,078	0,019
3	Топ-менеджмент	0,578	0,653	0,468	0,411	0,613
4	Работники	0,094	0,094	0,090	0,079	0,120
5	Государство	0,446	0,479	0,501	0,438	0,476
6	Кредиторы	0,750	0,634	0,951	1,548	0,752
7	Потребители	77,337	71,278	79,225	80,976	82,846

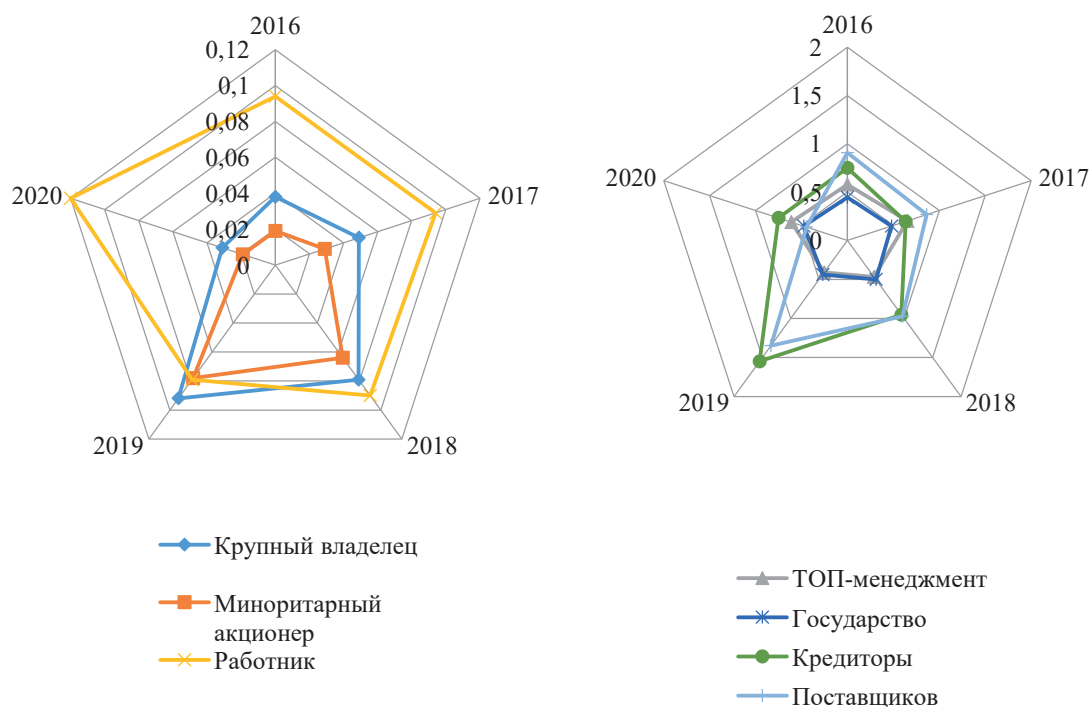

Рис. 2. Динамика показателей эффективности для заинтересованных сторон ПАО НК «Роснефть»
 Fig. 2. Dynamics of performance indicators for stakeholders of PJSC NK Rosneft

динамика эффективности ПАО НК «Роснефть» с позиции государства имела тенденцию к росту, однако кризис 2020 г. привёл к её резкому снижению.

Эффективность предприятия с позиции кредиторов имела положительную динамику на протяжении 2016–2019 гг. В 2020 г. произошло резкое сокращение показателя в связи с тем, что на протяжении рассматриваемого периода компания постепенно снижает количество задолженностей, что положительно влияет на её финансовую устойчивость. В связи с резким уменьшением чистой прибыли и увеличением затрат в 2020 г. компания увеличила количество заёмных средств до уровня 2017 г. При этом организация имеет достаточно высокий уровень финансовой устойчивости благодаря сохранению низкой доли краткосрочной части долга и существенно-му объёму ликвидных финансовых активов,кратно превышающих краткосрочную часть долга.

ПАО «МТС»

Основные финансовые показатели компании в период 2016–2020 гг. демонстрировали стабильную положительную динамику. Исключением являются лишь 2018 и 2020 гг. В 2018 г. на ПАО «МТС» был наложен серьёзный штраф, который повлиял на величину чистой прибыли.

Относительно динамики эффективности для крупного владельца компании заметна сильная волатильность, которая связана с нестабиль-

ностью показателя чистой прибыли компании. В целом в рассматриваемый период эффективность для крупного владельца находится на достаточном уровне (без учёта 2018 г.), что для организаций подобного типа является отличным результатом.

Резкие скачки в динамике чистой прибыли ПАО «МТС» привели также к сокращению эффективности компании с позиции миноритарного акционера. С целью оптимизации затрат, в связи с непредвиденными обстоятельствами, компанией были уменьшены объёмы дивидендных выплат, что негативно сказалось на положении акционеров общества. Тем не менее уже в 2019 г. наметилась положительная тенденция в динамике показателей эффективности компании с позиции миноритариев. Если, помимо этого, проанализировать и сами данные по объёмам выплаченных дивидендов и стоимости акций, то можно сделать вывод о том, что выплаты для акционеров в 2020 г. значительно выросли, что нельзя сказать о самой рыночной стоимости акций. На данный момент эффективность компании с позиции миноритариев оценивается как удовлетворительная.

Топ-менеджмент компании получает весьма небольшое вознаграждение по сравнению с общим финансовым результатом организации, в связи с чем показатели эффективности для данной категории субъектов оцениваются как не очень удовлетворительные.

Показатели эффективности деятельности ПАО «МТС» за 2016–2020 гг.
Performance indicators of MTS PJSC for 2016–2020

№	Субъекты, заинтересованные в оценке эффективности	Значения показателей				
		2016	2017	2018	2019	2020
1	Крупный владелец	0,1612	0,2133	0,0277	0,1823	0,1593
2	Миноритарный акционер	0,1103	0,1006	0,0961	0,1023	0,1343
3	Топ-менеджмент	0,0003	0,0004	0,0003	0,0004	0,0005
4	Работники	0,1472	0,1498	0,1544	0,1273	0,1204
5	Государство	0,1260	0,1429	0,1374	0,1480	0,1354
6	Кредиторы	0,2876	0,2841	0,2464	0,3331	0,1318
7	Потребители	0,7847	0,7506	0,7001	0,6707	0,6173

Политика компании, направленная на оптимизацию и автоматизацию процесса обслуживания клиентов, приводит к постепенному уменьшению числа задействованных сотрудников. Это позволяет корпорации экономить существенный объём средств, ведь зачастую затраты на заработную плату составляют значительную долю в общей структуре расходов. На сегодняшний день порядка 12 % себестоимости продукции ПАО «МТС» формируется за счёт затрат на выплату заработной платы. Показатель эффективности для работников компании в период с 2016 по 2020 гг. варьировал от 12 до 16 %, что позволяет сделать вывод о том, что с позиции работников деятельность компании можно признать эффективной.

С позиции государства эффективность ПАО

«МТС» также можно оценить как удовлетворительную. Компания осуществляет множество выплат в пользу государства, например налог на прибыль.

Величина показателей эффективности корпорации для кредиторов варьирует от 13,175 до 33,312 %. В данном случае наименьшее значение показателя эффективности для кредиторов оказалось в 2020 г., хотя именно в этот период компанией было получено наибольшее число займов. Это обусловлено договорённостью между корпорацией и финансовыми учреждениями по отсрочке платежа, ведь денежные средства были инвестированы в развитие экосистемы, а также поддержание платёжеспособности после наступления кризиса.

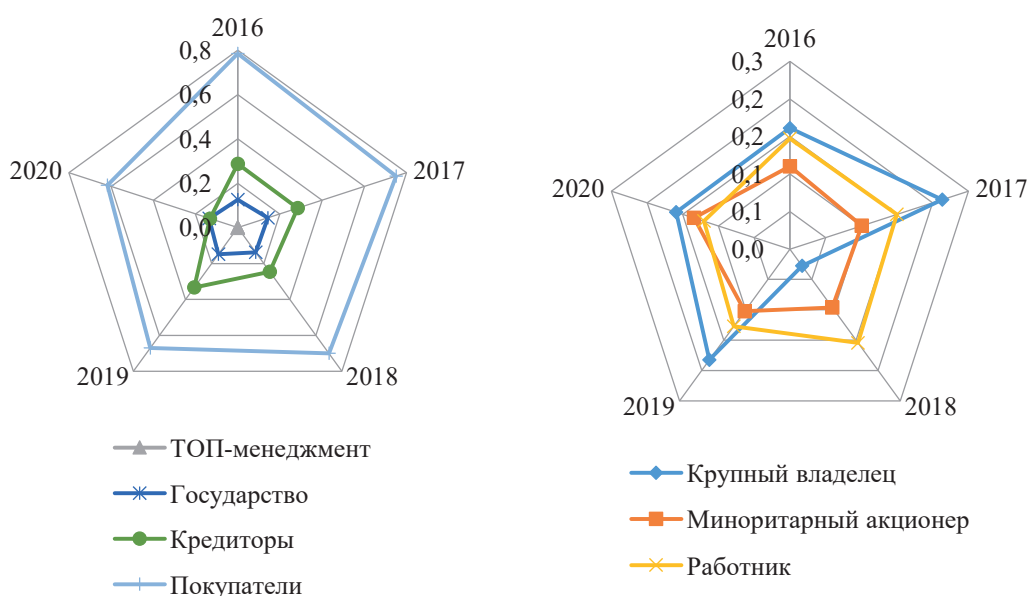

Рис. 3. Динамика показателей эффективности для заинтересованных сторон ПАО «МТС»

Fig. 3. Dynamics of performance indicators for stakeholders of MTS

Эффективность компании для потребителей имеет тенденцию к сокращению, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, спрос на разговоры по телефону сокращается за счёт развития альтернативных сервисов. В связи с этим корпорация вынуждена повышать цены на услуги, чтобы компенсировать потерю за счёт других клиентов. Во-вторых, цена на услуги растёт, и само собой из-за инфляции в стране. Рост цен на услуги вынуждает потребителей отказываться от услуг ПАО «МТС» как сотового оператора, что снижает эффективность компании.

Заключение

Проведённый анализ показал, что компании ПАО НК «Роснефть» и ПАО «МТС» в последние годы являются достаточно эффективными, несмотря на влияние ряда внешних факторов. Более сложная ситуация с компанией ПАО «Камаз», которая демонстрирует недостаточную эффективность относительно находящихся в ней участников.

В ходе проведения исследования был выявлен ряд факторов, оказывающих непосредственное влияние на уровень эффективности компании с позиции различных категорий субъектов.

Наиболее сильное влияние на уровень эффективности компании оказывают её финансовые результаты. Зачастую в периоды сокращения прибыльности деятельности предприятия для обеспечения достаточной финансовой устойчивости

руководство корпораций применяет политику оптимизации расходов. На примере компаний ПАО «МТС» и «Камаз» можно убедиться, что наиболее часто крупные организации сокращают затраты за счёт уменьшения объёмов дивидендных выплат, заработных плат работников предприятия, вознаграждений топ-менеджмента. В данном случае негативное влияние напрямую ощущают сотрудники компании, акционеры общества, управляющий персонал. В периоды финансовой нестабильности снижение эффективности корпораций наблюдается и для кредиторов, и для государства. Получение более низкой прибыли приводит к неспособности предприятия отвечать по своим обязательствам: выплаты по займам, налогам, счетам с поставщиками.

На прибыльность деятельности компании оказывают влияние как внешние, так и внутренние факторы. На примере всех трёх компаний можно убедиться, что сильнее всего на устойчивости компаний сказываются внешние факторы.

Для обеспечения достаточного уровня эффективности своей деятельности в условиях кризиса руководству компании стоит уделять особое внимание формированию резервных финансовых фондов поддержки, снижению доли заёмных средств в структуре капитала компании, формированию долгосрочной стратегии инновационного развития, поиску дополнительных источников инвестиций.

Список источников

1. Мартынова С. В., Шаталов М. А. Исследование теоретических конструкторов оценки экономической эффективности деятельности предприятия // Век качества. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-teoreticheskikh-konstruktorov-otsenki-ekonomicheskoy-effektivnosti-deyatelnosti-predpriyatiya>. (Дата обращения 11.12.2021).
2. Ногин А. В. Эффективность деятельности предприятия: понятие, критерии, оценка // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 2, № 3 (7). С. 64–68.
3. Радионов А. С. Зарубежный опыт оценки экономической эффективности деятельности предприятия // Достижения науки и образования. 2016. № 5 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-otsenki-ekonomicheskoy-effektivnosti-deyatelnosti-predpriyatiya> (Дата обращения 11.12.2021).
4. Семяняк А. Ф. Теоретические основы анализа эффективности деятельности коммерческой организации // Аллея науки. 2017. Т. 4, № 10. С. 299–301.
5. Староверова К. О. Менеджмент. Эффективность управления : учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2021. 269 с.
6. Якунина Е. В. Понятие эффективности деятельности организации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 11-1 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-effektivnosti-deyatelnosti-organizatsii> (Дата обращения 11.12.2021).
7. Панфиль Л. А., Муртазина Е. Э. Оценка эффективности деятельности предприятия // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 6. С. 753–756.
8. Зайончик Л. Л. Повышение экономической эффективности деятельности предприятия на основе анализа хозяйственной деятельности // Научно-аналитический экономический журнал. 2017. № 6 (17). С. 2.

9. Гуркина С. М. Использование ключевых показателей эффективности деятельности предприятий // Вестник науки и образования. 2017. № 1 (25). С. 45–47.
10. Рожкова М. Г. Методики оценки эффективности сбытовой политики // Бенефициар. 2017. № 10. С. 82–85.
11. Бархатов В. И., Плетнёв Д. А. Институционально-экономическая эффективность корпорации: содержание, критерий, показатели и факторы // Учёные записки Тамбовского регионального отделения Вольного экономического общества России. 2003. Т. 5, № 1. С. 36–46.
12. Плетнев Д. А. Концепция корпорации: опыт системно-институционального исследования : монография : в 2 ч. Челябинск, 2013. Ч. 2.
13. Плетнев Д. А. Остаточные права контроля и дохода субъектов корпорации: развитие стейкхолдерского подхода // Корпоративные финансы. 2014. Т. 8, № 1 (29). С. 47–62.
14. Балашова Е. С. Влияние механизма управления резервами на эффективность деятельности промышленного предприятия // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2016. № 3 (245). С. 93–100. <https://www.doi.org/10.5862/JE.245.9>
15. Кваша Н. В., Шитиков И. Е. Современные подходы к реализации принципа эффективности в управлении предприятием // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2009. № 5 (85).
16. Мешкова Г. В. Основные подходы к анализу эффективности деятельности предприятий в условиях рыночной экономики // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4 (46). С. 63–67. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.46.289>
17. Люлина В. И., Фирсова Н. Г. Социально-психологический портрет эффективной организации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 10–2. С. 290–294.

References

1. Martynova SV, Shatalov MA. Research of theoretical constructs for assessing the economic efficiency of an enterprise. *Vek kachestva = The age of quality*. 2017;(3). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-teoreticheskikh-konstruktorov-otsenki-ekonomicheskoy-effektivnosti-deyatelnosti-predpriyatiya>. (Accessed 11.12.2021). (In Russ.).
2. Nogin AV. Efficiency of the enterprise: concept, criteria, evaluation. *Azimut nauchnyh issledovaniy: ekonomika i upravlenie = Azimuth of scientific research: economics and management*. 2016;2(3):64-68. (In Russ.).
3. Radionov AS. Foreign experience in assessing the economic efficiency of the enterprise. *Dostizheniya nauki i obrazovaniya = Achievements of science and education*. 2016;(5). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-otsenki-ekonomicheskoy-effektivnosti-deyatelnosti-predpriyatiya> (Accessed 11.12.2021). (In Russ.).
4. Semenyak AF. Theoretical foundations of the analysis of the effectiveness of a commercial organization. *Alleya nauki = Alley of Science*. 2017;4(10):299-301. (In Russ.).
5. Staroverova KO. Management. Management efficiency: a textbook for universities. Moscow, Yurayt Publishing House; 2021. 269 p. (In Russ.).
6. Yakunina EV. The concept of the effectiveness of the organization. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*. 2021;(11-1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-effektivnosti-deyatelnosti-organizatsii> (Accessed 11.12.2021). (In Russ.).
7. Panfil LA, Murtazina EE. Evaluation of the efficiency of the enterprise. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovaniy = International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2016;(6):753-756. (In Russ.).
8. Zayonchik LL. Improving the economic efficiency of the enterprise based on the analysis of economic activity. *Nauchno-analiticheskij ekonomicheskij zhurnal = Scientific and analytical Economic Journal*. 2017;(6):2. (In Russ.).
9. Gurkina SM. The use of key performance indicators of enterprises. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Bulletin of Science and Education*. 2017;(1):45-47. (In Russ.).
10. Rozhkova MG. Methods for evaluating the effectiveness of marketing policy. *Beneficiar = Beneficiary*. 2017;(10):82-85. (In Russ.).
11. Barkhatov VI, Pletnev DA. Institutional and economic efficiency of the corporation: content, criteria,

indicators and factors. *Uchenye zapiski Tambovskogo regional'nogo otdeleniya Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific notes of the Tambov regional branch of the Free Economic Society of Russia*. 2003;5(1):36-46. (In Russ.).

12. Pletnev DA. Corporation concept: experience of system-institutional research. Chelyabinsk, 2013. Part 2 (In Russ.).

13. Pletnev DA. Residual rights of control and income of corporate entities: development of a stakeholder approach. *Korporativnye finansy = Corporate Finance*. 2014;8(1):47-62. (In Russ.).

14. Balashova ES. Influence of the reserve management mechanism on the efficiency of an industrial enterprise. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki = Scientific and technical bulletin of SPbGPU. Economic sciences*. 2016;(3):93-100. <https://www.doi.org/10.5862/JE.245.9> (In Russ.).

15. Kvasha NV, Shitikov IE. Modern approaches to the implementation of the principle of efficiency in enterprise management. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki = Scientific and technical bulletin of SPbGPU. Economic sciences*. 2009;(5). (In Russ.).

16. Meshkova GV. Basic approaches to the analysis of the efficiency of enterprises in a market economy. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Research Journal*. 2016;(4):63-67. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.46.289> (In Russ.).

17. Lyulina VI, Firsova NG. Socio-psychological portrait of an effective organization. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual problems of humanities and natural sciences*. 2013;(10-2):290-294. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Киртянова — студентка.

Е. А. Иванова — магистрант.

Е. О. Ким — магистрант.

Д. А. Ирхин — магистрант.

Information about the authors

A. A. Kirtyanova — student.

E. A. Ivanova — master student.

E. O. Kim — master student.

D. A. Irkhin — master student.

Статья поступила в редакцию 05.03.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 05.03.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 656.07

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10423

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Анна Андреевна Бычкова

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, bychkova.aa@uiec.ru,
ORCID 0000-0001-8676-5298

Аннотация. Приводится описание главных причин снижения эффективности деятельности транспортной отрасли. Отражены примеры современных кризисных ситуаций, рассмотренных в научных трудах других авторов. Охарактеризованы основные особенности кризисных ситуаций транспорта для России в 2020 г. В исследовании проанализировано несколько видов транспорта: внутренний водный, воздушный, наземный автотранспорт (межрегиональный и городской), железнодорожный. Указаны последствия негативных событий в форме недополученной прибыли в транспортном сегменте. Приведены данные финансовых потерь по видам транспорта и их причины. В социально-экономической деятельности предприятий внутри страны транспорт выделен как лидирующая отрасль по финансовым потерям. В качестве итога исследования описаны возможные пути стабилизации транспортной деятельности внутри Российской Федерации.

Ключевые слова: глобализация, пандемия, кризис, угрозы, транспорт

Благодарность: Статья подготовлена с планом НИР ФГБУН ИЭ УрО РАН лаборатории моделирования пространственного развития территорий на 2022 год.

Для цитирования: Бычкова А. А. Современный экономический кризис транспортной отрасли на территории России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 228–233. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10423

Review

THE CURRENT ECONOMIC CRISIS OF THE TRANSPORT INDUSTRY IN RUSSIA

Anna A. Bychkova

Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, bychkova.aa@uiec.ru,
ORCID: 0000-0001-8676-5298

Abstract. The article describes the main reasons for the declining efficiency of the transport industry. Examples of modern crisis situations considered in scientific works of other authors are reflected. The main features of crisis situations in transport for Russia in 2020 are described. Several types of transport are investigated: inland waterway, air, land (automobile interregional and urban), railway. The consequences of negative events in the form of lost profits in the transport segment are specified. Data on financial losses by modes of transport and their causes are given. In the socio-economic activity of enterprises within the country, transport is singled out as the leading branch by financial losses. As a result of the study, possible ways to stabilize transport activity in the Russian Federation are described.

Keywords: globalization, pandemic, crisis, threats, transport

Acknowledgement: The paper has been prepared with research plan of FGBUN IE RAS Laboratory for modeling of territorial development for 2022.

For citation: Bychkova AA. The current economic crisis of the transport industry in Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):228-233. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10423

Введение

Исследование кризиса актуально не только для транспортной отрасли, но и для других отраслей экономики. Кризис представляет собой быстро меняющиеся события, имеющие негативные последствия. Временной фактор играет значимую роль для выявления угроз, рисков экономической отрасли, по мере изменения внешних и внутренних параметров возрастает степень наступления отрицательного явления. Цель статьи — исследовать финансовые потери на транспорте в российской экономике за 2020 г. в контексте временных изменений и роли деятельности различных видов транспорта. Важной задачей изучения кризиса является своевременное выявление особенностей для развития транспорта с целью использования информации для формирования и корректировки планов дальнейшего развития отрасли. В качестве объекта исследования выбрана транспортная отрасль России.

Следует отметить, что изучение проблемы современного кризиса, регионов и транспортной отрасли имеет длительную историю. Так Г. Г. Черкасова в научных трудах описывает важность аналитического анализа для российской транспортной отрасли; по её мнению, регулирование стоимости оказания транспортных услуг в условиях кризиса положительно сказывается на преодолении сложных финансовых событий [1].

Е. А. Васюта, Д. С. Ушаков, Т. В. Подольская оценивают влияние таких кризисных ситуаций, как ограничение туристических передвижений между странами, как пример они рассматривают авиаперелёты в период наступления кризиса и во время пандемии COVID-19 [2].

Вирус внёс изменения в режим товарооборота многих предприятий. Так, например, по мнению Е. В. Астахова, М. Д. Мартынюк, Ю. Е. Ильиных, эпидемиологическая обстановка отрицательно повлияла на логистическую деятельность транспорта в Приморском крае, где произошло сокращение объёмов контейнероперевозок в портах [3].

Анализ источников, в которых поднимаются вопросы современного экономического кризиса, показал, что особенностью России является «чрезвычайно быстрое развитие событий». Кризис оказывает негативное влияние на глобальные изменения в транспорте с точки зрения товарообмена с другими странами [4; 5]. Сокращение финансовых возможностей промышленных предприятий в разы уменьшает объём выпуска сырья и готовых товаров, в результате востребованность транспортной услуги минимальна. Период

современной глобализации отражает перемены в цифровых технологиях [6], потребительском спросе, условиях товарооборота и т. д., общество стремительно меняется, адаптируется к нововведениям, однако изменения несут собой не только положительные, но и отрицательные последствия. Отсутствие изучения и анализа различных особенностей, полного спектра всевозможных рисков приводит к различным видам социально-экономических потерь.

Гипотезой исследования выступает мера распространения влияния коронавируса по видам транспорта как феномен потерь. Гипотеза проверялась в процессе изучения ситуации с точки зрения финансовых потерь на транспорте. Методологическую базу исследования составили российские нормативно-правовые акты в сфере координации организаций в период пандемии, труды других учёных, посвящённые вопросам кризисных ситуаций и восстановлению транспортной деятельности в Российской Федерации.

Материалы и методы исследования

В основу статьи положены различные методы научного познания, позволяющие всесторонне рассмотреть проблематику исследования. Среди них метод систематизации, который позволил идентифицировать и классифицировать проблемы, обобщить и выделить типологию проблем. Общенаучные методы, такие как анализ, синтез, обобщение и индукция. Метод контент-анализа позволил провести последующую содержательную интерпретацию выявленных закономерностей. Статистические методы сделали возможным собрать данные для изучения. Количественная и качественная оценка информации.

Если исследовать вероятные причины снижения рентабельности транспорта, то в первую очередь можно выделить факторы риска:

- использование устаревших технологий [7] (нарушение транспортировки современных товаров) ведёт к полноценной порче и ликвидации груза получателями, новейшие технологии могут на первых этапах использования приводить к различным сбоям в системе температурного режима, логистического отслеживания;
- ухудшение кадрового положения — низкая заработная плата, падение престижа занимаемых должностей [8];
- ухудшение дорожного полотна, вызванного климатическими условиями, неправильным обслуживанием и использованием, приводит к дорожно-транспортным происшествиям различной степени потерь [9; 10]. Использование новых

технологий для ремонта магистралей не всегда является правильным решением, заплаточный метод, образующий стыки покрытий, ухудшающиеся от погодных условий, от несоблюдения скоростного режима, приводят к негативным последствиям;

– мировая эпидемиологическая обстановка приводит к необходимости введения ограниченной передвижения пассажиров с рядом стран, к снижениям или полному прекращению грузооборота товаров, за исключением товаров первой необходимости (продукты и лекарственные препараты);

– фактор эмоционально-психологического состояния пассажиров на авиарейсах [11], автобусных маршрутах всё чаще выходит из-под контроля, производятся вынужденные возвращения в места отправления и оказание медицинской и правоохранительной помощи.

Все факторы внешней и внутренней среды транспортной отрасли меняются с процессом глобализации [12; 13], предусмотреть абсолютно все угрозы практически невозможно, но при мониторинге и контроле деятельности предприятий можно избежать больших социально-экономических потерь, помимо внутреннего контроля организаций необходимо проводить корректировку нормативно-правовых актов.

Результаты исследования и их обсуждение

Глобальный кризис отрицательно сказывается на всех сферах экономики, одним из примеров влияния является 2020 г. С марта 2020 г. транспортная отрасль понесла большие финансовые потери (табл. 1), однако железнодорожный и авиационный транспорт стали передовыми в поставке

Таблица 1

Table 1

Финансовые потери сфер экономики в 2020 г. Financial losses of economic spheres

Транспорт	Социальная	Энергетика	Коммунальная
1 272,4	416	169	71

Источник: составлено по [14].

средств первой необходимости, а также средств индивидуальной защиты (СИЗ).

Нагрузка на грузооборот транспортной отрасли позволила нескольким видам транспорта осуществлять свою деятельность, пока другие отрасли «замерли» в ожидании смягчения коронавирусных мер в регионах. Табл. 2 отражает потери по видам транспорта за 2020 г.

Коронавирусные ограничения в 2020 г. нанесли значительный финансовый ущерб транспортной отрасли. Наибольшие издержки понёс воздушный транспорт — 713,4 млрд р., что связано с ограничением внутреннего и внешнего перемещения граждан по территории России, а также лимитированное пересечение границ с зарубежными странами. По итогам 2020 г. объём перевозок пассажиров воздушным транспортом сократился на 46 %. На данный момент многие страны остаются закрытыми для посещения, прогнозируемые открытия для туристов затруднено, поскольку происходит рост распространения инфекций как внутри страны, так и в других государствах. Грузооборот авиатранспорта также замедлился, однако многие компании использовали гражданский транспорт как борт для доставки СИЗ.

Таблица 2

Table 2

Финансовые потери по видам транспорта за 2020 г. Financial losses by mode of transport in 2020

Вид транспорта	Потери, млрд р.	Доля потерь в объёме годовой выручки, %
Воздушный	713,4	42,50
Наземный ¹	399,8	12,47
Железнодорожный	143,3	7,30
Внутренний водный	15,9	12,70
Итого	1 272,4	31,96

¹ Наземный вид транспорта подразумевает автотранспорт пригородного и городского следования.

Источник: составлено по материалам: [14].

Наземный региональный и городской транспорт сменил обычный ритм движения с введением полных ограничительных мер, поскольку сотрудники компаний были переведены на дистанционный режим работы с целью снижения распространения вируса. По мере восстановления штатных режимов наземный транспорт восстанавливал свою деятельность, потери составили 399,8 млрд р. По-прежнему остаются основные ограничения социального дистанцирования, разграничение зон водителя и пассажиров защитными стёклами, перевозка граждан только в медицинских масках. Объём перевозок автомобильным транспортом снизился на 28,6 %.

Потери на железнодорожном транспорте (143,3 млрд р.) связаны со снижением пассажиропотока в пригородном и дальнем следовании из-за ограничения посещения в некоторых регионах. Объём перевозок железнодорожным транспортом снизился на 27,1 %. Грузооборот на железнодорожном транспорте между ближайшими странами стал связующим звеном по доставке средств первой необходимости. Тем не менее РЖД смогли в сложнейших условиях пандемии сохранить и увеличить инвестиционную активность до 717 млрд р. Это на 43 млрд больше, чем в 2019 г.

Наименьшие потери отмечаются у внутреннего водного транспорта — 15,9 млрд р. Снижение доходов вызвано введением полного локдауна на территории всех регионов; по мере снижения ограничений происходило восстановление. Во многих регионах внутренний водный транспорт стал одним из направлений для туризма по России, что позволило быстрее восстановить процесс обычной работы. Тем не менее объём перевозок водным транспортом снизился на 31,8 %.

Ещё одной важной проблемой на транспорте является износ транспортных средств [15]. Выбытие транспорта предполагает снижение объёмов перевозок. Обновление средств передвижения требует значительных инвестиций, но в момент всеобщего кризиса в стране диверсификация денежных средств направлена на решение главных задач в момент неблагоприятных событий с целью поддержания предприятий. В 2020 г. основные инвестиционные потоки были направлены в медицину, на реализацию мер социальной поддержки граждан и поддержание транспортной отрасли. Государство только в воздушный транспорт субсидировало почти 55 млрд р. Финансовая поддержка для транспортной отрасли направлена

на покрытие расходов, связанных с обеспечением СИЗ и оплаты труда сотрудникам. Масштабное развитие инфраструктуры было приостановлено и постепенно по частичному снятию коронавирусных мер возобновлялось.

Пандемия повлекла за собой финансовые потери. Уровень распространения вируса играет очень весомую роль в развитии экономики. Высокая заражаемость, выбивающая из обычного строя граждан, приводит к нерегулярной работе предприятий, на неопределённый период переносятся деловые поездки и путешествия, отсутствуют потребности в передвижении — всё это является причиной недополучения регулярного дохода транспортной отраслью.

В качестве антикризисных мер для транспорта стоит рассматривать в первую очередь ослабление коронавирусных мер по мере снижения заболеваемости. Для воздушного транспорта необходимо рассматривать международные транспортные коридоры во всех регионах с целью минимизации концентрации населения в двух-трёх международных аэропортах. В случае такого распределения будет задействовано больше авиатранспорта, недостатком такого решения является большой риск заражения и необходимость постоянного санитарного контроля и обработки, что влечёт за собой дополнительные расходы. Также транспортным компаниям следует укрупниться, объединиться, так как в условиях пандемии выживут только устойчивые сильные предприятия.

Вторым антикризисным решением может выступать быстрая вакцинация населения. Необходимо использовать все методы, разъясняющие необходимость вакцинации, открывать больше пунктов вакцинации, в том числе и в аэропортах. Население на данный момент является главным источником регулирования деятельности транспорта и других сфер экономики. Чем раньше мы сможем снизить заболеваемость, тем меньшие потери понесёт экономика страны.

Третьим вариантом решения может служить выжидательная стратегия. Она будет актуальна для тех видов транспорта, которые не способны обеспечить должный санитарно-эпидемиологический контроль для пассажиров и сотрудников. В период пандемии одной из основных задач является сохранение высококвалифицированных кадров.

Также транспортным компаниям следует рассмотреть вопрос о повышении транзитных контейнерных перевозок, следует использовать

географические особенности регионов, занять все свободные ниши, так как многие европейские компании не способны в условиях пандемии полноценно оказывать данные услуги, развивать внутренний рынок. Необходимо перераспределять грузовые потоки, быстро реагировать на все изменения на рынке.

Большое внимание необходимо уделить и новейшим технологиям, применение которых позволит транспортным предприятиям выиграть в жесточайшей конкурентной борьбе в условиях пандемии.

Заключение

Таким образом, в условиях пандемии транспортные компании должны как можно быстрее адаптироваться к сложившейся ситуации. Необ-

ходимо отслеживать все изменения, продумывать стратегию дальнейшего развития и корректировать её по мере необходимости. В статье приведено лишь несколько вариантов восстановления деятельности транспортной отрасли, могут быть задействованы и иные подходы к решению возникшей ситуации. На данном этапе необходима и поддержка государством транспортной отрасли. Преодоление кризиса — это испытание для менеджмента, выживут сильнейшие компании, создавшие антикризисные проекты. Материалы исследования могут послужить основой для дальнейшего теоретического, практического применения в регулировании и систематическом анализе деятельности транспорта на территории России.

Список источников

1. Черкасова Г. Г. Аналитический учёт как метод преодоления кризисной ситуации в транспортной отрасли // *Актуальные вопросы экономических наук*. 2009. № 9-2. С. 200–204.
2. Васюта Е. А., Ушаков Д. С., Подольская Т. В. Системные сдвиги в развитии туристической индустрии: текущая ситуация и проблемы стабилизации // *Инновации и инвестиции*. 2021. № 1. С. 182–186.
3. Астахова Е. В., Мартынюк М. Д., Ильиных Ю. Е. Коронакризисные изменения в сфере транспортно-логистической системы Приморья. Территория новых возможностей // *Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. 2020. № 12 (2). С. 38–47.
4. Долгов С. И., Савинов Ю. А. Трансформация направлений развития глобализации // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2020. № 9. С. 7–26.
5. Литвинов Е. А., Савинов Ю. А., Тарановская Е. В., Булыгина Н. Ю. Влияние коронавируса на глобальные цепочки поставок // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2020. № 6. С. 89–104.
6. Гурьянов Н. Ю., Гурьянова А. В. Цифровая глобализация в контексте развития цифровой экономики и цифровых технологий // *Вестник МГОУ. Серия: Философские науки*. 2020. № 3. С. 63–69.
7. Абрамова Е. Р. Использование современных средств обеспечения сохранности грузов при транспортировке и хранении // *Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова*. 2006. № 2. С. 81–86.
8. Митягина Е. В. Причины утраты престижа рабочих специальностей среди молодёжи, способы преодоления негативных тенденций // *Вестник ВятГУ*. 2014. № 6. С. 16–27.
9. Пьянкова А. И., Фаттахов Т. А. Смертность от дорожно-транспортных происшествий в России: подходы к оценке, тенденции и перспективы // *Демографическое обозрение*. 2019. № 3.
10. Сафонов Р. А. Типичные дефекты верхнего дорожного покрытия в России // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Строительство и архитектура*. 2020. № 2. С. 75–84.
11. Подосинов В. Н. Особенности восприятия эмоциональных состояний в процессе досмотра авиапассажиров // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2009. № 4. С. 46–49.
12. Кузьменко Ю. А. Глобализационные процессы мировой экономики, влияющие на функционирование международной транспортной системы // *Вісник економіки транспорту і промисловості*. 2010. № 31. С. 35–37.
13. Голышкова И. Н., Лобачёв В. В., Метёлкин П. В. Развитие транспортного сектора экономики России в условиях глобализации // *E-Management*. 2018. № 2. С. 20–29.
14. Жундриков А., Якунина Е., Галактионова А. Инфраструктура и пандемия: потери отрасли в 2020 году // *Infraone*. 2021. С. 19.
15. Хегай Ю. А. Проблемы и перспективы развития транспортной системы в России // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 4.

References

1. Cherkasova GG. Analytical accounting as a method of overcoming the crisis situation in the transport sector. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk = Actual issues of economic sciences*. 2009;(9-2):200-204. (In Russ.).
2. Vasyuta EA, Ushakov DS, Podolskaya TV. Systemic shifts in tourist industry development: current situation and stabilization problems. *Innovacii i investicii = Innovations and investments*. 2021;(1):182-186. (In Russ.).
3. Astakhova EV, Martynyuk MD, Ilyinykh YE. Corona-crisis changes in the sphere of transport and logistics system of Primorye. Territory of new opportunities. *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa = The Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service*. 2020;(12):38-47. (In Russ.).
4. Dolgov SI, Savinov YA. Transformation of globalization development trends. *Rossiiskij vneshneekonomicheskij vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*. 2020;(9):7-26. (In Russ.).
5. Litvinov EA, Savinov YA, Taranovskaya EV, Bulygina NY. Impact of coronavirus on global supply chains. *Rossiiskij vneshneekonomicheskij vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*. 2020;(6):89-104. (In Russ.).
6. Guryanov NY, Guryanova AV. Digital globalization in the context of digital economy and digital technology development. *Vestnik MGOU. Seriya: Filosofskie nauki = Vestnik MGOU. Series: Philosophical Sciences*. 2020;(3):63-69. (In Russ.).
7. Abramova ER. The use of modern means of cargo security during transportation and storage. *Vestnik REA imeni G. V. Plekhanova = Vestnik of Russian Academy of Economics named after G. V. Plekhanov*. 2006;(2):81-86. (In Russ.).
8. Mityagina EV. Causes of loss of prestige of working professions among young people, ways to overcome negative trends. *Vestnik VyatGU = Vyatka State University Vestnik*. 2014;(6):16-27. (In Russ.).
9. Piankova AI, Fattakhov TA. Death rate from road traffic accidents in Russia: approaches to assessment, trends and prospects. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review*. 2019;(3). (In Russ.).
10. Safonov RA. Typical defects of the top road surface in Russia. *Vestnik YUUrGU. Seriya: Stroitel'stvo i arhitektura = Bulletin of SUSU. Series: Construction and Architecture*. 2020;(2):75-84. (In Russ.).
11. Podosinov VN. Peculiarities of the perception of emotional states during the inspection of air passengers. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah = Psycho-pedagogy in law enforcement agencies*. 2009;(4):46-49. (In Russ.).
12. Kuzmenko YA. Globalization processes of the world economy affecting the functioning of the international transport system. *Visnik ekonomiki transportu i promislivosti = Visnik ekonomiki transportu i promislivosti*. 2010;(31):35-37. (In Russ.).
13. Golyshkova IN, Lobachev VV, Metelkin PV. Development of Russia's Transport Sector of Economy in the Context of Globalization. *E-Management*. 2018;(2):20-29. (In Russ.).
14. Zhundrikov A, Yakunina E, Galaktionova A. Infrastructure and pandemic: industry losses in 2020. *Infraone*. 2021;(19). (In Russ.).
15. Hegai YA. Problems and Prospects of Transport System Development in Russia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2014;(4). (In Russ.).

Сведения об авторе

А. А. Бычкова — младший научный сотрудник лаборатории моделирования пространственного развития территорий.

Information about the author

A. A. Bychkova — Junior Researcher at the Laboratory of Territorial Spatial Development Modelling.

Статья поступила в редакцию 30.06.2021; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 30.06.2021; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

РЕТРАКЦИЯ СТАТЬИ

Редколлегия журнала «Вестник Челябинского государственного университета», направления «Экономические науки» произвела ретракцию статьи, опубликованной на страницах журнала (протокол заседания редколлегии № 2 от 15 марта 2022 г.):

Рожков Е. В. Анализ цифровизации учета муниципальной собственности // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 10 (456). Экономические науки. Вып. 74. С. 229–235. doi: 10.47475/1994-2796-2021-11026.